

ХV ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ХV ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Всероссийская
научная конференция
20 марта 2019 г.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2020

Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургское военно-историческое общество
СНО при кафедре русской истории
РГПУ им. А.И. Герцена

**XV Петербургские
военно-исторические чтения**

Всероссийская научная конференция
20 марта 2019 г.

ББК 63.3.(2) 47.
63.3.(2) 5.
П 29

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета конференции в соответствии с условиями созыва «XV Петербургских военно-исторических чтений»

П 29

Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция. С.-Петербург, 20 марта 2019 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.М. Захаров. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 320 с.

ISBN 987-5-8064-2878-4

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «Пятнадцатые Петербургские военно-исторические чтения», прошедшей 20 марта 2019 г. на факультете истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. В статьях сборника рассматриваются различные вопросы военной истории России. Сборник предназначен для специалистов и широкого круга читателей.

ББК 63.3.(2) 47.
63.3.(2) 5.

- © Коллектив авторов, 2020.
- © Николаев А.Б., составитель, ответственный редактор, 2020.
- © Бажанов Д.А., редактирование, 2020.
- © Захаров А.М., редактирование, 2020.
- © Петербургские военно-исторические чтения, 2020.

ISBN 987-5-8064-2878-4

Предисловие

20 марта 2019 года на факультете истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена прошла всероссийская научная конференция «Пятнадцатые Петербургские военно-исторические чтения».

Заметим, что «Первые Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых» состоялись 21 – 22 марта 1997 г. Инициатором и идеологом конференции выступил председатель СНО кафедры истории РГПУ А.В. Аранович. В этой конференции приняло участие 26 человек, многие из которых стали в дальнейшем известными историками. По итогам первых трех чтений были изданы сборники научных статей. 9 марта 2000 г. прошли «Четвертые Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых». После этого конференция долгое время не проводилась. В 2009 г. по инициативе тогдашнего председателя СНО кафедры русской истории РГПУ К.О. Макарова конференция была возобновлена и с тех пор проходит ежегодно под названием «Петербургские военно-исторические чтения». По итогам чтений выходят сборники научных статей.

Организаторами «Пятнадцатых Петербургских военно-исторических чтений» выступили кафедра русской истории ФИСН РГПУ, Санкт-Петербургское военно-историческое общество и студенческое научное общество при кафедре русской истории РГПУ. В организационный комитет конференции вошли доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ А.Б. Николаев, президент Санкт-Петербургского военно-исторического общества, доктор исторических наук, доцент СПбГУТиД А.В. Аранович, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ Д.А. Бажанов, ассистент кафедры русской истории Е.С. Гавроева, председатель СНО при кафедре русской истории, студент 4 курса ФИСН РГПУ Р.А. Бугаев и секретарь СНО КРИ, студентка 1 курса магистратуры В.В. Шведова.

Для участия в конференции подали заявки ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Владимира, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска и Тихвина (Ленинградская обл.). Оргкомитет сформировал программу конференции. В нее было включено 53 доклада, распределенные по трем секциям. В первую секцию – «Военная история России до конца XIX в.» – вошло 16 докладов. Руководили ее работой преподаватели кафедры русской истории – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ Н.В. Эйльбарт и кандидат исторических наук, доцент Л.Г. Рогушина. В 1-ю подсекцию второй секции «Военная история России 1900 – 1917

гг.», прошедшей под руководством А.Б. Николаева, включено 14 докладов, а во 2-ю подсекцию – 13 докладов. Подсекцией руководил А.Г. Румянцев. В третью секцию «Военная история СССР», модератором которой был А.М. Захаров, вошло 10 докладов.

К юбилею был изготовлен памятный значок, подготовлена выставка сборников научных статей, вышедших по итогам предыдущих чтений, издан специальный выпуск студенческой газеты ФИСН РГПУ «Двадцатый корпус» на двух полосах, в котором были перепечатаны статьи, вышедшие на страницах газеты по итогам предыдущих «Петербуржским военно-историческим чтениям».

В «XV Петербургских военно-исторических чтениях» активное участие приняли обучающиеся на ФИСН РГПУ: 7 студентов и 3 аспиранта выступили на конференции с докладами.

Участники конференции переработали свои доклады в статьи и передали в редакционную коллегию сборника. Всего в нем опубликовано 35 статей. Кроме этого, в сборнике присутствует раздел «Критика» с одним отзывом на докторскую диссертацию.

Надеемся, что и это сборник «Петербуржских военно-исторических чтений» найдет своего заинтересованного читателя и будет способствовать росту интереса к военной истории России.

*А.Б. Николаев
21 февраля 2020 г.*

Военная история России

Едовин А.Г. Двинские войны 1323 – 1417 гг.

Начиная с первых шагов освоения Севера новгородцами, главной их целью было насыщение рынка ценными мехами (мягкая рухлядь), которые продавали с большой выгодой в Западной Европе. Уже первые документы, в которых приводятся даннические обязательства жителей Заволочья, например, Уставная грамота Святослава Ольговича 1136/37 гг., повествуют нам о пушном эквиваленте – дань прописана в сорочках (мешках с сорока соболиными шкурками). В XII в. Заволочье потеряло привлекательность для торговцев пушниной, так как сырьевые ресурсы здесь уже были исчерпаны, пушной эквивалент в даях был заменен на денежный – в

гривнах «новых кун»¹. В связи с этим постоянно организовывались экспедиции по насильственному сбору дани в весьма отдаленные территории европейского северо-востока – «Печору» и «Югру», то есть, в Северное Приуралье. Первое упоминание о таком походе содержит уже Повесть Временных лет, датирующая его, по мнению разных исследователей, либо 1096, либо 1114 годами².

С началом эпохи феодальной раздробленности князя Северо-Восточной Руси во второй половине XII века попытались включиться в торговые процессы Новгорода насильственным путем. В результате летописи изобилуют сведениями о столкновениях новгородцев и суздальцев («низовцев»), причем ряд столкновений связан именно с контролем торговых путей на Севере. Так, в 1169 году «Иде Даньслав Лазутинич за Волок данником с дружиною, и присла Андрей полки свои на него, и бишася с ними и было новгородцев 400, а суздальцев 7000, и пособи бог новгородцам, и паде их 300 и 1000, а новгородцев 15 муж, и отступиша новгородцы, и опять воротившеся, взяшавсю дань, а на суждальских смердах другую, и придоша здоровы все»³. Софийская летопись называет причину похода новгородцев во главе с Даньславом: «В то же время Двиняне не хотяху дани давати Новгороду, но дашася великому князю Андрею Юрьевичу Суздальскому, новгородцы же послаша данника Даньслава Лазутинича на Двину, а с ним по 100 человек, и то слышав князь великий Андрей посла на них полки своя 1000 и 500 рати, сии же начаша переимати на Белоозере, и начаша битися и пособи бог новгородцам, убиша от полка великого князя Андрея 800 муж, а прочие отбегоша, а новгородцев паде 15 муж»⁴. Итак, уже на первых этапах противоборства за северные дани в него активно включается местное население Подвинья.

¹ Российское законодательство X – XX вв. М., 1984. Т. I. С. 227. Есть мнение ряда историков, что гривнами «старых кун» называлась денежная единица, основанная на среднеазиатском дирхеме, где 1 гривна равнялась 25 кунам (дирхемам), гривнами «новых кун» назывались гривны вчетверо меньше размером, где куной был западноевропейский денарий.

² Повесть Временных Лет (далее – ПВЛ). Л., 1926. С. 223. Ряд исследователей считает, что упомянутые слова в тексте «Теперь же хочу поведать, о чем слышал 4 года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович, новгородец» свидетельствуют, что эти сведения были записаны за 4 года до написания летописи, то есть, в 1114, а не в 1096 г., в текст под которым вставлен рассказ. Сын Гюряты Мирослав упоминается в летописях с 1126 по 1137 г., что делает вероятными обе эти даты. Представляется, что более вероятна дата 1092 г., так как в 1114 г. в Ипатьевском списке ПВЛ упоминаются «старые» ладожане, которые «еще живы», молодыми ходившие «за югру и за самоядь».

³ Новгородская первая летопись (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 33.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1851. Т. 5. Софийская I. С. 240 – 241.

Еще одним фактором борьбы стало влияние на инородцев Северного Приуралья, наиболее активными среди которых были основные поставщики пушнины – племена «югры». Не случайно в летописи при описании походов чаще всего упоминаются именно «югорские данщики» – сборщики дани с «югры». В 1187 г., например, «избиены быша печерские и югорские данщики в Печере, а другие за Волоком, и паде голов сто кметства»¹. Как видим, пользуясь расположением основных торговых путей новгородцев вблизи вновь осваиваемых территорий Северо-Восточной Руси по Сухоне и Югу, последние стремились отнять новгородскую монополию на торговлю северной пушниной.

Не исключено, что князья Северо-Восточной Руси, всячески мешая новгородскому сбору дани, могли посылать своих, выражаясь современным языком, диверсантов. Именно так можно объяснить события 1193 г. – поход воеводы Ядрея на югру: «В то же лето идоша из Новагорода в Югру ратию с воеводой Ядреем, и придоша в Югру и взяша город и придоша к другому граду и затворишася в граде и стояша под городом 5 недель, и высыллаху к ним югра, льстбой рекуще тако. Яко «копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани», а льстяше им, а вое копяши, и яко скопиша вое и выслаша из города к воеводе: «пойди в город поим с собой 12 муж вячших; и иде в город воевода, пояша с собой попа Иванка Легена и иных вячших, иссекоша их в канун святыя Варвары, и выслаша паки, и пояша их 30 муж вячших, и тех иссекоша, и потом 50. И яко изнемогоша голодом, стояши бо бяху 6 недель, слушаючи леть их, и на праздник святого Николы вылезше из города, иссекоша всех, и бе туга и беда останку живых бе бо осталось их 80 муж. Потом рече Савка князю югорскому «Аще княже не убиеш Яковца Прокшинича, а живого пустиша в Новгород, то тому ты княже опять привести вое семо, и землю твою пусту сотворит. И призваша князь Яковца Прокшинича, и повеле его убить. И рече Яковец Савице «брате судит тя бог и святая София аще еси подумал на право брати своей и станешь с нами перед богом и отвечаючи за кровь нашу». И то ему рекшу убиен бысть, те бо Савице перевет держащи отай с князем Югорским. И не бяше вести через всю зиму в Новгороде на не, ни на живы, ни на мертвы; и испечаловахуся в Новгороде князь и владыка и весь Новгород»².

Возможно, противоборство продолжалось бы и в начале XIII столетия, однако ряд событий позволил Новгороду укрепить свои позиции на торговых путях Севера. Во-первых, процесс феодальной раздробленности не только все более и более дробил территорию Северо-Восточной Руси,

¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 38.

² Там же. С. 232.

но и снижал возможности князей устраивать столкновения с новгородскими данниками. Во-вторых, у основателей Устюга Великого появился еще один опасный враг – Волжская Болгария, регулярно опустошавшая восточные территории Северо-Восточной Руси. А в 1238 г. настал «апокалипсис» для русских княжеств – монголо-татарское нашествие. Результат был настолько сильным, что повлиял на расклад сил на несколько десятилетий вперед, однако привел к весьма интересным изменениям.

Именно середина XIII в. стала переломной в противоборстве Великого Новгорода и княжеств Северо-Восточной Руси за влияние на европейском Севере. Стремясь к мирному существованию с местным финно-угорским населением, новгородская метрополия не стремилась заселять Заволочье, а проповедовала принцип колонизации как распространение даней на старожильческое население. Стремление же населения Северо-Восточной Руси на Север, в Подвинье, было связано именно с колонизацией-заселением – люди бежали подальше от монголо-татарских баскаков и «ордынского выхода». Наплыв славянского этнического компонента на Двину привел к окончательному вытеснению и ассимиляции местного финно-угорского населения, которое нам известно по скандинавским сагам под названием «бьярмы».

Сложилась парадоксальная ситуация, когда значительный процент подчиненных Новгороду территорий заселили выходцы из земель Северо-Восточной Руси. Этому способствовал тот фактор, что Александр Невский сосредоточил власть как над Новгородом, который управлялся его ставленниками, так и над Северо-Восточной Русью.

Почти сразу территории Севера стали ареалом для поимки ловчих птиц и отправки их великому князю и боярам Северо-Восточной Руси. Мода на соколиную охоту пришла к русским князьям от монголов. Не исключено, что ловчими птицами великие князья частично покрывали «ордынский выход». Об этом читаем в грамоте Андрея Александровича (сын Александра Невского, дядя Ивана Калиты) на Двину (1294 – 1304): «От великого князя Ондreja к посадникам, к скотникам и старостам. Како есмь докончал с Новгородом ходити трем ватагам моим на море, а атаман Ондрей Критский, от дают с погостов корм и подводы по пошине. А сын его Кузьма как пойдет с моря с потками данными, по данничу пути, дадут ему подводы и корму по пошине с погостов, а как пошло при моем отце и при моем брате (Дмитрии Александровиче) не ходити новгородцам на Терскую сторону, и ныне не ходят»¹. Как видим, уже во второй половине XIII столетия происходит существенное ограничение власти Новгорода на Севере.

¹ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. С. 1.

Это не могло не привести к продолжению борьбы уже не за торговые пути, а за непосредственное подчинение местного населения. Случились эти события уже на рубеже I – II четвертей XIV столетия.

«Двинские войны», так некоторые авторы называют события противоборства Москвы и Новгорода в XIV – начале XV веков за территории Русского Севера, остаются до сих пор одной из самых загадочных страниц истории формирования единого Российского государства. Как известно, события, повлекшие конфронтацию между Новгородом и двинянами, которые спустя несколько десятилетий обратились за помощью к Москве, начались в 1323 г. «Того же лета заратишася устюжане с новгородци, изымаша новгородцев, кто ходи на Югру, и ограбиша их»¹. Как и прежде, основным форпостом проникновения в Заволочье и борьбы за дани являлся Великий Устюг. В то же время, великий князь мог принять как сторону «низовцев», так и новгородцев, как произошло в данном случае. В 1325 г. «Идоша новгородцы с князем Юрьем на Заволочье, и взяша Устюг на щит, и придоша на Двину, и ту прислаша послы князи устюжские к князю и новгородцам, и докончаша мир по старой пошине и придоша новгородцы все здоровы, а князь Юрий поиде в Орду из Заволочья по Каме реке»². Спустя несколько лет, в 1329 г., состоялось новое столкновение: «Тою же зимы избиша новгородцев, которые было пошли на Югру, устюжские князи»³.

В дальнейшем новгородцы уже не могли рассчитывать на поддержку великого князя. В 1333 г. Иван Калита, растратив изрядные деньги в Орде, да к тому же еще затеяв к приезду митрополита Феогноста строительство нового каменного храма в Москве, потребовал от новгородцев выплаты дани в увеличенном размере, на что получил отказ. Войска Ивана заняли Торжок и Бежецкий Верх. Новгородский архиепископ Василий (Калика), опасаясь войск Ивана и шведов, поехал в Псков и заключил мир между Псковом и Новгородом. После этого Иван заключил сепаратный мир с врагом Новгорода – Гедимином при помощи митрополита Феогноста, только что приехавшего в Москву. Мир скрепили браком Симеона Ивановича с дочерью Гедимины Айгустой (в крещении Анастасией)⁴.

Иван Калита сумел существенно ограничить проникновение Новгорода на Европейский Северо-Восток. Одновременно он ограничил и самостоятельность местных двинских бояр, ловко пользуясь противоречиями между новгородскими и двинскими посадниками. В грамотах на Колмого-

¹ НПЛ. С. 339.

² Там же.

³ Там же. С. 342.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 204.

ры он отводит «Печерскую сторону» своему ставленнику Михаилу для поминки ловчих птиц и набору ватаги в количестве 20 человек. Двинским посадникам и боярам было предписано «не вступаться» в этот промысел. В то же время, особенно ретивые бояре все-таки могли оказаться в этой ватаге, как показывает пример некоего Никифора, которого Калита вынужден был привлечь на свою сторону, включив в заветную двадцатку¹.

Новый виток противостояния отмечен в 1337 г.: «Тои же зимы разратися князь великий Иван с Новгородци, и посла рать на Двину за Волок, не помянув крестного целования и тамо крестною силой посрамлены быша и ранены»². Тогда Ивану Калите не удалось достичь своих целей, однако, его сын Симеон получил определенный урок на будущее.

На момент смерти Ивана Калиты Новгородская земля и Москва вновь находились в состоянии войны, вызванной требованием Калиты об уплате «ордынского выхода». До возвращения Симеона Ивановича с ярлыком великого князя из Орды новгородцы успели организовать походы на свои отторгнутые Устюжну и Белоозеро. Видимо, тогда же свой поход задумал и Лука Варфоломеев – сын новгородского посадника Варфоломея Юрьевича.

Опишем поподробнее, как об этом говорится в летописи. В лето 1342 года «Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополича благословения и владычня, скопив с собою холопов и поиде за Волок и постави городок Орлец, и скопив емчан, и взя всю землю Заволотскую по Двине все погосты на щит»³. В том же году Лука во главе отряда в 200 человек бился с заволочанами и в схватке был убит. Можно трактовать эти события следующим образом: Лука Варфоломеев совершил феодальный захват земель по Двине, что вызвало противодействие как местного населения (заволочан), так и Новгородской метрополии.

Последний факт подтверждается схваткой в самом Новгороде между потомками новгородца Миши (соратник Александра Невского) в лице сына Луки Варфоломеева Онцифора и другими представителями новгородских верхов. Вернувшийся после смерти отца в Новгород, Онцифор подтвердил, что к убийству Луки приложили руки противоборствующий новгородские группировки. Собралось два веча – сторонников Онцифора и его противников. В результате произошли столкновения, которые были остановлены только вмешательством новгородского владыки. После этих событий Онцифор со своими сторонниками бежал из Новгорода.

¹ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. С. 1.

² НПЛ. С. 348.

³ НПЛ. С. 355.

Тем временем, вернувшись из Орды, Симеон начал подготавливать активные действия против Новгорода. Был занят город Торжок, где оставлены великокняжеские наместники во главе с князем Михаилом Давыдовичем Моложским. Затем к Торжку подошла новгородская помощь, город был занят, а великокняжеские наместники взяты в плен. Князья предоставили свои военные контингенты Симеону для похода на Новгород. Когда войска дошли до Торжка, к ним присоединился митрополит Феогност. В Торжке вспыхнуло народное восстание, в результате которого новгородские бояре были изгнаны, а поддерживающие их местные бояре убиты. Вскоре в Торжок с посольством прибыл новгородский архиепископ Василий (Калика). Был заключен мир. Новгород признал Симеона князем и выплачивал дань как ему, так и всем князьям – участникам похода. Симеон Гордый стал титульным новгородским князем в 1346 г. и оставался им до смерти в 1353 г.

Как известно, административным центром Двинской земли были Холмогоры, расположенные в 30 км к северу от вновь построенного Орлеца. В первой половине XIV столетия здесь возникла крепость, расположенная в южной части современного села, которая еще недавно называлась «Спас на городке». По данным К.П. Рева, Холмогорский городок был разрушен в ходе войны двинян с Новгородом в 1346 г.¹, одновременно с победой Симеона Ивановича над новгородцами под Торжком. Видимо, двиняне ловко воспользовались ослаблением Новгородской метрополии и попросту проявили сепаратизм, перенесли столицу в Орлец, который после смерти Луки Варфоломеева еще в 1342 г. потерял владельца. Не исключено, что сепаратистские тенденции двинян поддерживались в течение всего времени княжения Симеона Ивановича.

Новые изменения произошли после 1353 г., когда в результате эпидемии чумы умер и Симеон Гордый, и все его наследники. Годы правления Ивана Красного были периодом относительного ослабления Москвы и усиления ее соседей и противников. Вновь усиливается давление Новгорода на двинян, оно вылилось в вооруженное столкновение уже в годы княжения Дмитрия Ивановича.

Одним из фактов такого давления можно считать известный поход новгородцев на Обь: «Той зимы с Югры новгородцы приехаша дети боярские и молодые люди и воевода Александр Абакунович и Степан Ляпа, воевавшие по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша, и Двиняне стаха противу них полком и избиша Двинян на Курьи»². В 1364

¹ Рева К.П. Холмогорское городище // Архангельские губернские вести. 1897. № 44. С. 3 – 4.

² Новгородская четвертая летопись (далее – НЧЛ). СПб., 1848. С. 64 – 65.

г. отряды Александра Абакуновича и Степана Ляпы не только добрались до Оби, но и спустились вниз по великой реке до самого Ледовитого моря (надо полагать, до Обской Губы). Александр Абакунович – новгородский воевода, первооткрыватель Западной Сибири и Полярного Урала. В 1364 г. во главе крупного отряда новгородцев он поднялся по реке Уса (правый приток Нижней Печоры), перевалил через Полярный Урал, спустился по реке Сосьва до Оби и прошел по ней до Обской губы. Другой его отряд под командованием Степана Ляпы поднялся по реке Щугор, пересек Северный Урал и по реке Северная Сосьва добрался до Оби. Территория вверх по Оби до устья Иртыша была присоединена к владениям Новгорода, куда оба отряда вернулись зимой 1364 – 1365 гг., представив первые документально подтвержденные сведения о «Лукоморье», то есть Нижнем Приобье.

Таковы основные результаты похода, однако, только в одном источнике содержатся сведения о том, что случилось с этими новгородскими отрядами в конце 1364 г. Они возвращались традиционным путем через Цилемский, Пезский и Пинежский волоки, но в районе Холмогор, в пределах села Курья, что в 5 км ниже по реке, их атаковали двиняне. Последние, вероятно, хотели решить две задачи – поживиться за счет конфискованной пушнины и еще раз указать Новгороду на свое стремление к независимости. Почему столкновение произошло именно в Курье? Здесь, в непосредственной близости от административного центра, коим до 1342 г. являлись Холмогоры, находилась резиденция наместника новгородского архиепископа. Последний факт подтверждают находки печатей архиепископов, датирующихся второй половиной XIV – XV вв. По-видимому, расквартированные в Курье отряды, были атакованы со стороны Орлеца. Успех в сражении сопутствовал более опытным новгородцам, а одна из деревень Курейского сельского общества до сих пор называется Побойце в память об этом событии.

В том же 1364 г. Дмитрий Иванович Московский отнял у ростовского князя Константина Ростов, Устюг и «пермские места устюгские». Эти действия задевали интересы новгородцев на Вычегде, поэтому не удивительно, что через три года Дмитрий начал войну и с Новгородом, захватив «Печору, Мезень и Кегрольские (верхнее и среднее Пинежье)». Поводом послужил поход новгородцев 1366 г.: «Ездиша из Новгорода люди молодые на Волгу без новгородского слова, а воеводою – Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Олександр Абакунович того же лета приехаша все здравы в Новгород. И за то князь великий Дмитрий Иванович разгневался и разверже мир с новгородцы, а ркя тако: за что есте ходиле на Волгу и гости моего пограбиста много. Того же лета на зиму, от князя изымаша Василия Даниловича с сыном на Вологде, а он ехал с Двины, а того не ведал, не

стереглся»¹. Правда, в 1367 г. мир был восстановлен, пленные вернулись в Новгород, а князь Константин переехал в Устюг².

Не видя прямых путей решения проблемы феодальных захватов в новгородских владениях, князья Северо-Восточной Руси решили пойти другим путем – путем отторжения так называемых «национальных окраин» Новгородской земли, а также земель, которые формально не включались в «волости новгородские», но, несомненно, испытывали их определенное влияние. Основным способом этого процесса была насильственная христианизация, от которой долгое время старались отказываться новгородцы, чтобы держать под контролем волости, населенные местными финно-уграми.

Под 1379 г. в летописи имеется следующая запись: «Лета 7887 иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере»³.

В задачи статьи не входит полное описание деятельности Стефана Пермского, предполагается только показать его роль в завоевании Перми княжествами Северо-Восточной Руси. Главной опорой здесь служил Великий Устюг, который с 1364 г. стал владением великого князя московского Дмитрия. Именно помощью устюжан заручился Стефан, имевший к тому же охранную грамоту от самого Дмитрия.

Через четыре года, на церковном соборе Стефан был избран первым пермским архиепископом. Создание особой епархии в Вычегодском крае должно было обеспечить укрепление позиций Москвы в этом отдаленном уголке с финно-угорским населением. С этой целью Москва наделяла пермского архиепископа правами не только духовного, но и административного управления в крае, в расчете на дальнейшее продвижение на Печору и за Урал⁴.

По возвращении из Москвы Стефан начал активно строить церковные объекты – как церкви, так и монастыри. Одним из таких объектов был храм Пречистые Богородицы в «Еренском городке», в котором, вопреки распространенному мнению, не находился монастырь архистратига Михаила (он располагался в Усть-Выми). Тогда же те пермяне, которые не захотели принять христианство, ушли на Пинегу и Вашку⁵.

¹ НПЛ. С. 369.

² ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. Троицкая летопись. С. 231.

³ Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. IV. С. 258.

⁴ Савельева Э.А. Королев К.С. Древние рукописи о Перми вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 41 – 42.

⁵ Историко-филологический сборник. Вып. IV. С. 259 – 260.

Новгород враждебно относился к созданию епархии в Перми, так как имел собственные интересы в крае, который находился от него в даннической зависимости. В 1385 г. новгородцы пришли ратью на пермские земли, но были разбиты устюжанами на Черной реке под Солдором (близ Сольвычегодска). Очередной виток «Двинской войны», следовательно, связан именно с началом деятельности Стефана. Последний участвовал после поражения новгородцев от Дмитрия Донского в делегации по заключению мира в 1386 г.¹ Тогда причиной противоречий был поход новгородских «ушкуйников» на Волгу: «Тои же зимы ездisha за Волок Федор посадник Тимофеевич, Тимофей Юрьевич, а с ними боярские дети, брати 5000 рублей, что возложил Новгород на Заволочкую землю, занеже заволочане были же на Волге»². Как видим, заволочане выступали уже самостоятельной силой, которую великий князь призывает к ответу посредством Великого Новгорода

Новгородцы, не имея сил бороться напрямую, организовали ряд походов местного населения на христианские поселения Вычегды. В 1389 г. «пришедшу с Удоры и Пинеги пермяни идолопоклонницы на Еренской городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекли». Еще через три года на Усть-Вымский владычный городок совершили свой первый набег вогуличи под руководством Пама-сотника³.

Подозревая новгородцев в организации этих походов, князь Василий Дмитриевич в 1393 г. послал рать на Новгород. Однако новгородцы своими удачными действиями свели на нет все усилия великого князя и захватили Великий Устюг: «Взяша розмирье князь Василий Дмитриевич с Новгородом... взял у Новгорода Торжок, Волок Ламский, Вологду и волости многие повоева, а новгородцы взяша у великого князя Устюг город, Устюжну и много волости поимаша... мир по старине»⁴.

Еще через три года летописи сообщают о смерти Стефана Пермского в Москве (1396 г.)⁵. Таким образом, обострение конфликта на Двине (1397 – 1398 гг.) произошло как раз после того, как Вычегодский край остался без сильного административного управленца. В 1398 г. пермским епископом стал Исакий, единственный раз упомянутый в летописи.

Эти источники показывают экспансию представителей княжеств Северо-Восточной Руси в те земли Великого Новгорода, в которых не бы-

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 87.

² НПЛ. С. 380 – 381.

³ Историко-филологический сборник. Вып. IV. С. 260 – 261.

⁴ Устюжский летописный свод (далее – УЛС). М.; Л., 1950. С. 65.

⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 164 – 166.

ло постоянного христианского населения, а, следовательно, стационарных погостов, которые существовали на Онеге, Нижнем и Среднем Подвинье и в Поважье. Устройство здесь городков свидетельствует о наличии планов насильственного захвата вотчин, сопровождавшегося христианизацией, важнейшая роль в которой принадлежала Стефану Храпу. Этот процесс – одна из составных частей Двинской войны – выдавливания Новгорода из Заволочья. Здесь он происходил гораздо успешнее и быстрее, чем в Подвинье.

В истории Нижнего Подвинья дискуссионным является вопрос о времени возникновения каменных укреплений Орлеца. Некоторые исследователи могут сделать ошибочный вывод о том, что Орлец в качестве белокаменной крепости из известняка был сооружен уже в 1342 г., то есть, на двадцать пять лет раньше, чем Москва. Но это маловероятно – Лука Варфоломеев срубил город одним годом – то есть, он был деревянным. Скорее всего, каменная крепость была построена уже после того, как московские строители получили опыт устройства Московского кремля в 1366 – 1368 гг. Однако последующие события войны с Литвой и Мамаем заставили Дмитрия Ивановича заниматься совсем другими делами.

Воздвигнуть Орлец по примеру Москвы, то есть, сделать его из белого камня – известняка, вероятно, было решено уже при Василии Дмитриевиче. Более того, именно строительство белокаменных укреплений Орлецкой крепости московскими мастерами для двинян и было воспринято Новгородом как сигнал к решительным действиям. Необходимо было предотвратить появление такого мощного форпоста, иначе владениям Новгорода на Севере возникала постоянная угроза. Именно здесь и находится разгадка мощного похода Новгорода на Двину, предпринятого в 1397 – 1398 гг. Эти события стали апогеем «Двинских войн».

За короткое время Орлец стал не только военным, но и торгово-ремесленным центром региона, приобрел вид типичного русского средневекового города. Он имел каменный детинец и окольный город (посад), обнесенный земляным валом с идущей по верху бревенчатой стеной. На территории кремля располагались административные здания, двор воеводы и церковь. Посад был местом поселения торговцев и ремесленников. Орлец упоминается в летописном «Списке русских городов дальних и ближних»¹.

В 1397 г. «послал князь великий Василий Дмитриевич за Волок на Двину бояр своих Андрея Албердова с други, по всей Двинской слободе, а повествуя им тако «чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отняли, а князь великий от Новгорода хочет вас боронити, а за

¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. Воскресенская летопись. С. 241.

вас хочет стояти. И двиняне Иван Микитин и бояре двинские и вси двиняне за великий князя задались, а ко князю великому целовали крест, и князь великий на крестном целовании у Новгорода отнял Волок Ламский и с волостями Торжок с волостями и Вологду и Бежечкий верх и потом к Новгороду с себе целование сложил крестную грамоту скинул, а новгородцы с себе целование сложили и грамоту крестную князю великому выкинули»¹.

Конечно, новгородцы не могли смириться с такими катастрофическими потерями, угрожающими самому существованию республики и организовали ответный поход. В 1398 г. «воеводы же новгородские посадник Тимофей и посадники Василий и Юрий и вси вои поехали за Волок на Двину, к городу Орлецу. И встретил их с Вели владычный волостель Исая, рек им тако: «господо воеводы новгородские, наихав господо, князя великого боярин Андрей с Иваном Микитиным и с двиняны на святые Софии волость на Вели, в сам велик день, святые Софии волость повоеваша, а на головах окуп поимаша; а от князя великого приехал на Двину в засаду князь Федор Ростовский городка блюсти и судити и пошлин имати с новгородских волостей; а двинские воеводы Иван и Конан с своими другы волости новгородские и бояр новгородских поделиша себе на части»². Услышав это, новгородские воеводы сказали своим подчиненным: «Даже братие тако сдумал наш господин великие князь с крестопреступники с двинскими воеводами, лучше братии нам изомрети за святую Софию, нежели быть в обиде от великого князя». Они двинулись в поход «на князи великого волости на Белоозеро, и взяша белозерские волости на щит, повоевав и пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерские и воеводы князя великого, и добиша челом воеводам новгородским, и всем во ем. И взяша у них окупа 60 рублей, а полона поимаша без числа, и животов поимаша без числа; и Кубенские волости повоеваша, и около Вологды воеваша, и Устюг город повоевав и пожгоша, и стояша на Устюге 4 недели»³.

Одновременно «воеводы послаша Дмитрия Ивановича, Ивана Богдановича, а сними дети боярские, воеваша волости князя великого, толко за днище Галича не доходиша, а волости повоевав и пожгоша, и полона поимаша без числа, а на полону окуп поимаша, зане суды не подоимут, а иные полон пометаша. И оттуда поидоше по Двине к Орлецу городку, воюючи волости волости князя великого, и придоша к Орлецу городку и стояша под городком 4 недели, поставиша пороки и оступиша городок, и начаша

¹ НПЛ. С. 389 – 390.

² Там же. С. 391 – 392.

³ Там же. С. 392.

бити пороки»¹. Тогда двиняне вышли из городка «и начаша бить челом с плачем воеводам и всем воем новгородским, и воеводы новгородские и вси вои, по своего господина по новгородскому слову челобитье прияша двинян, а нелюбья им отдаша, а воевод заволочских Ивана и Конана с другы изымаша, овых смертью казниша, а Ивана и брата его Анфала, Герасима, Родиона исковаша, кто водил Двинскую землю на зло; а у князя Федора Ростовского взяша присуд на пошрины, что поимал, а самому с другы живот даша, а у гостин князя великого взяша с голов окупа 300 рублей, а у двинян за их преступление и за их вину воеводы и вси вои новгородские взяша 2000 рублей, а 3000 конев, бяше всех новгородцев 3000 или мене. Оле божие милосердие, селко прошед Руской земли, и у силе твердого городка не бысть пакости в людех, только с городка одного человека убиша дичского Левушку Федорова посаднича, а городок разгребоша»².

Ключевую роль в дальнейшем противостоянии сторон сыграл вышеупомянутый брат бывшего двинского посадника Ивана – Анфал Никитин. Первые летописные сведения о нем встречаются под 1360 г.: «Болярин Великого Новгорода Анфал Никитин ходил ратью на Кумада, взял город Жукотин и много бесермен побил»³. Современные историки не склонны доверять этому летописному известию по временным параметрам, считая невозможным деятельное участие в событиях рубежа XIV – XV вв. дряхлого старца⁴. Некоторые исследователи утверждают, что Анфал был не боярином Великого Новгорода, а двинским боярином, однако, представляется сомнительным, что имело смысл его считать переветником и вести на суд в Новгород, если к последнему он не имел отношения. После разгрома войска брата – двинского посадника Ивана Никитина – в 1398 г. Анфал был схвачен новгородцами, но по пути в Новгород ему удалось бежать на Вятку: «Тои же зимы приехаша и Заволочья воеводы новгородские в Новгород: посадник Тимофей, посадник Юрий, Василий, и бояре и дети боярские, и все добры и здравы, и рады быша новгородцы своей братии; а переветника Ивана Микитина скинуша с мосту, а Герасим и Родион с плачем добиша челом своей господе Великому Новгороду, и Новгород даша им живот, и постригошася в мнишеский образ; а Анфал избежа на пути»⁵.

Стоит подробнее остановиться на вопросе о том, что побудило Анфала столь ожесточенно вести борьбу за восстановление властных позиций

¹ Там же.

² НПЛ. С. 392 – 393.

³ УЛС. С. 52.

⁴ Мусихин А.Л. Новгородский воевода Анфал Никитин в военной истории Европейского Севера конца XIV – начала XV вв. // Встречи на все времена. Устюг Великий в пространстве русской истории. Вологда, 2014. С. 56 – 59.

⁵ УЛС. С. 67.

в Заволочье. Отец Двинских бояр Ивана и Анфала – новгородский посадник Никита – был одним из сыновей новгородского посадника Матвея Варфоломеевича Козки. Никита упоминается в 1359 г., Матвей, брат Луки Варфоломеева, в период с 1340 по 1345 гг.¹ В новгородском конфликте 1342 г. Матвей, будучи посадником, встал на сторону брата Луки и племянника Онцифора. Более того, после смерти Луки он всячески поддерживал племянника и добился того, что в 1350 г. Онцифор, в свою очередь, становится посадником Великого Новгорода. Очевидно, что у Варфоломеевичей, потомком которых был Анфал, существовали свои интересы на Двине, ради которых в 1354 г. Онцифор добровольно передал посадничество в Новгороде Обакуну Твердиславичу². Последний – отец Александра Обакуновича, воеводы, который, как упоминалось выше, был участником походов 1364 – 1366 годов и являлся основоположником новгородского ушкуйничества. Очевидно, что между двумя этими кланами существовало соперничество, что подтверждается как битвой 1364 г., так и последующими событиями, приведшими к противоборству 1397 – 1398 гг.

Уже в следующем 1399 г. Анфал Никитин вместе с устюжанами успешно вел боевые действия против новгородской рати во главе с воеводой Яковом на Сухоне (битва у Стрельного порога)³. Вскоре к Анфалу присоединяются и другие двинские бояре, например, Герасим, который для этого расстригся из монахов. Здесь, скопив силы и испытывая поддержку великого князя, он начинает серию боевых действий против новгородцев. В 1401 г. «на миру, на крестном целовании, князя великого Василия повелением Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великого ратью наихав войною за Волок на Двину и взяли всю Двинскую землю на щит без вести, в самый петров день, крестьян повешали, а иных посекли, а животы их и товар поимаша, а Андрея Ивановича и посадников двинских Есифа Филипповича и Наума Ивановича изымаша. И Степан Иванович, брат его Михайла и Микита Головня, скопив около себя важан и сугнав Анфала и Герасима и бишася с ними на Колмогорах, и отняша у них бояр новгородских Андрея, Есифа, Наума»⁴.

Неудача не сломила Анфала, который продолжал доставлять неприятности новгородцам в их дальних владениях. Почувствовав угрозу, новгородцы заключили договор с болгарскими князьями о совместной борьбе с войском Анфала, которая в 1409 г. принесла свои плоды: «Того же лета поидоша Новгородцы из Заволочья по Двине, в верх Сухоной и вышли Ко-

¹ НПЛ. С. 352 – 358.

² НПЛ. С. 363.

³ НЧЛ. С. 388.

⁴ НПЛ. С. 395.

строною в Волгу, и взяша на Костроме корм, и поидоша к Новгороду Волгою воюючи, и взяша Новгород Нижний и потом поидоша на Усть-Камы, на совет Анфалу, и не поспеша. Анфал же подошел задними водами в Каму, князи Болгарские и Жекотстии слаша к Анфалу, и взяша перемирие и даша ему окуп с земли, Анфал же потому исполошился к ним, они же яша его лестью в Каме, а дружину его изсекоша, а иные разбегошася»¹.

Анфалу не удалось восстановить свою дружину и, скорее всего, он не участвовал в следующем походе войск великого князя на Двину, совершенном в 1417 г. «Того же лета из Вятки из князя великого отчины княж боярина Юрьева Глеба Семеновича и с новгородскими беглецы с Семеном Жадовским и с Михаилом Россохиным и с устюжаны и с вятчаны изъехаша в насадах без вести в Заволочскую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детей Васильевича, и Емцу и Колмогоры взяли и пожгли, и бояр новгородских изымаша. Юрья Ивановича и брата его Самсона. Иван Федорович и брат его Офонос, Гаврила Кирилович, Исаак Андреевич, сугнав их под Моржом на острове, братью свою Самсона и Юрья отьяша и полон весь и с животы их отпустиша. А Василий Юрьевич, сын посаднич, Самсон Иванович, Гаврила Кирилович, брат его Григорей с заволочаны идоша за разбойники в погоню и пограбиша Устюг»². Как видим, до поры до времени новгородцы успешно отбивали нападения вятчан, инициированные Великим князем. Когда же в следующем году Анфал и его сын Нестор были убиты на Вятке³, «Двинские войны», вызванные причинами межродового соперничества, фактически закончились, уступив место собственно войнам великого князя с Новгородом, где Север уже выступал как часть новгородской метрополии. По иронии судьбы, Анфал принял смерть от другого боярина, сменившего его в руководстве походами на Двину – «новгородского беглеца» Михаила Россохина. Последний не имел никаких вотчинных притязаний на владения на Двине, а являлся послушным орудием в руках великого князя. Анфал, с его притязаниями на возвращение власти в Заволочье, стал неудобен великому князю и был уничтожен.

Итак, в настоящее время можно выделить три этапа «Двинских войн», каждый из которых обусловлен своими причинами и движущими силами. Общими предпосылками противоборства двух крупнейших центров эпохи феодальной раздробленности – Новгорода и Москвы – была борьба за ресурсы, экономический аспект. На первом этапе движущими силами являлось желание части новгородского боярства иметь свои лич-

¹ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 485.

² НПЛ. С. 407 – 408.

³ УЛС. С. 72.

ные вотчины в Двинской земле, которая к XIV в. становится не только промысловой, но и сельскохозяйственной территорией, на которой развивалось животноводство, рыбный и морской промыслы, а также солеварение. Такими боярами выступили потомки посадника Варфоломея – Матвей и Лука. После того, как эти вотчины были основаны, борьба вступила в новую фазу – борьбы за их независимость от Новгородской метрополии, что вылилось в самый кровопролитный и длительный второй этап «Двинских войн», когда внуки Матвея Козки – Иван и Анфал вступили в открытую войну, заручившись помощью Великого князя Московского. Третий же этап связан с неудачными попытками Анфала Никитина вернуть свои вотчины, опять же при помощи великого князя.

«Двинские войны» – один из этапов объединения земель вокруг Москвы, когда последняя действовала не напрямую, а через своих сторонников на территории Новгородской земли. В ходе междоусобной войны второй четверти XV в. Москва настолько окрепла, что встала на путь прямого подчинения Новгорода и лишения его независимости.

Кандаурова Т.Н.

**Российская военно-поселенная организация как фактор
развития социокультурного пространства**

Процесс формирования социокультурного пространства страны в XVIII – XIX вв. во многом был обусловлен модернизационными процессами, получившими развитие в петровскую эпоху. В этот период в России вместе с активизацией социально-экономического развития и расширением границ государства отмечается определенное ускорение культурных процессов, расширение социокультурного пространства в общегосударственных рамках, определяется новый формат и структура. Его рост и обновление масштабов идет за счет освоения новых территорий (южные и восточные фронтеры¹, Сибирь, Северный Кавказ и др.), в результате уско-

¹ Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75 – 89; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв. / Д.Я. Резун [и др.]. Новосибирск, 2001; Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI – XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47 – 64; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2005; Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2011. № 1. С. 9 – 16; Воробьева Т.В. Восточный фронт России // *Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. № 1 (19). С. 5 – 14; Басалаева И.П. Критерии фронта: к

рения социокультурного освоения внутренних районов, формирования на них обновленного культурного ландшафта и создания новых учреждений и институтов культуры, являющихся множественными составляющими структурами данного пространства. Формирование обновленного социокультурного пространства этого времени обусловлено совокупностью геополитических, военно-политических, экономических и социальных факторов. Движение обширного российского фронта, перемещение зон пограничья в рамках новых границ способствовало укреплению новых территорий, формированию новых полиэтнических общностей, освоению их как в хозяйственном, так и социокультурном отношениях.

Социокультурное пространство в любом случае имеет сложную структуру с определенным временным фактором формирования и развития, своей координатной сеткой и сложноорганизованной средой. По определению исследователя М.М. Самчук, «социокультурное пространство многомерно и представляет собой «дробное множество». При этом оно объединено в систему. Система составляет целостный комплекс, где все его элементы тесным образом взаимосвязаны. Она образует особое единство со средой; обладает иерархичностью: представляет собой элемент системы более высокого порядка. Ее элементы выступают как системы более низкого порядка. Элементы социокультурного пространства сосуществуют или контактируют друг с другом, обуславливая тот или иной уровень развития посредством различных взаимодействий. Упорядоченная совокупность элементов социокультурного пространства представляет собой систему субпространств. В целом социокультурная система универсальна. Она высокоупорядочена, иерархична, организационно-информационно взаимосвязана параллельно на нескольких содержательно-смысловых и

постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46 – 49; Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 4 – 15; Романова А.П., Топчиев М.С., Саракаева Э.А. Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронтира (сравнительный анализ) // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2013. № 3 (36). С. 298 – 303; Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2014. № 2 (22). С. 32 – 38; Берберова Е.Г. Особенности северокавказского фронта Российской империи (1722 – 1864 гг.): Дис. ... к. ист. н. Владикавказ, 2014; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник ТГУ. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7 – 15; Баева Л.В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронтальных регионов // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 2. С. 37 – 42; Канищев В.В. Преодоление социальной специфики населения Южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 318 – 325; и др.

семиотических уровнях одновременно»¹. Каждый временной период и каждое общество формирует особое социокультурное пространство, не остающееся некоей неизменной константой, а выступающей как постоянно трансформирующаяся структура и система. При наличии определенных внутренних или внешних факторов-вызовов происходит изменение масштаба, формата и наполнения социокультурного пространства, изменяются темпы его развития и роста: «Человек, его социальные связи и образуют социокультурное пространство – специфическую пространственно-временную целостность, являющуюся результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами. Пространство характеризуется протяженностью, структурностью, сосуществованием и взаимодействием элементов»².

Необходимость охраны расширяющихся границ России в XVIII в. обусловила формирование фронтальных образований на южных, юго-западных и восточных рубежах. Одним из таких фронтальных образований стали, вместе с укрепленными пограничными линиями, военные поселения (далее – ВП) – Новая Сербия и Славяносербия³. Это были первые ВП в России, и были сформированы они по образу и подобию сербских поселений на австрийской границе с Турцией. Россия тогда заимствовала и ис-

¹ Самчук М.М. Социокультурное пространство: структура и основные элементы // Известия Волгоградского гос. технич. ун-та: межвуз. сб. науч. ст. № 3 (90) / ВолгГТУ. Волгоград, 2011. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 10. С. 81.

² Там же. С. 79.

³ Попов Н. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Т. III. Кн. 6. С. 584 – 614; Хевролина В.М. Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII в. // Югославские земли и Русия у XVIII века. Београд, 1986. С. 195 – 211; Рудяков П. Сеоба Срба у Русију у 18. веку. Београд, 1995; Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в XVIII веке. Документы. Луганск, 1998; Рудяков П.М. «В службу и вечное подданство...». Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751 – 1764). Киев, 2001; Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1753 – 1764) // Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века. (Зборник радова са међународног научног скупа у Новом Саду, 7 – 9 маја 2003). Нови Сад, 2005. С. 213 – 221; Дегтярев Ю. Сказание о земле Славяносербской – Славяносербия, 1753 – 1764 // Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века. С. 222 – 242; Кирпиченок А.И. К выходу книги «Сербские военные поселения на Украине в середине XVIII века» // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1 – 2. С. 114 – 119; Дмитрієв В. Сербі в Україні (XVIII – початок XIX ст.): Автореф. дис. ... к. іст. н. Киев, 2006; Кирпиченок А.И. Сербские военные поселения на Украине в середине XVIII века. СПб, 2007; Белова Е.В. Границы Новой Сербии: южнославянская колонизация России в 1740 – 1760-е гг. // Вестник РУДН. 2008. № 1 (11). С. 82 – 93; Белова Е.В. Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750 – 1760-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 39 – 49; и др.

пользовала опыт австрийской военной границы, приняв и расселив на южных границах, а точнее на украинской пограничной линии, австрийских граничар¹, тем самым был укреплен юго-западный фронт страны.

Выходившие из Австрии сербские граничары были расселены «на пустынных землях на Украине, смежной с тогдашнею польскою границею»: «На западе эти земли начинались от устья реки Синюхи, впадающей в Буг, и шли вверх по ней до речки Виса, а оттуда на восток до речки Тясмина и по ней спускались вниз к Днепру и правым берегом его к поселениям запорожских казаков, так что длина участка, отданного новым поселенцам, превышала тридцать миль»². В Новой Сербии И. Хорват сформировал два полка – гусарский и пандурский, в Славяно-Сербии И. Шевич и Р. де Прерадович – тоже два. Под поселение Славяносербия были отведены земли между «реками Бахмут и Лугань на правом берегу Северного Донца», по соседству с ландмилицией, местами расселения слободских полков и землями донских казаков³.

Сербские полки со временем стали пополняться не только за счет сербских переселенцев и «выходцев из Молдавии, Валахии, Македонии...», но в них и начали принимать представителей других национальностей и социальных групп: «В 1760-е гг. комплектование полков Новой Сербии и Славяносербии продолжалось прежде всего за счет русских и украинских крестьян, которые бежали за границу, а затем под видом иностранцев возвращались и выражали желание приписаться к сербским поселениям»⁴. К началу 1760-х гг. «население Новой Сербии и Славяносербии превышало 26 000 душ; селений на их территории насчитывалось 122, «дач для поселений» – 195, церквей – 31»⁵. По словам П. Рудякова, «прежде почти необитаемая, пустынная степь заполнялась оазисами человеческой жизни. Важнейшим результатом переселения стало то, что эти оазисы и

¹ Кандаурова Т.Н. Социокультурное развитие Южной России в XVIII – XIX вв.: роль Славяносербских, Украинского, Новороссийского и Киевско-Подольского военных поселений // Россия и Украина: историко-психологические аспекты взаимоотношений: Материалы LXVI Междунар. науч. конференции. Санкт-Петербург, 16 декабря 2019 г. / под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2019. С. 14 – 18.

² Попов Н. Военные поселения сербов в Австрии и России. С. 605.

³ Белова Е.В. Из прошлого Новороссии. С. 42; ПСЗ РИ-1. Т. XIII. № 10104. СПб., 1830. С. 840 – 844.

⁴ Белова Е.В. Из прошлого Новороссии. С. 46.

⁵ Рудяков П. Переселение сербов в Россию в 18 веке в контексте украинско-сербских исторических связей 18 – 19 вв. // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века (зборник радова са Међународног научног скупа у Новом Саду, 7 – 9. маја 2003). Нови Сад, 2005. С. 367.

эта жизнь стали гораздо менее зависимыми от набегов крымских татар и, вообще, подверженными внешнему влиянию»¹.

Освоение новых территорий военными поселенцами в военно-хозяйственном отношении повлекло за собой и формирование обновленного социокультурного пространства, наполнение которое было обусловлено синтезом нескольких культур (славянских, романской, турецкой, татарской, казацкой) как в любой другой контактной зоне пограничья или порубежья. Развитие сербских ВП на украинном фронтире способствовало изменению хозяйственного и культурного ландшафта этих южных территорий. «Хорват, Шевич и Депрерадович расселили своих выходцев ротами и построили для них шанцы, из коих впоследствии выросли изрядные местечки. Сюда стали стекаться торговые люди из России и других стран, и завелись базары и ярмарки. Особенно быстро рос Новомиргород, который Хорват избрал своим местопребыванием. В самих шанцах поселенцам отводимо было довольно количество земли для дворов, а кругом шанцов даже с излишеством. Офицерам земля раздавалась в вечное владение в количестве соответственно их рангам («ранговые дачи» – Т.К.), и они строили хутора и деревни и заселяли их людьми, выходившими из польской Украины и становившимися чрез то «их собственными подданными», – писал Н. Попов². Из укрепленных шанцев вырастали поселения с церквями, садами, школами, необходимой административной, хозяйственной структурой и бытовым сектором. Места пограничной фортификации меняли свой облик и назначение, превращаясь со временем в обустроенные селения, посады и города с соответствующей культурной инфраструктурой. В полковых селениях были мастеровые люди (кузнецы, плотники, седельники, цирюльники, извозчики). Имелись медицинские специалисты – лекари и подлекари³.

Хорват также на реке Ингуле основал крепость святой Елизаветы, у которой вырос немалый торговый город и административный центр: «Из этого-то поселения и родился впоследствии богатый Елизаветград. Прикрытием для поселенцев, занявших Славено-Сербию, послужила старая крепость Бахмут»⁴. Офицеры, обзаводившиеся хозяйством, строили мельницы⁵. Со временем были отстроены их усадебные дома с вполне европейскими интерьерами, парками и садами. Впоследствии офицеры переходили на службу в российскую армию. Основывая новые поселения, сербские по-

¹ Там же. С. 366.

² Попов Н. Военные поселения сербов в Австрии и России. С. 609.

³ Дегтярев Ю. Сказание о земле Славяносербской. С. 235.

⁴ Попов Н. Военные поселения сербов в Австрии и России. С. 610.

⁵ Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича. С. 219.

селенцы давали им такие же названия, как и на австрийской военной границе (Вуковарь, Мартоноша). В интернациональных поселениях, «какими были Славяносербские поселения, командирам, а они были не только военными, но и гражданскими начальниками, нужно было найти объединяющее всех начало, стержень идеологии, духовной жизни. К их чести, они правильно сделали свой выбор – это опора на православие. Преодолеть все трудности могли только люди с высоким духовным потенциалом. Командиры славяносербских рот, независимо от ранга, прилагали немалые усилия для строительства храмов и церковно-приходских школ. Поначалу церкви оборудовались в палатках, но по мере обустройства стали сооружаться деревянные и каменные храмы»¹.

Хозяйственная система в сербских фронтальных поселениях «складывалась под влиянием национальных традиций и потребностей». Изначально первое место в хозяйстве отводилось огородничеству и садоводству, развивалось и хлебопашество по мере освоения земель и изменения военной обстановки в приграничных районах. Наибольшего развития «повсеместно достигло скотоводство». Жители также занимались бортничеством, рыболовным, охотничьим промыслами, так как степь и реки имели достаточные ресурсы, «поселенцам разрешалось в мирное время вести вольную торговлю и иметь личный промысел в Крыму, Молдавии и Польше»². Переселенцы-граничары принесли в степные края культуру земледелия, принятую на военной границе Австрии, ее развитие на степных районах Новороссии и Луганщины «быстро изменяло облик края, который по воспоминаниям современников, во второй половине 50-х годов восемнадцатого столетия, преобразовался с Дикого поля в «обжитую провинцию»³. На обживаемых военными поселенцами территориях «получили развитие ремесла, зарождались мануфактуры. Как в мелких, так и в крупных хозяйствах, почти все производилось для собственного потребления. Однако часть произведенной продукции шла на обмен, то есть, развивался рынок. Рынок требовал специализации производства товаров. В селах изготавливались холсты, сукна. Шло развитие сапожного, кожевенного, гончарного ремесел. Для производства сукна изготавливались ткацкие станки. Возникали бондарные, деревообрабатывающие производства. В шанцах имелись кузницы и оружейные мастерские»⁴. Все это способствовало акти-

¹ Дегтярев Ю. Сказание о земле Славяносербской. С. 235.

² Белова Е.В. Из прошлого Новороссии. С. 43.

³ Дегтярев Ю. Сказание о земле Славяносербской. С. 239.

⁴ Там же. С. 238; Анпилогова Т.Ю. Вклад сербов-колонистов в социально-культурное развитие Луганского края в XVIII – XIX вв. // Исторические связи России и Сербии. Междунар. научно-практическая конференция 23 – 24 апреля 2018 года г. Луганск (ЛНР) / Под ред. Зорана Милошевича. Белград, 2019. С. 143 – 146.

визации социально-экономического развития края, что влекло за собой и более динамичное формирование социокультурного пространства (новый социокультурный ландшафт, учреждения и институты культуры, символические ценности и нормы, традиции, социокультурные группы и страты).

Территории изначально пограничного юго-западного фронта (внешний фронт)¹ со временем, а точнее, по мере устранения внешней военной угрозы, превращались во внутренний фронт. При этом они приобретали возможность определения новых векторов развития социокультурного пространства и расширения его масштабов, в том числе, и через систему субпространств, которые формировало полиэтничное местное население, сербские и иные славянские, романские переселенцы, казаки, татарское население и другие этносы региона. Уже на внешнем фронте этих регионов в середине XVIII в. взаимодействие военных поселенцев с местным населением и сообществами не ограничивалось только военно-политическими контактами, оно определялось и взаимными хозяйственными практиками и формированием культурных точек соприкосновения² (совместное проживание и служба, конфессиональные и культурные учреждения, формирование общих ценностей и традиций). Развертывание ВП в регионе способствовало притоку сюда на службу и в хозяйства офицеров населения со смежных территорий. На второй стадии развития данного фронта (внутренний фронт) здесь отмечалось наличие сложившихся контактных зон. В это время, то есть, при Екатерине II во второй половине 1760-х гг., постоянные поселения военных переселенцев (гусар и пандур) интегрировались в места обитания местного населения внутри осваиваемой территории, а вся зона славяносербского пограничья входила в «административное и правовое поле государства»³. До этого времени они имели особый статус с подчинением военной администрации и государственным финансированием. Таким образом, ВП – Новая Сербия и Славяносербия вместе с хозяйственным освоением и формированием экономической системы охраняемых территорий края во многом определили модель, векторную схему динамики и конфигурацию социокультурного пространства юго-западного фронта во второй половине XVIII в., придав определенное ускорение развитию этой пограничной зоны России.

Второе обращение к опыту развития военно-поселенной организации приходится на 1810 – 1850-е гг. В 1810-х гг. наряду с поселениями пехоты

¹ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России. С. 9.

² Там же. См: Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html>

³ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России. С. 9.

в Белоруссии и Новгородской губернии были сформированы ВП кавалерии в Херсонской и Слободско-Украинской губерниях, на Охтинском пороховом заводе (поселены 3 роты мастеровых и хлебопашцев), а в 1830-х гг. ВП – на Кавказском фронтире и Киевско-Подольское поселение кавалерии. В XIX в. ВП не являлись элементом фронта, за исключением Кавказского региона, где они создавались в виде отдельных селений или при штабах воинских частей, расквартированных в данном регионе. На положение поселенных переходили в 1810-х – 1830-х гг. полки и дивизии действующей армии с целью обеспечения их продовольствием от земли поселенных округов и постоянными квартирами, а также с целью пополнения подготовленными резервами из состава населения этих округов. Все поселенные роты, полки и дивизии были расквартированы во внутренних губерниях страны на государственных и бывших казацких землях (Слободская Украина, Херсонский регион). Для поселения кавалерии в 1810-х гг. были выбраны территории, где проживали потомки обитателей прежнего военизированного населения, в том числе, и жители прежней Новой Сербии, казаки. Император Александр I считал, что они легче смогут принять те перемены, которые следовали за изменением их социального статуса и правового положения, быстрее адаптируются к этим переменам.

Расквартирование действующих частей армии по округам ВП повлекло за собой масштабные перемены на этих территориях. Для поселения старослужащих солдат в Белоруссии и под Новгородом отстраивали новые ротные поселки и комплексы полковых и дивизионных штабов (практически только в Новгородском регионе) с полной административной и хозяйственной инфраструктурой¹. Как писал один из современников-иностранцев, «в каждом полку были построены большие каменные штабные городки, в которых размещались квартиры штаб- и обер-офицеров, церковь, госпиталь, экзерциргауз, небольшая гостиница, гауптвахта, конный завод и пр.»². Сохранился ценный визуальный источник, который полностью представляет весь комплекс полкового (штабного) поселения. Таким документом является литографированный атлас чертежей всех строений Второго округа Новгородских ВП пехоты со штабным центром в селении Муравьи. Атлас был выполнен главным строителем всего полко-

¹ Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. № 9. С. 119 – 154; Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 290 – 308.

² Майер Ф.И.Л. Русские военные поселения / Публ. и коммент. Г.М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. 2013. № 13 (23). С. 483.

вого комплекса инженером Ф.И. Рербергом¹. В 1817 – 1818 гг. архитектор А.И. Минут составил проекты солдатских и штабных связей, как и кордегардии. При этом он использовал тип крестьянских домов, выстроенных им в Грузии, имении графа А.А. Аракчеева². Архитектурный облик ВП пехоты и кавалерии и городов этого ведомства формировали признанные архитекторы и военные инженеры своего времени – В.П. Стасов, Т. Дюбю, А.И. Минут, Л. Руско, Г. Ламони, Л. Пели, И. Соколов, А.Е. Штауберт, Шаттен, Л.Л. Карбоньер, Ф.И. Рерберг, Е.И. Рерберг, А.Я. Фабр, К.Ф. Детлов, Анд. Тон, А.И. Штакеншнайдер, И. Макутин, В. Верлон, А.М. Достоевский (брат Ф.М. Достоевского) и др.³ В Новгородских ВП в болотистых районах проводились масштабные мелиорационные работы, расчищались и приспособлялись поля для возделывания различных сельхозкультур и площади под новое регулярное строительство.

Вновь отстроенные ротные поселки имели «следующую планировку: это протяженный острый полукруг, который образует плац, потом приветливое здание караульни с возвышающейся над ним изящной сторожевой башней и, наконец, дома офицеров-смотрителей и прислуги, мелочная лавка и пр. С обеих сторон к ним симметрично один за другим примыкают выстроенные по прямой линии тридцать двойных домов. Все эти шестьдесят домов, между которыми посажены овощи и фруктовые деревья, построены как единое целое и обустроены для проживания четырех семей, то есть в целом рассчитаны на двести сорок семей и расквартированных в них солдат действующих батальонов. Каждое здание имеет две двери и делится перегородкой на два дома с общим подвалом и надстройкой. Во дворах этих домов есть хлева и хозяйственные постройки.... Вдоль линии фасадов всех зданий тянется широкое шоссе с немного возвышающейся, обсаженной березами земляной насыпью, которое по обе стороны деревни огорожено стеной и решетчатыми воротами с караулом, проход через которые разрешен только офицерам или их друзьям в их сопровождении. За линией жилых домов поселения имеют собственные выезды»⁴. Практически все

¹ Атлас строениям в полковом штабе и в поселенных ротах гренадерского его величества короля Прусского полка с приложением карты всего округа и планов расположенный полкового штаба и поселенных рот. СПб., 1829.

² Пилявский В.И. Новгородские военные поселения. С. 124.

³ Там же. С. 121 – 145; Ячменихин К.М. Армия и реформы. С. 298 – 301; Бучастая С.И. Инженер генерал-майор К.Ф. Детлов [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.repin.in.ua/ru/articles/inzhener-general-mayor-kf-detlov-1789-1840>; Кецко О. Историко-градостроительный анализ Развития г. Кировограда. Рукопись [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://library.kr.ua/elib/ketsko/kirovohrad.html>

⁴ Майер Ф.И.Л. Русские военные поселения. С. 486.

современники, побывавшие в поселенных округах пехоты и кавалерии, отмечали хорошее состояние селений, городов, крестьянских хозяйств, полей, окружающего ландшафта: «Как во всех русских государственных учреждениях, так и в этих округах царят порядок и чистота, внутреннюю обстановку домов можно назвать удобной и уютной»¹.

В кавалерийских поселенных округах селения, посады, города также частично перестраивались и полностью благоустраивались, меняли свой внешний облик и наружный порядок. Здесь осуществлялась перепланировка офицерского и крестьянского жилых секторов, появлялись новые кварталы административных и хозяйственных зданий; ремонтировались и возводились новые церкви, учебные заведения, манежи, госпитали, полугоспитали и больницы. Были устроены санатории на минеральных водах, деловые дворы, дороги, обустраивались рекреационные зоны и зоны отдыха, торговые места, почтовые станции, пути сообщения, разделялись и приводились в порядок сельскохозяйственные угодья². Получило развитие плантационное и пасечное хозяйство – лесные и шелковичные плантации, фруктовые сады, общественные и церковные пасеки³, росли стада рабочего и продуктивного скота, «на улучшение пород рогатого скота и лошадей» было «обращено особое внимание»⁴, совершенствовалась культура земледелия и система скотоводства. В округах ВП кавалерии были созданы воловьи парки, конские заводы и заводы меринских овец, коновальские (ветеринарные) школы, школы-фермы, школы шелководства и садоводства.

Со временем поселенные округа стали опережать смежные регионы по уровню социально-экономического развития за счет роста их матери-

¹ Там же.

² Кандаурова Т.Н. Трансформация культурных ландшафтов в российских военных поселениях в XIX веке // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18 – 21 мая 2015 г.). СПб., 2015. Ч. II. С. 255 – 263; Кандаурова Т.Н. Социокультурная инфраструктура военных поселений в XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Материалы IV Межд. научно-практич. конф., посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном ун-те. Екатеринбург, 1 – 4 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 325 – 336.

³ Кандаурова Т.Н. Развитие новых отраслей сельскохозяйственного производства в округах военных поселений кавалерии в XIX в. (по материалам РГВИА) // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 21 – 22 октября 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 70 – 78.

⁴ Статистичний опис округів Українського військового поселення. 1856 г. // Цубенко В.Л. Документи из історії військових поселень в Україні. Харків, 2008. С. 57.

альной базы и политики правительства. Это обеспечивалось мерами по установлению баланса всех звеньев хозяйственной системы, контроля со стороны военной администрации и хорошей обеспеченности военно-поселянских хозяйств рабочей силой и материальными средствами, в том числе из резервных и страховых фондов (запасные хлебные магазины, фуражные запасы, вспомогательные и заемный денежные капиталы). Подобные тенденции были характерны и для развития социокультурного сектора и пространства территорий, на которых существовали ВП. Укреплялась со временем материальная база культурных учреждений, рос социокультурный потенциал полковых округов за счет сети новых социальных и культурных учреждений. Сформированная система начального и среднего специального образования способствовала формированию кадров специалистов для армии, аграрного сектора, сферы образования и здравоохранения, ветеринарной службы, ремесленных мастеров, а также кадров для различных военно-хозяйственных структур¹. Рост числа подготовленных специалистов разных профессий обеспечивал умножение культурного потенциала регионов ВП и развитие социальных и культурных учреждений. В связи с изменением социального статуса и значительным государственным патернализмом, коренным образом изменился социокультурный облик всех категорий военных поселян, а также менялся уклад прежней привычной жизни. В рамках формирования военно-поселенной (военно-земледельческой) субкультуры отмечалась трансформация их ментальности.

Менялась и социокультурная среда селений, посадов и городов, особенно полковых и дивизионных центров поселенных округов. В этих центрах или по соседству размещались все основные учебные заведения и ме-

¹ Майер Ф.И.Л. Русские военные поселения. С. 487 – 489; Кандаурова Т.Н. Система образования в военных поселениях России в XIX в. // Педагогика. 2000. № 7. С. 73 – 78; Кандаурова Т.Н. Система подготовки кадров для военных поселений в России: военно-учительские институты первой половины XIX века // Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. «Санкт-Петербург и мировая наука» (23 – 27 июня 2003 г.). СПб., 2003. Вып. XIX. С. 306 – 309; Ячменихин К.М. Армия и реформы. С. 152 – 153; Кандаурова Т.Н. Школы сельского хозяйства и земледельческие фермы в кавалерийских военных поселениях в России в XIX веке // К профессиональной карьере и жизненному успеху – через инновации. Сб. материалов межд. конф.: в 2 ч. Архангельск, 20 – 21 апреля 2009. Москва; Архангельск, 2009. Ч. 2. С. 29 – 37; Кандаурова Т.Н. Подготовка армейских кадров в системе учебных заведений кантонистов: по материалам Департамента военных поселений // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / гл. редактор Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. Вып. 19. С. 346 – 365 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/77616>

дицинские учреждения, штаб-квартиры, социальные учреждения, учреждения культуры. В крупных городах и посадах развивалась стационарная торговля, проходили ярмарки и торги¹. Ярмарки помимо социально-экономических задач и функций маркетинговой коммуникации, выполняли и определенные социокультурные, в том числе культурно-коммуникативные функции, являлись местами кросс-культурных коммуникаций. Они, как и в других регионах, были «также крупным культурным явлением, культурной акцией, местом, где различные социальные, профессиональные и этнические взаимодействия находили выражение в реальных формах повседневной культуры. ... Ярмарки – это организованное при помощи правил, законов и обычаев действо, отмечаемое в культурной или религиозной традиции как праздник»².

Организация ВП послужила основой для формирования обновленного конструкта социокультурного пространства определенных северо-западных, белорусских и южных территорий. Под влиянием насущных задач и потребностей времени (содержание большой армии с минимальными затратами) происходило изменение структур, элементов и конфигурации социокультурного пространства означенных территорий. Это также обеспечивало более динамичное развитие пространства и его обновление, трансформацию в сторону наращивания культурного потенциала за счет роста и укрепления его материальной базы. Система, концепт и векторы развития социокультурного пространства регионов ВП во многом в этот период определялись и выстраивались под контролем военной администрации государством, как и вся сама военно-поселенная организация.

¹ Ижикова Н.В. Ярмарка в социально-экономическом и культурологическом аспектах: Автореф. дис. ... к. культурол. М., 1998. С. 17 – 19; ее же. Культурные смыслы экономического обмена: торг, рынок, ярмарка: учеб. пособие. Петрозаводск, 2005; Краснощеков В.А. Ярмарочная торговля как механизм культурной интеграции в полиэтнических регионах: на примере ярмарок Среднего Поволжья в XIX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 4. С. 46 – 56.

² Краснощеков В.А. Ярмарочная торговля. С. 52 – 53.

Фруменкова Т.Г.
Благотворительные больницы императрицы
Марии Федоровны и Отечественная война 1812 г.¹

Благотворительной больницей в Петербурге была больница для бедных, основанная в 1803 г. 28 июня 1812 г.² вдовствующая императрица Мария Федоровна сообщила Петербургскому опекунскому совету, что «по поводу возгоревшейся ныне войны» она с согласия Александра I учреждает при местной больнице для бедных «отделение для 50 раненых штаб- и обер-офицеров» за счет суммы, принадлежавшей «уничтоженному Ижорскому оспенному дому» и средств из кабинета императора по 2464 руб. в год, которые прежде производились на Оспенный дом. «А я на сей же предмет назначаю из моей казны по 3000 руб. в год во все продолжение существования сего отделения», – заявила Мария Федоровна. Временному отделению передавались 24250 руб., хранившихся в сохранной казне и принадлежавших Ижорскому оспенному дому, с накопившимися процентами. Из этих средств по требованиям почетного опекуна, управляющего больницей, полагалось «отпустить сколько понадобится на первое заготовление для одного отделения разных вещей, одежды, белья и пр., означенных в приложенном реестре». Императрица предложила совету сделать представления о размерах прибавки жалования «приемлющим на себя пользование раненых офицеров медицинским чиновникам»³.

11 июля совет сообщил Марии Федоровне, что «на сие изъявили согласие штаб-лекарь Елинский и лекарь Рахманин». Опекуны предложили назначить им сверх жалования по 500 руб., начав «выдачу им сей прибавки с того времени, когда будет открыто то предполагаемое отделение и поступят раненые <...> офицеры»⁴. В конце месяца это предложение было утверждено.

В августе тайный советник и сенатор Ф.М. Брискорн объявил Петербургскому опекунскому совету, что из «усердия к человеколюбивым заведениям» он жертвует в пользу отделения для раненых офицеров «получаемое им жалование в 3000 руб. <...>, которое вносить будет до прекращения нынешней со Франциею войны ежетретно, по мере как оное выдавае-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской империи в период военных потрясений (XIX – нач. XX вв.)».

² Даты в статье даются по старому стилю (юлианскому календарю).

³ РГИА. Ф. 758. Оп. 1. Д. 1435. ЛЛ. 171 – 173 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 205 – 206.

мо будет». 15 августа императрица распорядилась поблагодарить его «от совета, а в конце года включить в список благотворителей». Последнее пожертвование от сенатора (жалование за январскую треть 1813 г.) поступило 5 июня 1813 г.¹

Кстати, можно предположить, что сенатора с иностранной фамилией побудила к благотворительному жесту, в том числе, и атмосфера подозрительности, сложившаяся в те дни вокруг иностранцев. Она подогревалась сверху. 8 июля Мария Федоровна известила оба опекунских совета – Московский и Петербургский, что император признал за благо «принять меры в рассуждении находящихся в России иностранцев». В связи с этим императрица повелела представить ей точные списки всех находившихся в ведомстве воспитательных домов и их заведений иностранцев. О каждом из них полагалось сообщить, давно ли он находится в России, состоит ли в российском подданстве, «чинил ли предписанные в разные времена присяги и когда именно». Кроме того, следовало «приобщить мнение совета» о благонадежности иностранных подданных, их отношении «к их правилам, образу мыслей и приверженности к России <...> с объявлением при том, приемлет ли совет на себя ответственность за них»². Проверку иностранцев намечалось провести при соблюдении строгой секретности.

В документах Мариинской больницы для бедных удалось обнаружить дело, посвященное этому отделению, однако оно содержит сведения исключительно о средствах, поступавших на счет отделения, а также об израсходованных его работниками суммах.

Однако из этих документов можно извлечь и некоторую информацию об организации работы отделения. По распоряжению императрицы, подписанному еще 25 июня 1812 г., в отделение полагалось принимать «единственно раненых в начавшейся ныне войне штаб- и обер-офицеров», и «для лучшего надзора в отношении к благочинию и порядку» Александр I «со стороны военного ведомства» назначил генерал-майора П.Я. Башуцкого. К нему должен был обращаться и почетный опекун, управлявший больницей, и «главный лекарь в случае нужды»³. П.Я. Башуцкий в то время отвечал за подготовку воинов Петербургского ополчения и формирование запасных батальонов для полков действующей армии⁴.

12 июля «на первое заготовление» отделению было отпущено 2140 руб., 18 июля к ним добавились 55 руб., а 30 июля – еще 180 руб., итого

¹ Там же. ЛЛ. 213 – 213 об.; Оп. 15. Д. 301. ЛЛ. 16, 40.

² Там же. Оп. 1. Д. 1435. ЛЛ. 195 – 195 об.

³ Там же. Оп. 15. Д. 301. Л. 2.

⁴ Русский биографический словарь. Т. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 622.

«на обзаведение» израсходовали 2375 руб. В августе 1812 г. на расходы смотрителю больницы Гете отпустили 340 руб.¹

5 августа Мария Федоровна выделила на отделение 1000 руб., а 13 сентября Г.И. Вилламов препроводил к руководителям отделения 1000 руб. на сентябрьскую треть года от императрицы и по 1000 руб. от имени ее младших сыновей великих князей Николая Павловича и Константина Павловича². Перечисления от имени младших братьев Александра проводились каждую треть года вплоть до января 1816 г.³

Раненые офицеры начали поступать в отделение 1 августа 1812 г. С этого дня оба доктора стали получать доплату к жалованию. Расходы на дом менялись так: в сентябре 1812 г. на лечение пациентов почетный опекун И.В. Тутолмин попросил 225 руб., в октябре – 105 руб., в ноябре – 200 руб. В декабре требований не было⁴. Таким образом, на устройство отделение потребовалось 2375 руб., а на лечение раненых – еще 870 руб.

В 1813 г. расходы на пользование раненых несколько возросли. Вероятно, была израсходована часть первоначальных припасов. В январе 1813 г. И.В. Тутолмин затребовал на отделение еще 400 руб., в феврале – 700 руб., в марте – 400 руб., в апреле – 300 руб., в мае – 900 руб., в июне – 700. В июле его сменил почетный опекун Митусов. Он попросил 700 руб., в августе – 900, в сентябре – также 900 руб. В октябре к исполнению опекунских обязанностей вернулся И.В. Тутолмин, в этом месяце на отделение ему потребовалось 600 руб., в ноябре и декабре – по 500 руб.⁵ В целом, за 1813 г. на отделение было израсходовано 7500 руб.

В январе 1814 г. на отделение по требованию почетного опекуна И.В. Тутолмина было отпущено 500 руб., в феврале, марте и апреле – по 600 руб., в мае – 400 руб., в июне по требованию почетного опекуна И.Я. Аршеневского – 600 руб., в июле, вновь по представлению И.В. Тутолмина, – 300 руб., в августе и сентябре – по 400 руб., в октябре – 700 руб.⁶ Сведения о перечислениях на отделение с ноября 1814 по сентябрь 1815 г. в деле отсутствуют.

В октябре и ноябре 1815 г. по требованию все того же И.В. Тутолмина отделению выделили по 400 руб. Информация о дальнейших переводах отсутствует. Наконец, 17 августа 1816 г. Мария Федоровна постановила: «Прекращаю теперь существование при больнице для бедных отделения для раненых штаб- и обер-офицеров». С разрешения императора она по-

¹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 301. ЛЛ. 7 – 9.

² Там же. ЛЛ. 10, 15.

³ Там же. ЛЛ. 26 – 27, 36 – 38, 44 – 45, 50, 62, 67.

⁴ Там же. ЛЛ. 21, 23 – 24.

⁵ Там же. ЛЛ. 30 – 31, 33 – 35, 38 – 39, 41 – 43, 46 – 49.

⁶ Там же. ЛЛ. 51, 53 – 61.

становила: «По выдаче находившимся при помянутом отделении медикам и прочим служителям причитающегося жалованья прекратить всякий дальнейший по сему отделению расход, так как и приход прекращается, и все остающиеся от содержания оногo суммы, причитая к каждой наросшие проценты, и не снимая их вместе, иметь в обращении сохранной казны особенными капиталами, принадлежащими отделению раненых офицеров, с тем, что если, от чего Боже избави, оказалась бы надобность возобновлять такое отделение, оногo могло быть содержано на счет означенных капиталов».

Штаб-лекарю Елинскому (Еллинскому) императрица пожаловала бриллиантовый перстень, доктору Надеру, видимо, сменившему А.М. Рахманина (Рахманова, Рахманинова), – золотые часы, а на раздачу фельдшерам и хожатым «по благоусмотрению управляющего больницею почетного опекуна» выделила 60 руб.¹

Лишь в 1839 г. все оставшиеся после работы отделения средства были причислены к собственному капиталу больницы².

Естественно, судьба благотворительных больниц в Москве в 1812 г. сложилась совершенно иначе. С екатерининских времен в старой столице действовала благотворительная больница, в 1801 г. получившая название Павловской. В 1802 г. начала работу Голицынская больница. Московская больница для бедных открылась одновременно с Петербургской в 1803 г. В том же году начал работать вдовый дом, помещения которого, также, как здания Московского воспитательного дома, Екатерининского и Александровского институтов, использовались в 1812 г. для больных и раненых³.

5 августа 1812 г. председатель Московского опекунского совета А.М. Лунин по аналогии с Петербургом предложил императрице «во облегчение учрежденных при войсках госпиталей» до 100 раненых штаб- и обер-офицеров прислать в Москву для размещения в московских больницах. В Мариинской больнице для бедных он намеревался «без утеснения штатного числа больных» поместить 40 чел., в Павловской больнице и в инвалидном доме Шереметевой, в 1812 г. «остающемся праздным» – по 20, в Голицынской, Шереметевской и состоящей в ведении Приказа общественного призрения Екатерининской – еще по несколько раненых⁴. Воен-

¹ Там же. ЛЛ. 63 – 64, 68 – 68 об.

² Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. СПб., 1882. С. 428.

³ Там же. С. 55, 437, 453, 472.

⁴ Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источ-

ная ситуация не позволила реализовать эти планы. 31 августа А.М. Лунин, отправившийся в Казань со служащими, документами, деньгами и ценностями кредитно-финансовых учреждений опекунского совета, с дороги сообщил императрице, что не смог выполнить утвержденное ею предложение о приеме раненых из-за своего отъезда и невозможности обеспечить больницы дополнительными средствами и провиантом¹.

9 августа 1812 г. Мария Федоровна подписала распоряжение об эвакуации ряда подведомственных ей московских заведений, в том числе, многих питомцев и педагогов воспитательного дома, в Казань. 15 августа главнокомандующий Москвы граф Ф.В. Ростопчин объявил этот приказ Московскому опекунскому совету. Больница для бедных оставалась «в прежнем положении и действии под управлением главного лекаря» Х.Ф. Оппеля. Сначала предполагалось, что она продолжит обычную работу. Через несколько дней, еще до Бородинского сражения, ситуация изменилась, и больницу приказали «оставить на прежнем основании до излечения лежачих больных, которые при вступлении неприятеля находиться будут», новых больных принимать не разрешалось, а приходящим следовало оказывать помощь, пока будет достаточно лекарств. Часть лекарей отправилась в Казань². 22 августа смотритель обратился с письмом к императрице Марии Федоровне. Он предложил почетному опекуну А.И. Муханову отправить в Казань дополнительно двух докторов – «штаб-лекаря Стропова и лекаря 9-го класса Стрелецкого», без которых, по его мнению, больница сможет обойтись. Опекун, впрочем, ответил, что «ни в одном медицинском чиновнике из больницы для бедных нужды он не имеет, и как советом относительно их отправки ничего не учреждено, то сей предмет остается до дальнейшего повеления без исполнения». В остальной части письма смотритель многократно обещал служить, «ни в чем себя не щадя»³. Возможно, он попытался помочь покинуть Москву двум своим сослуживцам.

Между тем, 2 сентября Мария Федоровна, получив известие о Бородинском сражении, написала Ф.В. Ростопчину, что «беспокоится о размещении раненых»⁴. Однако в большинстве зданий благотворительных больниц русских раненых было немного. Исключение составлял Кудринский вдовый дом. Здесь, по сведениям историков, к 1 сентября было размещено

ников Государственного исторического музея (далее – Москва в 1812 году). М., 2012. С. 138 – 139.

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. ЛЛ. 69 – 70.

² Багдадов И.И. Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 105.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. ЛЛ. 24 – 25.

⁴ Там же. Л. 73.

до 3000 раненых и больных солдат. Поздним вечером того же дня после объявления о спешном «выводе» их из Москвы в нем оставалось не менее половины больных и раненых. 3 сентября произошла страшная трагедия: во время московского пожара дом сгорел. В огне погибли около 700 чел., не сумевших покинуть пылающее здание. Смотритель Н.Ф. Мирицкий не имел никаких возможностей спасти дом от пожара, служителей при раненых не было¹.

Мариинская больница для бедных во время пребывания французов в Москве была сохранена благодаря усилиям смотрителя главного лекаря Х.Ф. Опделя. Обычная работа больницы продолжалась до 4 сентября. В ней лечились русские больные (57 мужчин и 75 женщин, всего 132 чел.). Затем французское командование переправило их в Екатерининскую больницу. Оставшись «без всякого пропитания и призрения», все, кто могли, покинули больницу, и Х.Ф. Опдель ничего не знал об их судьбе. Больница была обращена во французский госпиталь, причем, по словам смотрителя, «французское правительство, видя больницу для бедных благоустроенною, <...> крайне напряглось, колико только можно было положить больных в оную; против чего я всеми силами противостоял, представляя <...> от того вред, как собственно для самых больных, так и для врачей <...>, то комиссары для их умножения, более мести, проговаривали занять для сего даже и наши квартиры <...> Но граф Дюма, генерал-интендант французской армии, <...> к сему не допустил, <...> даже приказано было впредь в коридорах больных не класть, а только на убылые в палатах места принимать больных, что, однако ж, не было строго исполняемо. <...> Не удовлетворяясь числом наших 220 кроватей, взяли они еще из Екатерининского института 24, разместив оные по палатам. Сверх того на полу еще положили больных, дабы более поместить можно было»².

Пользование больных и раненых было предоставлено русским медикам. Главноуправляющим по медико-хирургической части оставался Х.Ф. Опдель, и до определения французского госпитального директора он, кстати, знавший французский язык, «весьма много претерпел досады и ропота» от иноземных пациентов. «Бесчисленному в то время стечению народа в больнице дал я в ограде оной убежище от пожара, грабежа и насилия спасения искавшего, хотя и не без страха», – сообщал смотритель

¹ Земцов В.Н. Судьба русских раненых, оставленных в Москве в 1812 г. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813 – 1814 годов: Материалы Международной научной конференции. Бородино, 2015. С. 234 – 235.

² Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 153.

императрице. Он сумел также добиться от французов «охранительной для больницы стражи». Когда казенные средства были истрачены, многие служащие больницы в складчину содержали «охранительный караул из 8 и 10 человек». Французский же администратор лишь снабжал своих больных «весьма посредственной пищей», русским же сотрудникам больницы «выдавал малое количество печеного хлеба, и то на одно только лицо каждого служащего, и понемногу испорченной говядины». 15 октября главный лекарь с ужасом писал Марии Федоровне: «От множества больных, многих в коридорах валявшихся и изнурительными поносами одержимых, от их неопрятности и самовольства воздух сделался испорченным и заразительным, отчего <...> штаб-лекарь Рожалин и лекарь Стрелецкий сильно занемогли и теперь еще не выздоровели. Помогать же больным должным образом, по причине совершенного недостатка в пище и лекарствах, нечем было, ибо французское правительство оными нас не снабдило»¹.

С 4 октября французы начали переводить своих больных и раненых в другие места, в том числе, в воспитательный дом и здание Голицынской больницы. Их по-прежнему лечил доктор Х.Ф. Оппель, причем его обязали посылать ежедневные ведомости о числе и состоянии только больных внутренними болезнями, но не раненных или страдавших от болезней наружных.

В целом, представители французских военных властей, очевидно, были удовлетворены деятельностью больницы для бедных и тем, как ее сотрудники ухаживали за их соотечественниками. Один из них даже пообещал сообщить о работе медиков Наполеону для назначения им жалования, на что медицинские чины ответили, что жалование по службе они уже получают. Тем не менее, ситуация вокруг больницы, как и во всей занятой врагом древней столице, была критической. После вывоза основной части французов больница осталась без военной защиты. Стоявшие вокруг здания солдаты и офицеры противника «без всякой осторожности» жгли костры и разгуливали по подсобным помещениям со свечами. Во время первого рейда русских казаков в ходе перестрелки был ранен штаб-лекарь Деветт (де Ветти, де Ветте)².

К моменту вступления в Москву русских войск в Мариинской больнице для бедных лечились 40 раненых французов, к 15 октября их осталось 35. На их содержание Х.Ф. Оппель сумел получить 25 руб. от обер-полицеймейстера П.А. Ивашкина. Кроме того, в больнице находились на излечении до 10 «сидельниц» (сиделок, женщин, обслуживавших больных), которые «после выхода французов занемогли горячками нервного и

¹ Там же. С. 152 – 153.

² Там же. С. 153.

злого характера». Их положили в одну палату под присмотром штаб-лекаря Рединга, а провизию и лекарства для них закупали за счет больницы. В больницу также явился русский офицер, «при Можайске в ногу раненный и по выступлении французов к нам пришедший <...>, и русские же старых лет разночинцы, <...> крайне больными пришедшие и никакого места не имеющие». В письме от 10 ноября главный лекарь уже не упоминал о французских солдатах, но число русских больных почти не изменилось и составляло 12 человек¹.

Русские раненые в значительном количестве были размещены в помещениях Екатерининского института и Александровского училища, воспитанницы которых были эвакуированы в Казань. Уже 3 сентября И.А. Тутолмин получил известие, что они остались без пищи и присмотра, а умершие не похоронены, но был не в состоянии оказать им помощь. Сохранились отзывы о жестокости противника. В конце года один штабс-капитан написал заявление о принятии его в инвалидный дом Шереметевой. Он сообщил, что при неприятеле находился в военном госпитале. Французы очищали его помещения от покойников и вместе с мертвыми телами выбросили автора прошения со второго этажа. Только через несколько дней он опять был перенесен в госпиталь².

Непосредственный надзор за зданиями и обитателями обоих учебно-воспитательных заведений был поручен Х.Ф. Оппелю. За помещениями первого из них присматривал оставленный в Москве чиновник 14-го класса Я. Перфильев, по возможности поддерживавший связь со служащими больницы. Екатерининский институт был занят французскими ранеными. В Александровском институте после первого «пожара и грабежа» нашел убежище часовой мастер И. Рингель с женой и детьми. Здание его было заполнено «российскими ранеными». Главный лекарь известил императрицу, что еще до вступления французов в Москву медики «в своей больнице с утра до ночи перевязывали, и оным операции делали, и те, кои ходить к нам не могли, были особенно мною препоручены штаб-лекарю Стропову, на то охотно готовность оказавшему, дав ему надлежащую и зависящую от меня в людях и медикаментах подмогу»³. Этих раненых со-

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 168; Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 154.

² Багдадов И.И. Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 110 – 111.

³ Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспита-

трудники больницы содержали за счет средств своего заведения до тех пор, пока французы разрешали им выходить «со двора». Стропов назначил заботившегося о раненых Я. Рингеля неофициальным смотрителем импровизированного госпиталя. Ежедневно с 5 по 20 октября он продолжал раздавать больным «оставленный французами малый съестной припас», но нехватка людей и недостаток всего самого необходимого не позволили докторам и их добровольным помощникам, по словам Х.Ф. Оппеля, «успеть по желанию и усердию нашему». Позднее, видимо, в ноябре 1812 г. (в переписке Марии Федоровны с москвичами существует определенная путаница с датами – Т.Ф.), в обоих институтах оставалось еще около 300 «русских раненых военных нижних чинов»¹. Смотритель надеялся добиться их перевода в военный госпиталь.

На первый взгляд, хозяйство больницы для бедных пострадало от врага не слишком значительно. Итальянские драгуны, не обращая внимания на «охранительные билеты», захватили казенных лошадей с телегами. При перевозке больных пропали 28 байковых одеял. В течение октября – ноября выяснилось, что штаб-лекарь М.К. Рожалин был ограблен солдатами французской армии и потерял ценностей и денег на 1292 руб. Аптекарь Шредер лишился 60 руб. и некоторых вещей, цену которых не смог указать. Аптекарь И. Буттер «при пожаре, похитившем аптеку со всеми медикаментами, лишился всего имущества и даже нужного одеяния»². В ноябре 1812 г. в больнице для бедных провели полную опись имущества. Больница недосчиталась немалой части инструментов (например, комплектов карманного хирургического инструмента), постельного и столового белья, посуды и кухонной утвари³. Впрочем, трудно сказать, кто именно позаимствовал вещи и предметы. Если же принять как данность, что это были французы, то они не воровали целенаправленно медицинское оборудование, а просто вели себя как победители – брали, что хотели, для жизни, для лечения, может быть, в качестве сувениров. Оба институтских дома «во время смутных в Москве обстоятельств», по словам главного надзирателя воспитательного дома, «были разграблены как в домашних вещах, так и в церковных»⁴.

Главный директор Павловской больницы А.М. Лунин, покидая Москву по распоряжению Марии Федоровны, 19 августа 1812 г. подписал приказ по Павловской больнице, поручив управление ею смотрителю

тельного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 154.

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 168.

² Там же. Д. 60б. Л. 33.

³ Там же. Д. 60а. ЛЛ. 320 – 333 об.

⁴ Там же. Л. 295.

П.П. Носкову. Больница должна была работать по-прежнему. Впрочем, лежащих больных следовало принимать с предварительной оплатой. Больнице было оставлено 5900 руб. на расходы, в первую очередь, на оплату услуг поставщиков продовольствия. Почетный опекун считал, что этих средств хватит на 4 месяца и более (примерно такую сумму ей выделяли в обычное время на треть года из казначейства). «Ежели иногда, от чего Боже нас сохрани, Москва будет неприятелем крайне стесняема, тогда прием больных совсем прекратить», – несколько неопределенно говорил автор приказа. Впрочем, этот документ был подписан еще до Бородинского сражения. Один из штаб-лекарей больницы отправился в Казань, но почетный опекун считал, что оставшихся врачей будет достаточно. Если же число новых больных сократится или вовсе прекратится, медиков следовало по согласованию с главнокомандующим Москвы временно перевести в военные госпитали¹.

Смотритель сумел сохранить больницу во время пожара, но в начале сентября больница и, в первую очередь, аптека и имущество служащих пострадали от грабежей французских и польских солдат. Сам П.П. Носков, по собственным словам, «остался по разграблению в одном платье, на мне бывшем». 8 сентября французское командование назначило ее для размещения раненых. Сюда привезли 23 офицера и 71 солдата. Через неделю нижних чинов перевели в университет, и больница использовалась для лечения только офицеров. Судя по сообщению смотрителя, в Павловской больнице у французов были примерно те же проблемы, что и в больнице для бедных. До 10 октября через нее прошло до 120 чел. Выходя из Москвы, французы захватили раненых с собой². Павловская больница подверглась разграблению, но «при всех грабительствах и повреждениях, которым подвержены были деревянные строения, каменный корпус, церковь и денежная сумма остались в сохранности»³, в чем императрица справедливо видела заслугу смотрителя и его подчиненных.

В Казань по воле императрицы отправился главный директор Екатерининской (Голицынской) больницы, штаб-лекарь и другие видные служащие, как пишут авторы одного из юбилейных изданий, также «удали-

¹ Там же. ЛЛ. 20 – 21 об.

² Багдадов И.И. Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 117; Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Там же. С. 152 – 155; 156 – 158; Монографии Ведомства учреждений императрицы Марии. С. 464.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. Л. 295.

лись». В больнице остался только младший медицинский персонал и низшие служители. Больным и обитателям богадельни было предоставлено право свободного выхода из больницы. В последние дни августа церковная утварь, картины и запасное больничное белье были спрятаны в кладовые, двери которых были заложены кирпичом, а затем оштукатурены под цвет стен коридора. После Бородинского сражения сюда были доставлены некоторые раненые из состава русской армии. В день вступления французов в Москву 2 сентября Е. Богарне установил у больницы охрану, медицинское учреждение не было ограблено, сохранилось после пожара, и французы считали его главной больницей Москвы. Французские медики лечили здесь преимущественно французских офицеров. Сюда стекались и местные жители, лишившиеся жилья и пропитания. Число выдаваемых порций доходило до 100 и даже до 162. Согласно одному из рапортов, в больнице лечились 44 чел., из них 28 французов. Медицинское обслуживание производили только французские врачи, и после ухода сюда приехали павловский доктор с лекарем¹.

Огромный госпиталь для французских раненых и больных (до 3000 чел. одновременно) был учрежден и в пустующих после эвакуации значительной части питомцев помещениях воспитательного дома, вопреки возражениям главного надзирателя И.А. Тутолмина, опасавшегося такого соседства с малолетними детьми. После того, как французы оставили Москву, администрации дома пришлось вывезти захороненные вблизи дома тела умерших, а также провести дезинфекцию помещений и территории. Куда делись примерно полторы тысячи раненых французских солдат, неясно. 9 оставленных в доме французских офицеров, полкового лекаря и 10 чел. обслуги императрица, «воздавая неприятелю за зло добром», взяла под свое покровительство и выделила собственные средства – 500 руб. – на их содержание. Она попросила И.А. Тутолмина изыскать возможность разместить их в доме, что и было сделано. Рапорты об их состоянии отсылались Марии Федоровне. Позднее, незадолго до возвращения в Москву опекунского совета, французов перевели в Павловскую больницу².

После того, как связь Петербурга и освобожденной от неприятеля Москвы восстановилась, императрица развернула энергичную деятельность, стараясь держать ситуацию в своих московских заведениях, в том числе, и в благотворительных больницах, под контролем. Она направляла в медицинские учреждения деньги и медикаменты, требовала от их руководителей регулярных и подробных отчетов, настаивала на том, чтобы боль-

¹ Монографии Ведомства учреждений императрицы Марии. С. 475.

² Багдадов И.И. Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году // Москва в 1812 году. С. 111, 121.

ницы после санитарной обработки как можно скорее начали «вспомоществовать бедным, страждущим болезнями». В разоренную Москву были направлены доверенные лица Марии Федоровны почетные опекуны А.П. Нечаев и А.У. Болотников. Императрица поощряла стремление чиновников благотворительных заведений давать признание москвичам разных сословий, лишившихся крова и имущества¹.

В конце ноября 1812 г. в Петербург пришли сведения о готовности Московской Мариинской больницы для бедных начать прием больных. В начале декабря она вновь начала «благотворительные свои действия»².

Итак, больница для бедных в Петербурге в особом отделении лечила раненых офицеров за счет капиталов закрытого медучреждения, средств представителей императорской фамилии и отдельных благотворительных пожертвований.

В здании Кудринского вдовьего дома в Москве во время пожара погибли сотни русских раненых. Почти все остальные московские благотворительные больницы и учреждения общественного призрения усилиями их работников не пострадали во время пожара или пострадали не слишком сильно. Русских больных и раненых в большинстве из них было не так много, и пустующие помещения заняли французские раненые. С ними работал как русский, так и французский медицинский персонал. Основная задача смотрителей и главного надзирателя воспитательного дома состояла в сохранении помещений и по возможности имущества учреждений. Нетерпимость к поверженному противнику не подразумевалась. Никто не и не думал наказывать чиновников за участие в организации помощи раненым и больным французам. Более того, Мария Федоровна взяла под свое покровительство оставленных в Москве раненых французов.

Рогушина Л.Г.

Государственная и общественная помощь нижним чинам и их семьям в первой половине XIX в.³

В первой половине XIX в. в России после Отечественной войны 1812 г. возникает специальная форма благотворительности, которую весьма условно можно назвать военной благотворительностью. Этот вид благо-

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60а. ЛЛ. 210, 212, 215, 233, 296 – 297.

² Там же. Л. 310.

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской империи в период военных потрясений (XIX – нач. XX вв.)».

творительности касался не только офицеров и их семей, но и нижних чинов и их семей, а также мирного населения, пострадавшего в период военных конфликтов. Власть пытается создать в стране систему как государственной, так общественной и частной помощи пострадавшим в ходе войн. Создание системы военной благотворительности жестко диктовалось постоянными военными конфликтами общеевропейского масштаба, в которых участвовала Россия¹. В результате все большее количество как военных, так и гражданских лиц нуждалось в оказании помощи.

Военные являлись особой группой в Российской империи, представителей которой можно назвать солдатским сословием². К солдатскому сословию относились как нижние чины, находящиеся на службе, так и вышедшие в отставку, а также члены их семей и кантонисты. В 1762 г. для нижних чинов был установлен 25-летний срок службы вместо бессрочного; в 1834 г. фактический срок действительной службы был сокращен с 25 лет до 20 (юридически с 1856 г.)³. Именно нижние чины являлись ударной силой во всех военных конфликтах, в результате чего эта категория военных остро нуждалась в помощи. Однако в системе военной благотворительности первоначально основное внимание и различного вида помощь была направлена в первую очередь пострадавшим офицерам и их семьям, впоследствии она стала оказываться и нижним чинам, и их семьям, но в гораздо меньшем объеме. До начала XIX в. по отношению к нижним чинам в основном существовало государственное призрение, законодательно оформленное. Сюда среди прочих нужно отнести указ 1764 г., заменивший петровское законодательство, в соответствии с которым вместо монастырей нижние чины так же, как и офицеры, направлялись на поселение в особо назначенные местности. Со дня выхода в отставку нижние чины должны были получать жалованье (капралы и унтер-офицеры по 15, а рядовые – по 10 руб. каждому)⁴. Также в соответствии со специальными указами оказывалась помощь вдовам и детям нижних чинов⁵. Александр I, не меняя в целом основ указа 1764 г., разделил отставных солдат на 3 разряда в зависимости от срока службы. В 1-й разряд вошли те, кто имел 20-летний срок

¹ Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. Т. 2. С. 53.

² Скобликов С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета: журнал теоретических и прикладных исследований. 2015. № 3/2 (87). С. 215.

³ [Б/а]. Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825 – 1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 426.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060.

⁵ Там же. Т. XXV. № 14704.

беспорочной службы, во 2-й – те, кто вышли в отставку раньше по разным причинам, но не по суду, в 3-й разряд вошли вышедшие в отставку по суду¹. Что касается размера жалованья, то оно не менялось с 1764 г., и никак не учитывало меняющуюся финансовую ситуацию, постоянно уменьшаясь и уже изначально являясь мизерным. 16 сентября 1807 г. выходит указ Александра I о помещении раненых и увечных нижних чинов в особые инвалидные дома². Но указ выполнен не был, а инвалидные дома не были построены³. Иначе говоря, до Отечественной войны 1812 г. общественной и частной инициативы в оказании помощи нижним военным чинам практически не существовало. Во время войны власть оказалась перед необходимостью оказывать помощь большим группам населения, и не смогла полностью справиться со своей задачей. Императорская фамилия выступает примером в благотворительности по отношению к жертвам войны. По инициативе императорского дома создаются разного вида общественные организации для оказания помощи жертвам войны.

В ноябре 1812 г. были созданы «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» и «Императорское женское патриотическое общество», целью которых стало оказание помощи пострадавшим от военных действий. Общество предполагало оказывать помощь только вдовам и детям, пострадавшим в ходе войны 1812 г., затем задачей становится призрение всех пострадавших от войн, а затем и благотворительность по отношению к женщинам и детям в целом⁴. Помощь должна была оказываться и семьям нижних чинов, особое внимание в обществе уделялось солдатским дочерям.

Инициатива подхватывается обществом. В 1813 г. на основе частной инициативы Помиана Пезаровиуса, издателя газеты «Русский инвалид», замеченной и одобренной властью был образован Александровский комитет. Комитет был образован по указу Александра I 18 августа 1814 г.⁵, но не стал в чистом виде государственной организацией. Он был приписан к

¹ Там же. Т. XXVII. № 20631.

² Там же. Т. XXIX. № 22621.

³ Щербинин П.П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – XX вв. (The Peculiarities of Social Welfare for Military Service Veterans in the Russian Empire, XVIIIth through early XXth Centuries) // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2017. Issue 6/7. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/pipss/973>.

⁴ Рогушина Л.Г. Общественная благотворительность пострадавшим от Отечественной войны 1812 года: Женское Патриотическое общество (организация, структура, состав, деятельность) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 20 марта 2015 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2016. С. 44.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. № 25643.

Министерству внутренних дел, однако не входил в его состав. Его создание является примером использования властью частного капитала, на основе которого и была создана организация. Комитет первоначально не рассматривал вопросы помощи нижним чинам, оказывая помощь только офицерам. 21 декабря 1815 г. высочайшим указом ему был передан Инвалидный капитал в сумме 395 000 руб. Тогда же на попечение Комитета были переданы 1200 отставных раненых из нижних чинов, получавших обеспечение из средств, собранных П. Пезаровиусом, а сам он был назначен членом Комитета, управляющим его канцелярией и редактором основанной им газеты, вошедшей тогда же в ведение Комитета¹. Пезаровиус за свою инициативу был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, украшенным алмазами. Одновременно Комитету было перечислено 294 173 руб. из комиссариатского департамента². Затем для Комитета были установлены различные казенные вычеты и сборы, туда поступали и частные пожертвования, из которых в отдельных случаях образовывались именные капиталы. В царствование Александра I под покровительство Комитета стали приниматься только отставные нижние чины, раненные на войне³.

По правилам от 12 декабря 1829 г. Комитет стал оказывать помощь нижним чинам, которые еще числились на службе, находясь «по неспособности от ран» в инвалидных командах, а также и тем, которые не были ранены, но были в преклонных годах или неизлечимо больны, или не имели сил в старости доставать себе пропитание личным трудом⁴. В октябре 1851 г. вышел указ, разрешавший выдавать отставным дряхлым и увечным нижним чинам, поступившим на службу из государственных крестьян, пособия хлебом из общественных магазинов⁵.

В царствование Николая I государство возвращается к созданию специальных домов для отставных нижних чинов. Так, в 1827 г. было утверждено «Положение об устройстве Каменно-Островского инвалидного дома»⁶. Согласно данному «Положению», право на проживание в доме, как и на получение денежных пособий, имели инвалиды, их семьи, а также их

¹ Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. Александровский комитет о раненых / Гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. СПб., 1902. С. 82 – 83.

² Там же. С. 83 – 84.

³ Там же. С. 92.

⁴ Правила в руководство Комитета, высочайше утвержденного в 18-й день августа 1814 года для пособия раненым и семействам убитых на сражении и умерших от ран. СПб., 1830. С. 4 – 5.

⁵ Щербина Ю.В. Социальные практики призрения военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7 – 8. С. 202.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. II. № 941.

вдовы. Инвалидные дома создавались за государственный, так и за частный счет. В 1858 г. на средства купца 1-й гильдии Степана Овсянникова был создан инвалидный дом¹.

Таким образом, в первой половине XIX в. по отношению к нижним чинам сочетались государственная, общественная и частная благотворительность. Государство продолжала предыдущую политику законодательного оформления помощи нижним чинам. Отечественная война 1812 г. привела к проявлению общественной и благотворительности, которая инициировалась императорской фамилией. Государство перекладывало оказание помощи на общественные организации и частных лиц. При этом наибольший объем благотворительной помощи оказывался офицерам и их семьям, нижние чины обеспечивались по остаточному принципу.

Головин Р.В.

Санкт-Петербургская палата государственных имуществ и военные ведомства: из опыта взаимодействия в 1830 – 1840-х гг.

В июле 1838 г. административный аппарат Санкт-Петербурга пополнился очередным органом управления в лице палаты государственных имуществ. Образованная взамен упраздненной конторы казенных имуществ, она курировала на губернском уровне различные хозяйственные вопросы, которые по ряду аспектов тесно соприкасались с деятельностью других ведомств, в том числе и военных.

Без раскочки приступив к выполнению должностных обязанностей, чиновники палаты унаследовали целую россыпь дел, шлейфом тянувшихся со времен конторы. Одним из них стал вопрос о выделении лесных участков для Балтийского округа корабельных лесов. Морское министерство, заинтересованное в быстром и продуктивном поиске строительного материала, не могло уповать лишь на прикомандированных на место чиновников. Была необходима квалифицированная помощь лесничих, которые были подотчетны сначала казенной палате Министерства финансов. Совместно с конторой казенных имуществ они собирали все надлежащие сведения о пригодных участках и передавали их межевой роте, укомплектованной топографами V отделения Собственной его императорского величества канцелярии (СЕИВК) и чиновниками Морского министерства². При удовлетворительном положении дел на участок выдвигался

¹ Там же. Т. XXXIII. № 32708.

² РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 93. ЛЛ. 7 – 10 об.

лась специально созданная комиссия, которая выносила окончательный вердикт и ставила контору об этом в известность¹.

Образованная летом 1838 г. палата государственных имуществ продолжала выполнять второстепенную консультативную роль. Однако ее главное отличие и по совместительству главное преимущество по сравнению с конторой заключалось в том, что отныне лесничество на местном уровне были в ее непосредственном подчинении, поскольку учрежденный 30 января 1839 г. корпус лесничих состоял под начальством Министерства государственных имуществ. Лесничество же, в свою очередь, получили возможность входить в состав упомянутой комиссии с правом голоса. Так, например, окружной лесничий Крыжановский «наложил вето» на принятое комиссией решение о передаче выбранных корабельных роц в Гдовском уезде под руководство Балтийского округа корабельных лесов². Свое решение он мотивировал тем, что здешние государственные крестьяне открыто заявляли о своем нежелании иметь под рукой такого соседа. Для них этот земельный участок был одним из источников разрешения хозяйственных нужд, и в случае его перехода под крыло военного ведомства, им придется закупать дрова у помещиков, что повлечет их дальнейшее разорение³. То был единичный случай конфликта сторон, однако он красноречиво свидетельствовал о возросшем влиянии палаты в подобных вопросах. Чувствуя определенное покровительство Министерства государственных имуществ, руководство морского ведомства, оглядываясь на «тень Киселева», было вынуждено считаться с мнением палаты. Вместе с тем, анализируя документы палаты в конце 1830-х – начале 1840-х гг. нельзя не отметить слабое влияние конкретно самой палаты в регулировании подобных ситуаций. Она выступала лишь посредником среди министерств и предпринимала действия исключительно после предписаний V отделения.

Одной из главных обязанностей палаты было проведение межевания спорных и пустопорожных земель. Сосредоточив в своих руках кадастр в пределах Санкт-Петербургской губернии, палата также должна была заниматься поиском удобных мест для размещения военных предприятий и испытаний. При соответствующем приказе палата давала распоряжение окружным начальникам о снятии на план и отделении от частных владений указанного участка⁴. Пока окружные начальники вместе с землемерами работали в поле, палата в привычном режиме окапывалась в бумажном делопроизводстве. От нее требовалось составление исторической сводки во

¹ Там же.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 18 об.

⁴ Там же. Д. 51. Л. 48.

избежание разногласий и разночтений¹. Дело в том, что пустопорожные на бумаге земли во многом из-за неграмотного в свое время межевания (а нередко и его отсутствия) нередко присваивались местными помещиками². Сверка документов и планов с земельными участками требовала значительного количества времени, – дело тормозили зимы. Однако если палате удавалось вскрыть факт злоупотреблений, на имя владельцев, а иногда уже и наследников подавался иск на кругленькую сумму, как в случае с делом для отвода земель близ г. Нарвы для гренадерского полка³.

Но не только бумажные изыскания стопорили многолетние дела: деятельность палаты государственных имуществ была под пристальными очами губернаторов столицы. Когда дело доходило до сотрудничества с военными ведомствами, в игру вступал генерал-губернатор. Еще в годы деятельности конторы казенных имуществ его значение было трудно переоценить. В 1837 г. встал вопрос о земельном наделе для испытания конгрессовых ракет. Контора казенных имуществ суммировала мнения ямщиков, проживавших недалеко от предполагаемого полигона, и передала их просьбу о переносе выделенного участка генерал-губернатору⁴. П.К. Эссен связывался с Генеральным штабом и отчитывался в сложностях претворения проекта на данной местности⁵. Примерно так обстояло дело и после появления на административный свет Палаты государственных имуществ. В 1839 г. участок выгонной земли, предназначавшийся корпусу конной артиллерии лейб-гвардии, был передан обратно г. Шлиссельбургу даже без посредничества палаты. Данный вопрос обсуждался на уровне уже гражданского губернатора, первого департамента Министерства государственных имуществ, V отделения СЕИВК, Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и, в конечном счете, разрешился только после императорского повеления⁶. Отсутствие в данной схеме палаты государственных имуществ не должно удивлять. Наоборот, оно красноречивее свидетельствует об уровне ее полномочий. На первых порах своего существования палата исполняла роль ближайшего помощника V отделения СЕИВК в накопившемся делопроизводстве, исполняла поручения, не требующие безотлагательного исполнения. Она занималась компиляцией накопленных данных и отдавала сформулированные выводы на утверждение СЕИВК. В вопросах, связанных с сотрудничеством с военными ведомствами, палата несла минимальную ответственность. В этом плане показа-

¹ Там же. ЛЛ. 59 – 62.

² Там же.

³ Там же. ЛЛ. 61 – 62.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 11 – 11 об.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 150. ЛЛ. 1 – 6.

тельным является дело о вознаграждении крестьянина Ашуркина за изобретение им модели ватерпасной комнаты. Окружный начальник передал заинтересовавший его проект на рассмотрение палаты государственных имуществ¹. Признав предложенное изобретение достойным внимания чиновников рангом повыше, палата передала его V отделению СЕИВК. И уже через него дело дошло до начальника Главного Морского штаба, признавшего проект нереализуемым, но достойным соответствующей награды². Таким образом, палата чаще всего выступала в роли рядового «информатора снизу».

Палата государственных имуществ также осуществляла контроль над казенными заведениями. Жилые квартиры, будучи одним из самых лакомых кусков оброчных статей, сдавались в аренду, пополняя государственный бюджет. Распространенной категорией арендаторов были бывшие военнослужащие, проживавшие на территории столицы и обладавшие именьями в других губерниях. В случае же их кончины и отсутствия наследников имения признавались выморочными, а казенные заведения поступали обратно в распоряжение местной палаты государственных имуществ. Так было сделано, к примеру, с квартирой майора Горича³. Однако далеко не всегда удавалось сразу же находить желающих заселиться в вакантное место. Государственная собственность часто требовала после предыдущих жильцов ремонта, на который у палаты традиционно не хватало средств⁴. В подобных случаях, объект нередко сдавался под постой провинившихся солдат⁵.

Взаимодействие палаты государственных имуществ с военными ведомствами носило пусть и разноплановый, но, в целом, второстепенный характер. Не обладая обширными полномочиями и находясь в определенной зависимости от постановлений V отделения, палата вносила определенную лепту в распутывание бюрократических нитей и являлась средоточием информации по вопросам предоставления движимого и недвижимого имущества.

¹ Там же. Д. 145. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Д. 84. ЛЛ. 4 – 4 об.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. ЛЛ. 55 – 57.

Смылова Е.А.

Организация помощи гражданскому населению, пострадавшему в ходе Крымской войны, на юге России

Вопрос об организации помощи гражданскому населению, пострадавшему в ходе Крымской войны, на юге России еще не стал предметом специального исследования. Фрагментарные сведения о деятельности благотворительных организаций мы можем обнаружить в дореволюционной и современной литературе. П.П. Филевский в своей работе «История города Таганрога» пишет об учреждении специальных комитетов в городах юга России и подводит итог их деятельности¹. А.Ю. Гуменюк в диссертации, посвященной оккупационной политике союзнических войск в Крыму, приводит сведения о потерях отдельных частных лиц на основе документов «комитетов о приведении в известность потерь и оказании пособий жителям» Южного края². Процесс создания благотворительных организаций еще не был освещен исследователями.

Боевые действия в годы Крымской войны разворачивались на различных театрах военных действий – Закавказье, Балтика, Белое море, но наиболее масштабные действия проходили в Крыму. В результате военных кампаний пострадали многие города юга России – Севастополь, Одесса, Таганрог, Керчь и многие другие. Вопрос об оказании помощи населению встал еще во время войны. Жители страдали не только от военных действий, но и от размещения русских войск на постой, распоряжений русского командования и повсеместного роста цен. На юге России помощь оказывалась отдельно военным чинам и всему остальному населению. Для пособий военным был создан Николаевский комитет Морского ведомства «для приведения в известность потерь имущества в Севастополе и Керчи»³ и Одесский комитет «для призрения лишившихся имущества в Севастополе и Керчи лиц военно-сухопутного ведомства»⁴.

Первой организацией, созданной для оказания помощи пострадавшему гражданскому населению, стал Комитет для вспомоществования неимущим жителям в городе Одесса. Первая записка о Комитете датируется 1 ноября 1854 года⁵. Однако, предложение о создании подобного Комитета

¹ Филевский П.А. История города Таганрога. М., 1898. С. 175 – 176.

² Гуменюк А.Ю. Особенности оккупационной политики союзнических войск в Крыму в 1854 – 1856 гг. во время Восточной (Крымской) войны: Дис. ... к. ист. н. Симферополь, 2018. С. 138 – 139.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1121. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 103.

⁵ Там же. Д. 1018. ЛЛ. 1 – 1 об.

поступило еще 27 августа 1854 года от генерал-лейтенанта Н.И. Крузенштерна, бывшего в то время военным губернатором Одессы¹.

В записке от ноября 1854 года сообщалось о желании купечества «выразить свои чувства делом благотворительности, касающимся обеспечения недостаточных жителей г. Одессы в настоящее военное время особенно нуждающихся в общественном пособии». Участие одесского купечества в благотворительной инициативе объяснялись дарованием Одессе права порто-франко на три года².

В записке также оговаривались основные функции Комитета. Все пострадавшие жители делились на три класса в зависимости от их материального благополучия. Представители первого класса могли приобретать топливо и продовольствие по заготовительным ценам; представители второго класса – по уменьшенным ценам; представителям третьего класса топливо и продовольствие отпускалось бесплатно³. Кроме того, все пострадавшие делились на два разряда. К первому разряду относили недееспособных людей (старых, малолетних, больных), а ко второму – дееспособных⁴. Наконец, Комитет должен был принимать добровольные пожертвования, следить за своевременным заготовлением продовольствия и топлива, а также собирать сведения о наличии общественных работ в городе⁵. Комитет же должен был принимать просьбы от пострадавших и проверять их реальное состояние путем посещения их места жительства⁶.

В результате помощь пострадавшим предполагалась оказывать тремя способами: предоставлением топлива и продовольствия (бесплатно или по сниженным ценам), денежным вспомоществованием и предоставлением оплачиваемых общественных работ. Кроме того, в записке сообщалось, что в пользу неимущих уже поступили некоторые денежные и вещественные пожертвования от «одесских жителей всех сословий»⁷. Впоследствии уточнялось, что добровольная подписка для сбора денежных и вещественных пожертвований была открыта еще 31 августа 1854 года⁸.

В начале ноября 1854 года военным губернатором Одессы генерал-лейтенантом Н.И. Крузентшерном был определен состав Комитета. Председателем Комитета был назначен граф М.М. Толстой⁹, а делопроизводи-

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ Там же. ЛЛ. 1 об. – 2.

⁴ Там же. ЛЛ. 16 об. – 17.

⁵ Там же. ЛЛ. 1 об. – 2.

⁶ Там же. ЛЛ. 16 об.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 16 об.

⁹ Там же. Л. 17.

телем – А. Катакази¹. Кроме того, в состав Комитета вошел представитель местной администрации – городской глава Картаици, а также представители одесского купечества – братья Посоховы, Логинов, Папудов и другие. В записке отмечалось, что заседания Комитета уже открыты². Более того, 24 ноября 1854 года сообщалось о начале распределения между нуждающимися собранных денежных средств и продовольствия³. Официальное открытие Комитета состоялось 2 декабря 1854 года. Комитет был учрежден исполняющим должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора А.Г. Строгановым с разрешения министра внутренних дел. А.Г. Строганов же и должен был следить за деятельностью Комитета⁴.

Создание следующей организации было связано с бомбардировкой Таганрога и его окрестностей в мае 1855 года⁵. Первая фаза осады города продлилась с 12 по 22 мая. Сразу же после отплытия неприятельского флота по инициативе военного губернатора Таганрога генерал-майора Е.П. Толстого в городе была учреждена Комиссия для сбора сведений о вреде, причиненном имуществу частных лиц⁶. В дальнейшем на основе этих сведений предполагалось и оказание помощи.

В состав Комиссии в Таганроге вошли чиновник особых поручений при губернаторе барон Франк, таганрогский полицмейстер майор Борзенко, старший городской архитектор Муратов, городской голова и депутаты по выбору от каждого из сословий, имеющих в городе собственность. Контролировал деятельность Комиссии сам Е.П. Толстой⁷. Мы видим, что состав Комиссии был разнообразен и включал специалистов из разных ведомств, что позволяло оценить причиненный жителям ущерб. Кроме того, в состав Комиссии вошли не только представители местной администрации, но и частные лица.

Затем 24 мая вновь по инициативе военного губернатора Таганрога была учреждена Комиссия для помощи жителям, пострадавшим при бомбардировании Мариуполя. В состав Комиссии также вошли различные местные чиновники, например, представители таможни и что самое удивительное – депутат от иностранных купцов по избранию их общества⁸. Комиссии фиксировали ущерб, нанесенный как недвижимому, так и движи-

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 1059. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15.

мому имуществу (купеческие товары, хлеб, скот и т.д.)¹. 29 июня 1855 года Комиссии о пособии городам Южного края были утверждены по величайшему повелению императора². Изначально предполагалось оказывать помощь только городам побережья Азовского моря, однако уже вскоре помощь распространилась на весь Южный край.

В августе проблему начали решать не только на местном, но и на центральном уровне – меры по помощи пострадавшим обсуждались на заседаниях Комитета министров. 9 августа было решено оказывать помощь в первую очередь беженцам, а не просто пострадавшим жителям³. 19 августа 1855 года Комитетом министров было высочайше утверждено создание комитетов для оказания пособий жителям Южного края, пострадавшим от нападения неприятеля и вследствие того оставившим свои прежние места жительства. Комитеты учреждались во всех губернских городах. Состав Комитета был одинаков везде – председателем был начальник губернии, а членами – губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, уездный предводитель губернского города и городской голова⁴. В дальнейшем было разрешено включать в комитеты представителей от дворянства и купечества по их желанию⁵.

Чуть позже были оговорены и правила работы Комитета. Во-первых, помощь оказывалась только «совершенно неимущим» жителям. Во-вторых, могли предоставляться пособия различных типов по выбору самого Комитета. Пособия могли выдаваться либо в денежной форме, либо в форме продовольствия в том размере, который полагался для жителей неурожайных губерний. Кроме того, пострадавшим могли предоставить жилые помещения или выдать обувь, одежду, топливо и т.д. В-третьих, в обязанности Комитета входил поиск работы для неимущих пострадавших. В-четвертых, говорилось, что комитетам стоит обращаться и к частной благотворительности. В-пятых, комитеты должны были предоставлять ежемесячные отчеты министру внутренних дел⁶.

Отдельно оговаривался размер денежного пособия, который зависел от сословной принадлежности пострадавшего. Так, дворянам и всем состоящим в чинах не ниже 8-го класса полагалось до 50 рублей на одно семейство; людям среднего состояния до 30 рублей; людям податного состояния и отставным солдатам до 15 рублей. При необходимости в пособии большего размера пострадавшим предлагали обращаться лично в Министер-

¹ Там же. Л. 59.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Д. 1067. ЛЛ. 5 об. – 6.

⁴ Там же. Д. 1111. ЛЛ. 5 – 5 об.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. ЛЛ. 6 об. – 7 об.

ство внутренних дел¹. Пособия сверх нормы мог назначать и начальник губернии при крайней необходимости: дворянам – до ста рублей, людям среднего состояния – до 50 рублей, людям податного состояния – до 25 рублей². Средства на пособия должны были выделяться из Приказа общественного призрения³. Кроме того, данные комитеты предоставляли лишь первоначальную помощь; помощь в больших размерах предполагалась после окончания войны.

Первый из подобных губернских комитетов был открыт еще до распоряжения правительства – 30 июня 1855 года в Чернигове. Однако, в июне реальной помощи не осуществлялось из-за отсутствия обращений жителей⁴. В дальнейшем подобный Комитет был учрежден в Севастополе, а также в Орехове (особый Комитет), Таганроге⁵ и других городах. По местной инициативе комитеты были открыты не только в губернских, но и в уездных городах. Например, уездные комитеты были созданы в октябре 1855 года в Екатеринославле. Уездные комитеты должны были подчиняться губернским и помогать им в деле оказания помощи пострадавшим⁶.

Комитеты немедленно приступили к работе. Первые пособия были выплачены уже в ноябре 1855 года. За этот месяц пособия получили 432 семейства из 8 губерний. Пособия назначались дворянам, чиновникам, купцам, мещанам, лицам духовного звания и нижним чинам⁷. Оказание помощи пострадавшим осуществлялось комитетами в дальнейшем непрерывно на протяжении многих месяцев.

Таким образом, организации для помощи пострадавшим в Крымской войне на юге России были открыты оперативно. Инициатива прежде всего исходила от местной администрации – военного губернатора, который хорошо знал положение губернии и нанесенный войной ущерб. Созданные комитеты и комиссии оказывали помощь представителям всех сословий. Пострадавшим предоставлялось жилье и работа, выдавались пособия деньгами и вещами. Всегда прописывались строгие правила деятельности Комитетов, оговаривающие их состав, способы оказания помощи, размеры денежных выплат и т.д. В дальнейшем местные инициативы поддерживало и правительство. Средства для помощи пострадавшим поступали из Приказа общественного призрения и от частных лиц. В первую очередь помощь оказывалась беженцам, а уже затем тем жителям, которые остались в

¹ Там же. ЛЛ. 3 об. – 4.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. ЛЛ. 3 – 3 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 41 – 41 об.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ Там же. ЛЛ. 127 – 130.

своих домах. Особый интерес к беженцам объяснялся их тяжелым положением. Можно резюмировать, что помощь от государства и общественности была организована достаточно оперативно, так как организации были созданы еще до завершения войны. Первые пособия пострадавшие получили уже в 1855 году, что помогло им пережить войну.

Смотрина М.В.

**Второе реальное училище во время Русско-турецкой войны
1877 – 1878 гг.**

Второе реальное училище было открыто за 4 года до начала Русско-турецкой войны. При изучении устава училища, первое, на что обращается внимание, это двойственность цели вновь образованных учебных заведений. Она звучала так: доставлять учащемуся в них юношеству общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний¹. То есть подготовить учеников к практической и технической деятельности, непосредственно после окончания учебного заведения, но в тоже время дать возможность продолжить обучение в высших учебных заведениях.

К окончанию Русско-турецкой войны Второе реальное училище завершило свой внешний рост, были открыты все классы, предполагаемые уставом. Преподавание специальных технических предметов начиналось с 5 и 6 классов, в которых было два отделения основное и коммерческое. Интересно, что большинство учеников стремилось поступить на основное отделение. Самым же непопулярным было коммерческое отделение, причем непопулярностью оно пользовалось как у воспитанников, максимальное количество учеников в таком классе было 9, так и у преподавателей, в одном из отчетов упоминается, что туда шли самые слабые ученики. Что касается 7 класса, то основное отделение больше было нацелено на общее образование и подготовку к поступлению в высшие учебные заведения, а механико-техническое и химико-техническое отделения на завершение технического образования. Но когда состоялись первые выпуски стали очевидны две вещи: Первое, большинство реалистов стремилось поступить в высшие учебные заведения, независимо от профиля 7-го класса. То есть существование двух дополнительных отделений не оправдывалось. Руководство училища, понимая это, даже изменило к 1877 году курс по механике. Учение о простых машинах, знание которого требуется для поступления в высшие специальные учебные заведения, было перенесено из кур-

¹ ПСЗРИ-2. СПб., 1872. Т. 47. № 50834.

са 7 класса в курс 6, чтобы ученики химико-технического отделения смогли познакомиться с этой темой¹. И второе, выпускникам, которые уходили работать сразу после выпуска, не хватало профессиональных знаний. Реалисты, которые поступали в высшие учебные заведения, отставали от гимназистов в вопросах общеобразовательного характера².

Уже к 1878 году стало ясно, что цель, да и сам устав, далеки от реального положения дел и нуждаются в серьезной доработке. В условиях тогдашней школы выполнение сразу двух задач оказалось невозможным.

Но, несмотря на недостатки, все-таки новый вид учебных заведений пользовался спросом, особенно среди городских слоев населения. Как раз к окончанию войны в сословном отношении произошли изменения. В первые годы существования училища к дворянскому сословию относились 85 человек, против 51 городского сословия, если учесть, что всего на тот момент обучалось 144 человека, станет очевидно явное превалирование дворянского сословия. В 1878 году число таких реалистов достигает своего исторического максимума, а именно 111 человек, всего учащихся на тот момент 221 человек. После 1878 года число дворян стало постепенно снижаться.

К 1878 году намечается тенденция увеличения количества учеников за счет выходцев из городского сословия, по сравнению с первым годом их число выросло в два раза.

Об организации внеучебной деятельности сохранились записи в журналах заседаний педагогического совета, например, в 1877 году ученики встречали на Казанской площади императора Александра II, возвращавшегося из действующей армии³. Предложение попечителя учебного округа о встрече было прочитано на заседании педагогического совета 9 декабря. Государь прибыл в Петербург 10 декабря в 10 часов утра на станцию Варшавской железной дороги. Путь его следования пролегал через Вознесенский проспект, Садовую, Невский до Казанского Собора, где его встретили воспитанники различных училищ, средних и высших учебных заведений громким криком «ура», в том числе на площади присутствовали ученики и Второго реального училища.

В 1878 году происходит еще одно важное событие, а именно создается общество вспомоществования нуждающимся ученикам Второго реального училища, которое начало свою деятельность 12 марта 1878 года. Цель данного общества состояла в попечении о нуждающихся учениках

¹ Быстров М.Ф. Отчет за первое двадцатипятилетие существования С.-Петербургского второго реального училища (1873 – 1898 г.). СПб., 1898. С. 22.

² Штауде М. Реальные и коммерческие училища. СПб., 1890. С. 26 – 34.

³ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 118. ЛЛ. 38 – 40.

Санкт-Петербургского Второго реального училища¹. В первые годы существования общества большая часть суммы тратилась на выдачу стипендий, затем уже на покупку одежды, пособий и незначительная сумма выделялась на оплату обучения. Свидетельств о том, что в первую очередь помощь оказывалась детям, воевавших родителей, нет. Это не сохранилось ни в прошениях об освобождении от платы за обучение, ни в отчетах общества. Училище, городская стипендия и общество вспомоществования могли полностью оплачивать обучение всем наиболее нуждающимся ученикам. То есть на основе имеющихся данных нельзя проследить влияние военного времени на финансовое положение родителей учеников.

Учредителем, а вскоре и председателем общества, стал директор училища Егор Христианович Рихтер. Он был известен своими трудами по геометрии, несколько раз становился участником съездов русских деятелей по техническому образованию. Ему принадлежала идея создания общества вспомоществования. На посту директора и председателя общества он показал себя как ответственный и педантичный² человек. Именно по его инициативе в обществе было принято оказывать помощь только истинно нуждающимся ученикам и, чтобы таким детям изготавливалась по качеству такая же одежда, как и детям достаточных родителей³. К его заслугам относится переезд училища в 1877 году в новое здание. Деньги были выделены в 1877 году, до начала военных действий⁴. На содержание училища в 1877 году из казны было выделено 40572, а в 1878 году 45539 рублей. Важно отметить, что такая сумма выделялась и в последующие годы⁵. Не удалось найти подтверждений, что в военный период или после его завершения было сокращение финансирования учебного заведения.

Можно утверждать, что к 1877 – 1878 году завершился первый период становления и развития Второго реального училища. С 1878 года были открыты все классы. Одним из самых важных событий за период военных действий в жизни учеников стала встреча на Казанской площади императора Александра II. Добавим, что именно в это время училище переезжает в новое здание и при нем появляется общество вспомоществования, которое совместно с училищем, смогли на протяжении более чем десяти

¹ Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам С.-Петербургского Второго реального училища. СПб., 1878. С. 3.

² Рубакин А.Н. Лоцман книжного моря. М., 1979. С. 204.

³ Отчет Общества вспомоществования нуждающимся ученикам С.-Петербургского Второго реального училища с 1 октября 1891 по 31 октября 1892 г. СПб., 1892. С. 5 – 7.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 90. Л. 45.

⁵ Быстров М.Ф. Отчет за первое двадцатипятилетие существования С. –Петербургского второго реального училища (1873 – 1898 г.). СПб., 1898. С. 55.

лет помочь всем ученикам, особо нуждающимся в помощи. Нельзя не признать, что во многом эта заслуга первого директора и инспектора.

Сорокин А.А.

**Вопрос о реформе деревни в 1904 – 1905 гг.
(По материалам Нижегородской губернии)**

Русско-японская война оказала значительное влияние на жизнь российской деревни. Нарастание социально-экономических и общественно-политических противоречий обусловило требование перемен. В этот период набирают силу и общественно-политическая деятельность земств, и приговорное движение. Одновременно происходят попытки пересмотреть законодательство о крестьянах «сверху»: в эти годы работает Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, происходит обсуждение проектов Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах в губернских совещаниях.

Инициаторами преобразований в Нижегородской губернии выступали как крестьяне, так и представители земства. Помимо традиционных требований, связанных с проблемой земли и вопросами экономического положения крестьянства, в годы войны стали выдвигаться и такие, которые должны были изменить положение деревни как общественного института.

В этом отношении для крестьянства важным шагом стало принятие указа 12 декабря 1904 г.¹ Его нормы предусматривали единство судебной части и равенство перед судом, расширение прав земских и городских учреждений. Именно к нему нижегородские крестьяне апеллировали в своих обращениях в высшие государственные учреждения, добиваясь практической реализации норм указа.

В первую очередь, для нижегородского крестьянства было важно иметь своих выборных представителей. Еще до объявления об учреждении Государственной думы заявления о необходимости допуска крестьянства в представительное народное собрание мы находим в обращениях балахнинских крестьян в Совет министров и к министру внутренних дел, макарьевских и ардатовских – к Николаю II².

¹ О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка: Именной Высочайший указ, данный Сенату от 12 декабря 1904 г. // ПСЗРИ-3. Т. XXIV. Ч. 1. № 25495.

² Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905 – 1907 гг. Сб. док. / Под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000. С. 27, 47, 37, 58.

При этом актуальным был по-прежнему и вопрос о введении мелкой земской единицы (то есть учреждения всесословной волости с земским управлением) – идеи, которая активно поддерживалась нижегородским земством¹. Об этом, в частности, просили крестьяне Макарьевского уезда². Это требование перекликалось с решениями Макарьевского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в ходе деятельности которого были приняты решения о необходимости уравнивания крестьян в правах с другими сословиями³ (председатель Макарьевской уездной управы А.В. Иконников был одним из инициаторов введения волостного земства⁴).

Близкий к земцам «Нижегородский листок» в этот же период активно критиковал недостатки существовавшей системы выборов в земские учреждения⁵. По мнению издания, выборы должны были быть равными и всесословными.

17 января 1905 г. на очередной сессии Нижегородского губернского земского собрания председатель губернской управы А.А. Савельев прочел доклад управы о необходимости возбуждения ходатайства об изменении Положения о земских учреждениях. В нем было предложено предоставить выборным от сельских обществ сразу права гласных и отменить существующий порядок, когда они имели только права кандидатов, из которых в гласные утверждалась лишь часть (с точки зрения управы, зависящие от земских начальников при утверждении в должности гласных крестьяне «скорее являются, в большинстве случаев, зрителями, чем участниками

¹ Сорокин А.А. Вопрос о мелкой земской единице в Нижегородской губернии в начале XX в. (по материалам местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков: материалы XVIII междунар. науч. конф., Иваново, 3 – 4 апреля 2019 г. Иваново, 2019. С. 627; его же. Вопрос о реформе крестьянского управления в начале XX в. (по материалам Нижегородской губернии) // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сб. мат. Второй всерос. научно-практич. конф. (Нижний Новгород, 16 – 17 апреля 2019 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. Н. Новгород, 2019. С. 240 – 241.

² Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905 – 1907 гг. Сб. док. / Под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000. С. 37.

³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 24. С. 82.

⁴ Там же. С. 410 – 411.

⁵ Нижегородский листок. 1904. 2 июля.

земских дел»)¹. Также предполагалось снижение земельного ценза для участия в выборах и предоставление избирательных прав женщинам².

При обсуждении доклада балахнинский гласный и член губернской управы Г.Р. Килевейн подчеркнул, что бессословность – основной принцип земского представительства³. Гласным Княгининского уездного земства В.Д. Калугиным было особо отмечено, что совершенно необходимо увеличение крестьянского представительства в земствах, поскольку «огромная площадь крестьянской земли теперь почти не имеет представителей в земстве». Кроме того, по его мнению, желательно было и организовать мелкую земскую единицу на началах сословности («крестьянская среда выиграет от участия в ее волостных сходах местной интеллигенции»)⁴.

После прений собранием был принят ряд принципиальных решений. Во-первых, предлагалось реформировать систему избрания в земства, заменив сословные разряды «группами имущественных интересов» в количестве пяти, в том числе землевладельцами всех сословий, представителями сельских обществ и владельцев недвижимых имуществ в уездах⁵. Тем самым существенно расширялись возможности крестьянства по представительству в земствах, что должно было повысить статус деревни как единицы управления.

Во-вторых, земельный ценз предлагалось понизить вдвое. При этом, согласно поправке горбатовского гласного В.Д. Обтяжнова, величина его должна была определяться не количеством десятин, а оценкой для взимания сборов⁶.

В-третьих, крестьянским обществам предоставлялось непосредственное право выборов в гласные (сообразно с их числом на уезд по участкам)⁷.

Кроме того, было постановлено ходатайствовать о создании мелких участковых земств как исполнительных органов уездного и губернского земств, имеющих при этом статус самоуправляющихся и самооблагающихся земских единиц⁸.

¹ Нижегородское губернское земское собрание. XL очередной сессии 4 – 22 января 1905 года и чрезвычайных сессий 25 августа 1904 года и 16 – 18 июня 1905 года. Нижний Новгород, 1905. Ч. 1. С. 333.

² Там же. С. 333 – 334.

³ Там же. С. 136 – 137.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 141.

⁸ Там же.

Летом 1905 г. нижегородское земство решило пойти еще более радикальным путем и на чрезвычайной сессии губернского собрания 16 июня был представлен доклад управы о необходимости скорейшего созыва народных представителей¹. Губернатором печать и самого доклада, и прений по нему были запрещены. Сам проект фактически предусматривал «закольцевание» системы представительства на всех уровнях, что позволило бы удовлетворить уже упомянутые нами выше крестьянские чаяния о народном представительстве на самом высоком уровне власти.

Важным шагом в деле реформы деревни должно было стать преобразование крестьянской юстиции – крестьянский волостной суд был изолирован от общей системы судоустройства, базировался во многом на нормах обычного права и находился в зависимости от земских начальников, которые утверждали выборных от сельских обществ кандидатов в судьи и могли отменить вынесенный судом приговор². В 1903 г. окончила свою работу Редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах при министерстве внутренних дел, представившая, помимо прочего, проект реформы волостной юстиции. Проекты, согласно указу императора, были направлены в образываемые в губерниях совещания для рассмотрения по существу³.

Нижегородское губернское совещание под председательством губернатора 10 мая 1904 г. собралось на свое заседание. Оно было одним из немногих совещаний, подвергших критике проект Редакционной комиссии, и высказалось против сохранения волостного суда, назвав принцип его сословности несостоятельным, и предложило ликвидировать крестьянскую правовую обособленность, передав подведомственные волостной юстиции дела общим судам⁴. Для входивших в состав совещания А.А. Савельева и Г.Р. Килевейна этот вопрос был принципиальным (впоследствии они отстаивали свою позицию в Государственной Думе при обсуждении законопроекта о преобразовании местного суда, который должен был лик-

¹ Нижегородское губернское земское собрание. XL очередной сессии 4 – 22 января 1905 года и чрезвычайных сессий 25 августа 1904 года и 16 – 18 июня 1905 года. Нижний Новгород, 1905. Ч. 2. С. 1066.

² Высочайше утвержденные Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // ПСЗРИ-3. Т. IX. № 6196; Положение о земских участковых начальниках // ПСЗРИ-3. Т. IX. № 6196.

³ Об учреждении губернских совещаний по пересмотру законодательства о крестьянах: Именной высочайший указ, данный Сенату // ПСЗРИ-3. Т. XXIV. Ч. 1. № 23860.

⁴ Хроника // Право. 1904. № 22. Стб. 1248 – 1249.

видировать волостную юстицию и заменить ее выборным мировым судом)¹.

Указанные нами обсуждавшиеся варианты реформ являются важными индикаторами наличия в тот период запроса на формирование изменения системы управления «снизу». Для либеральных кругов деревня виделась возможной точкой роста новой общности, органически связанной с уездным и губернским земством, построенной на сословном начале и лишенной правовой обособленности. Общественно-политическая активность в губернии по вопросам реформы деревни в политико-правовом отношении стала важным толчком для разработки дальнейших подобных проектов, которые впоследствии обсуждались в Государственной думе (о преобразовании местного суда, о волостном земстве и т.д.), в том числе и при активном участии нижегородских земцев, активно поднимавших эти вопросы в непростые годы русско-японской войны.

Виноградов С.Е.
Инновационные приоритеты первой в мире дизельной
подводной лодки «Минога»

Развитие отечественного военного кораблестроения после 1905 г. в значительной степени опиралось на опыт боевых действий на море во время русско-японской войны. В ней уверенно дебютировал новый класс боевых кораблей – подводные лодки. Причем именно российским подводникам принадлежит честь первого в военно-морской истории боевого контакта с противником. 29 апреля 1905 г. патрулировавшая южнее о. Русский подлодка «Сом» обнаружила, и сама была замечена с двух идущих встречным курсом дозорных японских миноносцев, осуществлявших разведку у Владивостока. Не рискуя сблизиться со спешно погрузившимся противником, японцы быстро развернулись и покинули опасный район.

Подводные лодки появились во Владивостоке уже во время войны в связи с необходимостью укрепления морской обороны этого важнейшего центра русского присутствия на театре боевых действий, корабельная группировка которого несравнимо уступала японскому флоту. Первые

¹ Сорокин А.А. Нижегородцы и вопрос о реформе крестьянского суда в начале XX в. // Нижегородский краевед: Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород, 2017. Вып. 3. С. 108 – 109; Сорокин А.А. Нижегородские депутаты в III Государственной думе (1907 – 1912 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 178.

4 подлодки прибыли по железной дороге из Петербурга в декабре 1904 г., еще 4 – вслед за ними. Основной задачей нового соединения была оборона подступов к Владивостоку с моря. Несмотря на отсутствие непосредственных боевых столкновений русских подлодок с японским флотом, их наличие сыграло определенную роль при отказе японского командования от тесной блокады крепости.

Опыт, полученный во время выходов подводных лодок в море, заложил твердую основу русского подводного плавания на последующее, выявил конструктивные недостатки и наметил пути их устранения. Эти мероприятия подлежали осуществлению по всем направлениям совершенствования конструкции подводных лодок – корпусу, главным механизмам и вооружению.

Важнейшим фактором была двигательная установка. На лодках начала XX в. в качестве двигателей надводного хода применялись бензиновые или керосиновые двигатели, крайне ненадежные и взрывоопасные. Их непредсказуемость русским подводникам, как и их коллегам в других флотах, пришлось испытать в полной мере. Взрывы внутри лодок были нередким явлением и почти всегда сопровождались человеческими жертвами. Так, на находившемся в ремонте во Владивостоке «Дельфине» 5 мая 1905 г. по недосмотру вахтенного произошел взрыв паров бензина, один человек погиб¹. В результате взрывов паров бензина на борту 6 британских подводных лодок (№ 1, А-1, А-5, С-8, С-23, А-4) в 1903 – 1909 гг. пострадал в общей сложности 41 чел. (10 погибших, 31 раненый)². Таким образом, опасность плавания на лодках с бензиновыми двигателями была исключительно велика.

В России это хорошо осознавали. Еще в начале 1901 г. при проектировании миноносца № 113 (будущий «Дельфин») один из его конструкторов И.С. Горюнов предложил использовать для надводного хода двигатель Дизеля. Однако заказать его – требуемой мощности и габаритов – не удалось, пришлось применить бензомотор, спроектированный инженером Б.Г. Луцким³.

Двигатели внутреннего сгорания конструкции немецкого инженера и изобретателя Р. Дизеля в начале XX столетия переживали бурную эволюцию и привлекали всеобщее внимание. Пионером продвижения (и совершенствования) дизельных двигателей в России был петербургский

¹ Русские подводные лодки. История создания и использования, 1834 – 1923 гг. Научно-исторический справочник / Под ред. И.Д. Спасского. СПб., 1994. Т. I. С. 59.

² Akermann P. Encyclopedia of British Submarines. Penzance, 2002. P. 69, 70.

³ Рассол И.Р. Иван Григорьевич Бубнов. Жизнь и творчество. 1872 – 1919. СПб., 1999. С. 52, 53.

промышленник шведского происхождения Л. Нобель. В 1898 г. он приобрел у Дизеля за 800 тыс. марок (368 тыс. руб.) патент на изготовление двигателя его конструкции в России. Здесь инженерами Нобеля двигатель был модифицирован для работы на тяжелом топливе (нефти) с самовоспламенением от температуры сжатия воздуха в цилиндре¹. В ноябре 1899 г. первый «нефтяной» дизель мощностью 20 л.с. был готов. Он успешно экспонировался в 1900 г. на Парижской выставке, причем по многим параметрам продемонстрировал впечатляющее превосходство над зарубежными аналогами.

С 1903 г. в Петербурге на заводе Нобеля, а также на Коломенском машиностроительном заводе начался выпуск дизелей мощностью до 150 л.с. Колоссальным преимуществом дизельного двигателя, модифицированного русскими инженерами, была способность «питаться» дешевым топливом из отходов нефти. Это, принимая во внимание огромные нефтяные запасы в Российской империи, служило дополнительным стимулом к широкому развитию двигателей тяжелого топлива. Русские дизели отличались оригинальностью распределительного механизма и топливного насоса, причем расход топлива на 1 л.с. был ниже, чем у немецких дизелей, работавших на керосине.

В России дизели активно внедрялись в промышленности и на транспорте. Особенно быстрое развитие они получили на речных судах, получивших название теплоходов. Вначале дизели были установлены на два судна товарищества Нобелей: «Вандал» и «Сармат». Забегая вперед, отметим, что до 1912 г. во всех странах мира было спущено на воду всего 16 теплоходов с двигателями мощностью 600 л.с. и выше, причем 14 из них были построены на русских заводах².

Развивая идеи, которые следовало положить в основу конструкции перспективных подводных лодок, главный конструктор подводной лодки «Дельфин», выдающийся инженер-кораблестроитель И.Г. Бубнов подошел к пониманию необходимости перехода на будущих подводных кораблях к двигателям Дизеля. Это понимание, надо полагать, вызрело у него летом 1905 г. (и майский взрыв паров бензинового топлива на «Дельфине», вероятно, послужил тому катализатором).

В мае 1905 г. Бубновым совместно с капитаном II ранга М.Н. Беклемишевым был разработан и представлен проект новой подводной лодки в 380 т с двумя бензиновыми двигателями по 600 л.с., а уже через 3 месяца Бубнов начинает решительно высказываться за их замену на дизели. Обосновывая преимущества двигателя нового типа, он

¹ Трусев Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 175.

² Трусев Г.М. Указ. соч. С. 173.

15 сентября 1905 г. подал рапорт «заведывающему подводным плаванием» Российского императорского флота контр-адмиралу Э.Н. Щенсновичу. В нем инженер, в частности, писал: «Употребление бензина как топлива допускалось до сих пор на наших лодках, но неоднократные случаи пожаров и взрывов указывают на необходимость перейти к более тяжелому топливу – нефти. Из двигателей, работающих на этом топливе, лучшими считаются двигатели Дизеля, но до сих пор громоздкость и вес их делали совершенно невозможным применение этих двигателей на лодках. Хотя выносливость их в работе и чрезвычайная экономичность (менее $\frac{1}{2}$ фунта на силу в час) ставят их весьма высоко по сравнению со всеми другими подобными двигателями. Разработка этого вопроса совместно с инженерами завода Нобеля дала возможность применить этот двигатель на проектируемой лодке»¹.

Однако идея внедрения дизеля сразу на подобной крупной подлодке водоизмещением почти в 400 т виделась достаточно рискованной. Понимая это, Бубнов выступил с предложением в качестве эксперимента оборудовать новым типом двигателя малую лодку в 100 – 120 т, к проектированию которой он немедленно приступил.

1 сентября 1905 г. морской министр вице-адмирал А.А. Бирилев собрал совещание для обсуждения проблем и перспектив развития подводных лодок в России. Рассмотрев проекты подводных лодок И.Г. Бубнова (в материалах совещания они именовались как лодки в 100 и 400 т), он «выразил согласие на постройку теперь же на Балтийском заводе двух подводных лодок»². Теперь следовало заручиться согласием Морского технического комитета (МТК), который должен был одобрить проект с конструктивной стороны, подтвердив его техническую выполнимость.

Совещание МТК состоялось 20 сентября. Бубнов представил чертежи, спецификация и расчеты нагрузки «подводного миноносца в 117 тонн водоизмещения». Проект был одобрен «для исполнения», постройка поручалась Балтийскому заводу, а общее наблюдение за постройкой – самому И.Г. Бубнову. Журнал заседания удостоился одобрения морского министра, начертавшего на нем резолюцию: «Если Технический комитет находит подводное судно нужным флоту орудием, а чертежи, представленные г. Бубновым, составлены правильно, и расчеты сделаны верно, то на постройку согласен. А. Бирилев»³.

¹ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 6. Д. 13. Л. 7.

² Там же. Оп. 8. Д. 71. Л. 178.

³ Там же.

И.Г. Бубнов проявил редкостную убежденность в необходимости перехода на подводных лодках от бензиновых и керосиновых двигателей к дизелям. В докладной записке от 4 ноября 1905 г. он называл постройку судов с бензомоторами «в высшей степени нерациональной»¹. 9 февраля 1906 г. Морское министерство выдало Балтийскому заводу наряд № 4457 на постройку двух лодок водоизмещением 117 и 360 т со сроком постройки 20 месяцев. 14 июня их зачислили в списки флота под названиями «Миного» и «Акула»².

Составление подробного рабочего проекта «подводного миноносца в 117 тонн водоизмещения» продвигалось медленно. Дело было не только в тщательной проработке вопроса с размещением в корпусе лодки дизелей (которых еще не существовало!), но и во внедрении в конструкцию еще целого ряда новшеств, а также тщательной увязке всех их. В какой-то момент возникли сомнения в способности завода Нобеля создать компактные и мощные дизели для подводных лодок, в связи с чем на Балтийском заводе возникла идея обратиться в данном вопросе к содействию германской фирмы МАН (Maschinenfabrik Augsburg-Nurnberg AG), создававшей тогда (также со значительными трудностями) морские дизели для опытных французских подлодок.

Однако победила ставка на отечественного производителя, и в январе 1907 г. АО Машиностроительного завода «Людвиг Нобель» получил заказ на два двигателя по 120 л.с. и три по 300 л.с. со сроком поставки 15 месяцев со дня получения заказа. Первые два предназначались для будущей «Миного», остальные три – для «Акулы».

В проекте «Миного» два дизеля по 120 л.с. были установлены в одну линию и работали на один гребной винт. Их рабочая частота вращения составляла 400 об/мин. Оба двигателя соединялись между собой при помощи разобщительной фрикционной муфты. Такой же муфтой кормовой дизель соединялся с гребным электродвигателем, который в свою очередь соединялся с гребным валом посредством кулачковой муфты. По конструкции дизели были трехцилиндровыми, четырехтактными, диаметр цилиндра равнялся 300 мм, ход поршня составлял 270 мм. В надводном положении они сообщали лодке скорость до 10 узлов и обеспечивали дальность плавания 8-узловым экономическим ходом до 1000 миль³.

Согласно компоновке главной энергетической установки, на гребной винт могли работать один электродвигатель в 70 л.с., или кормовой дизель

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1612. Л. 11.

² Игнатьев Э.П. Подводные лодки «Миного» и «Акула» // Судостроение. 1990. № 10. С. 52, 53.

³ Там же. С. 54.

в 120 л.с., либо оба дизеля общей мощностью 240 л.с. (три различные мощности на общий гребной винт). Это потребовало устройства гребного винта с регулируемым шагом. Привод изменения шага винта проходил внутри пустотелого гребного вала внутрь лодки, где имелось винтовое устройство для поворота лопастей гребного винта¹.

Важнейшим нововведением в конструкции «Миноги» стало применение на ней в качестве материала корпуса легированной стали, обладавшей повышенными прочностными характеристиками по сравнению с общепринятыми в кораблестроении углеродистыми сталями. Вся прочная часть корпуса была изготовлена из никелевой стали с сопротивлением разрыву 52 кг/ кв. мм при удлинении 15% на длине пробного бруска 200 мм.² Прочный корпус рассчитывался на глубину погружения 45 м. Согласно спецификации, он набирался по поперечной системе на основе концентрических шпангоутов из угловой стали 90 х 60 х 8 мм со шпацией 305 мм. Пояся обшивки имели толщину 8 мм. Для придания лодке мореходных качеств, на всем протяжении корпуса вокруг прочного корпуса собиралась легкая водонепроницаемая надстройка (легкий корпус) из листов толщиной 3 мм³.

В части торпедного вооружения создание «Миноги» также ознаменовалось внедрением инновации, первой для отечественных подлодок, хотя уже нашедшей применение в зарубежных конструкциях. Речь идет о применении внутренних трубчатых торпедных аппаратов (ВТТА) вместо использовавшихся на субмаринах русской конструкции и постройки исключительно бугельных (внешних) аппаратов конструкции С.К. Дзевецкого. Наряду со многими положительными качествами они имели серьезные недостатки – трудность точного прицеливания в подводном положении, невозможность осмотра и регулировки торпед, находящихся в аппаратах. Все эти особенности быстро проявились во время выходов море у Владивостока в 1905 г. четырех подлодок типа «Касатка» (по 4 бугельных аппарата на каждой). В противоположность им, приобретенные в США и также переброшенные во Владивосток подлодки конструкции американцев Дж. Голланда («Сом») и С. Лэка («Осетр»), оснащенные ВТТА, обеспечивали лучшую сохранность торпед, а сами аппараты можно было перезаряжать в подводном положении, что позволяло иметь запасной комплект торпед.

Трубчатые аппараты для «Миноги» (оба – курсовые, располагались рядом в носовой части корпуса) были спроектированы и изготовлены

¹ Трусов Г.М. Указ. соч. С. 161.

² Там же. С. 158.

³ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1677. Л. 97.

петербургской компанией «Г.А. Лесснер» под торпеды калибра 450 мм образца 1904 г. Одновременная стрельба из обоих аппаратов (торпедный залп) не предусматривалась по причине отсутствия «торпедозаместительной цистерны», т.е. из-за нарушения дифферента лодки в подобном случае.

Постройка «Миноги» продвигалась медленно. Ее закладка на стапеле Балтийского завода состоялась в сентябре 1906 г. Спуск на воду последовал через два года – 11 октября 1908 г. Столь значительный срок не объясняется проблемами с производством корпусных работ. Основная задержка последовала по причине замедления поставки комплектующих. Имела место и непредвиденная ситуация. 21 марта 1908 г. на Балтийском заводе внезапно вспыхнул пожар, уничтоживший уже готовую аккумуляторную батарею «Миноги», которую пришлось повторно заказывать французской фирме «Мэто». Первый из дизель-моторов был предъявлен фирмой Нобеля в июле 1908 г. с опозданием на 3 месяца (впрочем, повторная поставка аккумуляторов еще не состоялась). После тщательных испытаний, подтвердивших полную годность двигателя, его установили на подлодке, стоявшей на стапеле.

В конце октября 1908 г. уже находившаяся на воде «Минога» начала пробные выходы под одним дизелем (второй был предъявлен в октябре), но время вышло – на Неве и в Финском заливе начинался ледостав. Все необходимые механизмы – второй дизель, новая аккумуляторная батарея – собрались на лодке только в начале кампании 1909 г. Окончательно «Минога» была принята в казну только в октябре 1909 г., причем по итогам ходовых испытаний на ней был заменен гребной винт¹.

Вступившая в строй флота «Минога» базировалась в Либаве (Лиепая). Оттуда, осуществляя боевую подготовку, она совершала самостоятельные выходы в море, участвовала в ежегодных маневрах флота. Первая мировая война застала корабль в составе 1-го дивизиона бригады подводных лодок Балтийского флота. «Минога» активно использовалась при несении дозоров на Центральной минно-артиллерийской позиции и в районе Моонзундского архипелага. Здесь с ней и произошел случай, подтвердивший правоту решения об оснащении лодки дизельными двигателями и, в особенности, их способностью к реверсированию.

Реверс двигателей очень пригодился – лишь однажды, но именно благодаря ему корабль был спасен. В августе 1914 г. «Минога» в условиях плохой видимости при расстройстве компаса во время шторма сбилась с курса и с хода вылезла на песчаную отмель на западном побережье о.

¹ Русские подводные лодки. История создания и использования. Т. I. С. 94.

Эзель (Сааремаа). Лодка повалилась набок, а ее реборной винт оказался над уровнем воды. Пытаясь справиться с ситуацией, накачали насосом воду в кормовую балластную цистерну, лодка села кормой и ее винт снова ушел под воду. После этого реверсированные дизели вместе с электромотором начали работать полной мощностью на задний ход. Участник этого похода унтер-офицер корабля Г.М. Трусов, будущий создатель одного из наиболее полных трудов об отечественных субмаринах, сообщает, что «*Минога*» «со скрипом сползла с отмели и закачалась на свободной воде; лодка благополучно достигла базы»¹.

Дальнейшая судьба лодки выдалась не менее насыщенной. Во время ремонта зимой 1914/1915 гг. на палубе в кормовой части установили 37-мм орудие. Осенью 1917 г. подлодку, сильно изношенную после непрерывного 3-летнего участия в боевых действиях, отправили в капитальный ремонт. Революция и последующие события сдвигали его сроки. 31 января 1918 г. «*Миногу*» сдали на хранение в порт. Однако ей было суждено еще послужить. Летом 1918 г. командованию РККА потребовалось срочно усилить группировку кораблей Красного флота на Каспии. По личному распоряжению председателя Совнаркома В.И. Ленина «*Миногу*» вместе с еще 3 малыми подлодками оперативно отремонтировали и по железной дороге отправили в Саратов. Здесь ее спустили на воду.

10 ноября 1918 г. корабль был зачислен в состав Астраханско-Каспийской военной флотилии. 21 мая 1919 г. «*Минога*» вступила в бой с английскими кораблями у форта Александровский, во время которого намотала на винт стальной трос и лишилась хода. Только мужество личного состава, сумевшего освободить винт, спасло ее от расстрела противником. После войны лодка находилась в Астрахани, пока в ноябре 1925 г. не была сдана на слом.

Подводя итог, следует отметить, что «*Миноге*», первой отечественной подлодке с дизельными двигателями, выпала богатая событиями судьба, не раз подводившая ее на грань гибели. В этих условиях полностью проявил себя весь комплекс инженерно-технических инноваций, заложенных в ее конструкцию. Корпус из легированной стали позволил сэкономить водоизмещение, не увеличив существенно стоимость корабля, поскольку общее количество корпусного материала было относительно невелико. Трубчатые торпедные аппараты вернули русские субмарины в русло мирового тренда в развитии основного оружия подводных лодок.

¹ Трусов Г.М. Указ. соч. С. 163.

Однако наиболее примечательной находкой стали дизели отечественного изготовления. Они имели существенно меньший, сравнительно с бензо- и керосиновыми моторами, расход топлива, что позволяло значительно увеличить дальность плавания дизельных подлодок, увеличивало их автономность и повышало оперативные возможности. Главнейшим достоинством дизелей оказалась взрыво- и пожаробезопасность, позволившая резко повысить ценность подводных лодок как перспективного и высокоэффективного боевого средства.

После ввода в строй «Миноги» и апробации на ней дизель-моторов морского типа, на русских лодках бензиновые и керосиновые моторы не устанавливались¹. Другие флоты, в т.ч. французский, активно экспериментировавший с дизелями на опытных лодках постройки 1905 – 1908 гг., окончательно перешли на них для серийных субмарин только в 1911 – 1913 гг.² Внедрение дизелей в подводном кораблестроении оказалось тернистым путем даже для таких высокоразвитых в инженерно-техническом и индустриальном плане стран как Великобритания, Германия, Франция и США. В контексте изложенного обращение в проекте «Миноги», первой в мире дизельной подлодки, сразу по вступлении в строй занявшей место в боевом составе флота, к данному прогрессивному новшеству можно расценивать как своевременное и прозорливое.

Евдокимов А.В.

Конфликты генерала В.А. Сухомлинова с представителями военной элиты по вопросам военного реформирования накануне и в годы Первой мировой войны³

¹ Исключением оказался только первый в мире подводный минный заградитель «Краб» с моторами Кертинга (работавшими на тяжелом топливе).

² Французская опытная дизельная подлодка «Эгретт» (Aigrette), формально вступившая в состав флота в мае 1908 г., в течение 5 лет оставалась в Тулоне учебным кораблем, передвигаясь с помощью электромоторов и аккумуляторов, вследствие неполадок с дизелями надводного хода, которые поставила германская компания «МАН». Она не стала родоначальником французских дизель-электрических подлодок, и крупная серия из 18 подводных лодок типа «Плювиоз» (вступили в строй в конце 1908 – начале 1911 гг.) знаменовала возвращение к паровым поршневым машинам надводного хода.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Россия накануне великих потрясений: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», проект № 19-09-00252.

В настоящее время в историографии широко обсуждается ряд проблем, вызванных расколом правящей элиты¹ в Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны². Ярким примером такого раскола является конфликт генерала В.А. Сухомлинова со своим заместителем А.А. Поливановым и великими князьями Николаем Николаевичем-младшим и Сергеем Михайловичем по вопросам военного реформирования накануне и во время Первой мировой войны. Данная проблема является недостаточно изученной, ее решение позволит показать не только состояние российской элиты в начале XX века, но и то, как проблема со снабжением армии стала основой для последующего обвинения В.А. Сухомлинова в злоупотреблении властью и шпионаже, которое уже при содействии Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства завершилось судом над бывшим военным министром.

В.А. Сухомлинов стал военным министром 11 марта 1909 года. Он сменил на этом посту А.Ф. Редигера. Новый военный министр был подчеркнуто аполитичен и держался в стороне от политики и политиков. Этим Сухомлинов отличался от целого ряда других высокопоставленных воен-

¹ См. подробн. о роли элит в истории: Евдокимов А.В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / Е.В. Агарин, Э.В. Баркова, А.В. Богомоллов, А.В. Грехов, А.А. Давыдов и др., всего 20 чел. / Под общей редакцией А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М., 2019. С. 184 – 200.

² См., напр.: Вапилин Е.Г. Борьба верховной власти России и Государственной думы вокруг проблемы полномочий в сфере обороны. 1905 – 1917 гг. // Клио. 1999. № 3. С. 124 – 134; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань, 2004; Куликов С.В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 117 – 185; Бей Е.В. Деятельность генерала В.А. Сухомлинова в проведении военных реформ 1905 – 1912 годов // Вестник Екатеринбургского института. 2009. №3. С. 37 – 40; Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьей ионьской системы (1911 – 1917 г.) // Российская история. 2009. № 4. С. 77 – 90; Хутарев-Гарнишевский В.В. Осиное гнездо провокации. Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 85 – 87; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 1: 1914 год. Начало. М., 2014; Чирков А.А. Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 89 – 108; Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016; Николаев А.Б. Генерал А.А. Маниковский: масон, заговорщик, февралист? // Петербургские военно-исторические чтения. Сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 100 – 114; Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914 – 1918 гг. СПб., 2017.

ных, которые в 1908 году наладили контакты с частью депутатского корпуса, прежде всего в лице лидера Союза 17 октября, председателя думской комиссией по государственной обороне А.И. Гучкова. Вокруг него возник кружок из военных и представителей общественности. По данным В.В. Хутарева-Гарнишевского, «от военных в состав кружка входило 10 – 12 человек, в том числе Н.Н. Янушкевич, А.А. Поливанов, М.В. Алексеев, В.И. Гурко, Н.Н. Головин, А.М. Крымов, А.И. Деникин»¹.

Особую роль в данной группе играл помощник военного министра А.А. Поливанов, благодаря которому думские политики получали самую свежую и важную информацию о планах Военного министерства. Доверительную атмосферу, царившую на заседаниях кружка, передает следующая запись в дневнике Поливанова от 17 декабря 1909 года: «К 8 ½ час[ам] вечера у Крупенского собрались: я, Гернгросс и Данилов; из членов Государственной думы был Гучков, Звегинцев, Крупенский, граф Бобринский, Безак. Я представил перспективу работы по крепостям вообще, главные мероприятия на Дальнем Востоке и затем перешел к Владивостоку, указав, что надо сделать вообще и что в ближайшие три года»².

Новый министр сохранил за Поливановым его должность и, как вспоминал такой осведомленный мемуарист, как П.Г. Курлов, вначале «очень дорожил своим помощником»³. Сухомлинов сделал Поливанова своим ближайшим сотрудником по делу снабжения армии. Военный министр подчинил Поливанову все те управления, которые ведали хозяйственными и боевыми припасами. По этой части Поливанов принимал доклады сам и решал самостоятельно многие вопросы. В своих воспоминаниях Сухомлинов объясняет это так: «Гибкий по натуре, знаток хозяйственной части, хорошо осведомленный в области законоположений, этот человек, при обширном своем знакомстве с личным составом, казался мне не лишним»⁴. С другой стороны, А.А. Поливанов находился в прекрасных отношениях с министром финансов В.Н. Коковцовым, главой военной комиссии Государственной думы А.И. Гучковым и председателем Совета государственной обороны великим князем Николаем Николаевичем. Сухомлинов надеялся, что Поливанов будет удобным посредником во взаимодействии его, как военного министра, с этими влиятельными лицами⁵.

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Осиное гнездо провокации. Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 86.

² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1906 – 1916 гг. М., 1924. С. 90 – 91.

³ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 191.

⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 184.

⁵ Там же.

Однако надежды Сухомлинова не оправдались. Будучи под следствием, в 1916 году генерал направил Николаю II записку, в которой подробно изложил историю развития своих отношений с Поливановым. Этот документ был обнаружен нами в РГИА и впервые вводится в научный оборот. В нем Сухомлинов жаловался, что от дружественных отношений Поливанова с В.Н. Коковцовым Военное ведомство «только проигрывало»¹. Министр финансов, стараясь сохранить равновесие государственного бюджета и значительный золотой запас, всячески препятствовал увеличению ассигнований на военные нужды, чего добивался Сухомлинов. В этой ситуации Поливанов, согласно записке Сухомлинова, «в угоду министру финансов и во вред нашим приготовлениям к большей боевой готовности» «уступал в сокращении смет и интересов военного ведомства совершенно не отстаивал»².

Еще одним серьезным противником генерала Сухомлинова в военной элите был великий князь Николай Николаевич. Их противостояние началось еще во время Русско-японской войны, когда Сухомлинов подверг резкой критике поданный великим князем Николаем Николаевичем проект реорганизации военного ведомства (его составителем был генерал Ф.Ф. Палицын)³.

Согласно этому проекту из Военного министерства было выделено независимое от него Главное управление Генерального штаба. Высшим органом, координирующим военную проблематику, становился Совет государственной обороны, фактически подмявший под себя Военное министерство. Возглавил Совет государственной обороны великий князь Николай Николаевич. В результате этих преобразований, по оценке Е.В. Бея, «создалось многовластие, еще более дезорганизовавшее и без того расстроенную войной армию». Но к 1908 году Николай II «понял пагубность децентрализации военного управления»⁴. 26 июля 1908 года великий князь Николай Николаевич лишился поста председателя Совета государственной обороны. Сам этот орган фактически был упразднен. Главное управление Генерального штаба было подчинено военному министру. Начальником Генерального штаба (1908 год), а затем военным министром (1909 год) стал оппонент Николая Николаевича В.А. Сухомлинов.

В результате великий князь Николай Николаевич, сохранивший пост командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, пре-

¹ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1937. Л. 2.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016. С. 111, 113.

вратился в подчиненного своего противника. Для великого князя такая перемена была весьма неприятна. Он всячески демонстрировал свою независимость. В результате между военным министром и командующим войсками Петербургского военного округа постоянно возникали конфликты. Один из них принял особо острую форму. В декабре 1911 года Сухомлинов собрал старших начальников в Петербурге для проведения командно-штабной игры. Предполагалось смоделировать боевые действия на западной границе Российской империи в условиях наименее благоприятных для русских войск. Таким образом, Сухомлинов хотел выявить возможные проблемы, а также определить соответствие высшего начальствующего состава должностям командующих фронтами и армиями¹.

Понимая, что великому князю Николаю Николаевичу будет психологически трудно находиться в одном ряду с другими командующими округами, военный министр ввел для него должность «старшего игры». Но, поскольку игра была объявлена внезапно, великий князь оказался к этой роли не готов. В случае публичного провала на виду у царя и генералитета, великий князь Николай Николаевич уже не мог бы в дальнейшем претендовать на должность верховного главнокомандующего. Поэтому он отказался участвовать в игре. В итоге Николаю II за час до начала мероприятия пришлось его отменить. Это был большой удар по авторитету военного министра. К тому же великий князь Николай Николаевич позвал на обед всех приехавших в Петербург военачальников, но Сухомлинова не пригласил. Когда же их на совещание по подготовке к возможной войне собрал военный министр, то великий князь демонстративно отсутствовал. Из-за противодействия великого князя Николая Николаевича задуманную военно-штабную игру Сухомлинову удалось провести только весной 1914 года, и уже не в Петербурге, а в Киеве².

В отместку военный министр всячески препятствовал финансированию Петербургского военного округа, мотивируя это тем, что провинциальные округа больше нуждаются в ассигнованиях. Так он отказал в выделении средств на проведение в Красносельском лагере канализации и водопровода, поскольку «в Сибири были тогда части, которые ютились еще во временных бараках и землянках»³.

А.А. Поливанов решил использовать этот конфликт для свержения Сухомлинова. Он явился к великому князю Николаю Николаевичу и предложил свои услуги. Втайне от военного министра деньги на канализацию и

¹ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1937. Л. 4.

² Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 1: 1914 год. Начало. М., 2014. С. 86.

³ РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1937. Л. 3.

водопровод для лагеря в Красном Селе были перечислены¹. Точно также и в ходе противоборства Сухомлинова с Гучковым генерал Поливанов действовал на стороне противника военного министра. В 1912 году А.А. Поливанов лишился своего поста, однако после отставки В.А. Сухомлинова² (произошедшей не без участия великого князя Николая Николаевича) в 1915 году на 9 месяцев возглавил Военное министерство.

Серьезным противником военного министра был также великий князь Сергей Михайлович. Как вспоминал Сухомлинов, «труднее всего было справиться с артиллерийским ведомством», которое, по его выражению, «находилось в цепких руках великого князя»³. В.А. Сухомлинов считал, что «его именем прикрывались явные злоупотребления, от которых в первую очередь страдало изготовление вооружения», с мнением военного министра, по его словам, был согласен Николай II, который также полагал, что «великому князю не следовало бы стоять так близко к столь ответственному делу»⁴. Но генералу Сухомлинову так и не удалось ослабить влияние Сергея Михайловича на Главное артиллерийское управление. Военный министр пытался назначить туда А.А. Маниковского, но великий князь всячески сопротивлялся этому⁵.

Великий князь Сергей Михайлович поучаствовал и в судебном процессе над своим противником. В письме от 14 августа 1917 года к своему брату Николаю Михайловичу он писал: «На процессе Сухомлинова публички почти нет; он более никого не интересуется»⁶. Как бывший генерал-инспектор артиллерии 15 августа 1917 года в шестой день суда над В.А. Сухомлиновым великий князь дал показания на суде в качестве свидетеля. Сергей Михайлович сообщил, что «иногда он действительно выходил из подчинения военному министру, но это объяснялось тем, что права его и обязанности не были совершенно регулированы и ограничивались действиями в пределах закона. О своих отношениях к Сухомлинову свидетель говорит, что они всегда были очень хорошими; Сухомлинов был его учи-

¹ Там же. Л. 3.

² См. подробн. о причинах отставки В.А. Сухомлинова с поста военного министра: Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 481 – 496.

³ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 207.

⁴ Там же.

⁵ См. подробн.: Евдокимов А. Виновен ли генерал Сухомлинов в снаряжном голоде Первой мировой? // Родина. 2015. № 10. С. 112 – 113.

⁶ Из переписки С.М. и Н.М. Романовых в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 4 (53). С. 121.

телем в военных науках, и никаких разногласий с ним лично у него никогда не было»¹.

Проблемы с оснащением армии артиллерией свидетель видел в слабости отечественной промышленности: «наши заводы постоянно запаздывали с выполнением заказов, просили об отсрочках»². Также он поведал о споре с Сухомлиновым по поводу заказа тяжелых орудий, Сухомлинов доказывал необходимость принятия пушки «Депора», а свидетель – «Шнейдера», по его словам, была принята точка зрения военного министра, они «были заказаны, но оказались никуда не годными... пушки системы “Шнейдера” также были заказаны Путиловскому заводу, но до сих пор не изготовлены. Таким образом, армия осталась и без “Депора” и “Шнейдера”»³.

Сухомлинов в ответ на показания великого князя на суде утверждал, что «старался внести все возможные новшества в нашу армию, старался, чтобы армия не отставала в техническом отношении от других. Этим объясняется его желание, ввести лафет Дюпора, который, по его мнению, при будущих войнах и развитии авиации мог принести громадную пользу»⁴. В своих мемуарах В.А. Сухомлинов критиковал Сергея Михайловича за то, что любое вмешательство военного министра в артиллерийские дела «усердием главным образом великого князя Сергея Михайловича превращалось якобы в личную мою заинтересованность – по отношению того или иного заказа или завода»⁵.

Изучение конфликтов В.А. Сухомлинова с генералом А.А. Поливановым и великими князьями Николаем Николаевичем-младшим и Сергеем Михайловичем показывает наличие еще до начала Первой мировой войны серьезных противоречий по вопросам военного реформирования в правящей элите Российской империи. Благодаря поддержке со стороны императора Николая II, В.А. Сухомлинов смог преодолеть сопротивление всех трех противников и провести военную реформу, однако в политической борьбе внутри правящей элиты он оказался проигравшим. И генерал Сухомлинов, и его помощник А.А. Поливанов, как и великие князья, не смогли преодолеть личную неприязнь и выработать консенсус в отношении вопросов военного реформирования, что имело в дальнейшем самые негативные последствия для русской армии в ходе Первой мировой войны. Кроме того, в результате развития «дела Сухомлинова» бывший военный

¹ Земля и воля. 1917. 17 августа

² Биржевые ведомости. 1917. 16 августа.

³ Новое время. 1917. 16 августа.

⁴ Земля и воля. 1917. 18 августа.

⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 303.

министр оказался «козлом отпущения» за общесистемные ошибки и просчеты других представителей элиты, что также способствовало падению самодержавия и создало в дальнейшем для ЧСК Временного правительства прекрасную возможность для дискредитации прежнего режима.

Смирнова Е.А.

Профессорская корпорация Императорского Петроградского университета в Первой мировой войне по протоколам Совета

В начале Первой мировой войны настроение университетских профессоров столицы можно характеризовать как патетически-патриотическое. Совет университета давал обещание положить все свои силы и средства, все напряжение ума и воли на защиту Родины¹.

29 июля 1914 г. в Университете состоялось экстренное заседание Совета. Патриотическая позиция, отразившаяся в речи ректора, была единодушно поддержана присутствующими и оформлена адресом императору: «Одна за другой... державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации», «Россия приняла этот вызов, сильная величием единением Царя и народа»². Сам адрес выражал отношение к вступлению России в войну и сообщал о помощи, которую университет оказал, но по существу носил ритуальный характер. Из 59 профессоров, входивших на 1914 г. в Совет, на заседании присутствовало 22, в основном должностные лица³.

На первом же заседании в начале войны, во время решения вопроса о средствах помощи, который может оказать Университет, обсуждался вопрос об открытии медицинского факультета. Совет сожалел, что не имеет в своем составе такого факультета и клиник, а значит, к его глубокому прискорбию, не может сделать всего того, что сделают его более счастливые собратья⁴. Первоначально Университет нашел способ нивелировать последствия такого досадного упущения – предоставить свои помещения под надобности военного времени и сделать это было не трудно, ведь занятий в летнее время не было. В 1915 г. на физико-математическом факультете была образована химико-фармацевтическая группа по заготовке фар-

¹ Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 73.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

мацевтических препаратов для нужд военного времени, а 1916 г. началась работа по организации открытия пермского отделения Университета, который должен был восполнить отсутствие медицинского факультета. Главной причиной, по которой Совет манкировал возможность открытия медицинского факультета, была уверенность профессоров, что включение в цикл преподаваемых в Университете дисциплин предметов узкого практического характера и вхождение в состав Университета представителей практических профессиональных знаний «не может не нарушить научной жизни и духа университета».

В качестве действительной помощи Совет постановил отчислять 3 % из получаемого его членами содержания на военную медицинскую помощь, половина этих отчислений должна была идти на нужды Красного Креста, а другая – в распоряжение города на помощь семьям запасных. Вместе с этим было выдвинуто предложение призвать к этому всех служащих при Университете и производить отчисления на те же цели в посильных размерах¹. Вычеты эти начались с 20 августа 1914 г. На заседании 22 сентября 1914 г., профессора, которые получали не только жалование (добавочное вознаграждение), но и пенсию за выслугу (30 лет) внесли предложение, платить 3% со всех доходов².

Однако далее Университет решил принять участие в работе по организации этапного лазарета, который должен был быть открыт и содержаться на средства высших учебных заведений столицы и отчислять на его содержание 350 рублей ежемесячно³. Помимо содержания этого лазарета, Университет участвовал в организации и обеспечении стационарного лазарета, организованного Министерством народного просвещения, на содержание которого отчислялось еще 250 руб.⁴ Эти деньги прежде всего пошли на участие в устройстве и содержании этапного и стационарного лазаретов.

Поскольку при Университете не было медицинского факультета, но имелась химическая лаборатория, то Департамент народного просвещения поручил ее сотрудникам участвовать в заготовке фармацевтических препаратов для нужд военного времени. Смета на 1918 г. показывает, что на нужды химических лабораторий (всех направлений) Университет пла-

¹ Там же. С. 75.

² Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 22 сентября 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 100.

³ Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 1 сентября 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

нировал выделить 16500 р., что составляла 34 % всего бюджета на содержание учебных отделов¹.

Несмотря на начало военных действий, Совет принципиально высказался за начало учебного года в обычное время, если этому не помешают условия военного времени. Профессорами было выражено мнение, что этот вопрос следует оставить для рассмотрения на следующем заседании, которое планировалось провести в середине августа², но следующие заседание состоялось только 1 сентября, уже в расширенном составе.

С вакации возвратилось еще 15 человек и присутствовало уже 37 профессоров³. Ректор открыл заседание, на котором подробно остановился на разгроме Лувенского университета и внес предложение об адресе со словами поддержки к министру просвещения Бельгии. Одновременно с этим профессор В. Е. Тищенко предложил оказать содействие в восстановлении разгромленной библиотеки путем отправки дублетов в Лувенский университет⁴.

Профессору А. С. Догелю показалось, что «сочувственная телеграмма» – это дело не существенное и нужно действовать решительно в борьбе с «варварами XX столетия – германцами»⁵. Эта сентенция относилась не только к армии, но и к ученым. Он требовал перестать печатать научные работы на немецком языке, не помещать их в немецких журналах, не поддерживать германскую промышленность и не выписывать в университетские кабинеты инструменты и реактивы, а немецких ученых, которые позорят и уничтожают науку, и в то же время состоят почетными членами российских университетов, необходимо вычеркнуть из их числа⁶.

Это предложение едко прокомментировал декан физико-математического факультета В. М. Шимкевич: «Прежде всего, задавшись какой-нибудь целью, надо считаться с тем можно ли ее выполнить»⁷.

¹ Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета 18 декабря 1917 г. // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. История университета. Д. 342. Протоколы заседаний Совета Петроградского университета за вторую половину 1917 г. Л. 10 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/D_342.pdf

² Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 75.

³ Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 1 сентября 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же.

Можно было из-за войны разорвать научные контакты, отказаться от экспериментов, от лечения больных. Прежде чем бойкотировать немецкие журналы, нужно организовать издание своих. Исключение же профессоров расценивалась как мера нелепая, ведь война – явление временное, а наука вечна. В результате Совет согласился с В.М. Шимкевичем.

1914/1915 учебный год начался в срок. Университет жил своей привычной жизнью, Совет готовился к избранию ректора¹, как собственно и в дальнейшие годы, до осени 1917 г. Осенью 1916 г. Совет обсуждал варианты празднования будущего столетия Университета, решая насколько масштабным оно должно быть².

Руководство столичного университета сознательно отказалось от составления ответа немецким профессорам, поскольку было ясно, что единодушного одобрения от университетского Совета такое заявление не получит.

На заседании Совета от 24 ноября 1914 г. ректор доложил о предстоящем распоряжении об исключении из числа почетных членов всех лиц, подданных воюющих держав. И поинтересовался у Совета, собирались ли они исключить профессора фон Листа уже сейчас или ждать официального распоряжения. Решено было обсуждать, и большинством голосов профессора Листа исключили из почетных профессоров, о чем и сообщилось Министерству³. Вопреки обычной практике текст протокола не содержит ни изложения мнений, участвовавших в прениях профессоров, ни конкретных результатов голосования. В отчете лишь было указано, что большинством голосов профессор фон Лист был исключен из почетных членов Петроградского университета⁴.

Примечательно, что фамилии немецких ученых, состоящих членами университета, с 1914 г. исчезли из протоколов и отчетов. Не смотря на прямое указание Совета министров, университетскому Совету удалось ограничиться исключением одного фон Листа, как подписавшего «Воззвание к культурному миру». В целом Совет не участвовал в общественной борьбе с «немецким засильем», шовинистические настроения практически не сказались на внутренней жизни университета и на научном составе преподавателей.

¹ Там же. С. 81.

² ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 1. Д. 11367. Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета, 15 февраля 1916 г. Л. 4.

³ Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 24 ноября 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 113.

⁴ Там же. С. 114.

Одним из основных направлений работы Совета в 1916 г. была разработка и реализация плана по развитию связей между русскими учеными и союзными державами. На Совете была высказана идея о создании международной ассоциации¹. На 1916/1917 учебный год Министерство народного просвещения уведомило Совет о сокращении приема в Университет и открытии университетского отделения в Перми в связи с необходимостью, которая была вызвана военным временем². Совет же обратился в Министерство с просьбой о допущении к обучению женщин на оставшиеся вакантные места³.

Определить размеры помощи Совета государству во время войны довольно трудно, равно как и дать однозначную оценку ее значению, сложно отделить акции, которые позиционировались Университетом как патриотические или имеющие оборонное значение, от действительной работы на победу. Когда речь зашла о необходимости шага, связанного с созданием медицинского факультета, профессора оказались к нему не готовы.

По отчетам Совета, в качестве заслуги Университета следует отметить его участие в организации госпиталей, финансирования химических лабораторий. В отчетах подчеркивалось, что в зданиях университета было открыто несколько госпиталей, размещен один из запасных полков.

Кризисное военное время не вызвало чрезвычайного положения внутри жизни университета. Учебные занятия и научная работа продолжались. Во многом этого удалось добиться благодаря компромиссным отношениям с Министерством. Судя по материалам протоколов, удалось избежать потерь в преподавательском составе, внести предложение о допуске женщин к высшему образованию во время министерской работы над новым университетским уставом. Совет прилагал усилия для решения внутриуниверситетских проблем и сохранения академической жизни. Вместе с тем профессорская корпорация оказалась не готова к выполнению важнейшего социального заказа военного времени – открытию медицинского факультета, не смогла поступиться корпоративными целями ради национальных.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета, 23 мая 1916 г. Л. 33.

² Там же. Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета, 20 июня 1916 г. Л. 36.

³ Там же. Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета, 23 мая 1916 г. Л. 31.

Омельянчук И.В.

Деятельность монархических организаций Владимирской губернии по оказанию помощи фронту в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны практически все партии отказались от политического противостояния до окончания войны (даже «черносотенец» В.М. Пуришкевич и кадет П.Н. Милюков, в течении семи лет демонстративно игнорировавшие друг друга, публично пожали руки¹), и, провозгласив принцип «Священного единения», сосредоточили свои усилия на оказании помощи фронту. Правые партии не стали исключением. Особый интерес представляет подобная деятельность монархических организаций в провинции, ранее не часто попадавшая в поле зрения исследователей. Владимирская губерния, являясь во многих отношениях типичской позволяет, в известной степени, экстраполировать полученные результаты исследования и на другие регионы «коренной» России.

В предвоенные годы на территории Владимирской губернии в разное время действовало 30 местных организаций Союза русского народа (СРН), включая вошедшие в него на правах отделов (с сохранением названий и уставов) весьма многочисленные местные организации – Шуйский Союз русских православных людей (ШСРПЛ) с дочерними организациями и Иваново-Вознесенскую Самодержавно-монархическую партию (ИВСМП)². В лучшие времена, а они для губернских правых пришлись на осень 1907 г., их численность превышала 20 тыс. человек³. Однако, после окончания Революции 1905 – 1907 гг. активисты монархических организаций, посчитав свою миссию выполненной, стали покидать их ряды. Сыграли свою роль и внутренние раздоры в СРН в 1909 – 1911 гг., расколовшемся на Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН) созданный приверженцами отстраненного оппонентами председателя Главного Совета СРН А.И. Дубровина, и СРН-обновленческий (или «марковский»), объединявший сторонников нового лидера партии Н.Е. Маркова 2-го. В этом конфликте практически все монархические организации губернии, за исключением Владимирского губернского отдела СРН, поддержали «дубровинцев». В результате, весной 1913 г. возник параллельный Влади-

¹ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870 – 1920). М.; СПб., 2011. С. 194.

² Подсчитано по: ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 442. ЛЛ. 90, 93; Д. 2916. Л. 20; Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 35; Владимирец. 1907. 5 сентября; Русское знамя. 1908. 15 августа.

³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

мирский губернский отдел ВДСРН¹. Таким образом, к началу войны монархические организации оказались ослабленными как количественно (их численность по сравнению с 1907 г. существенно сократилась), так и качественно (раскол на враждебные фракции, а затем и самостоятельные организации «дубровинцев» и «обновленцев» привел к отходу от дел многих активистов, недовольных внутрипартийными раздорами и склоками и отделению).

Правда, начало войны вызвало новый подъем монархического движения. Достояно репрезентативна в этом отношении динамика изменения численности Шуйского Союза русских православных людей. На декабрь 1913 г. списочный состав Союза насчитывал всего 315 членов, из которых только 95 человек числилось собственно в головной организации, остальные – в пяти сельских отделах Шуйского Союза и иногородние². В декабре же 1914 г. руководство ШСРПЛ констатировало, что несмотря на исключение еще трех человек, «оказавшихся вредными для деятельности Союза», общее количество членов партии достигло 1278³. Большинство вновь принятых, вероятно, и ранее состояли в ШСРПЛ, но отошли от политической деятельности после окончания Первой русской революции и, в особенности, в период внутренних конфликтов в Союзе русского народа. Теперь же патриотический подъем, вызванный началом мировой войны, побудил их вновь вернуться к активной партийной работе и возобновить свое членство в ШСРПЛ. Однако, несмотря на всеобщее воодушевление в правом лагере, примирения между «дубровинцами» и «обновленцами» (представленными лишь одной организацией – Владимирским губернским отделом СРН) не произошло, они по-прежнему предпочитали действовать раздельно, хотя к этому времени различия между ними в значительной мере нивелировались.

Первыми о помощи фронту заговорили обновленцы. 20-го сентября 1914 г. Главный Совет «марковского» СРН заявил об открытии собственного лазарета на 30 коек и призвал своих сторонников «последовать сему примеру и открыть на местах по городам свои союзные лазареты для раненых». Тем же отделам, «которые будут не в силах устроить самостоятельные лазареты» предлагалось «усиленно собирать пожертвования и присылать таковые в Главный Совет для расширения нашего петроградского союзного лазарета»⁴. Руководимый В.М. Карякиным Владимирский губернский отдел обновленческого СРН тут же откликнулся на это обращение и

¹ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 89. ЛЛ. 7 об., 12.

² Русское знамя. 1914. 11 февраля.

³ Русское знамя. 1914. 21 декабря.

⁴ Правые партии. Документы и материалы. В 2 тт. Т. 2. 1911 – 1917 гг. М., 1998. С. 435.

совместно с Дамским Кружком при местном комитете Красного креста, решил организовать лазарет, отдав под него часть помещений союзной школы¹. Учебное заведение также продолжило свою работу², правда ученикам пришлось потесниться, уступив часть здания раненым и медперсоналу.

Уже 26-го сентября газеты сообщили об освящении «госпиталя дамского кружка» на 20 коек и о переводе в него первых «больных» из земского госпиталя³. Через месяц в газетах был опубликован отчет о деятельности «лазарета Дамского кружка». В финансовом отношении дела обстояли более чем благополучно: приход выражался суммой в 1176 руб. (из них членские взносы – 805 руб., пожертвования – 371 руб.) Расход же составил 954 р. 50 к. Таким образом, на счету имелась свободная сумма в 221 р. 50 к. За период с 25 сентября по 20 ноября 1914 г. «в лазарете находилось 62 человека, из коих 37 выписано. В настоящее время в лазарете находится 25 человек». При этом всем излечившимся «было выдано белье, теплые фуфайки, чулки, шарфы и перчатки. Означенные вещи частью приобретены, большинство же поступило пожертвованиями от членов дамского кружка и дамского комитета при местном учреждении красного креста. Кроме того, от дамского комитета поступило при открытии лазарета все постельное и носильное белье, одеяла и халаты»⁴. 27 апреля 1915 г. лазарет, к тому времени носивший имя «Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича» посетила, великая княгиня Елизавета Федоровна, подарившая каждому раненому образок и Евангелие⁵.

Роль монархистов в обеспечении функционирования этого лечебного учреждения, по-видимому, свелась только к предоставлению для него помещения союзной школы, так упоминаний об их деятельности на этом поприще не встречается. Даже «беседу-чтение для раненых воинов о вреде

¹ Школа при Владимирском отделе СРН официально была открыта 6-го декабря 1907 г. (см.: ГАВО. Ф. 14. Оп.4. Д. 3734. Л. 2 об.). Изначально она размещалась в доме председателя отдела В.М. Карякина, а в сентябре 1910 г. получила собственное двухэтажное здание (см.: Старый Владимирец. 1910. 14 сентября).

² В конце марта 1916 г. В.М. Карякин обратился к Владимирскому губернатору В.Н. Крейтону «с ходатайством устроить Школьному комитету 21 августа сего года лотерею-аллегри в пользу начальной бесплатной школы местного отдела Союза русского народа». Со стороны начальника губернии возражений не последовало. См.: ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 85. Л. 37. Правда, сведений о проведении лотереи найти не удалось. Тем не менее, очевидно, что школа Владимирского отдела СРН продолжала свою работу как минимум до лета 1916 г.

³ Старый Владимирец. 1914. 26 сентября.

⁴ Старый Владимирец. 1914. 26 ноября.

⁵ Владимирские епархиальные ведомости. 1915. 9 мая. № 19. Отдел неофициальный.

вина и пьянства», состоявшуюся в лазарете 6 июля 1915 г. организовывали священник Г.Я. Жук и акцизный чиновник В.В. Филадельфин¹, никого отношения к правым партиям не имевшие.

Во второй половине 1915 г. поток пожертвований заметно уменьшился и лазарет начал испытывать определенные финансовые затруднения. По этой причине Правление Дамского кружка, председательницей которого была супруга Владимирского губернатора Мария Львовна Крейтон, в августе 1915 г. обратилось к начальнику губернии Владимиру Николаевичу Крейтону за разрешением провести лотерею-аллегри. Разрешение, разумеется, было получено². Лотерея, проведенная в начале сентября, существенно пополнила бюджет Дамского кружка, принесла 2012 руб. 82 коп., в то время как добровольные пожертвования его членов составили всего 22 рубля³. Очевидно лазарет продолжал функционировать вплоть до Февральской революции, хотя документальных подтверждений этому найти не удалось.

Губернские «дубровинцы» сразу же после начала войны заявили о своей готовности встать в ряды защитников Отечества. Так, на собрании Поддыбьевского филиала ШСРПЛ (напомним, Шуйский Союз во внутреннем конфликте в СРН принял сторону А.И. Дубровина), его председатель С.Ф. Егоров по окончании молебна «о ниспослании победы русскому оружию», выступил с речью, в которой напомнил, «как Козьма Минин Сухорук говорил: “Оставим жен и детей и пойдем на защиту Отечества спасать Россию и Православную веру”», и даже предложил призвать в действующую армию «всех стражников и полицию из городов и молодых союзников, а старые союзники, свыше 50 лет, займут их должности»⁴. Те же члены ВДСРН, кто не был мобилизован, занялись оказанием помощи семьям призванных в действующую армию. Вот как об этом писали члены Воршинского отдела (Владимирский уезд) Дубровинского Союза: «Те, кому выпал Святой жребий стать в ряды доблестного нашего воинства, тот стал с бестрепетной душой, напутствуемый благословением своих братьев, а мы которым до времени не суждено стать сейчас же в ряды защитников Отечества, занялись на местах по силе наших способностей и материальных средств, деятельностью по призрению оставшихся семей, кормильцы которых взяты на войну, участвуя в волостных и церковных попечительствах, как своим трудом, а равно и материальными средствами, чем и

¹ ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 81. Л. 81.

² Там же. Д. 82. Л. 231.

³ Старый Владимирец. 1915. 24 сентября.

⁴ Русское знамя. 1914. 17 августа.

уменьшали нужду и горе осиротелых семей»¹.

22 октября 1914 г., после вступления Турции в войну на стороне Центрального блока, председатель ВДСРН выступил с обращением к своим соратникам. «Ныне положение осложнилось: напал новый враг, “исконный угнетатель христианства и славян” – царство османов...», – заявил А.И. Дубровин и призвал союзников «удесятерить свои усилия и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины». Он также предложил всем отделам ВДСРН «немедленно учредить между собою сбор сумм и прислать их Главному Совету и вместе с тем сообщить ему в каких постоянных взносах постановят они оказывать содействие по устройству Всероссийским Союзом русского народа какого-либо учреждения на пользу нашего доблестного, храброго и победоносного войска»².

На призыв сразу же откликнулись члены Воршинского отдела ВДСРН, опубликовав в «Русском знамени» открытое письмо, в котором, почти дословно повторялись тезисы А.А. Дубровина: «В настоящее время выступил против нашего Отечества новый враг в лице дряхлейшей Турции, давнишний враг и угнетатель. Призыв Главного Совета наиболее своевременен. Необходимо всем удесятерить свои усилия и общими усилиями создать среди других полезных организаций, служащих царю и родине, какое-либо учреждение и от Всероссийского Дубровинского Союза русского народа. Правда среди нас мало людей состоятельных, которые могли бы пожертвовать много, но с помощью Божьей и искренней верой в это святое начинание по призыву Главного Совета приложим все наши старания и осуществим мечту на благо нашего Христолюбивого воинства, не пожалеем материальных средств, уменьшим свои потребности житейские и придем на помощь в этой новой деятельности»³. Малочисленный сельский отдел в Ворше (в благополучном для правых 1907 г. он насчитывал всего 16 членов⁴) обязался перечислять Главному Совету, начиная с ноября 1914 г., ежемесячно 25 руб.⁵ (для сравнения – такую же сумму ежемесячно готов был выделять и Виленский *губернский* отдел ВДСРН⁶). Дело в том, что Воршинские союзники еще в 1908 г. учредили Потребительское общество⁷, действовавшее весьма успешно. Например, в 1912 г. его оборот превысил 25 тыс. руб., а годовая прибыль составила 580 руб. 11 коп., что

¹ Русское знамя. 1914. 19 ноября.

² Русское знамя. 1914. 25 октября.

³ Русское знамя. 1914. 19 ноября.

⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

⁵ Русское знамя. 1914. 19 ноября.

⁶ Русское знамя. 1914. 13 ноября.

⁷ ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 90. Л. 20.

до начала войны позволяло им не только тратить некоторые средства на партийные нужды (13 руб. 61 коп. за 1912 г.), но и заниматься благотворительной деятельностью, перечислив, например, по 5 руб. русской и балканской организациям Красного креста, и еще 5 руб. на хоругвь «в память 50-летия освобождения крестьян»¹. В годы войны Потребительское общество Воршинского отдела СРН продолжало работать². Последнее упоминание о его деятельности относится к марту 1916 г.³

Остальные организации «дубровинцев» Владимирской губернии ограничились разовыми взносами. В конце сентября 1914 г. общим собранием Муромского отдела ВДСРН было «отчислено из сумм отдела т. наз. «Мининской копейки» [добровольные взносы членов монархических организаций, – И.О.] 50 рублей и собрано между собою 25 рублей на лазарет муромского мещанского общества для раненых воинов»⁴. Шуйские монархисты в декабре 1914 г. на торжественном собрании, посвященном 9-й годовщине создания ШСРПЛ собрали 61 руб. и внесли их «в казначейство на имя Верховного Совета Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны для раненых воинов, семейств их, вдов и сирот»⁵, за что получил благодарность от государя⁶.

Орехово-Зуевский отдел ВДСРН попытался наладить регулярный сбор средств во время проводимых им духовно-нравственных чтений. Так, 6 августа 1914 г. было собрано и передано Красному Кресту 7 руб. 4 коп.⁷ На чтениях, состоявшихся 24 ноября, присутствовало 900 человек и было собрано 7 руб. 64 коп. В дальнейшем сборы снижались: 30 ноября, присутствовало 965 человек, а собрано всего 4 руб. 34 коп., 7 декабря присутствовало 1000 человек, собрано – 3 руб. 84 коп., 21 декабря, количество присутствующих сократилось более чем вдвое – до 400 человек, однако сумма сборов осталась практически прежней – 3 руб. 80 коп.⁸. Однако в 1915 г. чтения, судя по всему, прекратились.

Сбором средств в пользу раненых занималась и единственная оставшаяся в губернии беспартийная правая газета «Ивановский листок». Однако, лишь однажды она привела конкретные цифры – 2 руб. 50 коп. было

¹ Русское знамя. 1913. 26 октября.

² Последнее упоминание о Воршинском потребителем обществе ВДСРН относится к марту 1916 г. (см.: ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 37).

³ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 37.

⁴ Русское знамя. 1914. 5 октября.

⁵ Русское знамя. 1914. 21 декабря.

⁶ Русское знамя. 1915. 18 марта.

⁷ Русское знамя. 1914. 28 октября.

⁸ Русское знамя. 1915. 19 марта.

пожертвовано от железнодорожных мастерских при станции Иваново¹, где с 1907 г. имелась организация СРН². Кроме денежных пожертвований, газета призывала читателей приносить теплые вещи, «простой табак» и «простую цыгарочную бумагу» для нужд армии³. Это обращение не осталось без ответа – уже спустя два дня редакция «Ивановского листка» сообщила, что «с 9 час. утра и до 4 час. вечера нам доставлено табаку, курительной бумаги, спичек и других предметов 12 целых ящичков с табаком (один ящик с чаем, сахаром, курительной и почтовой бумагой, конвертами и мылом для белья) и 76 свертков с табаком, бумагой и спичками. Все эти пожертвования вчера же сданы унтер-офицеру Колчину для немедленной отправки в Варшавский полк [184-й Варшавский полк с 1910 г. дислоцировался в Шуе, – И.О.], находящийся в передовой линии действующей армии для раздачи солдатам»⁴.

Осенью 1914 г., председатель Владимирского губернского отдела ВДСРН «отрубник» Д.А. Чернов обратился к начальнику губернии «с просьбой разрешить организовать из хуторян и отрубников комитеты помощи воинам и их семьям». 19 октября того же года состоялось «собрание хуторян и отрубников», постановившее «организовать при губернской комиссии губернский комитет, в уездах уездные и поместные комитеты и трудовые попечительства для оказания помощи трудом по уборке полей и покоса, и денежной помощи из сумм, для этой цели добровольного обложения, по 2 копейки с десятины ежемесячно». Уже к маю 1915 г., как сообщал сам Д.А. Чернов, «благодаря содействию губернатора и умелому руководству делом организации неперменного члена губернской землеустроительной комиссии» П. Бурмейстера в губернии насчитывалось «около 100 попечительств, которые уже начали трудовую помощь семьям воинов», а из собранной суммы в 1000 руб. губернский комитет выделил средства «на покупку семян и раненым воинам»⁵.

В феврале 1916 г. Д.А. Чернов выступил с еще одной инициативой – учредить общество для постройки приюта для сирот павших и увечных воинов. «Русское знамя» сообщало, что «граждане гор. Владимира и крестьяне окрестных селений отнеслись к этому доброму делу, а в данное время и неотложному, очень и очень сердечно», при этом «особенную заботливость оказали высокопреосвященнейший Алексей [А.Я. Дородницын] Арх. Владимирский и Суздальский, г. губернатор [В.Н. Крейтон],

¹ Ивановский листок. 1914. 19 августа.

² ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 18.

³ Ивановский листок. 1914. 8 октября.

⁴ Ивановский листок. 1914. 10 октября.

⁵ Русское знамя. 1915. 22 мая.

непременный член губернской землеустроительной комиссии П. Бурмейстер, помощник гор. архитектора Ф.М. Власов и Василий Влад. Власов». Автор заметки утверждал, что «благодаря дружному началу учредителей, дело идет очень успешно» и обращал внимание читателей на то, что стараниями Д.А. Чернова «во Владимирской губернии создается вторая крупная общественная организация, к которой дружно примыкают все слои общества»¹.

Однако торжественное открытие «общества для постройки земледельческих приютов во Владимирской губернии» (не самих приютов) состоялось лишь 6 мая 1916 г. В покоях архиепископа Алексия, где проходило торжество, «собрался весь аристократический и деловой Владимир с начальником губернии во главе». Один из гостей – В.В. Власов – с гордостью сообщил, «что на призыв монарха помочь сиротам воинов первым отозвался крестьянин Владимирского уезда Слободской волости ст. Архангелы Дмитрий Антонович Чернов». Почетными членами общества были избраны губернатор В.Н. Крейтон и архиепископ Алексий². Спустя несколько дней Д.А. Чернов был «высочайше награжден знаком отличия по сельскому хозяйству»³. Вероятно, гораздо большую роль в этом сыграла общественная активность награжденного, а не его успехи в аграрной отрасли. Однако построить хотя бы один приют А.Д. Чернову так и не удалось. Следует отметить, что к этому времени руководимый А.Д. Черновым отдел ВДСРН уже не функционировал⁴, и деятельность его председателя носила уже внепартийный характер.

Таким образом, с началом Первой мировой войны, монархисты, отойдя от политической деятельности, сосредоточили свои усилия на оказании помощи фронту, больным, раненым и увечным воинам, а также семьям мобилизованных. Союзники открыли в губернии госпиталь, организовали сбор денежных пожертвований на нужды войны, сбор теплых вещей для военнослужащих, курительной бумаги, табака и т.п. Была предпринята попытка учредить в губернии приюты для сирот погибших воинов. Однако суммы денежных сборов были очень незначительны, и в силу нехватки денежных средств правые в деле оказания помощи фронту не сумели составить конкуренцию либеральным партиям, получавшим щедрое государственное финансирование через Земгор и Военно-промышленные комитеты, что впоследствии дало повод политическим оппонентам обвинять монархистов в недостаточном рвении в этом вопросе и даже отсут-

¹ Русское знамя. 1916. 11 февраля.

² Русское знамя. 1916. 26 мая.

³ Русское знамя. 1916. 1 июня.

⁴ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 84.

ствии патриотизма.

Смирнова А.М.
**Патриотические и пацифистские взгляды петербургской
интеллигенции в начале Первой мировой войны**

Отношение интеллигенции к войне всегда было сложным и неоднозначным. С одной стороны, война – это трагедия, разрушение культуры и привычного мировосприятия, боль и смерть, с другой – вера в несомненную победу своей страны и расширение культурного пространства великой России.

Вопрос о виновниках мировой войны и ныне служит предметом споров, и европейские державы в начале XX в. готовились к большой войне. Несомненно, это так. Но Генеральный штаб русской армии не планировал конкретной даты начала войны. Армии не были подготовлены, далеко не во всех случаях имелись оперативные планы. Тот факт, что между убийством Франца-Фердинанда и предъявлением ультиматума прошел почти месяц, говорит о том, что Австро-Венгрия не очень хорошо представляла себе, что нужно делать в данной ситуации. Глава государства-союзника Австро-Венгрии германский император Вильгельм I сразу после убийства выразил Францу-Иосифу соболезнование и уехал кататься на яхте (! – А.С.).

Европа, конечно, содрогнулась от убийства, но войны никто не ждал. Поэтому и представления о том, что война должна была с фатальной неизбежностью начаться именно в конце июля – начале августа для России в 1914 г., в среде столичной петроградской интеллигенции не было. Сначала думали, что «это (военный конфликт – А.С.) касается только Сербии и Австро-Венгрии»¹. Но когда оказалось, что «молния ударила слишком близко», то интеллигенции оставалось только «рот открывать», «для нее это было как июльский снег на голову», – так характеризовала состояние петербургской интеллигенции писательница З.Н. Гиппиус². Учительница С.А. Унковская в своих «Воспоминаниях» отмечала: «Мы в это время спокойно жили в деревне. Я, помню, 26 июля собирала крыжовник в саду, когда посланный на почту в город вернулся с газетами, из которых мы узнали про войну»³.

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 345. Л. 60.

² Цит. по: Купцова И.В. Когда пушки стреляют, музы молчат? (Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны) // Клио. 1997. № 1. С. 108.

³ ОР РНБ. Ф. 1007. Д. 6. Тетрадь № 4. Л. 670.

В конце июля 1914 г. И.Е. Репину, «академику искусства», исполнилось 70 лет – большой юбилей, который готовились отмечать друзья и ученики. И.Е. Репин, по воспоминаниям Ю.П. Анненкова, «в светло-сером костюме, с розой в петлице, (но с траурной лентой на шляпе, так как совсем недавно умерла в Швейцарии его муза Н.Б. Нордман) <...> и, желая спрятаться от тех делегаций, которые, как он знал из газет, должны были явиться к нему с поздравлениями», «сбежал» на дачу к К. Чуковскому¹. Илья Ефимович сидел в гостях радостно тихий, спокойный и приветливый. Но одно обстоятельство его смущало: «дети, бегавшие на разведку в Пенаты, возвращались с известием, что никаких делегаций не прибыло»². Художника, да и окружающих это сильно озадачило – они знали, что и Академия художеств, и Академия наук собирались прислать делегатов для чествования юбиляра. «А в самый день торжеств – ни одной телеграммы, ни одного поздравления! <...> Но вечером пришла, запыхавшись, соседка по даче и тихо сказала: “Война!” <...> Все вскочили с мест, взволновались и заговорили, перебивая друг друга, о кайзере, о немцах, о Сербии, о Франце-Иосифе <...> Репинский праздник сразу оказался отодвинутым в прошлое. Репин нахмурился, вырвал из петлицы свою именинную розу и встал, чтобы сейчас же уйти»³.

Несомненно одно: когда 19 июля (1 августа) 1914 г. последовало объявление войны Германией России, а затем 24 июля (6 августа) примеру Германии последовала и Австро-Венгрия, эти события явились для большинства рядовой, никак не связанной с властью петроградской интеллигенции полнейшей неожиданностью.

Оценивая восприятие интеллигенцией летних событий 1914 г., нельзя не заметить, что начало войны всколыхнуло все русское общество. О.А. Добиаш-Рождественская, историк и палеограф, преподавательница Высших женских курсов, писала: «Когда началась война 1914 года, никто не мог остаться в стороне»⁴. Большое значение имела общая атмосфера, возникшая в России в момент объявления начала военных действий со стороны Германии. Интеллигенция восприняла эту весть в определенном контексте: что на страну совершено нападение, что немцы, поправшие справедливость, вторглись на территорию, находящуюся под юрисдикцией России, и перед гражданами страны стоит вопрос об обороне ее от чужеземного посягательства. Серьезное осознание необходимости исполнить гражданский долг и принести нужные для этого жертвы – таков был ми-

¹ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 327.

² Там же. С. 328.

³ Там же.

⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 479. Л. 74.

нимум патриотических настроений в интеллигентской среде в первые дни после объявления войны. Враждебное отношение к существующему режиму накануне войны, к правящим кругам не заслонило для интеллигенции важности интересов страны, хотя и «впутавшейся в войну»¹, по словам Д. Ллойд Джорджа, а правительство в сознании рядового интеллигента было даже отождествлено с Родиной – в этом объяснение столь поразившего многих современников патриотизма интеллигенции Петербурга. Патриотизм, как явление общественное, был абсолютно спонтанной реакцией большинства столичной интеллигенции на объявление войны России Германией.

Лето 1914 г. изменило все планы на отдых. Стало ясно – «на нашу родину надвигается опасность. Мы обязаны всеми силами защищаться. Сразу выяснилась единодушная готовность поддержать правительство и с ним сотрудничать», – констатировал сын писательницы, публициста, члена кадетской партии А.В. Тырковой-Вильямс А. Борман².

Взрыв патриотических настроений был достаточно стихийным процессом, и многие современники писали о никем не подготовленной манифестации столичных жителей под стенами Зимнего дворца. «Один очевидец <...> рассказывал <...> об энтузиазме толпы на площади Зимнего дворца, когда Государь вышел на балкон и говорил с народом: – никогда, – говорил этот человек, – не подозревал я за собой способности так заражаться массовой психологией: вместе со всеми я кричал: “ура”, и чувствовал слезы на глазах и чуть ли уже не готов был броситься на колени. А ведь он всегда был очень оппозиционно настроен против царя и нашего русского правительства», – такую запись сделала у себя в дневнике петербургская учительница О.В. Синакевич³. Таким образом, война способствовала даже сплочению большинства столичной интеллигенции на основе идеалов имперского сознания.

Национальный порыв в Санкт-Петербурге, да и в других городах был достаточно силен. Московский философ Е.Н. Трубецкой писал, что из всех событий, произошедших за эти дни, самым крупным был «тот духовный подъем, который мы пережили». И делал вывод, что в первый раз после многих лет «мы увидели целостную Россию. Такого объединения, какое мы видим теперь, я лично не помню вот уже 37 лет – с самой турецкой войны 1877 года <...> Тогда наше общественное настроение было во многом похоже на теперешнее <...> Совершенно так же были забыты распри:

¹ Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Пг., 1916. С. 60.

² Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен; Вашингтон, 1964. С. 111.

³ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 345. Л. 202.

все объединились в одной мысли, в одном порыве»¹. Старейшее московское просветительское общество – «Общество грамотности» опубликовало «Обращение к народным учителям», в том числе и петербуржцам: «Непосредственное дело учителя – великое и святое дело насаждения в стране света и культуры – имеет <...> большое значение при современной военной технике и для обороны страны и для ее внешней мощи». Оно призвало учителей к организации лазаретов, госпиталей при больницах, к сбору пожертвований раненым воинам, а также отметило, что «школьная жизнь должна по возможности везде протекать нормально»².

Апофеозом патриотического подъема стало переименование столицы. 18 (31) августа 1914 года, примерно через месяц после объявления Германией войны России, император Николай II изменил название своей столицы – немецкое имя «Санкт-Петербург» было заменено славянским «Петроград». Но когда вышло распоряжение о переименовании, и патриотический всплеск немного улегся, многие стали выражать свое недовольство изменением названия. В народе, в том числе в среде столичной интеллигенции, это нововведение не пользовалось популярностью, «и общее чувство было таково, что это изменение сулит несчастье»³.

Психология оборонительной войны, навязанной стране вопреки ее миролюбивой политике, создала и успех первой мобилизации, которая явилась неожиданностью прежде всего для официальных властей. Не было не только уклоняющихся от призыва в армию, но многие шли воевать добровольно, а оставшиеся в городе щедро жертвовали на дело обеспечения семей мобилизованных, на устройство лазаретов для раненых и прочие нужды войны. Газеты того времени в один голос утверждали, что люди всех политических взглядов, разной партийной принадлежности выразили свою готовность грудью встать на защиту Родины от напавшего врага, доказав таким образом свою «государственность». Особо отмечалось, что на призывных участках Петербурга – толпы народа. «Молодежь вся рвется в армию»⁴, «настроение у всех приподнятое. Не видно ни одного пьяного... одушевленные высоким чувством патриотизма, идут охотно», – писали современники о первых днях войны⁵. «Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 года», – такой вывод сделал М.В. Родзянко, председатель Государственной думы⁶.

¹ Трубецкой Е. Смысл войны // Русские ведомости. 1914. 8 августа.

² [Б/а]. Обращение к народным учителям // Русские ведомости. 1914. 15 августа.

³ Цит. по: Алексеева И.В. Мириэль Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С. 312.

⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Тетрадь № 13. Л. 13.

⁵ [Б/а]. России объявлена война // Русские ведомости. 1914. 21 июля.

⁶ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 61.

Благодаря специфическим условиям военного времени, общественная жизнь столичной интеллигенции в годы войны оказалась самым тесным образом связанной с делом помощи жертвам войны. Учителя, врачи, писатели, инженеры, чем могли, помогали раненым, бойцам и семьям погибших. Большая часть петроградской интеллигенции была занята мобилизацией сил на ведение войны: писали воззвания, разъяснявшие смысл происходящего, оказывали помощь раненым, работали в госпиталях по примеру семьи Николая II, организовывали сбор медикаментов и продовольствия. М. Бьюкенен, дочь английского посла Дж. Бьюкенена, вспоминала: «британский госпиталь <...> размещался в одном из флигелей Покровской больницы на Васильевском острове. Хозяйственной частью госпиталя заведовала миссис Фрум. Сестра Анна, монахиня, приняла под свое начало двух профессиональных медицинских сестер и несколько добровольных военных сестер, а два старших врача Покровской больницы давали бесплатные консультации – доктор Мартынов и доктор Бацевич». Сама Мириэль работала в Георгиевской больнице, потом в британском госпитале сестрой милосердия, в пункте по приему беженцев около Варшавского вокзала. Женщины, приходившие сюда помочь, скручивали бинты, делали всевозможные повязки для раненых, шили телогрейки, рубахи, пижамы, халаты, щипали корпию, резали бинты. «Два русских хирурга осматривали раны, давали инструкции, советовали, какое лечение лучше применить», а медсестры терли, скребли, дезинфицировали, мыли покрытые эмалью столы, готовили инструменты, стирали груды кровавых бинтов. Это была ежедневная рутинная работа: сначала в белых операционных, которые служили и перевязочными. Раненых приносили на носилках или они сами ковыляли на костылях. «Мы снимали старые повязки, – вспоминала М. Бьюкенен, – накладывали мази и перевязывали раны свежими бинтами <...> После обеда – опять в операционную». Вечером – «обход палат: помочь разобрать постели, измерить температуру». В питательном пункте у Варшавского вокзала добровольно «ежедневно дежурили две женщины, которые раздавали беженцам хлеб и миски с горячим супом»¹, помогали, чем могли.

От просветительского «Общества грамотности» «преподаватели технического училища П.А. Велихов, Д.И. Виноградов, В.М. Чаплин» участвовали в сборах пожертвований раненым воинам и в организации лазаретов². В Общеземский союз в декабре 1914 г. поступило более 150 000 руб. пожертвований. Не скупилась и отдельные земства. Петроградское земство ассигновало в распоряжение Главного комитета 300 000 руб., Мос-

¹ Алексеева И.В. Мириэль Бьюкенен. С. 149 – 151.

² [Б/а]. Обращение к народным учителям // Русские ведомости. 1914. 15 августа.

ковское – 500 000. Общеземским союзом было оборудовано 35 санитарных поездов, 3 перевязочных отряда, склад белья, перевязочных материалов, аптекарский склад. Из них в день на фронт отправляли около пятисот различных товаров, т.е. грузов на полторы тысячи пудов. В августе 1914 г. на койки в земских больницах в 15 губерниях было отправлено 8409 раненых, в сентябре 1914 г. – 12079 чел.¹ В университетах студенты добивались ускорения сдачи сессий, государственных экзаменов, чтобы отправиться добровольцами на фронт. Был ускорен также выпуск врачей из военно-медицинских академий, студенты четвертых курсов занимались по сокращенным программам. Правда, отмечал журналист Л. Клейнборт в статье «Молодежь и война», не наблюдалось большого количества студентов в организациях по оказанию помощи раненым, в основном, этим занимались женщины. «Большая часть студентов шла на автомобильное, слесарное дело, уезжали санитарями, сестрами милосердия на фронт»².

Врач И.А. Дмитриев, земский деятель, впоследствии преподаватель Первого Ленинградского медицинского института, перед 1914 г. прекратил свою профессиональную деятельность и ушел в отставку. Но с началом Первой мировой войны, движимый порывом помочь России, вошел в Петроградский губернский комитет Земского союза при губернской земской управе. Одновременно он был командирован Земсоюзом как представительный врач в Ксенинскую комиссию помощи больным и раненым воинам и в медицинскую комиссию Петроградского отделения Красного Креста. По поручению Петроградского губернского комитета И.А. Дмитриев осматривал лазареты Земсоюза в губернии и давал свои заключения о методах и способах лечения и о необходимых улучшениях. Как компетентный врач, он занимался правильной постановкой лечения и протезирования раненых и увечных воинов, требуя, чтобы все «было организовано, как в Германии, Франции и Англии», то есть на уровне мировых стандартов. И.А. Дмитриев также наблюдал за отпуском средств общественным организациям, так как «крупный министерский чиновник Г.Ю. Витте» стремился всячески их урезать³.

Н.П. Дружинин, юрист, историк, секретарь журналов «Мысль» и «Русское богатство» входил в Ярославскую губернскую комиссию. 5 июля 1915 г. он писал: «Военные действия, рассказы, слухи, и главное – ране-

¹ Клейнборт Л. Мобилизация общественных сил // Современный мир. 1914. № 12. С. 149 – 150.

² Клейнборт Л. Молодежь и война. // Современный мир. 1914. № 11. С. 68 – 69.

³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 423. ЛЛ. 141 – 142, 142 об.

ные, раненые и больные, – все это действовало удручающим образом невольно, и трудно было поддерживать бодрость в себе и других»¹.

Размеры бедствия росли не по дням, а по часам, всякое предвидение оказывалось превзойденным суровой и мрачной действительностью, и только благодаря исключительному подъему духа столичной интеллигенции ей удавалось справиться с трудностями. В тяжелую годину душа народная засветилась ярким светом, и это было для интеллигенции единственным утешением в те страшные недели и месяцы. Эйфория первых военных месяцев, связанная с надеждами на воцарение внутреннего мира в стране и дружное сотрудничество с правительством для достижения победы, длилась недолго. Исчезла приподнятость, глохли патриотические порывы, но сознание необходимости выполнить свой гражданский долг у петроградской интеллигенции осталось до конца войны.

Конечно, в заявлениях с парламентской трибуны и со столбцов печати верно отразилось общее настроение петроградской интеллигенции в первые недели и месяцы войны. Но было бы, конечно, неправильно утверждать, что вся интеллигенция Петрограда была абсолютно единодушна в своих мыслях и чувствах в тот исторический момент. В разных кругах можно было подметить градации патриотического подъема, и достаточно скоро стали раздаваться голоса той интеллигенции, которая впоследствии была окрещена «пораженцами» и «предателями».

Писатель М. Волошин замечал: «Поскорее бы кончилась эта мировая нелепица <...> Так все нелепо кругом, такие грандиозно-нелепые формы принимает ее (войны) отражение в окружающей жизни»². Антивоенные настроения подкреплялись и пассивным неприятием самой сути войны. З.Н. Гиппиус отрицала войну «метафизически, и лишь практически ее признавала», потому что «всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим... носит в себе зародыш новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление»³. Е.А. Волочкова, член Религиозно-философского общества в Петрограде, подруга З.Н. Гиппиус, подводила скорбный итог: «смерть косит жатву свою, превращая все в кладбище»⁴. За жестокостью войны интеллигенция чувствовала превращение людей в механические орудия убийства, «умирание души», варваризацию, отрицание ценности человеческой жизни.

¹ Там же. Ф. 266. Д. 135. Л. 3.

² Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 12.

³ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914 – 1918 года. Белград, 1929. С. 18.

⁴ РНБ. Архив Дома Плеханова (АДП). Ф. 352. Д. 1802. Л. 1.

Это были те, кто, не принимая войну в силу религиозных убеждений или пацифистских воззрений, считал преступлением сам факт массового кровопролития. Они искренне желали мира, но, понимая, что, в данной ситуации, это невозможно, надеялись, призывая к голосу человеческой совести, хотя бы остановить «инстинкт убийства». «Кошмар войны, ужасно истребибельной, страшен для всех», – говорил известный писатель В.Г. Короленко в беседе с корреспондентом газеты «Русское слово»¹. З.Н. Гиппиус утверждала, что служителям искусства нет места на земле, «пока она горит огнем войны». Творить, видя смерть вокруг, не может ни один «художник», он «умирает от печали, от безделья, чувствует себя опустошенным, переживает смертельные муки внутреннего разлада»².

Ученый-зоолог Я. Окунев, ушедший добровольцем на фронт, писал: «19 июля я увидел, <...> что наука сама собою, а жизнь сама собою <...> Бывшие цели – чепуха – это профессорство, лекции, спокойная жена, большая квартира. Жизнь для меня больше не прогулка по Невскому проспекту от угла Морской до угла Николаевской»³. С началом войны вера интеллигенции в объединяющую силу науки и искусства, в то, что при их помощи можно достигнуть «братства всех народов», дала трещину. Война, как огромное испытание, коснулась их душ, выявив свою двойную природу. Она «озверяла» мирных людей, превращая их в убийц, вольных или невольных, будя заложенную в глубине людских сердец способность уничтожать себе подобных. Но она же и возвышала их до самозабвения, до подвига, до героизма, четко делила мир на «своих» и «чужих», «наших» и «врагов»⁴.

Важные свидетельства о наличии глубоких разногласий в среде интеллигенции по вопросам пацифизма и патриотизма, особенно ярко проявившиеся после военных поражений русских армий, можно обнаружить в дневнике писательницы, где З.Н. Гиппиус отмечала, «как переживал сознательный – культурный и политический слой русского общества великие потрясения своей страны». 28 апреля 1915 г. (практически, через год после начала войны – А.С.) в «Синей книге» она констатировала: «Москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д.». Через месяц в своем дневнике З.Н. Гиппиус запишет следующие строки: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента. И так бездарно,

¹ [Б/а]. Беседа с В.Г. Короленко // Русское слово. 1915. 13 июня.

² Гиппиус З.Н. Война, литература и театр // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915. С. 96.

³ Окунев Я. Воинская страда. Боевые впечатления. Пг., 1915. С. 183.

⁴ Смирнова А.М. Российская интеллигенция и культурно-этические проблемы Первой мировой войны // Клио. 1999. № 2 (8). С. 156.

один стыд сплошной. Об Андрееве я и не говорю, этот присяжный дурак и бестактник не мог в лужу не сесть при сем удобном случае. Но Соллогуб! Но Брюсов! Но Блок! И все по нисходящей линии. Не хватило их на молчание. И наказаны печатью бездарности». Сама писательница считала, что «это грех теперь – писать стихи. Вообще, хочется молчать. Я выхожу из молчания, лишь выведенная из него другими»¹. Конечно, это было субъективное мнение мемуаристки, известной своей «неистойвой душой». Но его поддерживала определенная часть интеллигенции.

Почти всегда пацифисты в своих высказываниях и выступлениях так или иначе апеллировали к элементам христианского учения, оперировали его категориями и постулатами. «Добро и зло, истина и ложь относительны, и за это не стоит умирать», – призывала пацифистски настроенная интеллигенция. Однако лозунг – «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас (Мф. 5.44 и Лк.6, 27 – 28), она понимала отнюдь не буквально. Известно, что в древнегреческой и латинской версии этот призыв означал «возлюбить» личных, но не общественных или военных врагов. Враг в политическом смысле не должен предполагать ненависть, и солдат, по глубокому убеждению интеллигенции, не имеет морального права использовать оружие для мщения за личные обиды. А отсюда вытекает и осуждение интеллигенцией неоправданной жестокости в войнах, ненужной для военной победы, и негуманности к пленным, к гражданскому населению, и аморальности человеческой жестокости. Интеллигенция не призывала к дезертирству, к «поражению своего правительства в войне» по убеждению многих, она призывала к отрицанию насилия и массовых убийств, к отрицанию национальной ненависти к Германии и немецкому народу.

Известно, что в Петербурге в ночь на 5 августа (23 июля) произошли следующие события: толпа «патриотических манифестантов» ворвалась в здание германского посольства на Исаакиевской площади, круша все на своем пути. Били окна, рвали гобелены и картины, выбросив на улицу не только посольскую мебель, фарфор и посуду, но и собственную коллекцию графа Ф. Пурталеса – бесценное собрание скульптур из мрамора и бронзы эпохи Ренессанса. Вокруг конных статуй на фронте этого громадного гранитного здания обмотали веревки, сотни рук дружно потянули и скачущие кайзеровские лошади с грохотом обрушились о камень мостовой. Погромы проходили не только в Петербурге, но и в других городах. В газетах были опубликованы сообщения, что соответствующим образом

¹ Гиппиус З.Н. Синяя книга. С. 15, 21, 26.

настроенная толпа громила «торговые предприятия, владельцы которых носят немецкие фамилии»¹.

Антигерманских взглядов придерживалась и достаточно большая часть интеллигенции – накал выступлений в прессе и публицистике (особенно московской) вырос к 1915 г. в слепую волну, и это была обратная сторона патриотизма. «День разрыва с Германией оказался для России днем величайшего национального самоопределения», – отмечалось на заседании Общества славянской культуры². Такие общества, провозгласившие приоритет национальной русской культуры над западной, становились популярными в среде столичной интеллигенции. Профессор императорской Казанской духовной академии Н.Н. Писарев, приехавший на стажировку в Петербург, считал исконную политику немцев агрессивной, а их нацию – опасной для культуры, жизни и национальной свободы любого государства³. В России началась радикальная «чистка» от всего немецкого: преследовался немецкий язык, немецкая литература, выселялись из городов люди с германским происхождением, закрывались даже немецкие школы. Но не вся столичная интеллигенция поддержала огульную «ликвидацию всего немецкого». Философ Н.А. Бердяев пытался остановить волну неприятия, призывая: «всего более должна быть свободна Россия от ненависти к Германии»⁴. И уже совсем растерянно прозвучало стихотворение М. Цветаевой, обращенное к Германии:

«Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам.
Ну, как же я тебя оставлю,
Ну, как же я тебя предам...»⁵.

Но все призывы были тщетны, и особого действия не имели, так как внутренний разлад в среде столичной интеллигенции не прекратился, и единства взглядов не наблюдалось.

Общую атмосферу, возникшую с момента объявления войны России Германией, можно охарактеризовать как сплочение большинства столичной (петроградской) интеллигенции на основе идеалов имперского сознания, патриотизма и государственного традиционализма. Объединяла всех идея справедливой войны до победного конца, и в это верили, хотя взгляды на причины и виновников войны нередко различались. С началом Пер-

¹ [Б/а]. [Б/н] // Русские ведомости. 1914. 24 июля.

² Речь, сказанная на заседании общества славянской культуры 26 октября 1914 года // Русские ведомости. 1914. 28 октября.

³ Писарев Н.Н. К вопросу о причинах и задачах современной войны. Казань, 1914. С. 11.

⁴ Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915. С. 27.

⁵ Цветаева М. Избранное. Л., 1990. С. 36.

вой мировой войны интеллигенция начала заниматься, постепенно активизируя и наращивая свое участие, разнообразными видами общественной деятельности: благотворительной и просветительской. Во многом она воспринимала войну как выполнение своего гражданского долга, понимая под этим защиту не только России, но и славянского мира от немцев.

Консолидация петроградской интеллигенции в связи с началом войны и всплеск патриотизма не привели и не могли привести в рассматриваемый период к сплочению всех ее составляющих групп в монолитное общество единомышленников. Этого не могло произойти потому, что подлинное единство взглядов и настроений отсутствовало и в рядах интеллигенции, и в обществе в целом – об этом говорит наличие разногласий по вопросам патриотизма и пацифизма. Картина взглядов столичной интеллигенции на происходящие события в данный период была весьма многоплановой.

Васильев И.Н.

**Польские беженцы и «квартирный вопрос» в переписке
А.Б. Нейдгардта с Центральным бытовым комитетом
и органами местного самоуправления Царства Польского
(октябрь 1914 – январь 1915 гг.)**

Татьянинский комитет в годы Первой мировой войны сыграл важную роль в деле оказания помощи беженцам, но наиболее значительный вклад в этом направлении Комитет сделал в первый год боевых действий. Комитет был основан 14 сентября 1914 г.¹ и активно включился в работу уже в октябре. Председатель Комитета Алексей Борисович Нейдгардт для оказания помощи беженцам в пострадавших губерниях империи вел переписку с различными органами государственной власти разных уровней и благотворительными комитетами, что позволяло решать беженский вопрос совместными усилиями разных инстанций. Необходимо отметить, что наиболее остро проблема беженства встала в Царстве Польском, которое находилось в зоне активных боевых действий и дислокации русской армии. В ходе военной кампании 1914 г. германская армия заняла западную Польшу, оккупированными оказались такие области, как Калишская, Петроковская, Келецкая, частично Плотцкая, Радомская и Варшавская, т.е.

¹ Положение о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Полное собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1914. Отд.1. № 262. Ст. 2403.

около трети территории Польши¹. Спасаясь от немецкой оккупации, жители становились беженцами, переселяясь со своим имуществом в те области, которые еще не застигла война. В этих условиях для предотвращения социальной катастрофы было необходимо своевременно решать проблему беженства, привлекая разные уровни власти и виды учреждений.

Ведущим учреждением на территории Царства Польского, занимавшимся призрением как беженцев, так и всего населения, пострадавшего от войны, стал Центральный обывательский комитет (ЦОК). Он руководил обывательскими комитетами, созданными в первые месяцы войны для оказания помощи населению и расположенными в разных городах и уездах на территории всего Царства, в состав которых входили общественные деятели и представители разных ведомств². Руководил ЦОКом временный генерал-губернатор³, что подчеркивало приближенность Комитета к центральной власти. ЦОК получал субсидии как из государственной казны, так и из бюджета Царства Польского, что сделало его главным органом по оказанию помощи польским беженцам. Тем не менее, для более плодотворной деятельности Комитет сотрудничал с другими благотворительными организациями, в частности, с Татьянинским комитетом, через который члены ЦОКа доносили свои прошения до центральной власти и от которого также получали финансовую помощь. Помимо Центрального обывательского комитета, помощь беженцам также оказывали органы местного самоуправления, с которыми Татьянинский комитет также вел переписку, сотрудничая при реализации мероприятий в области политики призрения, а также органы центрального управления Российской империи.

В статье анализируются мероприятия по решению квартирного вопроса польских беженцев, разработанные А.Б. Нейдгардтом и зафиксированные в переписке руководства Татьянинского комитета с различными правительственными и благотворительными учреждениями. Предоставление беженцам жилья было первостепенной задачей для решения беженского вопроса, поскольку переселенцы, добираясь до незатронутых войной местностей, оказывались на положении бездомных, не имея возможности найти жилье. Если продовольственный вопрос можно было частично решить за счет денежных и натуральных пожертвований, то квартирный вопрос требовал вмешательства органов власти и благотворительных объединений. Размещение беженцев стало задачей № 1, поскольку найти подходящие здания для такого количества людей стоило больших затрат. В связи с этим необходимо было наладить сотрудничество между разными обще-

¹ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 302 – 308.

² ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

³ Там же.

ственно-политическими структурами – как органами власти, так и благотворительными объединениями. Стоит отметить, что данный сюжет не исследован в отечественной науке, однако он имеет высокую степень значимости для понимания механизмов разрешения социальных проблем в условиях войны.

Один из первых контактов по данному вопросу между руководством Татьянинского комитета и органами власти состоялся в октябре 1914 г. В этом месяце руководитель Комитета Алексей Борисович Нейдгардт вел переписку с управляющим Главного управления землеустройством и земледелием Александром Васильевичем Кривошеиным, в которой обсуждал вопрос о снижении цен на лес для строительства убежищ для беженцев. Татьянинский комитет и комитеты Царства Польского нуждались в приобретении древесных материалов по пониженной цене, поскольку строительство различных заведений для призрения стоило больших денег, которыми комитеты не располагали. Обычно комитеты стремились размещать беженцев в тех зданиях, которые не пострадали от боевых действий, однако их не всегда удавалось находить. Так, Татьянинскому комитету пришлось ассигновать 110 тыс. рублей на строительство убежища в Холмской губернии, хотя, как писал А.Б. Нейдгардт А.В. Кривошеину, «Комитет считает возможным строить убежища лишь в том случае, если по местным обстоятельствам окажется совершенно невозможным нанять для оногo какое-либо случайно уцелевшее от разгрома здание»¹. Именно поэтому было необходимо получить разрешение верховной власти на продажу леса по пониженной цене, поскольку в противном случае комитеты находились в затруднительном положении. Прошение руководства Татьянинского комитета в конечном итоге было одобрено: если сначала на средства МВД было приобретено леса на сумму 33 тыс. рублей², то в ноябре 1914 г. по распоряжению А.В. Кривошеина было дано разрешение совершать закупки леса для строительства убежищ за половину стоимости³. На основании этого разрешения впоследствии удалось приобрести лес для строительства убежищ в Варшаве: А.Б. Нейдгардт в письме к егермейстеру Варшавы Эссену отметил, что «при уплате за лес 60 тыс. вам отпустят по таксе на 120 тыс.»⁴, что позволило оказать поддержку правительству Варшавы в реализации мероприятий по решению беженского вопроса.

Наиболее тесные связи в области решения квартирного вопроса Татьянинский комитет поддерживал с Центральным обывательским комите-

¹ Там же. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 17.

том. Первоначально руководители комитетов обменивались соображениями по поводу того, какими принципами стоит руководствоваться при строительстве убежищ для беженцев. В письме к и.д. варшавского губернатора от 30 октября 1914 г. А.Б. Нейдгардт изложил позицию Татьянинского комитета по вопросам строительства убежищ для беженцев на территории Царства Польского. Позиция Комитета сводилась к нескольким положениям. Во-первых, Комитет признавал право Центрального обывательского комитета нанимать или сооружать убежища по своему усмотрению¹. Во-вторых, Комитет считал, что убежища нужно было строить только в тех местах, где не было подходящих для убежищ зданий, причем строить их должны были в кратчайшие сроки «до наступления больших морозов»². В-третьих, убежища должны были строить из дешевых материалов в форме барачков или землянок, причем при строительстве нужно было учесть использование этого здания в будущем³. В-четвертых, строители убежищ должны подавать ходатайства в МВД о покупке леса за половину стоимости, а сами убежища строить преимущественно «в разгромленных сельских местностях», поскольку в городах сохранялось больше зданий, способных сыграть роль убежища⁴. В ответ на это обращение Центральный обывательский комитет подготовил реферат «Об устройстве временных убежищ для сельского населения», который 10 ноября 1914 г. направил в Петербург член Госсовета Станислав Петрович Глезмер⁵. В реферате было указано, что, по мнению руководства Центрального обывательского комитета, убежища должны быть небольшого размера, поскольку крестьяне привыкли жить в маленьких домах, а также потому, что небольшие помещения меньше способствуют распространению болезней⁶. Кроме того, в реферате было отмечено, что стоимость строительства убежища нельзя просчитать заранее, поскольку цена зависит от условий той или иной местности⁷. После обмена мнениями Татьянинский комитет направил Центральному обывательскому комитету суммы денег для строительства убежищ в разных губерниях: Радомской губернии – 6 тыс. рублей, Люблинской, Сувалкской, Петроковской и Келецкой – по 4 тыс., Варшавской, Ломжинской, Калишской и Плоцкой – по 2 тыс.⁸. Тем не менее, эти сред-

¹ Там же. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 11.

ства носили лишь дополнительный характер, поскольку подавляющее большинство средств предоставлял ЦОК.

Квартирный вопрос остро стоял и в Варшаве, которая стала главным местом скопления беженцев как наиболее крупный город Царства Польского, не занятый немцами. 21 ноября 1914 г. руководство Татьянинского комитета направило егермейстеру Варшавы Эссену телеграмму, в которой сообщалось о том, что Комитет предоставил правительству Варшавы 100 тыс. рублей на строительство убежищ, а также 50 тыс. на общие нужды Комитета Варшавы¹. Татьянинский комитет вел переговоры и с самим Центральным обывательским комитетом по вопросу размещения беженцев в Варшаве и связанным с этим финансовых и организационных трудностях. ЦОК указывал, что «среди нахлынувших в начале войны из разных мест в Варшаву почти совсем не было сельчан»², поскольку первоначально беженцы из сельских местностей селились у своих родственников, в Варшаву они направились только после изменения фронта русских армий³. По данным ЦОКа, в Варшаве по состоянию на январь 1915 г. находилось около 30 тыс. беженцев из разных уездов Польши (Ловичский, Сохачевский, Гостининский и Скерневицкий уезды)⁴. Проблема размещения беженцев в Варшаве заключалась в том, что многие из них намеренно шли в Варшаву, однако город был не в состоянии принимать всех желающих остаться в его стенах на попечение государства, поскольку помимо беженцев в городе также располагались представители низших слоев населения. Центральный обывательский комитет оказывал помощь беженцев двумя путями. Во-первых, ЦОК открывал убежища для беженцев в стороне от тех убежищ, которые создавались и финансировались Комитетом города Варшавы, поскольку в противном случае крестьяне-беженцы смешались бы с городской беднотой, что, по мнению членов ЦОК, оказывало на беженцев «плохое нравственное влияние»⁵. Было открыто 9 убежищ, в которых разместили около 700 беженцев старшего возраста, женщин и детей, в то время как молодых людей отправляли на работы по сооружению фортов⁶. Размещались беженцы в убежищах по территориальному принципу, то есть жителей одной местности селили вместе для улучшения их коммуникабельности друг с другом⁷. Во-вторых, ЦОК выдавал беженцам денежные пособия через специально созданную структуру субкомитетов, которых в Варшаве

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. Л. 25.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 25 об.

⁷ Там же.

насчитывалось 9; пособия получали 10 тыс. 170 беженцев. Однако Центральному обывательскому комитету не хватало средств и для размещения беженцев, и для выдачи им пособий, в связи с чем он направил руководству Татьянинского комитета прошение о том, чтобы из бюджета было как можно быстрее ассигновано 400 тыс. рублей на эти нужды, поскольку Комитет уже вынужден сокращать размеры пособий¹. Необходимо подчеркнуть, что часть сумм, направленных Татьянинским комитетом на строительство убежищ, были им получены от государства, что прослеживается в документации Еврейского комитета помощи жертвам войны² (ЕКОПО)³. Однако при этом в этом же отчете оговорено то, что по большей части те средства, которые Комитет направлял разным инстанциям в Царство Польское, были самостоятельно собраны Комитетом, а не являлись государственными субсидиями⁴. То есть это в очередной раз доказывает тот факт, что Татьянинский комитет был полуофициальным учреждением, ведущим активную общественную политику.

Таким образом, Татьянинский комитет в своей переписке с органами власти Царства Польского и местными благотворительными комитетами активно обсуждал пути решения квартирного вопроса польских беженцев. Между этими сторонами речь шла не только о финансовой стороне дела, но и том, как наиболее плодотворно решить квартирный вопрос. Однако даже не смотря на то, что периодически руководство Татьянинского комитета выделяло из своих средств деньги на те или иные нужды польских беженцев (в частности, на строительство убежища в Холмской губернии), чаще всего Комитет выступал в роли той инстанции, которая в связи со своим большим весом в правительственных кругах (почетной председателем его была великая княжна Татьяна Николаевна, а фактическим руководителем – член Госсовета А.Б. Нейдгардт) могла влиять на решения правительства по предоставлению средств из казны. Именно поэтому Центральный обывательский комитет и представители органов польского самоуправления обращались к руководству Татьянинского комитета, поскольку он был более близок к центральной власти. На основании выше-

¹ Там же.

² Отчет о деятельности комитета (ЕКОПО) за 1914 – 1915 // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

³ См. подробн о ЕКОПО: Златина М.А. Основание Еврейского комитета помощи пострадавшим от войны и погромов (июль – сентябрь 1914 г.) // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 107 – 110; Ее же. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914 – зима 1915/1916 г.г.): Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 2010.

⁴ Отчет о деятельности комитета (ЕКОПО) за 1914 – 1915 // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

перечисленных фактов можно сделать вывод о том, что обращения Татьянинского комитета в разные правительственные ведомства чаще всего имели положительный ответ, результатом чего становилось оказание помощи беженцам через польские органы местного самоуправления и благотворительные организации помощи жертвам войны. Можно сделать утверждение, что Татьянинский комитет играл значительную роль в решении беженского вопроса не только вследствие своей собственной деятельности, но и в связи с финансовой и посреднической поддержкой другим благотворительным организациям и местным органам власти, что позволяло решать беженский вопрос совместными усилиями, улучшая его конечный результат.

Бондарева В.В.
Боевой путь 431-го пехотного Тихвинского полка в
Брусиловском прорыве

История повседневной жизни рубежа XIX – XX вв. представляет собой большой научный интерес, о чем свидетельствуют многочисленные работы на этот счет последних десятилетий¹. Также не ослабевают интерес исследователей к теме военной повседневности русской армии и флота периода Первой мировой войны².

Летом 1915 г. из ополченских дружин был создан Тихвинский полк. До лета 1916 г. тихвинцы охраняли побережье Рижского залива от возможной высадки десанта противника. Однако за это время немцы не предприняли попытки высадки десанта, и Тихвинский полк не принимал участия в боевых действиях. В течение года нижние чины проходили усиленные тренировки, которые позволили в определенной степени превратить вчерашних крестьян в солдат. Впрочем, о боевой готовности полков 108-й дивизии, куда входил и рассматриваемый полк, офицер 429-го Рижского полка Яков Федорович Кравченко, командовавший ротой, вспоминал: «3600 человек, снабженных винтовками, четырем пулеметами, да еще ножницами по четыре штуки на взвод, при бездарных, ничего не знающих

¹ См., напр.: Веретенко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 2004; Эйльбарт Н.В. Научная деятельность интеллигенции в Забайкалье во второй половине XIX – н. XX в.: Автореф. дис. ... д. ист. н. М., 2006.

² Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г.: Дис. ... д. ист. н. М., 2018; Базанов С.Н. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010; Бажанов Д.А. Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007.

о современной войне офицерах, представляют из себя только 15000 – 16000 пудов пушечного мяса»¹.

Главной операцией русского фронта летом 1916 г. стал Брусиловский прорыв, в котором пришлось принять участие и 431-му Тихвинскому полку в составе 108-й пехотной дивизии.

А.А. Керсновский писал: «В мае – июне с Северного фронта на юг переводились войска. Левофланговые 7-я и 9-я армии были усилены тремя пехотными дивизиями и конницей: в 7-ю армию – 108-я и 113-я пехотные дивизии, в 9-ю армию – 79-я пехотная дивизия и Уссурийская конная»². Здесь следует отметить, что Керсновский ошибался: по прибытии на фронт 27 июня 108-я дивизия проследовала южнее – в 9-ю армию, и лишь через полтора месяца, 8 августа перешла в 7-ю армию.

108-я пехотная дивизии прибыла на территорию Австро-Венгрии в состав 9-й армии, т.е. на самый южный фланг Юго-Западного фронта. Она вошла в состав 33-го армейского корпуса. О стратегическом значении действий 33-го корпуса командующий 9-й армией генерал от инфантерии П.А. Лечицкий сообщал 24 июня 1916 г. командующему фронтом генерал-адъютанту А.А. Брусилову: «Директивами фронта <...> 9-й армии поставлена была следующая задача: продолжить наступление на линию Галич, Станиславов, Коломыя, Кутты. Постепенно армия приблизилась к выполнению последней задачи, поставленной директивой и важнейшей для общего хода операции по овладению Станиславовским районом. Все предыдущие действия армии имели целью возможно более обеспечить фланг со стороны Северной Венгрии и тем подготовить операцию овладения Станиславовским районом, вследствие чего главный удар наносился на южный фланг группы противника, отходящей к Станиславову; занятие Буковины прикрывало эти действия с юга»³.

Далее П.А. Лечицкий писал, что прошедшие бои показали, что «позиции противника на южном берегу Днестра, на тлумачском направлении, сильно укреплены. Воздушная разведка и показания пленных указывают, что настоящая позиция, занимаемая противником, является передовой; главная и сильно укрепленная позиция проходит между Тысменицей и Тлумачем и упирается в Днестр в районе Нижниова <...> дальнейшие операции армии для овладения Станиславовским районом могут быть начаты только ударом на тлумачском направлении. Все эти соображения застав-

¹ Кравченко Я.Ф. Записки. 20 февраля – 7 июля 1916 г. // Первая мировая война 1914 – 1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: Сборник документов. М., 2016. С. 148.

² Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 70.

³ Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года: [сборник документов] / Сост. М.М. Семин. М., 1940. С. 488.

ляют перенести сосредоточение главного удара армии на свой правый фланг. Трудности в борьбе за ряд укрепленных позиций, которые преграждают выход к Станиславовскому району, и необходимость сосредоточить для сего возможно больше сил побуждают ходатайствовать о передаче 47-й пехотной дивизии <...> в распоряжение армии, несмотря на прибытие в район армии 108-й и 117-й дивизий, которые как по своему составу, там и по своей артиллерии неспособны к выполнению самостоятельных задач»¹. Именно на тлумачском направлении и предстояло наступать 431-му Тихвинскому полку.

Советский военный историк А.Х. Базаревский полагал, что огромные потери, понесенные Австро-Венгрией в 1914 – 1915 гг., привели к тому, что качество войск не могло быть в этот период особенно высоким. В многонациональной австро-венгерской армии крепче и упорнее были венгерские, затем немецкие части. Наименее надежными считались подразделения из чехов и сербов. Благодаря помощи Германии, австро-венгерские войска были снабжены оружием и боеприпасами лучше, чем русские². Венгерские национальные части назывались гонведными (от венг. Honved – «защитник родины»). Участок, перед которым оказались тихвинцы, находилась группа генерала З. фон Бенињи (Бенигни), состоявшая из старых кадровых пехотных дивизий, сохранявших боевые традиции³.

На участке Юго-Западного фронта в Южной Галиции, куда прибыл Тихвинский полк, наступление началось почти месяц назад – в начале июня. Противник ожесточенно оборонялся, отступал к Станиславу, и перебрасывал сюда резервы⁴. 25 июня Тихвинский полк пересек австрийскую границу, в течение первой недели был выдвинут на передовую, и 2 июля занял окопы. С 3 по 11 июля батальоны тихвинцев были заняты работами по укреплению позиций под с. Зывачув. Грунт был размягченным, не подходящим для устройства окопов, и потому работы были крайне затруднительны. Проходившие дожди превращали грунт в болото, не имелось материалов для укрепления расползавшейся земли, из окопов вода не спешила уходить. Вечером 6 июля командующий 1-м батальоном капитан Пашков докладывал командиру полка о том, что в расположении батальона из-за отсутствия материалов блиндажи не строятся. Саперная работа продвигалась очень медленно, т.к. люди работали под обстрелом противника, и в некоторых местах выше, чем по колено в воде⁵. Я.Ф. Кравченко

¹ Там же. С. 489.

² Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года: прорыв укрепленной полосы и форсирование реки. М., 1937. С. 9 – 10.

³ Там же. С. 16 – 17.

⁴ Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года. С. 476.

⁵ РГВИА Ф. 2980. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

описывал позиции Тихвинского полка перед его боевым крещением: «4 июля в полдень разразился ливень <...> дождь с маленькими перерывами тянется до вечера. В окопах воды по колено, стенки окопов превращаются в какой-то кисель, всюду непроходимая грязь. Мы все в глине, промокшие насквозь. 5 июля наши окопы превратились в реки. Хождение по окопам похоже, скорее, на плавание по изобилующей глубинами и водопадами реке»¹.

14 июля приказом по 108-й дивизии 431-му Тихвинскому полку предписывалось атаковать позиции противника у с. Зывачув. 15 июля начиналось большое наступление по всему фронту 7-й и 9-й армий. Первое сражение стало успешным: Тихвинский полк захватил село, пленив около 600 солдат противника, и захватив множество трофейного вооружения. С удачным боевым крещением полк поздравили командующий 33-м армейским корпусом генерал-лейтенант К.А. Крылов и начальник 108-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.А. Зубов.

После боевого крещения Тихвинский полк начал продвигаться с боями к р. Быстрице, впадающей в Днестр у Галича. Но с 19 по 24 июля дивизия остановилась в 5 км от Тлумача. Эта шестидневная передышка негативно оценивалась советскими военными историками: «Казалось, создавалась благоприятная обстановка для дальнейшего развития успеха, но в это время в силу совершенно непонятных причин командующий 9-й армией приостановил наступление армии между Днестром и Прутом для новых перегруппировок»².

Затем наступление продолжилось: 108-я дивизия прошла в 4 километрах от Тлумача, а Станиславов (Ивано-Франковск) остался в 50 км юго-западнее. В конце месяца полк занял оборону по Быстрице. В течение этого времени полк вел перестрелки с противником, солдаты проводили земляные работы.

На одну неделю – с 1 по 8 августа – Тихвинский полк был отведен на полноценный отдых в д. Миловане.

8 августа директивой Юго-Западного фронта 108-я дивизия переводилась из 9-й армии в 7-ю армию. Командующий 33-м корпусом генерал-лейтенант К.А. Крылов, прощаясь со дивизией, прислал письмо с благодарностью за службу: «Части дивизии, прибыв молодыми и без боевого опыта, получили боевое крещение в Зывачувской операции, в которой они соперничали как между собой, так и с соседними старыми дивизиями в стойкости, порыве и доблести. Ряд последовательных операций по оттес-

¹ Кравченко Я.Ф. Записки. С. 188 – 189.

² Ветошников Л.В. Брусилковский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М, 1940. С. 143.

нению противника закалили доблестные полки и артиллерию 108-й п[ехотной] д[ивизии] в боевой работе, и на реку Быстрицу названная дивизия прибыла во всеоружии боевого опыта, как старая боевая дивизия, стойкая, одухотворенная энергией, порывом и окруженная ореолом боевой славы»¹.

С 9 августа полк занял и укреплял вторую линию обороны. 22 августа 108-я дивизия была передана в распоряжение командующего 3-го Кавказского корпуса 7-й армии и отправлена в наступление на Галич. Продвигаться вперед приходилось под обстрелом.

2 сентября 7-й армии объявлялась задача – переходить в решительное наступление с целью разбить австро-германо-турецкие войска. 108-й пехотной дивизии предписывалось проводить усиленные подготовки к переправам через Днестр с целью держать противника под угрозой форсирования реки, а вылазками разведчиков угрожать захватом ст. Галич. Под Галичем неприятель ожесточенно оборонялся и обрушивал на позиции полка огонь артиллерии. Партии тихвинских разведчиков беспокоили противника попытками переправы через Днестр.

10 сентября дивизия была двинута севернее, и 22 сентября 431-й Тихвинский полк потерпел жестокое поражение в попытке атаковать позиции противника у Обречнова леса, под Брежанами. Противник вел огонь разрывными пулями². Наибольшие потери в 108-й дивизии понес 431-й полк³.

В итоге, Тихвинский полк с середины июля принимал участие в Брусилловском прорыве, сражаясь в составе 9-й, а затем 7-й армии. У полка не имелось боевого опыта, но за июль – сентябрь 1916 г. полк побывал во многих сражениях: наступал, держал оборону, подвергался артиллерийским обстрелам. С 15 июля до конца августа боевой путь полка проходил на северо-запад на 37 км, и в течение сентября полк продвинулся на север еще на 40 км. До конца 1916 г. полк сражался на той же территории.

Я.Ф. Кравченко наблюдал поле боя Тихвинского полка после его первой победы – взятия д. Зывачув: «Утром сходил в д. Олешу, посмотрел, как в ней обстоит дело. По дороге множество наших убитых. Развороченные черепа, вывалившиеся внутренности. Некоторые еще боролись со смертью, успевали раздеться, чтобы, очевидно, начать перевязку»⁴.

Быт Тихвинского полка во время сражений Брусилловского прорыва коренным образом отличался от привычного им по предыдущей службе. В

¹ РГВИА. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 30. Л. 73.

² Там же. Ф. 2978. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

³ Там же. Ф. 2979. Оп. 1. Д. 19. Л. 7 об.

⁴ Кравченко Я.Ф. Записки. С. 194.

1915 г. подразделения Тихвинского полка находились в Лифляндии, где долгие месяцы стояли на одном месте, а с лета 1916 г. начались постоянные переходы. В 1916 г. на территории Австро-Венгрии проживать приходилось в землянках и норах, заброшенных домах и хозяйственных постройках. Уже более двух лет в Галиции бушевала война, все села значительно пострадали, многие местные жители разбежались¹. Уцелевшие дома уже много раз занимали солдаты разных частей и потому они были значительно загрязнены и разбиты. О месте квартирования Тихвинского полка Я.Ф. Кравченко вспоминал: «У Городенки был бой, и поэтому она значительно пострадала. Большая половина домов разрушена, жителей осталось очень мало <...> исчезли все евреи. Купить ничего нельзя, т.к. магазины сожжены. В оставшихся домах мерзость запустения, все перевернуто вверх дном, перебито. Нагажено во всех углах, в шкапы, сундуки и даже на столы»².

Кроватей, разумеется, не было, солдаты спали на полу или земле, подстилая солому. Подстилка менялась редко и была грязной. Люди не раздевались и не снимали обувь целыми неделями. Установленная уставом периодичность помывки и стирки не соблюдалась – в опустошенной войной местности непросто было найти баню. На фронте в 1915 – 1916 гг. преобладали бани «по-черному», поскольку они были очень дешевыми, строились быстро или устраивались в землянках³. В таких банях по очереди мылись ближайшие воинские части, предварительно направляя туда своих чинов для подготовки дров и воды.

Переходы означали для солдат колоссальную усталость, еще более неустроенный ночлег и перебои в питании. Огромные трудности на Юго-Западном фронте составляло «бездорожье, бессилие борьбы с ним и почти полное отсутствие перевозочных средств»⁴. В переходах нередко приходилось останавливаться на открытом воздухе, например, в ноябре несколько раз полк ночевал в палатках⁵. Неблагоприятные бытовые условия способствовали распространению инфекционных заболеваний: дизентерии, тифа, цинги.

В окопах всегда стояли грязь и вода. На короткое время (в конце июня 1917 г.) Галич был захвачен русскими войсками и в захваченных ав-

¹ См. подробн.: Горлицкая операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914 – 1917 гг.). М., 1941.

² Кравченко Я.Ф. Записки. С. 185 – 186.

³ Всероссийский союз городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914 – 1915 г. М., [1916]. С. 116.

⁴ Военно-инженерный сборник: Материалы по истории войны 1914 – 1918 гг. М., 1919. Кн. 3. С. 241.

⁵ РГВИА Ф. 2980. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.

стрийских укреплениях русские инженеры особо отмечали: «приняты серьезные меры к отводу воды», «лисыих нор нет совсем; вероятно, не устраивались из боязни грунтовой воды». Австрийские укрепления под Галичем поразили русских военных чистотой, теплом, многочисленными бетонными сухими укрытиями с нарами, нишами для патронов, обитыми цинком, узкоколейными железными дорогами, электричеством. Но австрийцы устраивали свои позиции девять месяцев, была «затрачена огромная энергия и большое количество самого разнообразного материала», который подвозился по железной дороге¹. Наступающие русские войска не имели ни материалов, ни техники, ни рабочей силы.

О проблемах организации хозяйственной работы писал 22 августа начальник инженерной части Юго-Западного фронта генерал-инженеру при верховном главнокомандующем: «Весьма чувствуется и недостаточность в армиях правильно организованной силы <...> инженерных рабочих дружин. Сбор вольных рабочих в армейских районах является затруднительным, некого брать <...> Из тыла <...> сельские власти, чтобы выполнить наряды, систематически посылают глубоких стариков, калек и прочее, при чем, как заметно, и мздоимство сильно портит дело; – время уходит на организацию, обучение людей, а тут надо их отпускать и ждать нового наряда»².

В целом, поставленные боевые задачи Тихвинский полк смог выполнить в сложных бытовых условиях. Полковое, дивизионное и корпусное начальство не имело возможностей улучшить условия жизни солдат на передовой.

Златина М.А.

Обсуждение «Наказа главноуполномоченным тыла» на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (сентябрь – октябрь 1915 г.)³

На лето – начало осени 1915 г. пришелся пик беженского движения из зоны военных действий вглубь Российской империи. Организация перемещения и распределения по территории страны большого количества беженцев и выселенцев, обеспечение их предметами первой необходимо-

¹ Военно-инженерный сборник. Кн. 2. С. 295.

² Там же. Кн. 3. С. 240 – 241.

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской империи в период военных потрясений (XIX – нач. XX вв.)».

сти в пути и на новых местах проживания требовали продуманной координации движения людских потоков и вливания колоссальных денежных средств. Денег, которые в силу сложившегося в организации «беженского дела» положения, могли оказаться без какой-либо ревизии в руках общественных учреждений. И государство, спохватившись через год после начала войны, решило взять, насколько это было возможно, ситуацию под свой контроль.

Для упорядочения перемещения беженцев с линии боевых действий, облегчения тягот их устройства на новом месте 1 июля 1915 г. Николай II назначил двух членов Государственного совета главноуполномоченными по устройству беженцев Северо-Западного (С.И. Зубчанинов, член Госсовета, правый центр¹) и Юго-Западного фронтов (князь Н.П. Урусов)².

Впоследствии, учитывая масштабность и трудоемкость работы по размещению вынужденных мигрантов на территории всей страны, сочли недостаточным ограничиться только учреждением фронтовых главноуполномоченных по устройству беженцев. Речь зашла об образовании должности тыловых главноуполномоченных. «Наказ», регламентирующий их работу, был разработан министерством внутренних дел и передан на рассмотрение в Особое совещание по устройству беженцев.

Отечественные специалисты по истории благотворительности и беженского дела в России в годы Первой мировой войны нередко в своих научных трудах упоминают главноуполномоченных по устройству беженцев внутри Империи³. Но ими не затрагивается вопрос составления и содержания самого Наказа, регулировавшего деятельность этих должностных лиц и предопределившего многие проблемы в их работе. Не сообщается в отечественной историографии и о том, какую роль в принятии «Наказа» сыграло Особое совещание по устройству беженцев.

¹ Бородин А.П. Зубчанинов Сергей Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 101.

² Об утверждении Наказа главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1. С. 7 – 8.

³ См., напр.: Арутюнян А.А. Государственная помощь России армянским беженцам в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://studik.net/gosudarstvennaya-pomoshh-rossii-armyanskim-bezhencam-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny/>; Гулидов А.Ю. Размещение беженцев на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 32 – 35; Жванко Л.Н. Беженство Первой мировой войны в правовом поле Российской империи [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://greatwar1914.ru/pages/bezhentsy-velikoy-voyny/zhvanko-l-n-bezhenstvo-pervoy-mirovoy-voyny-v-pravovom-polerossiyskoy-imperii2/>.

В зарубежной историографии только П. Гэтрелл, говоря о деятельности Особого совещания, упоминает и о назначении специальных региональных уполномоченных по оказанию помощи беженцам, но больше внимания уделяет работе фронтовых главноуполномоченных¹.

30 августа 1915 г. законопроект «Положение об обеспечении нужд беженцев», до этого утвержденный Госсоветом и Госдумой, стал законом². Ст. 9 «Положения» сообщала о создании нового учреждения – «Особого совещания по устройству беженцев как высшего государственного установления». И создавалось оно, согласно ст. 8, «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев, а равно для общего наблюдения за целесообразным применением означенных мер»³. Ст. 13 очерчивала круг вопросов, которые подлежало, точнее, разрешалось обсуждать на Совещании. Среди тем, которые попадали под юрисдикцию Совещания, было и обсуждение проектов Наказов, касающихся порядка деятельности главноуполномоченных по устройству беженцев (п. 7).

При условии, что «Наказ главноуполномоченным фронта» был утвержден еще до возникновения Особого совещания, становилось понятным, исходя из содержания п. 7, что изначально планировалось либо внести изменения в старый «Наказ», либо учредить новые должности еще каких-то главноуполномоченных. И эти планы не заставили себя долго ждать. Уже на первом заседании Особого совещания, состоявшемся 10 сентября, было принято решение об образовании при Совещании Комиссии по устройству беженцев в тылу и выработке «Наказа главноуполномоченным тыла». Возглавил Комиссию член Государственного совета граф А.А. Бобринский⁴ (правый⁵).

К обсуждению проекта «Наказа» приступили на третьем заседании – 19 сентября⁶. Судя по комментариям Бобринского, прозвучавшим в пылу полемики и зафиксированным в черновике протокола заседания, но исчезнувшим потом из официального журнала, Комиссия при работе руковод-

¹ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999. P. 44.

² Положение об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1915. Отд. 1. № 1842. С. 2423 – 2426.

³ См. подробн.: Златина М.А. Круг проблем, обсуждавшихся членами Госсовета и Госдумы на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (сентябрь – октябрь 1915 гг.) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст.: в 2-х частях. СПб., 2019. Ч. I. С. 152 – 161.

⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵ Шилов Д.Н. Бобринский Алексей Александрович // Государственный совет Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 20.

⁶ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 11 – 12 об.; Д. 3. ЛЛ. 12 – 13 об.

ствовалась проектом, составленным министерством внутренних дел. Кроме того, после объявления гр. А.А. Бобринским на заседании о готовности текста проекта, первым по поводу Наказа выступил именно С.И. Зубчанинов. Он приветствовал организацию помощи в тылу, т.к. для главноуполномоченных фронтом это было непосильным делом, поскольку за линией фронта – вся Россия, и оказание содействия в глубине страны составляло наиболее слабую сторону обслуживания беженцев¹. Государство в лице МВД, судя по всему, начав разрабатывать очередной «Наказ» еще до открытия работы Особого совещания, явно нуждалось в создании разветвленной системы Главноуполномоченных, охватывающих не только территорию театра военных действий и прифронтовой зоны, но и всей России, с чем не могли бы справиться только два главноуполномоченных. Что и подтвердил С.И. Зубчанинов как главноуполномоченный по устройству беженцев Северо-Западного фронта. И дело здесь было не только в заботе о нуждах беженцев, но и в том, что большая часть общественных организаций уже создала такую сеть уполномоченных, руководяще-контролирующих местные структуры помощи жертвам войны (например, Всероссийские земский союз и союз городов, Центральный еврейский комитет помощи жертвам войны и пр.). Государство вновь запаздывало и спешило наверстать упущенное и поставить хоть под какой-то контроль уже имеющееся.

Прения по поводу проекта начались сразу же после оглашения основных положений «Наказа». Первый вопрос, спровоцировавший наиболее оживленную дискуссию, был связан с объемом прав, предоставляемых главноуполномоченным по устройству беженцев в тыловом районе. Должен ли главноуполномоченный обладать распорядительной властью, чтобы иметь возможность руководить передвижением и устройством беженцев в тылу, давать должностным лицам, правительственным и частным, общественным организациям обязательные к исполнению указания и поручения. И если да, то достаточно ли внятно и полно четко указаны в «Наказе» полномочия и средства на реализацию полноценной самостоятельной деятельности главноуполномоченных. Или же напротив, главноуполномоченный тыла должен выступать только как инспектор, сообщающий наверх о замеченных беспорядках на местах, но тогда нужен ли он вообще. Именно такие темы поднимались во время обсуждения. Представитель Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркин отмечал, что без соответствующего органа или должностного лица на местах не обойтись². Член Государственного совета А.И. Лыкошин (правый¹)

¹ Там же. Д. 3. Л. 12.

² Там же.

соглашался, что главноуполномоченный должен иметь средства и право принимать в случае надобности решительные меры, но под свою ответственность. Но, исходя из текста «Наказа», главноуполномоченные тыла, в отличие от фронтовых, для которых в их «Наказе» это было детально закреплено, не получали дополнительного финансирования на выполнение возложенных на них задач. Без денег и без четко обозначенных руководящих полномочий они ничего не смогут сделать, стало быть, они тогда вообще не нужны. Сообщить о затруднениях по принадлежности и корреспондент газеты может². Мнение Лыкошина о том, что «Наказ» не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к главноуполномоченным, т.к. в нем не предусмотрено соответствующее финансирование, поддержал и член Государственной думы Г.И. Свенцицкий³ (группа западных окраин⁴). С ними был согласен еще один депутат – Г.Г. Замысловский⁵ (правый⁶).

Неожиданный тандем выступил против присвоения главноуполномоченным широких руководящих прав, которые могли привести к созданию новой власти среди уже существующих и трениям с земскими учреждениями и городскими общественными управлениями, на которые, согласно «Положению» от 30 августа 1915 г., как раз и было возложено местное попечение о беженцах. Почему за оставление главноуполномоченных по устройству тыла только в роли инспектора выступил представитель Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов М.М. Щепкин⁷, было, в общем-то, понятно. Он защищал интересы земств и городских управлений от возможного посягательства на их власть на местах со стороны главноуполномоченных. Почему А.Ф. Кони, который отметил, что главноуполномоченный призван координировать деятельность местных учреждений, а не заменять ее и не распоряжаться ею⁸, тоже ясно. Но к ним примкнул и представитель правительства, точнее, Министерства финансов – Д.И. Засядко. Он заявил, что снабдить правами главноуполномоченных едва ли выгодно, т.к. на пути все равно встретятся независимые ведомства (военные и гражданские). Роль же главноуполномоченных –

¹ Куликов С.В. Лыкошин Александр Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 158.

² РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

³ Там же. Л. 12 об.

⁴ Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 550.

⁵ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 12 об. – 13.

⁶ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

⁷ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.

⁸ Там же ЛЛ. 12 об. – 13.

объединить местные силы и быть посредниками между ними, Особым совещанием и МВД¹. Впрочем, учитывая, что пересмотр текста «Наказа» должен был повлечь за собой и указание права главноуполномоченных на дополнительное финансирование, решение Засядко становится более понятным.

В итоге большинством голосов было утверждено компромиссное решение: утвердить объем прав главноуполномоченных, предложенный проектом «Наказа», т.е. сохранить за ними роль преимущественно инспекторов – наблюдателей – посредников. Считая лишь необходимым особо упомянуть в «Наказе» о правах, предоставляемых главноуполномоченным в отношении организации передвижения беженцев, в особенности по железным дорогам, так как местные учреждения лишены возможности содействовать успешному перемещению беженцев, а между тем, как показал опыт, это передвижением нуждается в скорейшем упорядочении².

Следующие вопросы, вызвавшие прения, по сути дела, были производными от выбранного решения первой проблемы. Г.И. Свенцицкий поднял следующий вопрос. Если, исходя из объема предоставляемых прав, главноуполномоченные тыла таковыми не рассматриваются (а они явно проигрывали в этом аспекте главноуполномоченным фронта), то надо ли им давать такое же наименование, можно просто назвать уполномоченными³. Его идею поддержал депутат Государственной думы М.М. Ичас⁴ (кадет⁵). Против выступили, ссылаясь на статьи «Положения об устройстве беженцев», думцы Г.Г. Замысловский и С.Н. Алексеев⁶ (группа «балашевцев»⁷). В итоге сошлись на том, что для облегчения процесса выстраивания отношений с главноуполномоченными фронта надо присвоить лицам, имеющим попечение об устройстве беженцев за пределами фронтов, такое же звание главноуполномоченных по устройству беженцев, но уже внутри империи (взамен термина «тыловой район»)⁸.

Обсуждавшийся затем вопрос о разграничении деятельности главноуполномоченных внутри империи с работой главноуполномоченных по устройству беженцев на фронтах постановили разрешить по territori-

¹ Там же. Л. 12 об.

² Там же. Д. 1. ЛЛ. 11 об. – 12.

³ Там же. Д. 3. Л. 12 об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Николаев А.Б. Ичас Мартин Мартинович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 224.

⁶ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

⁷ Николаев А.Б. Алексеев Сергей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 13.

⁸ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

альному принципу. Также было принято решение о пересмотре в дальнейшем первого «Наказа» – главноуполномоченным фронта с целью согласования обоих «Наказов»¹.

И, наконец, вопрос о включении в проект «Наказа» указаний о роли главноуполномоченных в объединении деятельности местных учреждений, обслуживающих нужды беженцев был признан преждевременным, так как общий вопрос о согласовании деятельности организаций помощи жертвам войны еще не рассмотрен очередной Комиссией при Особом совещании, на это раз – Комиссией по распределению кредитов².

Постатейное обсуждение проекта «Наказа» было перенесено на следующее заседание, и состоялось 26 сентября 1915 г.³ В основном вносимые в статьи по результатам обсуждения корректировки имели больше стилистическую, чем смысловую нагрузку. Но был и ряд важных дополнений, предложенный преимущественно представителями МВД. Так, ст. 2 дополнили предоставленным правом министру внутренних дел определять и изменять районы деятельности главноуполномоченных внутри империи. По предложению графа А.И. Тышкевича разделение районов между главноуполномоченными фронта и тыла должно было устанавливаться по взаимному между ними соглашению на совместном совещании. В ст. 3 добавили указание на то, что главноуполномоченные внутри империи объединяют деятельность всех местных учреждений «путем личных сношений с подлежащими военными и гражданскими властями». В ст. 6 было «признано полезным» добавить указание о том, что главноуполномоченные внутри империи имеют право сноситься с главноуполномоченными фронта и между собой.

Ушедший на доработку проект был утвержден Особым совещанием на шестом заседании 3 октября⁴. «Наказ главноуполномоченным по устройству беженцев внутри Империи» был ратифицирован МВД 29 октября почти в том же виде, за небольшим исключением, что и подавался в Комиссию графа А.А. Бобринского на рассмотрение и доработку⁵.

Подводя итог можно констатировать, что за главноуполномоченными по устройству беженцев внутри империи так и закрепились скорее инспекторские, чем руководящие функции с выделением финансовых средств лишь на необходимые служебные расходы. К ним были отнесены

¹ Там же.

² Там же. ЛЛ. 12 – 12 об.

³ Там же. ЛЛ. 17 об. – 18 об.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 34; Д. 1. Л. 25.

⁵ Наказ главноуполномоченным по устройству беженцев внутри Империи, утвержденный МВД 29 октября 1915 года // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. II. С. 2 – 5.

закупки бланков и прочей канцелярской надобности, отправка телеграмм, траты на разъезды по путям. И здесь было заложено важнейшее отличие от «Наказа главноуполномоченным фронта», которым было дано право запрашивать денежные средства на выполнение возложенных задач в виде кредитов на потребности военного времени.

Само обсуждение «Наказа» и результат данной процедуры в виде утвержденного текста проекта проявили ряд важных моментов. Во-первых, Особое совещание по устройству беженцев с первых заседаний было включено в рассмотрение наиболее важных с точки зрения государства проектов, связанных с беженским делом. Во-вторых, с одной стороны, общественные силы во всю старались использовать платформу Особого совещания для отстаивания своих позиций, с другой – последнее слово по ряду вопросов отныне могло оставаться и за представителями правительства.

Крушевский В.В.

Резерв Петроградской столичной полиции в 1915 году: состав и деятельность.

О резерве столичной полиции был написан ряд научных статей. Однако в них авторы рассматривали более ранний довоенный период¹. Кроме того, некоторые авторы ограничивались лишь общей характеристикой структуры резерва и критериями отбора для кандидатов, опираясь исключительно на ранее написанные работы и не задействуя исторические источники².

Резерв был создан 17 июня 1867 г. Состоял он из школы полицейского резерва резервных рот столичной полиции. Резерв принимал на службу нижних чинов, теоретически подготавливал классных и нижних чинов, пополнял убыли в личном составе участковых управлений, рот столичной полиции, конно-полицейской стражи, речной полиции, команд полицейских домов, а также занимался переводом нижних чинов из одной части в другую. Для пополнения убыли личного состава в резерве производился учет всех чинов столичной полиции и при образовании недокомплекта резерв направлял пополнения классных и нижних чинов, выдержавших ис-

¹ Кузьмин А.А. Кадровый резерв Санкт-Петербургской полиции (1880 – 1905 гг.) // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Сб. тр. конф. СПб., 2014. С. 69 – 73.

² Тарасов Н.К. Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции: повседневность первого учебного заведения МВД Российской империи // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сб. материалов междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 182 – 186.

пытания¹. Начальником резерва в 1915 году являлся полковник Георгий Дмитриевич Гиржев-Бельчик².

На 1 января 1915 г. в составе резерва числятся: начальник резерва, 2 помощника, 11 классных чинов резерва (из них 9 в действующей армии) 2 фельдфебеля, 53 околоточных (из 25 них командированы), 303 городских, (218 ком.). В течение года на службу в резерв зачислены 22 классных чина, 79 околоточных, 431 городской. Переведены 10 классных чинов, 71 околоточный, 426 городских. Уволено 2 классных (по причине их смерти), 6 околоточных, 70 городских. Соответственно, на 1 января 1916 гола в резерве прибывают: начальник резерва, 2 помощника (1 в армии), 2 фельдфебеля, 21 классных чинов (7 в армии), 55 околоточных (36 ком.), 238 городских (156 ком.)³. Указанные как командированные чины полиции отнюдь не все состояли в действующей армии. Они могли нести службу в структурах городской полиции, будучи зачисленными при этом в резерв. Так, в 1915 г. на средства частных обществ и учреждений содержалось 85 городских резерва, в охране Департамента полиции задействовано 13 городских, в сыскной полиции 22 городских и 1 околоточный. Всего 120 городских резерва из 156 откомандированных⁴. Для сравнения с довоенным периодом можно взять цифры, которые приводит в своей диссертации, посвященной Санкт-Петербургской полиции А.М. Назаренко: «На 1 января 1906 года в резерве состояло 14 офицеров и классных чинов, 60 околоточных надзирателей, 264 городских»⁵. Таким образом, за 10 лет в период с 1906 по 1916 гг. численность резерва не только не увеличилась, а даже сократилась. В то время как за это время население города выросло на 700 тыс. человек⁶.

В 1915 году в резерве числилось четыре полицейских роты: 7-я, 8-я, 9-я и 10-я. Последние две были созданы в 1910 году. Первые шесть рот подчинялись полицмейстерам отделений. Седьмая рота находилась в подчинении полицмейстера IV отделения генерал-майора Владислава Францевича Галле, но числилась за резервом. Остальные три роты подчинялись

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 3 об.

² Вестник полиции. 1914. № 51. С. 965.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906 – 1913 гг.): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2000. С. 33.

⁶ Население северной столицы // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. № 163 – 164 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0163/tema01.php>

начальнику резерва. В отчете резерва за 1915 год данный факт подвергся критике, поскольку начальник резерва не всегда обладал достаточным количеством времени для того, чтобы вдаваться в тонкости управления ротами¹. 9-я и 10-я роты размещались в казармах резерва, располагавшихся на Гончарной ул., д. 7. 8-я рота находилась на особых поручениях начальника резерва и размещалась в казармах на Галерной ул., д. 10. Необходимо отметить, что роты были недоукомплектованы. Согласно инструкции, чинам рот столичной полиции в ней должно было числиться 100 человек². В действительности же ситуация была следующей. На 1 января 1915 года в 8-й роте числились: командующий, фельдфебель, 4 околоточных (из них 2 командировано), 59 городских (16 ком.). За год поступили на службу: новый командующий, 1 околоточный, 5 городских. Старый командующий при пока что невыясненных обстоятельствах был убит. В то же время в 1915 году из роты уволилось 11 городских. Итого на 1 января 1916 года к роте 8-й были приписаны: командующий, фельдфебель, 5 околоточных (2 ком.), 53 городских (26 ком.). При роте также состояло 2 взвода отделения конно-полицейской стражи, под начальством вахмистра, должность которого занимал околоточный этого отделения³. При ротных казармах были сооружены буфеты и лавочки. Из развлечений были доступны граммофон, бильярд, шашки, домино. Резерв также организовал библиотеки для рот, выписывал необходимые газеты и журналы. В резервных ротах была широко развита творческая самодеятельность. В 8-й роте был организован хор балалаечников. По свободному расписанию казармы рот посещал священник. Он проводил духовно-нравственные беседы с нижними чинами, каждый раз служил молебен⁴.

Основная функция полицейского резерва заключалась в подготовке классных и нижних чинов к службе в полиции. Для этого при резерве действовала школа с оборудованными всем необходимым классами. В городские резерва принимались грамотные и внешне здоровые русские подданные, достигшие 25 лет. А также отбывшие воинскую повинность и находящиеся в звании унтер-офицера или, в крайнем случае, ефрейтора, прошедшие курс сельской школы и отбывшие в запасе армии не более одного года. Рост не должен был быть менее 2 аршинов 6 вершков (ок. 169 см). Чинами резерва перед приемом кандидата обязательно производилось наведение всесторонних справок о его жизни, начиная с 16 лет. Получившего одобрительные отзывы кандидата лично осматривал начальник ре-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 8.

зерва на предмет благообразной внешности. Комплексного медицинского осмотра кандидатов не проводилось. Проверяли только зрение и общее физическое развитие. В конно-полицейскую стражу зачислялись исключительно вахмистры и унтер-офицеры регулярных кавалерийских полков. Им проходили испытание по верховой езде. Городовые речной полиции принимались по личному выбору начальника речной полиции. Городовые перед зачислением давали подписку об обязанности отслужить в полиции не менее года. С разрешения градоначальника городовые зачислялись в резерв и селились в казармах¹.

Занятия для городовых вел обыкновенно опытный околоточный. Подготовка шла от 2 недель до 1 месяц. Занятия ежедневные с 8 утра до 7 вечера с перерывами для обеда, чая, ужина, отдыха. В курс входило знакомство с членами императорского дома и составом чинов, состоящих при высших правительственных учреждений. Необходимо было наизусть знать старших должностных лиц градоначальства. Изучались приказы и циркуляры по столичной полиции, а также инструкции для городовых, правила пользования сигнализацией и телефоном, правила пожарной безопасности. Городовые практиковались в умении составлять служебные записки и доклады, а также в строевой подготовка, умении собирать имеющиеся на вооружении резерва оружие, практической стрельбе, джиу-джитсу, чтении и письме. Городовые обязаны были также знать правила спасения утопающих. Экзамен у городовых принимал начальник резерва, полицмейстер, два пристава. В случае успешной сдачи городовые распределялись в структуры городской полиции².

На должность околоточного надзирателя принимались также русские подданные, достигшие 25 лет, имевшие здоровое телосложение, получившие образование, дающие право на льготу 2-го разряда по воинской повинности³. В класс околоточных также принимались служилые городовые, выдержавшие испытание на первый классный чин⁴.

Классные чины и офицеры принимались в резерв по личному усмотрению градоначальника. Они должны были предоставить аттестат или диплом учебного заведения, дающие право на льготу первого разряда по воинской повинности⁵. Несмотря на более высокий образовательный ценз, обучались классные чины в резерве примерно по той же программе, что и околоточные. Занятия велись ежедневно с 10 до 12 часов под руковод-

¹ Там же. Л. 4 об.

² Там же. Л. 6.

³ СЗ. Т. II. Общ. Учр. Губ. Ст. 907.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 5 об.

⁵ СЗ. Т. III. Уст. Служб. Правит. Ст. 303.

ством старшего помощника начальника резерва и под наблюдением начальника по программе, утвержденной МВД. Теоретический курс длился 2 – 3 месяца. Изучались инструкции, правила, приказы, циркуляры градоначальника, МВД, Городской думы, Губернского земского собрания, санитарно-исполнительной комиссии. Дальнейшее изучение происходило на практике в участках. Будущие классные чины полиции несли постовую службу и заступали в наряды под руководством опытных околоточных, а потом и самостоятельно. Околоточные надзиратели занимались совместно с классными чинами, но больший упор делается на практику. Им отдельно проводились занятия по джиу-джитсу и строевой подготовке. Экзамен принимали начальник резерва и два пристава. После успешной сдачи следовал смотр у градоначальника и зачисление в часть¹. В 1915 году подготовку в резерве прошли: 21 классный чин, 60 околоточных надзирателей, 464 городских и пеших, 7 городских речной полиции, 74 полицейских служащих². Для сравнения в 1909 году резерв подготовил для службы 71 классного чина, 713 городских, 42 служащих полицейских домов³. То есть количество обучающихся значительно снизилось, несмотря на возросшую потребность в полицейских.

Не менее важной обязанностью резерва была патрульно-постовая служба. Ее осуществляли как практикующиеся курсанты школы резерва, так и резервные роты. За год роты резерва арестовали 2774 нищих за прошение милостыни⁴. Помимо данной категории обывателей аресту подвергались неучтенные проститутки, бесписьменные подданные, беспризорники и находящиеся под действием алкогольного и наркотического опьянения⁵.

Помимо постовой службы чины резерва должны были следить за состоянием оружия столичной полиции. При резерве работала мастерская под руководством оружейного мастера в чине околоточного надзирателя. Два раза в год в мастерской проводился осмотр и несложный ремонт всего оружия полиции, а именно: 3157 винтовок, 4123 револьвера системы Нагана, 163 револьвера системы Смита-Вессона, 391 браунинг, 650 маузеров, 4230 пашек, 1277 панцирей и щитов. Оружие, требовавшее серьезного ремонта, отправлялось на Тульский оружейный завод. При резерве также хранилось конфискованное оружие⁶.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. ЛЛ. 5 – 5 об.

² Там же. Л. 6.

³ Кольцова М.В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период с 1907 г. по февраль 1917 г.: Дис. ... к. юрид. н. М., 2005. С. 103.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 8.

⁵ Ведомости Петроградского градоначальства. 1915. 14 февраля.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 6 об.

Стоит отметить обязанности резерва по надзору за городским транспортом. Чины резерва осуществляли регистрацию транспорта путем установки жестяных номерных знаков¹, проверяли свидетельства, подтверждающее умение управлять лошадью, повозкой, экипажем, автомобилем. Резерв рассматривал дела о неосторожной езде по городу, нарушении правил дорожного, проверял на наличие судимости шоферов и извозчиков, привлекал их к административной ответственности за нарушения². Всего за 1915 год было оштрафовано 20432 лица на 100945 руб. Из них: 19958 извозчиков, 469 шоферов, 3 велосипедиста и 2 мотоциклиста³. Штрафы за быструю езду, езду без номерных знаков, езду с включенными фонарями, яркость которых превышала максимально разрешенную, могли достигать 25 – 50 руб.⁴ В годы войны резерв по приказу градоначальника предпринимал меры к поиску и задержанию автомобилей, которые должны были находиться не в столице, а на театре военных действий⁵.

Резерв столичной полиции занимал ведущее место в сфере полицейского образования Империи. Материальная база, образовательные программы, высокие критерии отбора позволяли подготавливать лучших в стране полицейских. Однако положение дел в резерве в годы Первой мировой ухудшились. В первую очередь это было связано с сокращением личного состава. Значительная часть классных чинов, а также некоторые нижние чины, приняли решение прервать службу и отправиться в действующую армию. За этим последовало и сокращение числа обучающихся в резерве, а значит, сократился приток свежих кадров в полицию, что на фоне быстро растущего населения Петрограда усугубляло ситуацию вдвойне. У нас есть основание предположить, что из-за массового ухода классных чинов со службы упало и качество подготовки полицейских кадров. Часто их функции могли выполнять околоточные надзиратели. Чины резерва, а также обучающиеся, были заняты выполнением непосредственно полицейских обязанностей. С одной стороны, это помогало будущим полицейским осваивать это нелегкое дело на практике, а также, в случае необходимости, подстраховывать действующую полицию. Но излишняя загруженность рутинными полицейскими делами могла отвлекать от образовательного процесса.

¹ Ведомости Петроградского градоначальства. 1914. 3 октября.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 48. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 10 об.

⁴ Ведомости Петроградского градоначальства. 1914. 7 октября.

⁵ Вестник полиции. 1915. № 24. С. 771.

Румянцев А.Г.
**Преступность в Петрограде в 1915: предварительные
итоги изучения по отчетам полиции**

Как известно, 1915 г. стал своеобразным рубежом в истории России. Первый по-настоящему военный год осветил все экономические и политические проблемы тогдашней системы управления. Он прошел под знаком «Великого отступления» и наплыва беженцев из западных губерний. Инфляция и расстроенная транспортная сеть вызвали перебои с продовольствием в крупных городах и недовольство населения.

Не избежал этих процессов и Петроград. Только по официальным данным за полтора года войны инфляция составила 48,7 %. Одни продукты почти исчезли или перешли в разряд роскоши (фрукты, сахар, мясо), стоимость других (масло, картофель, яйца) повысилась в несколько раз¹.

В 1915 г. в Петрограде было проведено 7 мобилизаций ратников 1-го и 2-го разряда призыва 1898 – 1914 гг., новобранцев призыва 1915 – 1917 гг. и ранее освобожденных от призыва². Мобилизации, равно как и хлынувший в Петроград поток раненых способствовали ухудшению демографической ситуации. В течение 1915 г. в столице родилось 51956 детей, что на 15 % меньше показателей 1914 г. (60824 родившихся)³. По сравнению с 1914 г. смертность выросла на 11 %, с 47597 до 52866 чел. Основными причинами смертности являлись бугорчатка (туберкулез) и катарральное воспаление легких, болезни желудочно-кишечного тракта и сосудов. Среди инфекционных заболеваний ведущие места традиционно занимали корь, скарлатина и дифтерия. В июле – октябре 1915 г. в Петрограде разразилась эпидемия холеры, в результате которой умерло 266 чел. Единственными положительными тенденциями являлись заметное снижение смертности от алкоголизма в связи с введением «сухого закона», а также двукратное уменьшение числа самоубийств – 231 против 415 в 1914 г.⁴

Впрочем, демографическую убыль с лихвой компенсировали беженцы. Ранее полагалось, что в 1915 г. в столицу прибыло около 82 тыс. бе-

¹ Краткий свод статистических данных по гор. Петрограду за 1915 год / Статистическое отделение Петроградской городской управы. Пг., 1915. Общий свод данных за 1915 год. С. XVI (далее – Краткий свод статистический данных).

² ЦГИА СПб. Ф. 569 (Канцелярия петроградского градоначальника). Оп. 18. Д. 404. Л. 2; Д. 411. Л. 13; Д. 412. Л. 10; Д. 413. Л. 1; Д. 415. ЛЛ. 4 – 5; Д. 418. ЛЛ. 2 – 3; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 74 – 76.

³ Краткий свод статистических данных. С. II – III.

⁴ Там же. С. II – V. Таблицы. С. 8 – 9, 11.

женцев¹, однако по последним подсчетам эту величину следует увеличить до 100 тыс. чел.² В итоге численность населения Петрограда в 1915 г. составила 2347851 чел.³ Первоначально призрение беженцев осуществлялось за счет городских средств под руководством Особого присутствия по разбору и призрению нищих. С 10 июля 1915 г. дело было передано Петроградской бирже труда, которая открыла особое отделение на Английском пр., д. 38. К концу 1915 г. регистрация и призрение беженцев осуществлялось при 12-м отделе Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов и производилось через Центральный распределительный пункт⁴.

Большие хлопоты городским властям доставляли евреи, эвакуированные из прифронтовой полосы. Несмотря на то, что источники весьма скупы на подробности их размещения, можно полагать, что беженцы нередко селились в местах компактного проживания своих земляков. Так, беженцы-евреи расселялись среди своих единоверцев во 2-м и 3-м участках Казанской части, 1-м и 2-м участках Коломенской части, а также в 2-м участке Нарвской части, в 1-м, 3-м и 4-м участках Московской части, в Рождественской части, в 3-м и 4-м участках Спасской части и в Лесном пригородном участке⁵.

Частично прибывающие беженцы компенсировали недостаток рабочих рук, связанный с мобилизациями и ростом оборонной промышленности. Из пояснительной записки старшего фабричного инспектора М.Н. Семенова к сводному отчету по фабрично-заводским учреждениям Петроградской фабричной инспекции за 1915 г. следует, что число промышленных предприятий увеличилось с 1033 до 1076, а общее число рабочих – с

¹ Вестник полиции. 1915. № 50. С. 1595; Курцев А.И. Беженцы Первой мировой войны в России 1914 – 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 109.

² Надсадный Д.В. Помощь беженцам в Петрограде во время Первой мировой войны: деятельность городского самоуправления и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (1914 – 1917 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2013. С. 34.

³ Краткий свод статистических данных. С. II; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб., 2000. С. 61.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513 (Петроградская городская управа). Оп. 162. Д. 111. Л. 9; Ф. 569. Оп. 21. Д. 14. Л. 44. См. подробн.: Надсадный Д.В. Помощь беженцам в Петрограде во время Первой мировой войны: деятельность городского самоуправления и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (1914 – 1917 гг.). С. 30 – 38.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 408. ЛЛ. 10, 23; Д. 409. Л. 1; Д. 411. ЛЛ. 1, 1 об., 8, 12 – 13, 18 – 20; Д. 412. Л. 3; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 115, 214 (далее – Этнический состав).

217222 до 267373 человек, т.е. на 23 %¹. Наибольший прирост числа рабочих пришелся на металлургические и машиностроительные предприятия, что было связано с исполнением оборонных заказов. К работам активно привлекались женщины и подростки: в течение 1915 г. число женщин-работниц выросло на 39,7 %, а подростков – на 46 %². Тот же высокий спрос на рабочие руки привел к заметному сокращению нищенства³.

С другой стороны затруднения в доставке топлива и сырья, принятие «сухого закона» привели к сокращению деятельности хлопкоочистительных, пивоваренных и водочных заводов⁴. Некоторый рост заработков рабочих не поспевал за инфляцией, что приводило к экономическим забастовкам. Неоднозначными оказались и результаты введения «сухого закона»: с одной стороны, сократились пьянство и прогулы, с другой, как отмечал старший фабричный инспектор М.Н. Семенов, «наиболее неустойчивые элементы из рабочих, по-видимому, не находят в себе достаточно разумных развлечений в свободное от работы время и поддаются азартным играм»⁵.

Ухудшение материального положения большей части населения Петрограда, хлынувший поток беженцев, к которым примешивались бежавшие преступники из Царства Польского, Прибалтики, а также из Финляндии и Украины приводили к росту числа правонарушений и преступности в столице.

В историографии этот вопрос до конца не изучен. Традиционно наибольшее внимание уделяется изучению криминальной ситуации в Петрограде в связи с революционными событиями 1917 г. и кадровому составу органов правопорядка в этот период⁶. Единственной работой, в которой за-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1229 (Фабричная инспекция Петроградской губернии). Оп. 1. Д. 900. ЛЛ. 2 – 2 об.

² Там же. ЛЛ. 3, 5 об.

³ Там же. Ф. 569. Оп. 18. Д. 407. Л. 6; Д. 412. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 900. ЛЛ. 3 об. – 4.

⁵ Там же. Л. 10 об.

⁶ См., напр.: Токарев Ю.С. Петроградские рабочие в борьбе за установление и охрану революционного порядка (август – декабрь 1917 г.) // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М.; Л., 1963. С. 6 – 61; Лейберов И.И. На штурм самодержавия: петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале – марте 1917 г. // Из глубины времен. СПб, 2000. № 12. С. 11 – 100; его же.

трагивался вопрос о ситуации в столице в 1915 г., является диссертация Д.Ю. Ерещенко «Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.». Как и большинство своих предшественников, особое внимание автор уделил изучению криминальной ситуации в столице с осени 1916 г. по конец 1917 г., а также детской преступности. Опираясь на отчеты сыскной полиции и ежегодные сводки преступлений по городам России, Д.Ю. Ерещенко выявил три всплеска преступности в Петрограде – в конце 1914 г., в конце 1916 – начале 1917 гг. и после Февральской революции 1917 г. Характеризуя криминальную ситуацию в 1915 г., диссертант установил связь между ростом преступности и возросшим числом беженцев, а также сделал вывод о широкой деятельности маклаков (скупщиков краденого)¹. Однако детально вопрос о состоянии преступности в Петрограде в 1915 г., в особенности по отдельным районам столицы, им не рассматривался.

Как известно, в административном отношении столица была разделена на 12 городских частей, внутри которых выделялись отдельные полицейские участки, и 7 пригородных участков. Всего в столице насчитывалось 47 полицейских участков во главе с местными приставами.

Основными задачами полиции являлось поддержание правопорядка, наблюдение за городским благоустройством, санитарным и противопожарным состоянием столицы, регулирование деятельности торговых и промышленных предприятий, контроль за соблюдением административных предписаний, и регулирование движения. С началом Первой мировой войны полиция привлекалась к организации призыва и оказанию помощи семьям мобилизованных, осуществлению «борьбы с немецким засильем», что выражалось в реквизициях предметов и материалов, наблюдении и выселении из столицы подданных воюющих с Россией держав. «Красной нитью» проходят меры по соблюдению «сухого закона» и усилению контроля за оборотом спирта и спиртосодержащих препаратов. С 1915 г. столичная полиция была вынуждена распределять поток беженцев и применять особые меры против спекуляции предметами первой необходимости. Серьезно выросла и канцелярская деятельность, связанная с учетом поступавших денежных сумм, делопроизводственных бумаг и телеграмм. Рост числа беженцев привел к увеличению времени на проверку адресных листов, выдачи видов на жительство, паспортов и т.д.

Документы ЦГИА СПб позволяют расширить наше представление о состоянии преступности в столице в 1915 г. В фонде Канцелярии петро-

Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; его же. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2017. Т. 1 – 2.

¹ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Автореф. дис... к. ист. н. СПб., 2003. С. 23 – 25.

градского градоначальника отложилось 14 дел с годовыми отчетами о деятельности участковых приставов и особых подразделений (отдельных рот полиции и конно-полицейской стражи) за 1915 г. Они включают в себя три типа ведомостей (о количестве возбужденных дел по разным преступлениям, о количестве задержанных лиц и числе преступлений, и о деятельности канцелярии конкретного участка), а также пояснительные записки к ним¹. Подобные отчеты должны были быть составлены к 20 марта 1916 г. по приказу петроградского градоначальника генерал-майора князя А.Н. Оболенского от 25 января 1916 г. за № 19 и носить ежегодный характер². Однако в связи с Февральской революцией аналогичные отчеты за 1916 г. уже не составлялись и, таким образом, годовые отчеты о деятельности полиции за 1915 г. остались единственным примером подобного рода.

При этом необходимо отметить неполноту данного источника. Сохранились отчеты по Адмиралтейской, Александро-Невской, Выборгской, Казанской, Коломенской, Нарвской, Петроградской, Спасской частям, и по нескольким участкам Московской части. Также имеются сведения по Лесному, Новодеревенскому, Охтинскому, Петергофскому, Полюстровскому и Шлиссельбургскому пригородным участкам. Всего имеются данные по 34 полицейским участкам из 47. Полностью отсутствуют годовые отчеты по Васильевскому острову и Рождественской части, а отчеты по Литейной части представлены лишь полицейским домом³.

Наибольший интерес представляют два типа ведомостей – о количестве возбужденных дел по разным преступлениям и о количестве задержанных лиц и числе преступлений, а также пояснительные записки к ним.

Отметим некоторую условность реконструируемой картины преступности в Петрограде в 1915 г. на основе имеющихся цифровых данных. Так, статистика дел, заведенных по жалобам потерпевших, в некоторых участках достигает единичных величин или отсутствует вовсе. Отчасти это можно списать на нежелание жителей столицы обращаться в правоохранительные органы, отчасти, как представляется, на игнорирование полицией поступающих заявлений. Следует также учитывать, что часть преступле-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 405 – 409, 411 – 419.

² Приказ по Петроградскому градоначальству и столичной полиции. 25 января 1916 г., № 19 (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 446. Л. 32).

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 410. В арестантских помещениях полицейского дома содержались подследственные, подвергавшиеся предварительному задержанию, приговоренные к аресту по суду и в административном порядке, а также задержанные до вытрезвления (Справочная книжка управления Петроградского градоначальства и столичной полиции. Выпуск 1-й. 1914 года. Пг., 1914. С. 51 – 52; Назаренко А.М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906 – 1913 годы): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2000. С. 47).

ний попадала в сферу деятельности сыскной полиции, причем вполне можно, что одни и те же преступления и правонарушения попадали в отчеты и участковых приставов, и сыскной полиции¹. Наконец, величина фиксируемых преступлений и число задержанных может говорить как о криминальности той или иной части города, так и об эффективности работы полиции.

Все население Петрограда можно распределить по территориальному и имущественному признакам. Как правило, привилегированные слои населения проживали в центральных районах столицы. К таковым можно отнести 1-й и 2-й участки Адмиралтейской части, 1-е участки Казанской, Спасской и Петроградской частей. В районах, окружавших центральную часть города, проживали лица среднего достатка. К таковым можно отнести 2-й и 3-й участки Казанской части, 2-е участки Спасской и Петроградской частей, 1-е участки Александро-Невской, Московской и Нарвской частей. Некоторые территории города, как в центре, так и на окраинах, заселялись преимущественно городскими низами и лицами с достатком ниже среднего. К таковым можно отнести: 1-й и 2-й участки Коломенской части, 3-й и 4-й участки Спасской части, 2-й участок Александро-Невской части и 3-й участок Московской части. Остальные территории являлись рабочими окраинами, окаймлявшими столицу с севера и юга. К северным районам относились 1-й и 2-й участки Выборгской части и 3-й и 4-й участки Петроградской части, а к южным – 3-й и 4-й участки Александро-Невской части, 4-й участок Московской части, 3-й и 4-й участки Нарвской части, и прилегающий к ним Петергофский пригородный участок, а также Шлиссельбургский пригородный участок. Остальные заселенные районы к северу от столицы представляли собой разбросанные далеко один от другого поселки: Старая и Новая Деревни, Полюстрово, Большая и Малая Охты, а также местность, известная под названием «Лесной участок», в границах от Лесного до Политехнического институтов, и от Удельного парка до Кушелевки².

¹ По данным Петроградской сыскной полиции за 1915 г. в числе преступлений и правонарушений значилось: 57 убийств и покушений на них, 179 грабежей, 3 изнасилования, 414 краж, 476 случаев мошенничества, 7 случаев ростовщичества, 617 дел по присвоениям и растратам, 318 угонов велосипедов и лошадей, 34 поджога, 13 случаев подделки и сбыта фальшивых денег, 394 случая шантажа, 1904 случая незаконного сбора сведений, 15440 случаев розыска скрывшихся лиц и солдат, 1117 анонимных доносов (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 30. Д. 1. ЛЛ. 7 – 7 об. Подсчитано: Очкур Р.В. На секретной службе Его Величества. История сыскной полиции. М.; СПб., 2019. С. 327).

² См. подробн. о состоянии преступности по конкретным участкам: Румянцев А.Г. Преступность в центре Петрограда: 1915 год по отчетам полиции // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция 18 марта 2016 г.: Сб. науч.

Исходя из сводных данных по всем 34 участкам видно, что из общего числа преступлений кражи и мошенничества составляли 96,66 % (21918 дел из 22768). Также в полицейской статистике насчитывались 276 убийств и покушений на них (1,2 %), 24 поджога (0,1%), 255 разбоев и грабежей (1,1 %), 206 случаев распространения фальшивых денег (0,9 %), 78 изнасилований (0,03 %), и 11 преступлений против веры (0,01 %).

Как видно, Петроград 1915 г. был городом краж и мошенничеств. По числу данных преступлений лидировал 3-й участок Нарвской части (1654 кражи), где селилась преимущественно городская беднота. Здесь располагались Товарищество Невской ниточной мануфактуры, Русско-американские резиновая и бумажная мануфактуры, Калининский пивоваренный завод, С.-Петербургские портовая и сухопутная таможня. В состав участка входили Гутуевский, Канонерский, Вольный и другие острова, где располагались многочисленные товарные склады и помещения, лесная и хлебная гавань, общегородские хранилища продуктов и топлива¹.

На втором месте оказывается густонаселенный 2-й участок Петроградской части (1625 краж), где находились Государственная типография, Введенская гимназия, 2-й Кадетский корпус и Военно-топографическое училище, многочисленные богадельни и приюты. Среди промышленных предприятий отметим фабрику конторских книг, переплетных и кожаных изделий товарищества «Отто Кирхнер», типографско-картонажную фабрику Т.М. Киббеля, электромеханический и телефонный завод Акционерного общества «Н.К. Гейслер и Ко»². Третье-четвертое место поделили 2-й участок Нарвской части (1549 краж), характерной чертой которого наличие Гербового казначейства и трех ночлежных домов³, а также Петергофский пригородный участок (1537 краж), населенный фабрично-заводскими рабочими, на территории которого располагался знаменитый Путиловский завод, Екатерингофская бумагопрядильная мануфактура, Тентелевский химический завод и Электромеханический завод Тильманса⁴.

В свою очередь, наименьшее число краж было зарегистрировано во 2-м участке Коломенской части (62 кражи), который фактически являлся

ст. СПб., 2017. С. 115 – 136; его же. Преступность на севере Петрограда: 1915 год по отчетам полиции // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция 17 марта 2017 г.: Сб. науч. ст. СПб., 2018. С. 85 – 106; его же. Преступность на юге Петрограда: 1915 год по отчетам полиции // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция 16 марта 2018 г.: Сб. науч. ст. СПб., 2019. С. 84 – 107.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 412. Л. 15.

² Там же. Д. 416. ЛЛ. 12, 32.

³ Там же. Д. 412. Л. 3.

⁴ Юхнева Н.В. Этнический состав. С. 127.

рабочей окраиной в центре столицы. Здесь находились два крупных предприятия – Адмиралтейский судостроительный завод и комплекс Франко-русских заводов, а также несколько учреждений для душевнобольных и пункты размещения беженцев¹. Впрочем, для данного участка, по-видимому, была характерна неполная статистика правонарушений, поэтому приведенные данные не следует абсолютизировать. Также весьма проблематичной оказывается статистика по числу краж в Охтинском пригородном участке (106 преступлений подобного рода), где располагался Охтинский пороховой завод. Гораздо более уверенно можно говорить о том, что наименьшее число краж было характерно для привилегированных районов города – 1-го Адмиралтейского (198 краж) и 2-го Адмиралтейского участков (150 краж).

По числу убийств и грабежей с большим отрывом лидировал Петергофский пригородный участок (116 убийств и 116 грабежей)². Второе-третье место по убийствам занимали 2-й участок Нарвской части (18 убийств) и Шлиссельбургский пригородный участок (16 убийств), являвшийся, наравне с Петергофским пригородным участком, наиболее густонаселенной рабочей окраиной столицы. Здесь располагались 35 предприятий, в т.ч. Главные вагоностроительные мастерские Николаевской железной дороги и Александровский механический завод, Невский механический и судостроительный завод, Александров-Невская текстильная «К.Я. Паль», Императорский фарфоровый завод и колония Фарфорового завода³.

По числу изнасилований (14) лидировал 2-й участок Александров-Невской части, где располагался завод Сан-Галли с одноименной колонией, а рядом проходили линии Николаевской железной дороги⁴. На промышленных предприятиях участка трудилось достаточное число квалифицированных рабочих. Они имели возможность организовать свой досуг путем посещения многочисленных театров-миниатюр, кинематографов⁵, а наличие подобных увеселительных мест способствовало всплеску изнаси-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 408. ЛЛ. 10, 23.

² Следует, впрочем, иметь в виду возможную опечатку, указанную Д.Ю. Ерещенко. Он полагает, что в отчете пристава Петергофского участка напротив цифр: 16 грабежей и разбоев была явно приписана чернилами либо случайно, либо намерено 1. В итоге цифра 16 превратилась в число 116 (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 415. Л. 3). Однако такого высокого уровня преступности, по его мнению, не знал ни один полицейский участок (Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prestupnost-v-petrograde-v-1914-1917-gg>)

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 419. ЛЛ. 5 – 6.

⁴ Там же. Д. 404. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 10.

лований. По экономическим преступлениям (распространению фальшивых денежных знаков) лидировали все те же Петергофский пригородный участок (73 случая) и 2-й участок Нарвской части (27 случаев).

Наконец, поджоги были характерны для дачных местностей, располагавшихся в Лесном (5 случаев) и Полюстровском (7 случаев) пригородных участках¹. На территории Полюстровского участка, включавшего в себя деревни Пискаревка, Полюстрово, Жерновка, Малиновка, располагалось множество дач, где проживали средние слои населения – чиновники, купцы среднего достатка, интеллигенция. Территория Лесного участка, в частности, Удельный парк и Сосновка, высоко ценились среди петербуржцев из-за наличия многочисленных сосен и целебного воздуха. Помимо местного населения, в связи с дешевизной жилья в участке проживало множество чиновников, торговцев и ремесленников. Особенностью Лесного являлось значительное число преподавателей и студентов Политехнического и Лесного институтов.

Исходя из сводных данных о числе задержанных полицией по всем участкам, из 102590 человек 46763 (45,6 %) являлись подозреваемыми в преступлениях и проступках, 544 бродягами (0,5 %), 16440 беспаспортными (16,0 %), 20982 лиц без определенного места жительства (20,4 %), 5199 нищих (5,0 %), 1172 проститутки (1,1 %) и 11490 лиц, не уплативших административных штрафов (11,4 %). Следует отметить, что подобная величина задержанных (102590) почти в десять раз превышает официальные данные о задержании 15222 нарушителей, опубликованные в «Вестнике полиции» и основанные, по мнению Д.Ю. Ерещенко, на донесении начальника Петроградской сыскной полиции². Непосредственное обращение к отчету А.А. Кирпичникова позволяет указать, что в 1915 г. «Летучим отрядом», созданным для охраны общественной безопасности и предупреждения преступлений, было задержано 1481 человека, а в Стол привода было доставлено 31548 человек³.

Полученная величина в 33029 задержанных втрое превышает данные Департамента полиции, но втрое же уступает данным участковых приставов. Единственно возможное объяснение заключение в том, что в полицейскую статистику, составленную на основании рапортов участковых приставов, попадают как преступники, так и правонарушители, в частности,

¹ Там же. Д. 409. Л. 1; Д. 417. ЛЛ. 1, 4, 8.

² Статистическая ежегодная сводка. Городские преступления за 1914 – 1915 гг. в больших городах России // Вестник полиции. 1916. № 44. С. 1028 (Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prestupnost-v-petrograde-v-1914-1917-gg>).

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 47. ЛЛ. 4 об. – 5 об.

лица, не уплатившие административных штрафов и задержанные за нарушение правил извозного промысла. Также можно предполагать, что часть задержанных по подозрению в преступлениях и проступках, позднее была отпущена на свободу и не попала в статистическую ежегодную сводку. Следует также учитывать объяснение Д.Ю. Ерещенко того, почему сведения Департамента полиции о криминальных происшествиях оказались менее полными, чем суммарная статистика низового полицейского звена. По его мнению, основные причины заключаются не только в возможных опечатках в документах, но и сознательном сокрытии объективной информации петроградским градоначальством¹.

По числу лиц, задержанных по подозрениях в разного рода преступлениях и проступках лидировали 2-е участки Нарвской и Петроградской частей (соответственно, 3918 и 3628 человек). Наибольшее число беспаспортных лиц оказалось, опять-таки, во 2-м участке Нарвской части (2054 человека). Лица без определенного места жительства облюбовали Петергофский пригородный участок (2612 человек) и находившиеся рядом 2-й и 3-й участки Нарвской части (соответственно, 2215 и 1687 человек), а нищие – окраины города (4-й участок Московской части и Охтинский пригородный участок, соответственно, 1220 и 362 человека) и 1-й участок Спасской части (356 человек). Наконец, основной ареной деятельности проституток являлись 1-й участок Спасской части (212 человек) и Новодеревенский участок (153 человека), где находилось множество увеселительных заведений².

Как представляется, по абсолютному числу преступлений прогнозируемо выделяются рабочие окраины – Петергофский пригородный участок и примыкающие к нему 2-й и 3-й участки Нарвской части. По общему же числу задержанных лидировали все те же 2-й участок Нарвской части, Петергофский пригородный участок, а также 3-й участок Александроневской части, также отличавшийся высокой концентрацией фабрично-заводского населения, преимущественно городской бедноты³. Напротив, наименьшее число преступлений и количество задержанных лиц были характерны для привилегированных частей города, за исключением 1-го участка Спасской части, являвшегося финансовым центром столицы⁴.

¹ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prestupnost-v-petrograde-v-1914-1917-gg>.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 413. Л. 6; Жданов Андрей. Новая и Старая деревни. М., СПб., 2012. С. 72 – 73, 76, 82, 90 – 98.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 404. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 418. ЛЛ. 4, 23 – 24.

Однако полученные нами абсолютные величины не являются точным показателем преступности. Необходимо делать поправку на численность населения, чтобы представить количество заведенных дел, количество преступлений и правонарушений, и степень пораженности населения преступниками того или иного участка города. Ответы на эти вопросы позволяют дать вычисления, соответственно, коэффициента преступности, коэффициента интенсивности и коэффициента пораженности населения преступниками.

Исходя из формул, применяемых в криминалистике, коэффициент преступности определяется по формуле $KП = П \times E / Н$, где $KП$ – коэффициент преступности, $П$ – число учтенных преступлений, E – единица населения, и $Н$ – абсолютная численность населения. Вместе с коэффициентом преступности в работе определяется и раскрываемость преступлений, под которой понимаются все те дела, которые были доведены до мирового суда, за исключением тех, что были переданы в другие ведомства или прекращены. Аналогичным образом коэффициент интенсивности определяется по формуле $Kи = П \times E / Н$, где $Kи$ – коэффициент интенсивности, $П$ – абсолютное число правонарушений, E – единица населения и $Н$ – абсолютная численность населения, нами приводятся данные коэффициента интенсивности правонарушений по каждому участку столицы на 10 тыс. человек. Наконец, коэффициент пораженности населения преступниками определяется по формуле $Kл = Л \times E / Н$, где $Kл$ – коэффициент пораженности населения преступниками, $Л$ – лица, совершившие преступления, E – единица населения и $Н$ – абсолютная численность населения¹.

По сводным данным о коэффициенте преступности, определяемом на основании количества заведенных дел, видно, что среди всех районов города лидировал 2-й участок Спасской части, где дело заводилось на каждого второго жителя. На территории участка находились такие учреждения как Городская дума, Пажеский корпус, Аничков дворец, Департамент полиции. Большое число заведенных дел объясняется тем, что на территории участка находился Госбанк и также Гостиный и Мариинский рынки, привлекавшие любителей легкой наживы и нищих. Значительный всплеск преступности, как следует из пояснительной записки пристава полковника Н.П. Спиридонова от 19 марта 1916 г., имел место в августе 1915 г. в связи с отсутствием у населения разменной монеты. В течение нескольких дней у разменных касс Госбанка скапливались многотысячные очереди², что

¹ См., напр.: Васильчикова Н.В. Криминология: конспект лекций. М., 2009; Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. М., 2010; Шиханцов Г.Г. Криминология: учебник. М., 2009.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 418. Лл. 7 – 7 об.

привлекало преступный элемент. На каждого четвертого жителя заводилось дело в 1-м участке Спасской части и 3-м участке Нарвской части. Наиболее спокойными представляются Охтинский пригородный участок и 2-й участок Коломенской части.

Говоря о раскрываемости преступлений, отметим, что наилучшие показатели были у полиции 4-го участка Александро-Невской части (78,9 %). Причиной того, возможно, являлась необходимость полицейского надзора за многочисленными предприятиями топливной промышленности. На территории участка располагались предприятия Русского Акционерного общества «Вакуум-Ойл Ко», Волжского акционерного общества «Салолин», «М.А. Забаткина» и др. В деревне Волковой располагался так называемый «нефтяной городок», включавший в себя склады с керосином, мазутом и нефтью товариществ «Братья Нобель», «Мазут» и предприятия Тер-Акопова¹. Второе место по раскрываемости преступлений занимала полиция 1-го участка Московской части (73,4 %), центральной артерией которого являлся Владимирский пр., на котором располагалась Владимирская площадь и памятник А.С. Пушкину. Последние являлись местами бойкой торговли и скопления публики, что требовало усиленного надзора полиции. На третьем месте располагалась полиция 1-го участка Казанской части (72,6 %), где проживали люди, занятые административной деятельностью, чиновники, представители свободных профессий, учащиеся многочисленных учебных заведений, торговцы и служащие магазинов, многочисленная прислуга. Доминантой участка являлся Казанский собор, привлекавший большое число нищих и проституток, что также требовало усиленного надзора со стороны полиции². Высокую раскрываемость показала полиция 1-й участка Александро-Невской части (72,3 %), где располагались Александро-Невская лавра, Городская барачная больница, Арестный дом с пересыльной тюрьмой, и многочисленные оптовые склады продовольствия³.

Наиболее низкая раскрываемость преступлений и правонарушений была свойственна полиции 4-го участка Петроградской части (7,7 %), при том, что на территории участка располагались Газовый завод, железопрокатный завод Донецко-Юрьевского металлургического общества, пивоваренный завод «Старая Бавария», чугунолитейный и механический завод «Ф. Сан-Галли», а на территории Крестовского и Петровского островов скапливалось большое число беспаспортных, бездомных и прочих «небла-

¹ Там же. Д. 404. Л. 17.

² Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4285. Л. 217, 227; Юхнева Н.В. Этнический состав. С. 119.

³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 404. Л. 2; Шерих Д.Ю. Невская застава. Берег левый... М.; СПб., 2006. С. 54 – 55.

гонадежных» лиц¹. Довольно низкая раскрываемость преступлений была свойственна для центральных районов столицы – 2-го участка Адмиралтейской части (12,4 %) и 1-го участка Спасской части (13,7 %), а также многочисленной рабочей окраины – Петергофского пригородного участка (15,2 %), что, очевидно, способствовало росту преступности².

По сводным данным о коэффициенте интенсивности, определяемом на основании количества совершенных преступлений и правонарушений, очевидно, что среди всех районов города лидировал 1-й участок Спасской части, где на двоих жителей приходилось одно преступление или правонарушение (5291,94 на 10 тыс. чел). Второе место занимал 2-й участок Адмиралтейской части, где одно преступление или правонарушение приходилось на каждого пятого жителя (2095,37 на 10 тыс. чел). На каждого шестого жителя участка фиксировалось преступление во 2-м участке Спасской части (1685,54 на 10 тыс. чел.) и в 1-м участке Адмиралтейской части (1576,66 на 10 тыс. чел.). Напротив, наиболее спокойными являлись пригородные участки: Лесной (399,31 на 10 тыс. чел.), Полуостровский (362,83 на 10 тыс. чел) и Охтинский (210,99 на 10 тыс. чел.).

Наконец, по сводным данным о коэффициенте пораженности населения преступниками, определяемом на основании числа задержанных, видно, что среди всех районов города лидировал 1-й участок Александровской части, где на 10 жителей приходилось более одного преступника (1241,80 на 10 тыс. чел). Второе место занимал 2-й участок Спасской части (1146,09 на 10 тыс. чел), а третье-четвертое место поделили между собой 3-й участок Александровской части (1079,14 на 10 тыс. чел) и 2-й участок Нарвской части (1024,64 на 10 тыс. чел). Наиболее спокойными по числу задержанных являлись Шлиссельбургский пригородный участок (205,29 на 10 тыс. чел.), Лесной пригородный участок (204,07 на 10 тыс. чел.), а также 1-й участок Выборгской части (150,93 на 10 тыс. чел.).

При этом в каждом из частей города, разделенных по имущественному признаку, имелись свои спокойные районы и криминальные точки. Так, среди центральных районов столицы наиболее спокойным являлся 1-й участок Казанской части, который отличался как эффективной деятельностью полиции, доводившей до суда почти три четверти заведенных дел, так и наименьшим среди остальных участков коэффициентами интенсивности и пораженности населения преступниками. Основной проблемой 1-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 416. ЛЛ. 20 – 20 об.

² Из отчета начальника сыскной полиции А.А. Кирпичникова петроградскому градоначальнику от 25 апреля 1916 г. о деятельности подразделения за 1915 г. следует, что сыскной полицией было заведено 12556 дел, в т.ч. 20 убийств, из которых 14 было раскрыто, и 6326 дел по грабежам, кражам, подлогам, мошенничествам, растратам и присвоениям, из которых 2691 было раскрыто (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 47. Л. 4 об.).

го участка Петроградской части являлись многочисленные нарушения общественного порядка и большое число бездомных и нищих, что объясняется наличием на территории участка Центрального и Сытного рынков. Значительное число заведенных дел в 1-м и 2-м участках Адмиралтейской части являлся следствием нарушений извозного промысла. При этом в центре столицы располагался один из наиболее криминогенных участков столицы – 1-й участок Спасской части.

В районах с проживанием лиц среднего достатка наиболее спокойными являлись 2-й участок Петроградской части, а также 2-й и 3-й участки Казанской части, где проживало среднее чиновничество и торгово-ремесленные слои, и где располагались Мариинский театр и Консерватория и многочисленные кинематографы, пользовавшиеся большой популярностью среди местных жителей¹. Значительное число обнаруженных преступлений и правонарушений в 1-х участках Московской и Нарвской частей объясняется большим числом нарушений извозного промысла. Максимальный среди остальных участков коэффициент пораженности преступниками в 1-м участке Александро-Невской части можно объяснить кражами с располагавшихся на данной территории оптовых складов продовольствия и задержанием лиц, подозреваемых в преступлениях и проступках, а также лиц без определенного места жительства². При этом к категории участков с проживанием лиц среднего достатка относился уже упоминавшийся 2-й участок Спасской части, являвшийся одним из наиболее криминогенных районов столицы. Возможно, это объясняется тем, что на территории участка находился Госбанк и также Гостиный и Мариинский рынки, привлекавшие любителей легкой наживы и нищих³.

Среди многочисленных участков столицы с проживанием лиц ниже среднего достатка наиболее спокойными выглядят 1-й и 2-й участки Коломенской части. Действительно, в 1-м участке Коломенской части, несмотря на значительное число лиц с низким уровнем доходов, также проживало среднее чиновничество, офицеры, артисты, врачи. Вокруг Театральной площади выделялась и интеллигентно-аристократическая периферия культурного центра столицы⁴. В свою очередь, для 2-го участка Коломенской части, как уже говорилось выше, была характерна неполная статистика преступлений и правонарушений, поэтому показанные в полицейских отчетах данные следует принимать весьма осторожно.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 407. ЛЛ. 6, 18, 22.

² Там же. Д. 404. ЛЛ. 2, 4.

³ Там же. Д. 418. ЛЛ. 7 – 7 об.

⁴ Юхнева Н.В. Этнический состав. С. 115, 117, 120.

В категорию районов с более сложной криминогенной ситуацией попадают 2-й участок Александро-Невской части, 3-й участок Московской части и 4-й участок Спасской части. Значительная величина коэффициента пораженности населения преступниками во 2-м участке Александро-Невской части и 3-м участке Московской части была связана с максимальным среди остальных участков задержаний беспаспортных и лиц без определенного места жительства. Аналогичная картина по доле задержанных наблюдалась и в 3-м участке Московской части. Для 4-го участка Спасской части было характерно значительное распространение пьянства и связанных с этим преступлений.

Наиболее криминальными среди участков столицы с проживанием лиц ниже среднего достатка оказываются 2-й участок Нарвской части и 3-й участок Спасской части. Характерной чертой криминалитета 2-го участка Нарвской части являлось большое количество беспаспортных, нищих и проституток, что обуславливалось нахождением на территории участка трех ночлежных домов¹. На территории 3-го участка Спасской части находился беспокойный Сенной рынок, что приводило к значительному числу задержанных лиц, подозреваемых в преступлениях и проступках, а также лиц без определенного места жительства.

Говоря о рабочих окраинах севера Петрограда, отметим, что наиболее спокойным оказывается 1-й участок Выборгской части, а наиболее криминальным – соседний, 2-й участок Выборгской части. Острейший жилищный кризис, вызванный ростом числа рабочих из-за интенсивного оборонного строительства, провоцировал волнения населения, перераставшие в забастовки². По словам пристава участка, подполковника П.Г. Зарембского, рабочее движение «в смысле проведения в жизнь социалистических идей, в районе участка по-прежнему оставалось руководящим для рабочих масс других районов Петрограда»³. Фактически, это свидетельствует о невозможности полиции контролировать рабочее движение на Выборгской стороне. В свою очередь, значительные коэффициенты интенсивности и пораженности населения преступниками в 3-м участке Петроградской части, являвшимся промышленным центром Петроградской стороны, объясняются максимальной среди остальных районов величиной нарушений правил извозного промысла и задержанных лиц без определенного места жительства. Лишь немного в плане криминогенной ситуации 2-му участку Выборгской части и 3-му участку Петроградской части уступал 4-й участок Петроградской части.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 412. Л. 3.

² Там же. Д. 406. ЛЛ. 11 – 13.

³ Там же. Д. 406. Л. 11.

Говоря о рабочих окраинах юга Петрограда, отметим, что наиболее спокойными являлись Шлиссельбургский пригородный участок, а также 4-е участки Александро-Невской и Нарвской частей, где располагались многочисленные промышленные предприятия: Петроградское механическое производство обуви, Вагоностроительный завод, а также склады Красного креста, Воздухоплавательный парк¹. При этом близость к границе города привлекало большое число асоциальных элементов, в частности, беспаспортных и лиц без определенного места жительства².

Промежуточную категорию составляли 3-й участок Нарвской части, 4-й участок Московской части и Петергофский пригородный участок. Для 3-го участка Нарвской части было характерно значительное число числом дел, заведенным по жалобам потерпевших и большое число лиц без определенного места жительства. Окраинные территории 4-го участка Московской части также привлекали разнообразных маргиналов: беспаспортных, лиц без определенного места жительства и нищих³.

Для Петергофского пригородного участка, как уже говорилось выше, было характерно максимальное количество тяжелых преступлений (убийств и грабежей), равно как и количества лиц, задержанных полицией (7238) и общего количества заведенных дел (6523). Причиной тому была максимальная среди остальных участков столицы численность населения, преимущественно рабочей бедноты. В 1915 году к заводам было приписано до 12 тыс. человек, из которых до двух тысяч из-за прекращения ими работы были направлены полицией в распоряжение Петергофского уездного воинского начальства. Не избежал участок и волнений в связи с «разменным кризисом»⁴. В авангарде забастовочного движения шел Путиловский завод, который в 1916 году перешел в казну⁵.

Однако наихудшие суммарные значения показал 3-й участок Александро-Невской части, где располагались фабрика Акционерного общества «Вестингауз», Главный газовый и Старый газовый заводы, завод «Астра». После Петергофского пригородного участка здесь было максимальное число задержанных полицией (6489), при том, что численность населения в 3-м участке Александро-Невской части была заметно меньше. Как видно из записки пристава участка подполковника П.А. Кваснецкого, проживавшая в участке рабочая беднота после введения «сухого закона» перешла на использование денатурированного спирта и разных суррогатов, процветала

¹ Там же. Д. 412. Л. 1.

² Там же. Д. 404. Л. 17.

³ Там же. Д. 411. ЛЛ. 8, 12 – 13.

⁴ Там же. Д. 415. ЛЛ. 4 – 5.

⁵ Там же. Оп. 17. Д. 185. ЛЛ. 74 – 77.

незаконная продажа спирта из казенных винных складов на Воронежской ул.¹

При сравнении криминогенной ситуации в пригородных участках к северу от столицы наиболее спокойным оказывается Охтинский участок. При этом на территории участка было характерно значительное распространение нищенства и проституции, процветало самогонование и пьянство среди низших слоев населения, с чем полиция справиться фактически не могла². Средние показатели преступности показали Полюстровский и Лесной участки. Наиболее криминальным являлся Новодеревенский участок, лидировавший по всем показателям. На территории участка, включавшегося в себя Старую и Новую Деревни, Коломяги и Удельный парк, располагались Удельный ипподром и Комендантское поле с аэродромом, а на берегу Невы – Петровский речной яхт-клуб³. Значительную преступность можно объяснить большим количеством задержанных по подозрению в преступлениях и проступках, бродяг, беспаспортных, нищих и проституток. Особенностью участка, сблизившего его с центральными районами столицы, стало большое число дел, заведенных по нарушениям извозного промысла.

В заключение отметим, что среди всех участков Петрограда в 1915 г. наиболее криминогенным являлся 1-й участок Спасской части, а следом за ним, со значительным отрывом – 2-й участок Спасской части. Третье и четвертое место поделили 2-й участок Адмиралтейской части и 3-й участок Спасской части. Рабочие окраины к югу от столицы, выделявшиеся по абсолютным показателям числа преступлений – Петергофский пригородный участок и примыкающий к нему 3-й участок Нарвской части оказались в середине списка, и лишь 2-й участок Нарвской части замкнул криминальную пятерку. При этом преступность в рабочих окраинах к югу от столицы была заметно выше, чем на северных окраинах, за исключением Новодеревенского пригородного участка. Напротив, наиболее спокойными, как по абсолютным, так и по относительным показателям преступности являлись пригородные участки к северу от столицы – Лесной, Полюстровский и Охтинский.

Как видно, наиболее криминальными оказываются именно центральные районы, а не рабочие окраины, как этого следовало ожидать. Возможно, это означает, что в центральных участках полиция работала более эффективно, чем в густонаселенных окраинах столицы.

¹ Там же. Оп. 18. Д. 404. Л. 13.

² Там же. Д. 414. ЛЛ. 5 – 6.

³ Там же. Д. 413. Л. 6; Жданов Андрей. Новая и Старая деревни. М.; СПб., 2012. С. 72 – 73, 76, 82, 90 – 98.

Приведенные отчеты также позволяют полагать, что в течение 1915 г. полиции удавалось решать вставшие перед ней проблемы обеспечения жителей Петрограда, в том числе рабочих районов. Однако вопросы жизнеобеспечения городских окраин решались полным напряжением сил органов правопорядка. Постепенно внимание полиции концентрировалось на решении текущих вопросов, поступававших нередко «в пожарном порядке».

Как представляется, основное внимание полиции было привлечено к северным районам города, прежде всего, к Выборгской стороне, где располагались крупные промышленные предприятия и где была высокая социальная активность населения. По словам пристава 2-го участка Выборгской части, подполковника П.Г. Зарембского, рабочее движение «в смысле проведения в жизнь социалистических идей, в районе участка по-прежнему оставалось руководящим для рабочих масс других районов Петрограда»¹.

В свою очередь, концентрация столичного градоначальства на поддержании порядка на севере столицы привело к тому, что ситуация на южных окраинах (2-й и 3-й участок Нарвской части, Петергофский пригородный участок) частично выпала из поля зрения полиции. Для отчетов приставов южных районов Петрограда свойственен некоторый формализм и лаконичность, а полицейское начальство порой весьма пренебрежительно описывало условия жизни городской бедноты и беженцев. В ряде случаев в полицейских отчетах царит благодушие по поводу уровня жизни рабочих и недооценка забастовочного движения. Это особенно показательно на примере Путиловского завода, рабочие которого впоследствии начали Февральскую революцию 1917 года.

Кондратьев М.А.

К вопросу о составе Ревизионной комиссии общественного управления города Петрограда в годы Первой мировой войны (февраль – октябрь 1917 г.)

Вопрос о составе, и структуре Петроградской городской думы и подведомственных ей учреждений стал одним из центральных в общественно-политической мысли Петрограда сразу после победы Февральской революции. В середине марта 1917 г. В.И. Ленин отмечал, что необходимо переизбрать все городские думы, в том числе и Петроградскую, с расширением прав местного самоуправления, для облегчения положения городской

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 406. Л. 11.

бедноты¹, ведь, «никакая свобода не удовлетворит массы терпящие голод от недостатка припасов»². Ярким примером борьбы за власть, именно в местном самоуправлении, может являться деятельность Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, по проталкиванию «своих членов» в создаваемую Продовольственную управу или Продовольственный комитет³.

Отечественная историография небогата работами, посвященными составу и структуре, как Петроградской городской думы, так и Ревизионной комиссии. Необходимо отметить монографию В.М. Кручковой, в которой впервые были опубликованы списки гласных Петроградской городской думы и состав всех комиссий Думы, по результатам выборов 20 августа 1917 г.⁴ В отличие от В.М. Кручковой в коллективной монографии «Петербургская городская дума, 1846 – 1918» более подробно рассматривается организация деятельности Петроградской городской думы и подведомственных ей учреждений, но совершенно отсутствует описание механизмов функционирования думских комиссий⁵. Центральное место в изучении истории Ревизионной комиссии занимает статья Д.В. Надсадного «Февральская революция и ее последствия в документах Ревизионной комиссии общественного управления г. Петрограда»⁶. В ней автор всесторонне рассматривает несколько дней деятельности Ревизионной комиссии. Впервые в отечественной историографии Д.В. Надсадный описал механизм функционирования Ревизионной комиссии⁷. Заметим, что касался вопроса об участии членов Ревизионной комиссии в Февральской революции и А.Б. Николаев. В своих работах он впервые привел полностью список уполномоченных Петроградской городской милиции. Из 54 уполномоченных 5 оказалось членами Ревизионной комиссии – М.Н. Бенуа, А.Д. Завалишин, Я.Н. Иванов, Б.Н. Костылев, М.П. Кузьмичев⁸. Заметим, что

¹ Ленин В.И. Наброски тезисов 4 (17) марта 1917 года // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 31. С. 4.

² Ленин В. И. Телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 31. С. 7.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет. Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро И. К. М.; Л., 1925. С. 85.

⁴ Кручкова В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 130 – 132.

⁵ Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005.

⁶ Надсадный Д.В. Февральская революция и ее последствия в документах Ревизионной комиссии общественного управления г. Петрограда // Революция 1917 года в России новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 20 – 27.

⁷ Там же. С. 20 – 21.

⁸ Николаев А.Б. К вопросу о составе районных уполномоченных Петроградской городской милиции (28 февраля 1917 года) // Герценовские чтения 2015. Актуальные про-

Д.В. Надсадный, который тоже обращает внимание на членов Ревизионной комиссии среди уполномоченных Петроградской городской милиции, пишет лишь о четырех из них, не упоминая М.П. Кузьмичева¹.

К февралю 1917 г. у Ревизионной комиссии общественного управления сложился достаточно обширный круг обязанностей, в которых входила ревизия деятельности комиссий Петроградской городской управы, комитетов, подчиненных Петроградской городской думе, а также ревизия всех продовольственных и топливных складов города. Вследствие чего состав Ревизионной комиссий был значительно больше, чем других комиссий Думы. По состоянию на 1 февраля 1917 г. в состав Ревизионной комиссии входили 12 членов и 4 кандидата из числа гласных Петроградской городской думы избираемых путем открытой баллотировки. Рабочим органом Ревизионной комиссии был ее Контрольный отдел, разделенный на санитарный, продовольственный, топливный и общий подотделы. По штатному расписанию состав Контрольного отдела Ревизионной комиссии должен был насчитывать 112 человек², учитывая же 17 мобилизованных³ в декабре 1916 г. – январе 1917 г., в нем оставалось 95 – 98 служащих. Вследствие мобилизации состав Контрольного отдела в период с 1914 – 1917 гг. часто претерпевал изменения, поскольку ряд контролеров были офицерами или военными инженерами, а служащие местного самоуправления в отличие от Земгора не имели отсрочек, то уровень компетенции служащих Контрольного отдела постепенно снижался, несмотря на то, что места мобилизованных замещались гражданскими специалистами. К февралю 1917 г. на службе в Контрольном отделе Ревизионной комиссии из 112 служащих по штатному расписанию, состояло: 79 служащих, работающих в городском самоуправлении не более 4 лет; 12 служащих, работающих на городской службе не более 8 лет; 20 служащих, работающих на городской службе не более 12 лет; 1 служащих проработавший в органах местного самоуправления 16 лет⁴.

По результатам выборов 1916 г. из числа гласных Петроградской городской думы Думы в Ревизионную комиссию входили: В.В. Бари, М.Н. Бенуа, И.О. Замацкий, Я.Н. Иванов, М.Д. Калугин, Б.Н. Костылев, М.П. Кузьмичев, П.С. Селезнев, А.И. Смирнов⁵.

блемы русской истории. СПб., 2016. С. 185, 186, 188, 195; его же. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2-х т. СПб., 2017. Т. 2. С. 357, 358, 360, 361, 365.

¹ Надсадный Д.В. Указ. соч. С. 27.

² ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 256. Л. 14.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петроград. Пг., 1916. Отдел I. Стб. 262.

После Февральской революции в стране начались существенные перемены, и Петроградская городская дума не стала исключением. Члены Ревизионной комиссии приняли активное участие в формировании Петроградской городской милиции. 4 гласных и 1 служащий Контрольного отдела, стали уполномоченными Петроградской городской милиции¹, а 78 служащих, добровольно записавшиеся в ряды милиции, были направлены в разные районы города². В середине апреля состав Городской думы, Городской управы и их комиссий был расширен за счет представителей от районных Продовольственных комитетов и Районных дум. Путем открытого голосования члены Ревизионной комиссии были избраны в другие комиссии Думы, при этом, сохраняя за собой посты в Ревизионной комиссии. Так, в Финансовую комиссию был избран И.О. Замяцкий; в Исполнительную комиссию по продовольствию – М.П. Кузьмичев; в Санитарную – Н.Н. Иванов³.

В середине марта 1917 г. претерпела изменения структура Контрольного отдела. В продовольственном, топливном и санитарном подотделах Контрольного отдела были созданы комитеты служащих⁴ «для заведования делами личного состава, распределения занятости, и, вообще ближайшего общего устройства внутреннего распорядка»⁵. Кроме этого, в Контрольном отделе было создано бюро служащих, в которое входили выбранные представители от всех комитетов Контрольного отдела⁶. От комитета продовольственного подотдела представителем в бюро служащих Контрольного отдела был избран главный контролер Ревизионной комиссии С.А. Алексеев⁷. Также в Ревизионной комиссии была сохранена система ответственных вечерних и ночных дежурных, в чьи обязанности входило постоянное присутствие в помещении комиссии⁸.

Петроградское общество, подхваченное демократическими настроениями Петрограда, с середины марта стало требовать от Временного правительства провести пере выборы как в Петроградскую городскую думу, так и в другие учреждения городского и земского самоуправления в России, на основе общего избирательного права. Это вынудило Временное правительство 15 апреля издать постановление «О производстве выборов

¹ Николаев А.Б. К вопросу о составе районных уполномоченных Петроградской городской милиции (28 февраля 1917 года). С. 185, 186, 188, 195.

² ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 256. ЛЛ. 17, 21, 26, 28, 30.

³ Там же. Ф. 513. Оп. 19. Д. 245. Л. 69 об.

⁴ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 268. ЛЛ. 17 – 19 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 2 – 2 об.

⁶ Там же. Д. 271. Л. 23.

⁷ Там же. Д. 268. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 328. Л. 57.

гласных городских дум и об участковых городских управлениях»¹. Согласно новому закону избирательным правом обладали женщины и мужчины всех национальностей, которым на момент выборов исполнилось больше 20 лет. Право выбора не ограничивалось материальным состоянием гражданина. Не имели права избирать и быть избранными люди отдельных категорий. Так, избирательных прав были лишены высшие представители местных администраций, монахи, содержатели домов терпимости, глухонемые, лица, содержащиеся в сумасшедших домах. Также избирательного права лишались лица, осужденные и отбывающие наказание.

Новая избирательная система стала кардинально отличаться от системы, существовавшей в Императорской России. Женщины, ранее отдававшие свой голос родственникам-мужчинам, получили активное избирательное право. Провозглашался принцип «один человек – один голос», поэтому отменялось голосование по доверенности². Изменился и принцип голосования. До Февральской революции избиратель голосовал не за конкретного кандидата в гласные, основываясь на его политических взглядах и личных качествах, а за партию, в которую входил этот гласный³. По новому избирательному закону избиратель голосовал за определенного кандидата независимо от его партийной принадлежности. Состав гласных Думы был расширен до 300 человек. Также в июне был опубликован приказ о временном составе гласных Петроградской городской думы⁴, ввиду отсутствия какого бы то ни было документа, регламентирующего введение в состав Думы представитель от Районные дум, продовольственных управ и проч.

Выборы в Петроградскую городскую думу состоялись 20 августа 1917 года. По результатам выборов наибольшее количество мест получила партия эсеров. От эсеров в Городскую думу прошло 75 человек. Большевики получили 67 мест, кадеты 42, а меньшевики всего 8. Первое заседание Думы в новом составе состоялось 1 сентября. На заседании председателем Думы был избран меньшевик А.А. Исаев. В состав президиума вошли: В.П. Милютин (большевик), И.И. Мильчик (эсер), Л.А. Базунов (кадет). Городским головой стал Г.И. Шрейдер (эсер)⁵. На заседаниях 4 и 11 сентября в состав Городской управы из числа гласных было выбрано 22 чело-

¹ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4-х т. М., 2001. Т. 1. С. 294 – 301.

² Петербургская городская дума, 1846 – 1918. СПб., 2005. С. 320.

³ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума 1803 – 1917. М., 1998. С. 144 – 145.

⁴ Об утверждении «Правил образования временного состава Петроградской городской думы» от 12 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917. С. 1396 – 1399.

⁵ Петербургская городская дума, 1846 – 1918. СПб., 2005. С. 324 – 325.

века. В новый состав Управы вошли 7 эсеров, 6 большевиков, 3 кадет, 2 меньшевика, 2 энеса, один от группы «Единство» и один беспартийный¹. В сентябре Дума сформировала 20 комиссий, в том числе и Ревизионную.

Несмотря на то, что большинство мест в новой Думе получили эсеры, Ревизионная комиссия стала оплотом кадетской партии. Среди ее членов были, в частности, представители ЦК кадетской партии Н.Н. Глебов, Д.Д. Протопопов и А.В. Тыркова. В комиссию вошли: 17 кадетов – Л.А. Велихов, Н.Н. Глебов, В.И. Добровольский, Э.А. Дубосарский, К.Я. Загорский, С.В. Иванов, В.С. Каневский, М.Л. Кауфман, В.И. Кезелбаш, Б.Н. Костылев, В.И. Левдихов, Д.Д. Протопопов, К.А. Теннисон, А.В. Тыркова, М.П. Федоров, В.И. Штейнингер, А.С. Шорох-Троцкий²; 5 эсеров – А.Д. Высоцкий, П.Ф. Горский, В.В. Евреинов, Г.В. Иванов, В.В. Суворов³; 5 большевиков – Г.И. Бокий, Д.Я. Резонов, В.А. Чубров, Д.Я. Чудин, К.И. Шелявин⁴; 3 меньшевика – Е.А. Завадский, А.В. Чернев, А.М. Шабат⁵. Новым председателем Ревизионной комиссии большинством голосов был избран Борис Николаевич Костылев⁶.

Как в Февральскую, так и в Октябрьскую революцию члены Ревизионной комиссии активно участвовали в событиях, происходящих в Городской думе. В 20 часов 45 минут 24 октября открылось чрезвычайное заседание Петроградской городской думы, которое заняло центральное место и определило роль Петроградского самоуправления в условиях новой революции⁷. На заседание присутствовали 81 гласный и 16 членов Управы⁸. В резолюции, принятой на заседание Думы говорилось что: «Городская дума протестует против всяких насильственных и вооруженных выступлений и призывает население г[орода] Петрограда объединится вокруг Думы, <...> во имя подчинения грубой силы праву и провозглашения гражданской власти»⁹, что побудило Думы создать Комитет общественной безопасности, основной целью которого являлась: «охрана безопасности граждан, а также охрана прав гражданина и человека»¹⁰. 21 гласный Петроградской го-

¹ Там же. С. 325.

² ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 350. ЛЛ. 45 – 46.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 349. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 250. Л. 71 об.

⁶ Там же. Ф. 513. Оп. 19. Д. 845. ЛЛ. 194 – 196 об.

⁷ ОР РНБ. Ф. 1471. Ед. Хр. 2. Л. 2. См. подробн.: Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. С. 81 – 87; Петербургская городская дума, 1846 – 1918. С. 334 – 343.

⁸ Кручковская В.М. Указ. соч. С. 83.

⁹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Док-ты и мат-лы. М., 1956. С. 335.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 3217. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

родской думы вошли в только что созданный Комитет общественной безопасности. 14 гласных было избрано на заседание 24 октября, а еще 7 на довыборах 28 октября. Из числа членов Ревизионной комиссии в состав комитета были избраны: В.И. Добровольский, В.В. Евреинов, К.Я. Загорский, С.В. Иванов, В.С. Каневский, В.И. Кезелбаш¹. В Бюро Комитета, состоящее из 12 человек» был избран единственный представитель Ревизионной комиссии и единственный член кадетской партии в бюро Комитета Б.Н. Кузьмичев².

Таким образом, изменения состава и структуры Ревизионной комиссии общественного управления Петрограда является характерным примером бытования Петроградской городской думы и Городской управы в феврале – октябре 1917 г. Введение в середине апреля в состав Думы 162 временных гласных от районных дум и районных продовольственных комитетов, а также демократические настроения, охватившие Петроград, способствовали изменениям структуры Контрольного отдела. Из каждого подотдела был выделен комитет служащих подотдела, а представители комитета вошли в бюро Контрольного отдела. Это привело к излишней бюрократизации и замедлению работы Контрольного отдела и скорости проведения ревизий. Несмотря на это, Ревизионная комиссия продолжала выполнять свои функции благодаря тому, что в состав Контрольного отдела входило 83 служащих, которые проработали в Городском самоуправлении больше 3 лет, и накопленный ими опыт во время работы в условиях военного времени позволил комиссии функционировать. После выборов 20 августа 1917 г. состав Ревизионной комиссии был увеличен до 30 гласных. По итогам выборов, прошедших в начале сентября на заседании Думы, в Ревизионную комиссию было избрано 17 кадетов, по 5 эсеров и большевиков и 3 меньшевика, что сделало Ревизионную комиссию оплотом кадетской партии в новом составе Думы. Обновленный состав Ревизионной комиссии продолжил ревизию продовольственного и топливного дела в Петрограде, а также всех остальных сфер городской жизни.

Приложение. Список служащих Контрольного отдела Ревизионной комиссии на 1 февраля 1917 г.³

1. С.А. Алексеев; 2. Архангельский; 3. И.И. Архипов; 4. М.А. Бейнбергер – коллежский секретарь; 5. С.Н. Богданов – присяжный поверенный;

¹ Там же.

² Там же.

³ ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 256. ЛЛ. 17 – 34, 47 – 51 об., 114; Д. 327 Л. 1; Д. 328. Л. 1; Д. 331. Л. 2; Д. 334. Л. 2; Д. 335. ЛЛ. 2, 8, 26; Д. 338. Л. 4. Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петроград. Пг., 1917. Отдел I. Стб. 271.

6. П.И. Броваров; 7. Б.А. Бродский – подпрапорщик, присяжный поверенный; 8. А.А. Брут – потомственный дворянин; 9. А.П. Витковский; 10. Во- донов; 11. А.Н. Воскресенский – потомственный почетный гражданин; 12. В.А. Вышинский; 13. Ф.М. Гяровский – капитан; 14. И.Н. Гурвич; 15. К.Д. Давыдов – капитан; 16. В.В. Довыдов; 17. С.М. Дуплицкий – титу- лярный советник; 18. В.В. Дурасов – личный дворянин; 19. Ф.Ф. Духо- польников – коллежский регистратор; 20. А.Д. Завалишин – главный кон- тролер, коллежский асессор; 21. А.П. Затковский; 22. Г.А. Егоров; 23. М.В. Елизаров; 24. В.М. Иванов; 25. И.Н. Иванов – надворный советник. В Кон- трольном отделе с 1906 г.; 26. Л.А. Изволенский – инженер-техник; 27. В.В. Измайлов – статский советник; 28. П.Х. Ильенко – титулярный со- ветник. В Контрольном отделе с 1911 г.; 29. В.И. Иогихес – инженер путей сообщения; 30. Ф.Н. Истомин – статский советник в отставке; 31. В.В. Квапишевский; 32. Г.С. Казаков; 33. М.Г. Казанский; 34. Е.И. Криво- боков; 35. Н.Н. Клименко – гражданский инженер; 36. В.П. Ковалев – ин- женер-техник; 37. К.А. Колесов – старший контролер, коллежский реги- стратор; 38. В.Ф. Комаров. В Контрольном отделе с 1906 г.; 39. Н.А. Кра- совская; 40. В.К. Крафт; 41. Н.Н. Кузнецов – надворный советник; 42. А.А. Лебедев; 43. В.Н. Лебедев В Контрольном отделе с 1907 г.; 44. П.И. Левоньян; 45. В.М. Лемке – старший архивист, гражданский ин- женер. В Контрольном отделе с 1907 г. Старший архитектор Ревизионной комиссии; 46. К.Р. Лесевский – инженер-техник; 47. Е.П. Ливен – титуляр- ный советник; 48. А.М. Лидак; 49. И.Е. Ловягин – статский советник; 50. Э. Ломанский; 51. Н.П. Малиновский – потомственный почетный гражданин; 52. Б.В. Малышев – горный инженер; 53. С.В. Минята; 54. К.В. Мирохин; 55. М.А. Михайлов; 56. Н.М. Михайлов. В Контрольном отделе с 1908 г.; 57. Н.К. Надеждин – потомственный дворянин; 58. И.М. Назаров; 59. С.В. Небольсин; 60. Б.Д. Никанов; 61. М.А. Никулин; 62. Опарин; 63. П.П. Опра; 64. М. фон Г. Отто; 65. И.Г. Новоселов; 66. К.А. Пажитнов; 67. Б.С. Плаксин; 68. В.П. Петров – инженер путей со- общения; 69. В.П. Петушков; 70. Д.А. Протопопов; 71. М.М. Рембовская; 72. М.Н. Рославлев – архитектор, художник; 73. А.В. Рулевский; 74. В.Ф. Русецкий; 75. И.А. Ряжский; 76. К.К. Рядецкий; 77. Е.Е. Свинар- ский; 78. Д.О. Святский – потомственный почетный гражданин; 79. Сидо- ров; 80. А.Ф. Степанов; 81. Р.Е. Стрельцов; 82. А.А. Скарон – коллежский советник; 83. Л.В. Слободский; 84. А.З. Соболев; 85. П.И. Соколов; 86. А.Н. Таннберг; 87. Телятников; 88. И.А. Фадеев; 89. Г.А. Хвать- Чинский; 90. Худяков; 91. М.М. Цубанов – подпрапорщик, присяжный по- веренный; 92. С.М. Черник; 93. А.Я. Шабленко; 94. М.С. Шаров – старший техник, капитан; 95. М.М. Шевченко; 96. А.И. Шустов; 97. М.Е. Эммэ –

титулярный советник, младший контролер; 98. Н.Н. Яковлев – штабс-капитан в отставке.

Николаев А.Б.

Прапорщик Г.Е. Наджаров – комендант-растратчик (1917)

Прапорщик Григорий Ефремович Наджаров получил известность в революционном 1917 году тем, что был комендантом здания бывшего штаба Отдельного корпуса жандармов, где находились под арестом сторонники царской власти, а также и тем, что оказался растратчиком казенных средств. Об аресте Наджарове сообщали газеты¹, о его деятельности на посту коменданта вспоминал бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев². Отечественные же историки о Наджарове не писали. Вместе с тем он принимал активное участие в событиях Февраля 1917 года и поэтому уже представляет интерес для историков революции.

9 апреля 1888 г. в Баку от законного брака мещанина гор. Шуши Елисаветпольской губернии Ефрема Алексаняна Наджарянца с Наталией, дочерью Степана Лалаянца родился сын, которого при крещении 17 апреля назвали Григором. Крещен он был в Бакинской армянской во имя Св. Провосветителя церкви³. Г.Е. Наджаров обучался 10 лет в Бакинской императора Александра III гимназии, которую окончил в 1906 г. В «Аттестате зрелости», выданном Григорию Наджарову, указывалось, что «поведение его вообще было отличное», «исправность в посещении и приготовлении уроков», «в исполнении письменных работ» и «прилежание удовлетворительное», а «любопытность достаточная». Отличных отметок в аттестате не было⁴. Наджаров, окончив гимназии, решил продолжить обучение в высшем учебном заведении. 20 июня 1906 г. жители гор. Шуши дали мировой приговор Г.Е. Наджарову, записанному в посемейный список под № 1053, в том, что «мы, увольняя его из среды себя, принимаем на себя отбывание за него всех государственных и общественных повинностей, открывая ему тем путь в высшее учебное заведение»⁵. 21 июня 1906 г. Шушинская городская управа за № 1403 выдала Г.Е. Наджарову, «вследствие его прось-

¹ Разные известия // Речь. 1917. 4 августа.

² Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой. М., 2009. С. 162 – 163.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63602. Л. 11

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 17.

бы для представления в высшее учебное заведение», свидетельство в том, что «он происходит из числа мещан гор. Шуши»¹.

В осеннем полугодии 1906 г. Г.Е. Наджаров поступил на медицинский факультет Московского университета². При призыве 1909 г. он явился к исполнению воинской повинности и «зачислен в ратники ополчения второго разряда»³. 13 мая 1913 г. студент Наджаров получил отпуск на Кавказ и в С.-Петербург впредь по 1 сентября⁴. Отпуск он использовал в том числе и для решения личных вопросов: 7 июня 1913 г. «повенчан первым законным браком с дочерью статского советника, девицей Лидией Сергеевной Гринцер»⁵. Судя по всему, учеба на медицинском факультете Московского университета не задалась и 26 июня 1913 г. Наджаров подал заявление на имя ректора Петербургского университета о зачислении в число студентов юридического факультета⁶. 9 октября 1913 г. за № 45640 Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения уведомил попечителя С.-Петербургского учебного округа о том, что МНП разрешает перевести студента медицинского факультета Московского университета Наджарова «наравне со вновь поступающими» в Санкт-Петербургский университет⁷.

С октября 1913 г. Г.Е. Наджаров обучался на юридическом факультете С.-Петербургского университета⁸. За четыре семестра он прослушал 7 учебных курсов и сдал по ним экзамены на «удовлетворительно», за исключением «Политической экономии», которую сдал на «весьма удовлетворительно»⁹. Ссылаясь «на тяжелое материальное и личное положение»¹⁰, Наджаров подал два прошения с просьбой допустить его к сдаче экзаменов в юридической испытательной комиссии в качестве экстерна. По поручению ректора канцелярия по студенческим делам препроводила их 3 декабря 1915 г. за № 15603 в канцелярию юридического факультета¹¹. 7 декабря того же года на заседании юридического факультета прошение Наджарова было рассмотрено. В представлении декана юридического факультета от 10 декабря 1915 г. за № 1349 на имя ректора Петроградского

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 18 об.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 37.

¹⁰ Там же. Л. 39.

¹¹ Там же. Л. 36.

университета указано, что «прошение <...> Наджарова факультет затрудняется признать заслуживающим удовлетворения»¹. О чем на препровождении, поступившем из канцелярии по студенческим делам, была поставлена пометка синим карандашом – «7.XII.1915[.] Откло[нить]»². 16 декабря 1915 г. ректор Петроградского университета за № 21900 уведомил о решении юридического факультета Департамент народного просвещения по вопросу о допуске Наджарова к сдаче экзаменов в качестве экстерна. 30 декабря 1915 г. за № 2469 товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков уведомил ректора Петроградского университета, что МНП «разрешает допустить» Наджарова к сдаче экзаменов экстерном в 1916 году. 13 января 1916 г. он был ознакомлен с этим документом³. 16 января 1916 г. за № 551 Правление Петроградского университета оформило Наджарову свидетельство о том, что он состоял и слушал лекции на юридическом факультете по осеннее полугодие 1915 г.⁴ 20 января того же года за № 6 юридическая испытательная комиссия обратилась в канцелярию Петроградского университета с просьбой, предоставить увольнительное свидетельство бывшего студента Наджарова. Просьба была удовлетворена 25 января 1916 г. за № 959⁵. Установлено, что на 18 июня 1916 г. Г.Е. Наджаров был юнкером 1-й Петергофской школы прапорщиков. Начальник школы в этот день просил канцелярию Петроградского университета прислать документы на Наджарова для производства его в прапорщики⁶. 4 июля 1916 г. за № 9107 канцелярия Петроградского университета в ответ на просьбу начальника 1-й Петергофской школы прапорщиков препроводила ему аттестат бывшего студента Г.Е. Наджарова с просьбой, не выдавая ему (Наджарову) на руки, «по минованию надобности <...> возвратить в университет»⁷. Обратим внимание на то, что университетская канцелярия писала об аттестате бывшего студента, а не о дипломе выпускника. В связи с этим можно предположить, что Наджаров экзаменов в испытательной комиссии в качестве экстерна так и не сдал и высшего образования не получил.

В дни Февральской революции Г.Е. Наджаров был прапорщиком Офицерской стрелковой школы⁸. 5 апреля 1917 г. он заявил, что прибыл в Государственную думу 28 февраля 1917 г. Здесь он получил мандат от

¹ Там же. Л. 39.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 20. Л. 9.

старшего лейтенанта В.Н. Филипповского, бывшего, видимо, тогда еще комендантом Таврического дворца¹. По словам Наджарова, Филипповский поручил ему собрать находившихся на Балтийском вокзале солдат и разместить их по казармам, а также осмотреть в районе вокзала крыши домов и снять с них пулеметы². О том были ли выполнены поручения В.Н. Филипповского, он не сообщил.

В «Списке чинов управления коменданта Таврического дворца, работающих в управлении со дня его сформирования» указано, что Наджаров с 1 марта 1917 г. был комендантом гауптвахты при коменданте Таврического дворца³. Наджаров же писал 5 апреля 1917 г.: «Был назначен нач[альником] охраны дома бывш[его] Штаба Отд[ельного] к[орпуса] жандармов Фурштадтская 40, где и до сих пор состою комендантом от Таврического дворца». Иначе говоря, можно утверждать, что 1 марта Наджаров и был назначен на должность коменданта здания Штаба Отдельного корпуса жандармов, а гауптвахтой при коменданте Таврического дворца считалось арестное помещение в бывшем Штабе Отдельного корпуса жандармов⁴.

Здание Штаба было захвачено восставшими утром 28 февраля. В.Ю. Черняев утверждает, что «восставшие разгромили дом»⁵. 14 марта 1917 г. в Штаб Отдельного корпуса жандармов явился сотрудник Комиссариата Литейного района присяжный поверенный И.А. Шпицберг в сопровождении коменданта этого здания прапорщика Г.Е. Наджарова и милиционера (знак № 16902) студента Военно-медицинской академии

¹ Филипповский Василий Николаевич – старший лейтенант, эсер. С 27 февраля 1917 г. – член «повстанческого штаба». С 9 час. вечера 27 февраля и до утра 28 февраля – комендант Таврического дворца. Член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. 28 февраля подписывал приказы за председателя ВК ВКГД. Председатель «Союза офицеров-республиканцев». 6 марта 1917 г. «Союз офицеров-республиканцев» избрал В.Н. Филипповского своим представителем в Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (мандат был подтвержден 3 июня 1917 г.). Член Контактной комиссии Исполкома Петросовета. В проекте реформы ВК ВКГД, который был предложен 11 марта на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов группой офицеров-республиканцев, проходил как член основного ядра Комиссии (Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 12, 13; Народная армия. 1917. 9 марта; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Л., 1991. Т. 1. С. 269 и др.; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 22. Л. 165).

² ГА РФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 20. Л. 9. Список составлен не ранее 3 апреля 1917 г.

⁴ Черняев В.Ю. [Вступительная статья] / Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Л., 1991. № 1. С. 16.

⁵ Там же.

Е.С. Максимовича. И.А. Шпицберг имел уполномочия министра юстиции А.Ф. Керенского на осмотр помещений Штаба. В своем отчете И.А. Шпицберг указывал: «Во всех помещениях в большом беспорядке в шкафах, на столах и под таковыми столами лежали груды отдельных ведомственных дел и разрозненных документов. Помещение “Казначейская” носит явные признаки разгрома такового»¹. Все остальные помещения «погромщиков» не заинтересовали. Заметим, что в отчете Шпицберга нет более точных сведений о том, сколько денег было похищено из казначейского помещения Штаба.

5 апреля 1917 г. прапорщик Наджаров подал заявление с просьбой принять его в число членов-учредителей Союза офицеров-республиканцев. Он сообщил, что о его «трудах и работах знают комендант Таврического дворца [К.И.] Тимковский², ст[арший] лейтенант Филипповский, и петроградская прокуратура, и Следственная комиссия при Госуд[арственной] думе». Кроме этого, Наджаров заметил: «Если я не записался в члены Союза до сих пор, то только потому, что решительно некогда было»³.

Действительно, комендантские обязанности должны были занимать много времени, так как в здании бывшего Штаба Отдельного корпуса жандармов, по словам Наджарова, «теперь находятся арестованные от Гос[ударственной] думы офицеры»⁴. В дворовом флигеле здания «сохранялось арестное помещение» – гауптвахта. Здесь сидели С.С. Хабалов, военный министр М.А. Беляев, фрейлина А.А. Вырубова петроградский гра-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 430. ЛЛ. 1 – 1об.

² Наджаров ошибочно назвал Тимковского комендантом Таврического дворца. Тимковский Иван Константинович – титулярный советник, помощник присяжного поверенного, служащий Главного управления Российского общества Красного Креста. 1 марта был назначен «помощником коменданта Временного правительства для восстановления порядка в здании Таврического дворца». Осуществлял связь Комендатуры Таврического дворца с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. На 15 мая 1917 г. состоял помощником коменданта Таврического дворца. 29 мая 1917 г. комендант Таврического дворца И.В. Заплатин обратился в думский Комитет с просьбой назначить на должность помощника коменданта Таврического дворца подпоручика зап. бат. гв. Егерского полка А. Яблонского (Помощник коменданта // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 – 3 марта. № 6 – 7 (Типография газеты «Русская воля»); [Перетц Г.Г.] Г.П. (полк. Г.Г. Перетц). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Репринтное воспроизведение / Послесл. А.В. Островского. СПб., 1997. С. 102; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 20. ЛЛ. 8 – 9, 14.)

³ ГА РФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 21.

доначальник А.П. Балк (с 24 апреля 1917 г.)¹, генерал-майор М.С. Комиссаров (с 6 июня 1917 г.)², начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев³ и др. Содержались на гауптвахте не только сановники. Например, в июне 1917 г. в арестном помещении на Фурштадтской, д. 40 находилось под арестом 205 человек, из них офицеров – 104 (48 из Кронштадта), солдат – 97 (79 из Кронштадта) и 4 чиновника⁴.

Прапорщик Наджаров вел переписку о находящихся в его ведении арестованных с различными органами и выполнял распоряжения министра юстиции и прокуратуры. Так, прокурор Петроградской судебной палаты 22 апреля 1917 г. за № 2851 просил коменданта Наджарова «срочно сообщить» ему о том, содержится ли на Фурштадтской д. 40 подпоручик Гукасянц и, «в утвердительном случае, по чьему постановлению и имеется ли по Гукасянцу какая-либо переписка»⁵. 23 апреля 1917 г. за № 422 он уведомил прокурора Петроградской судебной палаты, что подпоручик Гукасянц 25 марта переведен на Фурштадтскую, д. 40 из Государственной думы. Наджаров не имел сведений о том, по чьему постановлению был арестован Гукасянц. Переписка же по Гукасянцу, имевшая отношение к Следственной комиссии при Государственной думе, была передана Наджаровым товарищу прокурора Петроградской судебной палаты И.П. Бессарабову. На уведомлении стоит резолюция от 25 апреля 1917 г.: «На распор[яжение] главн[ого] военного прокурора»⁶. Автор резолюции неизвестен, но скорее всего ее поставил прокурор Петроградской судебной палаты, кому этот документ был адресован. В деле подпоручика Гукасянца имеются документы об его освобождении: во-первых, записка прокурора Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзева от 24 апреля, с распоряжением «освободить из под стражи Гукасянца» и предупредить его «о невыезде» из Петрограда⁷; во-вторых, его же предписание, в котором он просил коменданта Наджарова «немедленно освободить из под стражи подпоручика Гукасянца»⁸.

¹ Черняев В.Ю. [Вступительная статья] / Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка. С. 16.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 426. Л. 1. По предписанию за прокурора Петроградской судебной палаты генерал-майор М.С. Комиссаров был освобожден 5 октября 1917 г. (Там же. Л. 16).

³ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 162 – 163.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 48. ЛЛ. 450 – 451 об.

⁵ Там же. Д. 219. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 7.

7 июля 1917 г. в прессе появилось сообщение о том, что комендант военной гауптвахты на ул. Фурштадтской, д. 40 утром 6 июля потребовал от различных организаций, располагавшихся в здании, немедленно прекратить свою деятельность, угрожая в противном случае «применением силы». Одновременно Наджаров распорядился «закрыть ворота, никого не впускать, не выпускать». Об этом было сообщено в Исполком Петросовета, который, «снесшись» с главнокомандующим войсками Петроградского военного округа генералом П.А. Половцевым, «отменил распоряжение коменданта». В свою очередь, комендант Наджаров заявил, что это распоряжение было им дано «в виду приказа ген[ерала] Половцева о принятии мер против возможного проникновения в дом неизвестных лиц»¹.

Один из арестантов, К.И. Глобачев, вспоминал о своем пребывании на гауптвахте и ее коменданте Наджарове: «В должности коменданта состоял молодой прапорщик Наджаров, очень глупый грузин, хваставшийся прочностью своего положения потому, что, по его словам, он был личным адъютантом министра юстиции. Арестованные ему дали за его остроумие и грузинское происхождение кличку «барашка». Его занятия заключались главным образом в спекуляциях лошадьми и продовольствием, и видно, что по этой части он был не промах. Подозрения о его денежной нечистоплотности впоследствии блестяще оправдались – за злоупотребления по службе и кражу 35 тыс. рублей из денежного ящика бывшего Отдельного корпуса жандармов, порученного его охране, он был арестован и заключен в тюрьму, а на его место был назначен другой комендант»². Сразу же заметим, что Наджаров был армянином, а не грузином. Насколько справедливы и другие сведения, приведенные в воспоминаниях Глобачева?

Дело по обвинению Наджарова в растрате казенных средств возникло по заявлению поручика 12 Сибирского стрелкового полка Жевченко, которое он подал в конце июля 1917 г. в Следственно-юридическую комиссию Военного отдела ВЦИК Советов³. Рассмотрев заявление, СЮК поручила коменданту Таврического дворца от ЦИК Советов поручику К.Ф. Грекову провести расследование. 2 августа 1917 г. поручик Греков прибыл на Фурштадтскую, д. 40 и опросил коменданта Наджарова, который показал, что «долженствующие быть в денежном ящике казенные суммы в размере 7888 руб. 13 коп. не имеется, а деньги им, прапорщиком Наджаровым, даны под честное слово частному лицу». По словам Грекова, он «после этого заявления» испросил «ордер об аресте прапорщика Наджарова, по получению такового прапорщик Наджаров был мною арестован

¹ Последние известия // Солдатское слово. 1917. 7 июля.

² Глобачев К.И. Указ. соч. С. 162 – 163.

³ ГМ ПИР. Ф. П-20939/4. Л. 20.

и доставлен в распоряжение Следственной комиссии». Греков также сообщил, что «обыска в помещении прапорщика Наджарова произведено не было; служебный кабинет, квартира его и денежный ящик были опечатаны присутствовавшим при аресте помощником комиссара 3-го подрайона Рождественского района»¹. 3 августа СЮК за № 1110 обратилось в I комендантское управление с препровождением прапорщика Наджарова для содержания под стражей с зачислением за прокурором Петроградской судебной палаты. В этот же день за № 1111 СЮК уведомило главного военного прокурора о том, что она заслушала заявление о проведенном расследовании по делу коменданта дома № 40 по ул. Фурштадтской Наджарова о растрате им казенных средств. Выяснилось, что растрата казенных денег им совершена в размере 7888 руб., и указанное обстоятельство не отрицает и сам Наджаров. Вместе с тем сумма эта нуждается в проверке, равно как и вся хозяйственная деятельность его. Поэтому СЮК постановила подвергнуть прапорщика Наджарова задержанию и зачислить его за прокурором военно-окружного суда. К письму было приложено производство по делу прапорщика Наджарова на 83 листах².

5 августа 1917 г. за № 6904 прокурор Петроградской судебной палаты предписал произвести предварительное следствие по делу прапорщика Наджарова. Оно было поручено судебному следователю 16-го участка г. Петрограда с наблюдением за ним товарищем прокурора этого же участка³.

14 августа за № 7215 прокурор Петроградской судебной палаты сделал предписание по делу Наджарова⁴, а 16 августа за № 11835 предписание по делу дал прокурор Петроградского окружного суда⁵, в которых, видимо, речь шла о необходимости произвести обыск в комнате, где проживал Наджаров, и в его канцелярии. Во всяком случае, судебный следователь 18 августа за № 596 в ответ на предложение прокурора Петроградского окружного суда за № 11835 просил «дослать» ему «упоминаемые в рапорте помощника комиссара 3-го Рождественского подрайона от 6 сего августа за № 11643 два ключа от комнаты прапорщика Наджарова и от шкафа в его канцелярии». 19 августа 1917 г. за № 12125 прокурор Петроградского окружного суда сообщил судебному следователю, что «ключей не поступало»⁶.

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5436. Оп. 4. Д. 9. ЛЛ. 244 – 244 об.

² Там же. Л. 233

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.

⁴ Там же. ЛЛ. 1, 5.

⁵ Там же. ЛЛ. 1, 4.

⁶ Там же. Л. 4

17 августа за № 1457 СЮК обратилась к прокурору Петроградского окружного суда с просьбой передать дело бывшего коменданта Наджарова от следователя 16-го участка «для дальнейшего расследования» товарищу прокурора. Просьба была мотивирована тем, что, СЮК «придает этому делу весьма серьезный характер», а следователем «не принято никаких мер к выявлению обстоятельств[,] при которых была совершена растрата, характер растраты и сумма ее». Кроме этого, СЮК просила принять в отношении прапорщика Наджарова меру пресечения в виде «содержания под стражей». Просьба была рассмотрена, и прокурор поставил на ней резолюцию, которая предписывала уведомить комиссию о том, что «на основ[ании] 249 ст. УУС (Устав уголовного судопроизводства – А.Н.) предв[арительное] следствие производится судебным следователем при наблюдении тов[арища] прокурора»¹. В этот же день прокурор Петроградского окружного суда за № 10735 направил судебному следователю 16-го участка предложение с приложением письма СЮК от 17 августа за № 1457. 18 августа за № 7319 прокурор Петроградской судебной палаты направил в адрес прокурора Петроградского окружного суда какое-то предписание по делу Наджарова², видимо, основанное на сведениях, поступивших от СЮК.

19 августа следователь 16-го участка за № 598 сообщал прокурору Петроградского окружного суда: «никаких распоряжений по поводу просьб» СЮК «я сделать не могу»³. И лишь 24 августа за № 7701 прокурор Петроградской судебной палаты препроводил прокурору Петроградского окружного суда «ключи прапорщика Наджарова», а 28 августа они были направлены судебному следователю 16-го участка⁴. Судя по всему, судебный следователь каких-либо шагов по расследованию дела Наджарова в конце августа – начале сентября 1917 года так и не предпринял. Не получая никакой информации о ходе дела, прокурор Петроградского окружного суда 9 сентября за № 13315 обратился с соответствующим предписанием в адрес товарища прокурора 16-го участка. 20 сентября за № 139 он донес прокурору Петроградского окружного суда, что дело «задерживается дальнейшим производством необходимостью произвести экспертизу учета находившихся в распоряжении Наджарова денежных сумм и допросить еще несколько свидетелей». Товарищ прокурора, объясняя задержку в расследовании дела, писал, что «экспертиза и допрос свидетелей не могли

¹ Там же. ЛЛ. 3, 3 об.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 5.

быть произведены» «вследствие переобременением судебного следователя арестантскими делами»¹.

Таким образом, можно утверждать, что прапорщик Г.Е. Наджаров совершил растрату казенных средств, но точный размер ее установлен так и не был. В делопроизводстве СЮК и деле, которое вел судебный следователь 16-го участка, отсутствуют сведения о спекуляции Наджаровым лошадьми и продовольствием. Иначе говоря, обвинения, выдвинутые Глобачевым в адрес Наджарова, бездоказательны и основаны, видимо, на слухах. Обратим внимание на то, что следователь 16-го участка г. Петрограда фактически спустил дело Наджарова на тормозах, выражая, видимо, свой протест против самого факта существования советских следственных структур. Укажем, что в сентябре 1917 года прапорщик Г.Е. Наджаров находился под арестом в I комендантском управлении. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Тарасов К.А.

Совещание при главнокомандующем Петроградского военного округа в 1917 г.: из истории борьбы за власть над армией.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с функционированием новой политической системы, сложившейся в результате Февральской революции, является проблема управления Петроградским гарнизоном. Борьба за контроль над ним развернулась еще в ходе Февральского восстания между Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Петроградского Совета. Итогом этого противостояния стал Приказ № 1, поставивший политические выступления воинских частей столицы в зависимость от решения Совета рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в воинских частях должны были быть созданы органы солдатского самоуправления – комитеты². В конце марта специаль-

¹ Там же. Л. 6.

² См. об органах самоуправления в армии и на флоте: Гребенкин И.Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 145 – 161; Тарасов К.А. Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917 – 1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9 – 11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 207 – 221; Асташов А.Б. Дезертиры в революции 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 3. С. 18 – 29; Николаев А.Б. Из истории Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Государство, общество, личность в истории России (XVIII – XX вв.). Сб. науч. тр. к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора

ной резолюцией они были подчинены Петроградскому Совету и объявлялись его органами на местах¹.

Первый этап борьбы за контроль над гарнизоном определенно выиграл Совет, что позволило укрепить его позиции. Петроградский гарнизон стал считаться гарантом существования новой власти. Под давлением Совета Временное правительство в своей декларации специальным положением вынуждено было выделить «неразоружение и невывод» воинских частей Петрограда, которые приняли активное участие в революции².

Напрямую это решение касалось первого революционного главнокомандующего Петроградским военным округом (ПВО) генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова. Генерал-майор М.А. Иностранцев, в то время профессор Академии Генерального штаба, вспоминал, что уже в первые дни своего пребывания в Петрограде Корнилов принял решение «в ближайшие дни начать вывод частей Петроградского гарнизона на фронт и замену их в Петрограде частями с фронта, уже заслужившими отдых и более дисциплинированными»³.

Однако на деле новый главнокомандующий действовал осторожнее. В середине апреля 1917 г. от штаба округа поступило предложение сформировать из части Петроградского гарнизона резервные полки для защиты столицы от возможного немецкого десанта на балтийском побережье. Из оставшихся солдат планировалось создать батальоны для подготовки пополнений перед отправкой на фронт⁴. 25 апреля был издан соответствующий приказ штаба ПВО о переформировании запасных батальонов в резервные полки⁵.

Кроме того, в Петроград начали съезжаться делегаты с фронта, настаивавшие на возобновлении отправки пополнений на фронт, где ощущалась нехватка солдат. Требовалось пересмотреть отношение Петроградского Совета к выводу частей Петроградского гарнизона. Для депутатов принять подобное решение было не просто. Как следует из обсуждения 16 апреля на общем собрании Совета, они отдавали себе отчет в том, что у

Владлена Семеновича Измозика / Под ред. С.Н. Полторака, И.А. Тропова. СПб., 2018. С. 99 – 106; Бажанов Д.А. Органы революционного самоуправления на кораблях Балтийского флота в марте-июне 1917 г.: создание, функции, взаимоотношения // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 84 – 103.

¹ Дело народа. 1917. 22 марта.

² Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.

³ Иностранцев М.А. Из истории комиссии генерала Поливанова (Страница из истории русской революции 1917 г.) // ГА РФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 19а. Л. 23.

⁴ Протокол заседания комитета запасного батальона Московского полка 19 апреля // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 6. Л. 84; Новая жизнь. 1917. 23 апреля.

⁵ Русский инвалид. 1917. 25 апреля.

приказа есть политический смысл, и его нельзя полностью отдавать на откуп воинскому начальству. Все же была проведена резолюция, с оговорками возобновляющая практику отправки пополнений из числа солдат гарнизона, но только с разрешения Исполнительного комитета Петроградского Совета¹.

В вопросе вывода на фронт воинских частей из Петрограда Совету пришлось сделать целый ряд уступок. Однако развить успех генерал Л.Г. Корнилов не успел. В ходе Апрельского кризиса, когда в центре города начались массовые демонстрации, он попытался сконцентрировать на Дворцовой площади войска для наведения порядка в столице². Руководству Петроградского Совета стало известно об этих его действиях, и приказ был отменен. Было объявлено, что вывод войск Петрограда на улицы мог быть санкционирован лишь распоряжением, подписанным семью депутатами Исполнительного комитета Петроградского Совета³.

Вероятно, в связи с этими событиями в Петроградском Совете появилась идея создания контролирующего органа из своих представителей при главнокомандующем ПВО. Этот вопрос обсуждался в Таврическом дворце с середины апреля⁴. Как говорил впоследствии член Военного отдела Петроградского Совета А.В. Сомов, такой орган был необходим, поскольку генерал Л.Г. Корнилов «вел себя так, что сотрудничество с ним не представлялось возможным»⁵. Однако лишь 23 апреля Сомов был делегирован бюро Исполнительного комитета Петроградского Совета в качестве комиссара к главнокомандующему ПВО⁶. Через два дня было принято решение увеличить количество комиссаров, в задачу которых входило бы скрепление приказов о нарядах гарнизона и других «публичных документов». Депутаты Совета опасались, что «если наряды будут в распоряжении ген[ерала] Корнилова, то он сможет обойти бдительность»⁷. Комиссарами Совета при штабе выбрали М.С. Венгерова, Н.Д. Соколова, В.Б. Станкевича и А.В. Сомова⁸.

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций и заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года (далее – Петроградский Совет). СПб., 1995. Т. 2. С. 204.

² См. подробн.: Голиков Г.Н., Токарев Ю.С. Апрельский кризис 1917 г. // Исторические записки. Т. 57. М., 1956. С. 35 – 79.

³ Петроградский Совет. Т. 2. С. 292.

⁴ Там же. С. 159, 165, 189.

⁵ Там же. М., 2003. Т. 4. С. 103.

⁶ Там же. Т. 2. С. 362.

⁷ Там же. С. 376.

⁸ Там же. С. 380.

А.И. Гучков, в то время военный министр, вспоминал, что генерал Л.Г. Корнилов был согласен (и даже «очень настаивал на том, чтобы согласиться») на требование руководства Петроградского Совета, чтобы «некоторое количество, 2 – 3 человека, было бы ими делегировано в состав штаба Петербургского военного округа, чтобы всякое распоряжение главнокомандующего о вызове и употреблении войск принималось бы при контрассигновании приказа»¹. Более того, один из комиссаров Совета, В.Б. Станкевич, позже утверждал, что удалось достичь полного соглашения с Корниловым, но на следующий день стало известно о его отставке². Сам же главнокомандующий не считал, что делегатам удалось договориться с ним. В беседе с генералом А.Н. Куропаткиным Л.Г. Корнилов объяснил свой уход с поста тем, что Совет пытался вырвать у него из рук власть, мешая восстановить дисциплину. Во время переговоров он готов был пойти на то, чтобы «при штабе находилось несколько членов Совета для совместного обсуждения разных вопросов». Однако комиссары требовали, чтобы все приказы штаба издавались за подписью не только главнокомандующего, но и представителей Совета. На это Корнилов не согласился³.

После Апрельского кризиса свою должность покинул не только генерал Л.Г. Корнилов. Из Временного правительства ушел военный министр А.И. Гучков, уступив свое место социалисту, популярному политику А.Ф. Керенскому. Новый военный министр сразу же привлек к управлению ПВО своего давнего знакомого А.И. Козьмина⁴. Кандидатура эта вполне соответствовала духу времени, поскольку он был известен как «президент Красноярской республики» в 1905 г., отбывший каторгу за свое участие в революционном движении. Формально поручик А.И. Козьмин, которому был возвращен офицерский чин и зачислена выслуга лет, являлся лишь помощником главнокомандующего ПВО, но реально до приезда генерал-майора П.А. Половцова он исполнял функции начальника гарнизона. Буквально в день вступления в должность он заявил о желании создать специальное совещание из представителей комитетов, которые должны были помочь ему в установлении дисциплины в гарнизоне⁵. Позже поручик А.И. Козьмин выступил на заседании Комиссии по обороне Петроградского Совета со своим предложением «организовать при штабе небольшой совещательный орган из представителей частей гарнизона, пред-

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 77 – 78.

² Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914 – 1919 г. Берлин, 1920. С. 127.

³ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. № 20. С. 66.

⁴ Письмо А.Ф. Керенского новому помощник главнокомандующего Петроградским военным округом // Речь. 1917. 9 мая.

⁵ Беседа с А.И. Козьминым // Русская воля. 1917. 8 мая.

ставителей городского самоуправления, под председательством главнокомандующего», который «должен был послужить связью между штабом и солдатами, осведомлять их о деятельности штаба и придавать авторитет принимаемым им решениям»¹. Предложение подразумевало более тесную связь штаба округа с воинскими частями в обход Петроградского Совета.

Создание особого Совещания при главнокомандующем ПВО было поддержано Военным отделом Петроградского Совета, а 11 мая одобрено Исполнительным комитетом. Однако предложение поручика А.И. Козьмина претерпело некоторые изменения. Кроме главнокомандующего ПВО, двух-трех офицеров штаба, представителей от города и от земства, а также двух представителей офицерских организаций, в совещании должны были присутствовать не делегаты от воинских частей, а равное другим число членов Петроградского Совета (7 чел., пятеро из которых от солдатской секции). При этом совещанию предоставлялось право разрешения вывода маршевых рот из Петрограда². Иными словами, власть над воинскими частями столичного гарнизона оставалась в руках Петроградского Совета. Совещание же должно было объединить военную иерархию и систему выборных солдатских органов.

Проект в этом виде представил 14 мая на заседании Военного отдела Петроградского Совета начальник штаба ПВО полковник Ф.И. Балабин. В своей речи он подчеркнул, что подобный орган необходим для решения «профессионально военно-политических» вопросов. Депутаты Совета признали его создание желательным³.

Наконец, 19 мая в защиту проекта в солдатской секции Петроградского Совета выступил только что прибывший в столицу новый главнокомандующий ПВО генерал П.А. Половцов. Он заявил: «Я представляю себе командование войсками не иначе, как при существовании такого органа, который позволил бы мне в любой момент знать, что и как думают повсякому, даже мелкому вопросу, мои подчиненные. Этот орган необходим для того, чтобы я в любой момент мог поделиться своими мыслями и сообщить мои желания войскам Петроградского военного округа. Этот орган, как бы вы его не назвали, название для меня безразлично, должен служить органической связью между начальником и подчиненными всяких чинов. Только при наличии вот такой связи можно командовать войсками, не вызывая никаких недоразумений»⁴. Это вступление было встречено шумными, долго не смолкавшими аплодисментами. Меньшевик

¹ Записки А.И. Козьмина (1917 г.) // Красный архив. 1933. Т. 5. С. 152 – 153.

² Петроградский Совет. М., 2002. Т. 3. С. 44 – 45.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 121.

М.С. Бинасик, которому предстояло войти в состав Совещания при главнокомандующем, с энтузиазмом призывал солдатскую секцию довериться новому руководству не «постолько-поскольку», а всецело¹. Были, однако, и протестовавшие, которые утверждали, что новый орган «сведет на нет Совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], так как все вопросы военной жизни округа будут решаться десятью лицами и проводиться в жизнь генералом»². Тем не менее, большинством голосов идея создания Совещания была одобрена.

Новый орган приступил к работе в начале июня. Членами его стали 6 чел., а заседания происходили дважды в неделю³. Поручик А.И. Козьмин впоследствии писал, что на практике совещание было реализовано «в крайне уродливой форме»⁴. Вероятно, он имел в виду тот же недостаток, о котором вспоминал генерал П.А. Половцов. Он отметил, что в совещании участвовали не солдаты «прямым выбором из частей», а назначенные лица из числа «советчиков», то есть члены Военного отдела Петроградского Совета⁵.

Несмотря на то, что генерал описывал работу Совещания крайне иронически («Собираемся раза три в неделю для разглагольствований»), «парламент главнокомандующего», как называл новый орган полковник Ф.И. Балабин, выполнял очень важные функции⁶. Во-первых, с его помощью осуществлялся контакт между командованием ПВО и Петроградским Советом, что позволяло избегать недоразумений в ежедневной работе⁷. Во-вторых, главнокомандующий ПВО получил возможность издавать распоряжения, подкрепленные авторитетом Петроградского Совета⁸.

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 122. П.А. Половцов вспоминал эту реплику так: «С солдатским совещанием при Вас Вы всю власть у нас отнимите» (Половцов П.А. Дни затмения: Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году (далее – Дни затмения). М., 1999. С. 74).

³ Петроградский Совет. Т. 4. С. 103.

⁴ Записки А.И. Козьмина (1917 г.) // Красный архив. 1933. Т. 5. С. 153.

⁵ Половцов П.А. Дни затмения. С. 90. Б.В. Никитин, в то время начальник контрразведки ПВО, в своих воспоминаниях ошибочно писал, что совещание при главнокомандующем «состояло только из призывных солдат и нескольких офицеров, а потому гораздо вернее представляло полки, чем военная секция Совета» (Никитин Б.В. Роковые годы (новые показания участника). М., 2007. С. 82).

⁶ Половцов П.А. Дни затмения. С. 90.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Во второй половине июня 1917 г. в воинские части Петрограда было направлено воззвание Исполнительного комитета Петроградского Совета, в котором разъяснялось, что «при главнокомандующем войсками округа состоит особая комиссия из представителей Исполкома и что все распоряжения главнокомандующего о вызове воинских частей

В-третьих, Военный отдел Петроградского Совета смог проводить в виде приказов свои проекты. Наконец, в-четвертых, как докладывал впоследствии А.В. Сомов, делегаты Совета следили за тем, чтобы «приказы, издаваемые Штабом, не шли вразрез интересам гарнизона»¹.

В нашем распоряжении есть сведения о повестке дня пяти заседаний Совещания при главнокомандующем за июнь. На каждом из них разбирались не менее семи вопросов. Большая их часть действительно касалась наиболее актуальных вопросов солдатской жизни: об отправке пополнений на фронт, об отпусках, о награждениях и производстве в офицерский чин, о выделении солдат-украинцев в особые подразделения, о положении в 1-м пулеметном запасном полку, о создании и упразднении комиссий и отделов по управлению войсками ПВО². В деле реформирования запасных батальонов в резервные полки и отправки маршевых рот на фронт, по мнению членов Военного отдела Петроградского Совета и участников Совещания, удалось достигнуть нормальной работы³.

Вплоть до антиправительственного выступления солдат Петроградского гарнизона 3 и 4 июля 1917 г., по словам А.В. Сомова, сотрудничество со штабом ПВО в Совещании было успешным. Однако после этого политика П.А. Половцова резко изменилась⁴. Сам генерал вспоминал о том, что после наведения порядка в городе, он начал энергичные и независимые действия по наведению дисциплины, расформированию воинских частей, принимавших активное участие в событиях, приступил к арестам участников беспорядков и пр. («Сообразуясь с этими новыми веяниями в казармах, я начинаю выпускать когти»)⁵.

В итоге под давлением руководства Петроградского Совета генерал-майор П.А. Половцов был отправлен в отставку⁶. На посту главнокоман-

издаются с ведома этой комиссии, почему таковые подлежат немедленному и беспрекословному исполнению» (Протокол заседания комитета запасного батальона Петроградского полка 24 июня // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 32. Л. 7).

¹ Петроградский Совет. Т. 4. С. 103.

² Парламент главнокомандующего // ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. Л. 17; Записная книжка А.Д. Садовского // РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1699. Ч. 2. Л. 251; Записная книжка А.И. Козьмина // РГВИА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 10. Л. 20 об.; Петроградский Совет. Т. 4. С. 103.

³ Петроградский Совет. Т. 4. С. 104. См. также: Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 143.

⁴ Петроградский Совет. Т. 4. С. 104.

⁵ Половцов П.А. Дни затмения. С. 151 – 152, 155 – 160.

⁶ «Хватит ли у правительства воли?..» Военный атташе Франции об июльских событиях 1917 г. в Петрограде // Исторический архив. 1996. №. 2. С. 199; Половцов П.А. Дни затмения. С. 173; Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916 – 1918). Екатеринбург, 2014. С. 291.

дующего ПВО его сменил генерал-майор О.П. Васильковский. Он продолжил независимую от Совещания политику, самостоятельно намечал вопросы, которые подлежали обсуждению. А.В. Сомов возмущался по этому поводу: «Получается впечатление, что не генерал Васильковский заинтересован в Совещании, а Совещание заинтересовано в генерале Васильковском и якобы к нему обращается»¹. Военный отдел Петроградского Совета отметил изолированность членов Совещания в их деятельности².

В своих воспоминаниях О.П. Васильковский писал, что его главная задача на посту главнокомандующего округом сводилась к расформированию ненадежных воинских частей и выводу их из столицы. В этом деле ему мешала «наблюдательная комиссия из пяти лиц от Совета рабочих и солдатских депутатов». Тем не менее, он отмечал: «За первые две недели моего командования войсками Петроградского округа мною было расформировано 11 полков, разоружено и выслано из пределов Петрограда и Петроградской губернии 43 тысячи запасных чинов, около 15 тысяч их были заключены в село Медведь, выведен был из Петропавловской крепости зараженный большевизмом запасный батальон лейб-гвардии 3 Стрелкового полка, и отправлена на нарвские и юрьевские позиции для рытья окопов как ненадежная 2 гвардейская запасная пехотная дивизия»³. Эти данные подтверждаются статистикой. Всего до сентября 1917 г. Петроградский гарнизон уменьшился на 50 – 90 тыс. человек, сократившись на 20 – 30 %⁴.

В итоге 25 августа представители Совещания при главнокомандующем буквально забили тревогу. В обход них штаб ПВО направил предписание целому ряду воинских частей Петрограда выступить в полном составе на Северный фронт для проведения окопных работ. При обсуждении этого вопроса в солдатской секции Совета некоторые докладчики обвинили главнокомандующего в том, что полки отправляются на фронт в виде наказания, а не в порядке очереди⁵. Другие депутаты Совета выразили недовольство тем, что воинские части отправляются «по единоличному приказанию» штаба округа, без проведения вопроса через Совещание при главнокомандующем⁶. Многие выступавшие доказывали, что члены Совещания не вмешиваются в оперативные приказы, но они требовали, чтобы с

¹ Петроградский Совет. Т. 4. С. 105.

² [Записка в Военный отдел Петроградского Совета] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1 Оп. 5. Д. 10. Л. 1.

³ Васильковский О.П. Жестокая правда – лучше красивой лжи. Из воспоминаний ген. Васильковского // Последние известия (Таллинн). 1921. 9 июня.

⁴ Дрезен А.[К.] Петроградский гарнизон в октябре // Красная летопись. 1927. № 2. С. 102.

⁵ Петроградский Совет. Т. 4. С. 106.

⁶ Там же. С. 199 – 200.

их мнением считались¹. Тем не менее, объяснявший меры штаба перед Петроградским Советом А.И. Козьмин, выступление которого, согласно отчету о заседании, сопровождалось криками «позор», «протестами и шумом на скамьях большевиков», настаивал на правильности действий штаба округа. По словам помощника главнокомандующего, подобные меры диктовались военной необходимостью и борьбой с контрреволюцией².

В итоге была принята компромиссная резолюция, в которой говорилось о необходимости «объединения деятельности Штаба с Военным отделом в лице Совещания при Штабе на началах тесного и делового контакта». Вместе с тем в постановлении указывалось на то, что «отправление на фронт ни в коем случае не может почитаться наказанием, и выполнение воинских обязанностей должно быть возложено на полки вне всякой зависимости от того или другого участия их в политическом выступлении». Роль Совещания при главнокомандующем ПВО в этом случае заключалась в том, чтобы «дать воинским частям уверенность, что все распоряжения Штаба будут служить исключительно делу обороны страны и революции»³.

Как известно, приказ о выводе воинских частей предшествовал наступлению войск генерала Л.Г. Корнилова на Петроград с целью установления военной диктатуры. Тем самым, отказ командующего Петроградским военным округом от сотрудничества с представителями Петроградского Совета, его неконтролируемая деятельность по выводу крупных контингентов из Петрограда, невнимание к критике его действий способствовали целям Корниловского выступления.

Разрыв коммуникации между военным командованием округа и депутатов Совета вызвали недоверие последних к тем мерам, которые предпринимались по расформированию воинских частей Петрограда. На общем собрании представителей полковых комитетов, созванном Военным отделом Петроградского Совета 4 сентября, специально обсуждался вопрос о роли штаба ПВО в Корниловском выступлении. В резолюции этого собрания говорилось, что «агенты контрреволюции в штабах воспользовались событиями 3 – 5 июля для того, чтобы под видом наказания мнимых бунтовщиков, фактическим расформированием воинских частей значительно обессилить революционный Петроградский гарнизон для подготовки успеха контрреволюционного заговора Ставки»⁴. Кроме того, участники собрания потребовали расследовать действия штаба ПВО в эти дни, а так-

¹ Там же. С. 203, 207 – 208, 210, 215.

² Там же. С. 207 – 208.

³ Там же. С. 209.

⁴ Резолюция, принятая на общем собрании председателей полковых комитетов, их товарищей и комиссаров Петроградского гарнизона 4 сентября // ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. Л. 24.

же пожелали создание «такой военной демократический центр из ведущих лиц, которому могла бы вся демократия доверить оборону Петрограда от врагов внешних и внутренних»¹. Таким образом, доверие к штабу и военному командованию было подорвано, и в первый раз прозвучала идея создания нового органа для руководства военным округом.

Судя по выявленным трем протоколам Совещания за сентябрь (12, 19 и 22 сентября), при новом главнокомандующем полковнике Г.П. Полковникове вернулось продуктивное взаимодействие между штабом округа и представителями Совета. В этот период представители штаба даже скорее занимают пассивную позицию, давая разъяснения делегатам по ряду возникающих в солдатской среде недоразумений. Круг вопросов в основном касался ликвидации последствий Корниловского выступления, следственных мероприятий, выведению и возвращению отдельных подразделений Петроградского гарнизона².

После Корниловского выступления изменился состав Совещания при главнокомандующем ПВО. Фракции Петроградского Совета приняли решение выбрать своих представителей при штабе на пропорциональных началах «ввиду важности вопросов, обсуждающихся на этом Совещании». Отражая изменение сил в Петроградском Совете, выбрано 3 эсера (Е.И. Огурцовский, М.Ф. Широков и И.В. Балашов), 3 большевика (А.Д. Садовский, М.П. Ефремов и С.А. Митрофанов), 1 народный социалист (А.В. Сомов) и 1 меньшевик (Г.Б. Скалов (Синани))³. Увеличение численности представителей на Совещании определенно говорило о повышении его статуса. Кроме того, свои позиции усилили именно большевики.

Отголоски Корниловского выступления можно увидеть и в том, что 8 сентября на заседании солдатской секции Петроградского Совета было принято решение, что «отправление маршевых рот или рабочих команд должны производиться только по соображениям военной необходимости и с согласия Совещания при Главнокомандующем»⁴. По всей видимости, весь сентябрь члены Совещания потратили на то, чтобы добиться выполнения

¹ Протокол заседания ротных и командных комитетов Преображенского резервного полка 5 сентября // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3863. Л. 103 об.

² Протокол заседания 12-го сентября 1917 года. Совещание при главнокомандующем войсками Петроградского округа // ГА РФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Протокол совещания при главнокомандующем от 19-го сентября с/г. // Там же. Л. 1; Протокол заседания совещания при главнокомандующем 22-го сентября 1917 года // Там же. Л. 11.

³ Петроградский Совет. Т. 4. С. 331.

⁴ Там же. С. 289.

этой резолюции, как об этом сообщил 29 сентября на заседании солдатской секции М.П. Ефремов¹.

Большевик А.Д. Садовский, в то время член Военного отдела Петроградского Совета, вспоминал, что со второй половины сентября 1917 г. вывод воинских частей небольшими группами из Петрограда вел к конфликтам с командованием ПВО². По его мнению, «трения, столкновения и т.д.» происходили по вопросу об объеме прав и контроле Совецания при главнокомандующем округом³. В итоге в Военном отделе Петроградского Совета, при участии военных работников партии большевиков, был разработан проект советского военного штаба⁴.

Ситуация во взаимоотношениях штаба ПВО и Петроградского Совета обострилась 9 октября 1917 г., когда был опубликован приказ о выводе части гарнизона из Петрограда для поддержки войск Северного фронта, оборонявших столицу⁵. По воспоминаниям эсера И.В. Балашова, приказ этот был направлен в запасные полки в обход Совецания при главнокомандующем. Члены Военного отдела распорядились не подчиняться этому распоряжению, до тех пор, пока этот вопрос не будет с ними согласован. В тот же день они доложили о событиях в Исполнительный комитет Петроградского Совета⁶. На заседании отмечалось сходство приказа с ситуацией накануне Корниловского выступления. В.А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях отмечал, что большевики планировали создать комиссию при штабе округа из представителей Центрального исполнительного комитета, Центрофлота и Петроградского Совета⁷.

Однако Исполком, где все еще доминировали умеренные социалисты, принял решение образовать Комитет революционной обороны для

¹ Там же. С. 434.

² Воспоминания об Октябрьском перевороте. Заседание участников Октябрьского переворота в Петербурге, состоявшееся 7 ноября 1920 г. (далее – Воспоминания об Октябрьском перевороте) // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 73.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Сложное положение создалось после оставления русскими войсками Риги и высадки немецкого десанта после сражений у Моонзунда. См. подробн.: Кавтарадзе А. Рижская операция 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 9; Стратегический очерк войны 1914 – 1918 гг. М., 1922. Т. 7. С. 106 – 115. Однако запрос на подкрепление из Петрограда объяснялся не стратегическими требованиями, а желанием А. Ф. Керенского уменьшить напряженность в столице. См. телеграмму главнокомандующего Северным фронтом генерала В.А. Черемисова А.Ф. Керенскому (Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 12 декабря).

⁶ Поликарпов В.Д. Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11. С. 29.

⁷ Антонов (Овсеенко). Октябрьская буря // Известия. 1918. 6 ноября.

помощи штабу в организации мероприятий по защите столицы¹. Именно за этот проект и ухватились члены большевистской фракции. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, который в этот период являлся председателем Петроградского Совета, они поддержали идею проверки действий штаба округа с помощью создания «контр-штаба», который подчинил бы себе войска Петроградского гарнизона². Неожиданно для самих большевиков их резолюция получила поддержку общего собрания Петроградского Совета³.

Газета «Рабочий и солдат» сообщала, что на следующий день члены Сопещания были вызваны в штаб округа. Встретившийся с ними полковник Г.П. Полковников заявил, что готов приехать в Петроградский Совет и «на закрытом заседании Исполнительного комитета дать объяснения о предполагаемой обороне Петрограда»⁴. События, однако, развивались стремительно, и доклад главнокомандующего не состоялся.

11 октября коллегия Военного отдела Исполнительного комитета Петроградского Совета разработала проект Революционного штаба по обороне Петрограда и гарнизонного совещания при нем⁵. На следующий день член Военного отдела П.Е. Лазимир, эсер, тяготевший к левому крылу партии, представил проект на закрытом заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета. Важно, что новый орган в представленном положении изменил свое название, окончательно утратив всякое упоминание об обороне – Военно-революционный комитет (ВРК). Проект был одобрен подавляющим большинством членов Исполкома против двух⁶. На следующий день документ без прений приняла солдатская секция, а 16 октября его одобрило общее собрание Петроградского Совета⁷.

21 октября 1917 г., когда ВРК закончил свое организационное оформление, было решено направить в штаб ПВО делегацию из 8 человек «для совместной работы и контроля»⁸. Как докладывал позже член бюро ВРК В.А. Антонов-Овсеенко, эти представители должны были быть включены в состав Сопещания при главнокомандующем, однако их встретили

¹ Петроградский Совет. Т. 4. С. 469.

² Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 53.

³ Общее собрание 9 октября // Известия. 1917. 10 октября.

⁴ Рабочий и солдат. 1917. 20 октября.

⁵ Коллегия Военного отдела. 11 октября // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 346. Л. 3; [Резолюция заседания коллегии Военного отдела] // Там же. Л. 1.

⁶ Петроградский Совет. Т. 4. С. 497.

⁷ Там же. С. 506, 519.

⁸ Рабочий путь. 1917. 24 октября

враждебно и угрожали арестом¹. По мнению представителей штаба ПВО, именно отказ признать комиссара от Совета и послужил началом конфликта между ними и ВРК².

22 октября совещание представителей Петроградского гарнизона, созванное ВРК, вынесло резолюцию, в которой объявляло, что отказом от признания комиссаров «штаб порывает с революционным гарнизоном», и призвало войска не исполнять никаких распоряжений по гарнизону, неподписанных ВРК. Телефонограмма с этой резолюцией была немедленно разослана во все воинские части Петрограда. Это же решение было доведено до сведения военного руководства ПВО³.

Как вспоминал А.Д. Садовский, после этого штаб округа согласился на все выставленные ранее Советом условия («на право Совета отдавать распоряжения по гарнизону, на функционирование Совещания при Главкоме и проч., обязывались о всех распоряжениях округа осведомлять предварительно Совет и В[оенно-]Р[еволюционный] комитет) взамен на аннулирование резолюции гарнизонного совещания⁴. Газета «Речь», однако, сообщала, что это командование ПВО предложило вместо ВРК организовать совещание при штабе, состав которого должен определить Петроградский Совет. Совещание, однако, не имело бы права накладывать «вето» на распоряжения военных властей⁵.

Текст этого соглашения сохранился в документах А.Д. Садовского. Там, действительно, говорилось только о Совещании при главнокомандующем ПВО. Ему должны были сообщаться все распоряжения штаба округа. Кроме того, все мероприятия, которые могли повлиять на численность Петроградского гарнизона не имели силы без его согласия. Поскольку Совещание получило такие широкие полномочия, то и комиссар при штабе

¹ Петроградский Совет. Т. 4. С. 563. См. также: Мехоношин К.А. Боевой штаб Октябрьской революции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 28. Еще 17 октября Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов назначил трех своих комиссаров в штаб ПВО, а 19 октября эсер штабс-капитан А.Д. Малевский стал окружным комиссаром (Рябинский К. Революция 1917 года (хроника событий). М.; Л., 1926. Т. 5. С. 110, 133). В разворачивающемся конфликте они стояли на стороне штаба ПВО (Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 247 – 248).

² Речь. 1917. 24 октября.

³ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. С. 277.

⁴ Воспоминания об Октябрьском перевороте. С. 76.

⁵ Речь. 1917. 24 октября. По версии «Биржевых ведомостей» и «Народного слова» суть предложения главнокомандующего ПВО сводилась к увеличению числа представителей Петроградского Совета в Совещании (Биржевые ведомости. 1917. 23 октября (веч. вып.); Народное слово. 1917. 25 октября).

округа упразднялся. За это ВРК должен был аннулировать свою телефонограмму¹. Как мы видим, в центре соглашения находилось повышение статуса Совецания при главнокомандующем, однако ничего не говорилось о признании ВРК. Следовательно, предложенный проект следует считать компромиссным. Речь шла о сохранении власти в руках командования ПВО при контроле со стороны представителей Петроградского Совета (что уже являлось уступкой), а не о согласии на функционирование параллельного военного штаба.

Обсуждение этого проекта соглашения велось в ВРК весь день, пока не был получен ультиматум полковника Г.П. Полковникова с требованием отменить распоряжение о неисполнении приказов штаба округа. В его поддержку высказались умеренные социалисты и левые эсеры². В результате около 3 часов ночи 24 октября Временному правительству было сообщено о принятии всех пунктов ультиматума³.

Почувствовав силу, правительство перешло в наступление. На заседании в ночь с 23 на 24 октября ВРК признан «незаконной организацией», в отношении его членов предложено начать следствие, постановлено закрыть газеты «Новая Русь», «Живое слово», «Рабочий и солдат», «Рабочий путь», «Солдат»⁴. Хорошо известны реакция на эти действия со стороны ВРК и дальнейшее развитие событий, получивших название Октябрьское вооруженное восстание.

Итак, в центре конфликта, который привел к отстранению от власти Временного правительства, был вопрос о Совецании при главнокомандующем. Командование ПВО долгое время противилось предоставлению контролирующих функций Совецанию в вопросе вывода воинских частей из Петрограда. В период после Корниловского выступления подобное поведение провоцировало подозрения в желании скрыть истинную цель подобных приказов. В ситуации острого политического конфликта силы, выступавшие за свержение Временного правительства, использовали эту двусмысленную позицию командования ПВО для того, чтобы поставить Пет-

¹ Текст «соглашения» об учреждении «Совецания» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов при Главном командовании Петроградского военного округа // ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

² Антонов (Овсенко). Октябрьская буря // Известия. 1918. 6 ноября; Рябинский К. Революция 1917 года (хроника событий). С. 159 – 160.

³ Известия. 1917. 25 октября. Есть сведения, что переговоры продолжились еще днем 24 октября. «Биржевые ведомости» сообщали, что в час дня ВРК взял паузу для формулирования своих требований, однако вместо этого «приступил к самочинному захвату оружия на ружейных заводах». В ответ главнокомандующий ПВО заявил, что прерывает всякие переговоры (Биржевые ведомости. 1917. 24 октября (веч. вып.)).

⁴ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. С. 287, 292.

роградский гарнизон под свой контроль. ВРК, а не штаб округа смог использовать авторитет Петроградского Совета для легитимации своих действий.

Можно сделать вывод, что Совещание при главнокомандующем ПВО имело большое значение во взаимоотношениях штаба округа и Петроградского Совета. Система двоевластия была жизнеспособна, пока обе стороны шли на взаимные уступки и были открыты к диалогу. Несмотря на то, что проект поручика А.И. Козьмина, подразумевавший непосредственное представительство от воинских частей, не был реализован, члены Военного отдела Петроградского Совета стояли на позициях сотрудничества с командованием округа. Вместе им удалось добиться эффективной работы. В период подготовки Июньского наступления на фронте отправка маршевых рот происходила в нормальном режиме, за исключением тех полков, где сильным было влияние большевиков и их союзников. Делегаты Петроградского Совета следили за тем, чтобы за боевыми приказами не скрывалось политического подтекста, попыток ослабить революционные силы в столице. Открытое обсуждение приказов главнокомандующего давало возможность даже для проведения непопулярных мер, если они не противоречили курсу советских организаций.

Поворот «вправо» в деятельности главнокомандующего ПВО после Июльских событий являлся частью общей дискуссии о том, насколько нужны в армии выборные организации. В военной среде шли разговоры о разлагающем значении Петроградского Совета и солдатских комитетов. По мнению многих, необходимо было вернуть единоначалие и беспрекословное подчинение приказам. Логичным завершением этого курса стала попытка установления военной диктатуры генералом Л.Г. Корниловым. Очевидно, что такой заговор стал возможен, потому что штаб ПВО отказывался отчитываться за свои действия перед Совещанием. К октябрю 1917 г. взаимное недоверие между командованием ПВО и Петроградским Советом достигло своего предела, что вылилось в прямой конфликт между ними по вопросу об очередном приказе о выводе войск из Петрограда. Хрупкая система двоевластия распалась, когда стороны перестали стремиться к достижению положительного для них обоих результата.

Само по себе Совещание при главнокомандующем ПВО имело потенциал для нормализации внутренней жизни Петроградского гарнизона и отправки пополнений для фронта. Оно являлось частью системы сдержек и противовесов, без которых невозможно нормальное функционирование власти. Однако в политических обстоятельствах развивающегося революционного кризиса вопрос о выводе войск из столицы приобрел особое значение в борьбе за власть. При этом даже когда дело уже шло к открытому

противостоянию, возможность для компромисса не была исчерпана. В октябре 1917 г. сами стороны уже не были готовы для диалога.

Петров А.И.

Думские и советские представители на I съезде военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта (7 – 17 апреля 1917 г., Минск)

С 7 по 17 апреля 1917 года в Минске проходил I съезд военных и рабочих депутатов армии и тыла Западной армии. Как и многие другие события в политической истории России после Февральской революции, он не остался в стороне от участия в нем деятелей Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Министры Временного правительства, видные члены Госдумы и Петросовета приглашались на открытие различных съездов, на которых становились почетными председателями и гостями. Несомненно, что подобные приглашения являлись не просто символическим актом, но еще и одним из способов заручиться поддержкой со стороны этих органов, продемонстрировать приверженность взглядам их руководства.

Заметим, что I фронтовой съезд практически не получил освещения в историографии¹. Известно, что и М.В. Родзянко¹, и Н.С. Чхеидзе² присут-

¹ Так, в «Истории Гражданской войны» Фронтовой съезд указан только в разделе «Даты важнейших событий» (История Гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции / Сост. Товстуха И.П. и др. М., 1935. С. 338). Вероятно, это можно объяснить стремлением авторов издания сосредоточиться только на тех моментах, которые были непосредственно связаны с историей партии большевиков. Добавим, что в статьях В.И. Ленина, которые часто становились методологическим ориентиром для советских историков, сам съезд упоминался. В частности, лидер большевиков задавал вопрос в «Правде» 13 апреля 1917 г. о том, что скажут вожди Петроградского Совета о заявлении П.Н. Милюкова по вопросу внешней политики государства: «Куда девался тот отказ “Временного правительства от аннексий”, которого “все-таки” добились от последнего Ю. Стеклова и Н. Чхеидзе? Никакого двоевластия в России не существует. Совет рабочих депутатов только осуществляет благожелательный контроль над Временным правительством. Так говорил, если верить газетным отчетам, Н.С. Чхеидзе на военном съезде в Минске» (Ленин В.И. Война и Временное правительство // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 31. С. 212 – 213). В историографии тема Фронтового съезда также поднимается в контексте обсуждения на нем проблемы дезертирства и принятия «Положения о солдатских организациях» (Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Смольянинов М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск, 2007; Попов А.В. Дезертирство как проявление разложения

ствовали в Минске, а также выступали с докладами и речами. Информация об участии в работах съезда других думских и советских деятелей содержится в энциклопедических статьях³.

В июне 1917 года в Петрограде вышла брошюра, в которой опубликованы выступления представителей Петросовета на съезде⁴. По воспоминаниям И.Г. Церетели, «стенографические отчеты <...> докладов и следовавших за ними вопросов и ответов были, по постановлению съезда, изданы отдельной брошюрой и получили широкое распространение на фронте»⁵. Стоит указать, что это лишь одна из двух брошюр с речами Н.С. Чхеидзе вышедших в печати и это лишь добавляет интерес к данной теме, позволяя ответить на вопрос – почему именно Фронтовой съезд попытались сделать объектом распространения в публицистике летом 1917 года? Немаловажно указать, что председатель Петросовета незадолго до съезда потерял сына⁶. Фронтовой съезд, готовившийся к проведению в Минске, был не первым политическим событием в постфевральской России – в марте там же прошел Белорусский национальный съезд⁷, а также город посетил военный министр А.И. Гучков⁸.

русской армии на Западном фронте в феврале – октябре 1917 года // Псковский военно-исторический вестник. 2017. № 3. С. 152 – 158.)

¹ М.В. Родзянко выехал на съезд из Петрограда 6 апреля 1917 г. (Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы 1 – 10 апреля 1917 года: хроника заседаний // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6 – 7 декабря 2018 г. Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 183).

² Ильяшук Г.И., Миллер В.И. Чхеидзе Николай (Карло) Семенович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 354.

³ См., напр.: Николаев А.Б. Масленников Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 361; Анохина Е.А., Канищев Н.И., Николаев А.Б. Родичев Федор Измайлович // Там же. С. 527.

⁴ Речи председателя Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе и товарищей его М.И. Скобелева и И.Г. Церетели, произнесенные на Съезде солдатских и рабочих депутатов Западного фронта в городе Минске 8 апреля 1917 года. Пг., 1917. (далее – Речи.)

⁵ Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С. 13.

⁶ Отметим, что в Тифлисе к моменту поездки Н.С. Чхеидзе на Фронтовой съезд в Минск, должно было состояться погребение сына председателя Петросовета (Прибытие тела сына Н.С. Чхеидзе // Рабочая газета. 1917. 6 апреля.)

⁷ Файзрахманов А.Ш. Вопросы федеративного устройства России в решениях национальных съездов в 1917 г. // Вестник ТГУ. 2010. № 7. С. 256.

⁸ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914 – 1917 / Пер. с англ. М.Г. Барышникова. М., 2007. С. 338.

В воспоминаниях современников и участников событий дается высокая оценка съезду. Так, И.Г. Церетели писал, что «это было первое непосредственное соприкосновение официального советского представительства с фронтом»¹. Примерно также вспоминал Н.Н. Суханов, указывая что «Исполнительный Комитет командировал в Минск своих официальных лидеров»². В самих же протоколах Исполнительного комитета Петросовета записано, что информация о съезде была объявлена депутатом Ногиным 1 апреля, а 5 апреля Исполком должен был обсудить отношение к Фронтному съезду³.

В некоторых воспоминаниях нашло отражение соперничество Совета с ВКГД и Временным правительством. В частности, Н.Н. Суханов утверждал, что речи представителей Государственной думы, несмотря на овации, были последними неудачными попытками «публичного состязания с советскими людьми перед лицом солдатских масс»⁴. И.Г. Церетели писал, что «Родзянко и его коллеги были встречены съездом довольно холодно», т.к. «демократические инстинкты масс отталкивали их [представителей ВКГД – А.П.] от крайностей справа и слева»⁵. В свою очередь, командующий Западным фронтом В.И. Гурко указывал, что в подготовительном к съезду комитете образовалось левое течение, пригласившее лидеров Петроградского Совета и правое течение, выступавшее за приезд членов Государственной думы М.В. Родзянко, Ф.И. Родичева, В.А. Маклакова и А.М. Масленникова⁶. О приглашении командующим вышеуказанных представителей ВКГД также подтверждал Ф.И. Родичев⁷.

Наиболее подробные сведения о Фронтном съезде содержатся в минских периодических изданиях. Это, прежде всего «Вестник Минского губернского комиссара» и «Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза». В них публиковались как стенограммы заседаний съезда, так и отклики на него. Отдельные моменты перепечатывались петроградскими газетами.

«Известия Петроградского Совета» сообщали, что «7 апреля в Минске открылся съезд офицерских, солдатских и рабочих делегатов фронта»,

¹ Церетели. Кризис власти. С. 7 – 8.

² Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3-х т. М., 1991. Т. 2. Кн. 3 – 4. С. 32 – 33.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. СПб., 1995. Т. 2. С. 13, 35.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. С. 33.

⁵ Церетели И.Г. Кризис власти. С. 13.

⁶ Гурко В.И. Война и революция в России. С. 342.

⁷ Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. МА, 1982. С. 117.

а для заседаний съезда отведен городской театр¹. Газеты и население приветствовали съезд, «ожидая от него, как новой зари, бодрых слов армии о войне»². В другой заметке отмечалось, что «на съезд прибыли из Петрограда некоторые министры и члены Комитета Гос[ударственной] думы. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов делегировал на съезд <...> Гвоздева, Кудрявцева, Скобелева, Федорова, Чхеидзе и Церетели. На съезд прибыло около 1200 депутатов»³. Известно, что думские делегаты ехали в Минск отдельно от советских, о чем сообщал в своих воспоминаниях Ф.И. Родичев⁴.

Стоит заметить, что на протяжении всего посещения думскими и советскими депутатами Фронтного съезда, информация в правительственной прессе ограничилась лишь заявлениями о выезде депутатов на него⁵ и об открытии самого мероприятия без подробных отчетов⁶. Заметим, что «Вестник Временного правительства» опубликовал телеграмму-приглашение М.В. Родзянко посетить съезд⁷. Вместе с тем неизвестно получал ли подобную телеграмму председатель Петроградского Совета Н.С. Чхеидзе, поскольку «Известия» ограничились лишь констатацией факта посещения лидером меньшевиков Фронтного съезда.

«Вестник Минского губернского комиссара» сообщал, что думские делегаты (Родзянко, Родичев и Масленников – А.П.) прибыли «вчера [7 апреля – А.П.] с 5-ти часовым поездом». На перроне их встретил главнокомандующий армиями западного фронта генерал В.И. Гурко, чины штаба фронта, минский губернский комиссар Б.Н. Самойленко, городской комиссар С.Б. Хржонстовский и уполномоченный Земского союза В.В.

¹ Телеграммы // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 апреля.

² Там же.

³ Фронтной съезд // Там же. 9 апреля.

⁴ Родичев Ф.И. Указ. соч. С. 117.

⁵ Съезд представителей армии западного фронта / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 7 апреля.

⁶ Съезд офицерских, солдатских и рабочих депутатов / По России // Там же. 8 апреля.

⁷ Съезд представителей армии западного фронта / Хроника // Там же. 7 апреля. В частности, указывалось: «Съезд был бы счастлив видеть, слышать и приветствовать одного из этих сильных духом и волей лиц и в его лице передать с фронта в столицу свой привет, свою клятву в неизменной поддержке, свое горячее пожелание полного успеха в ответственных условиях переживаемого момента. К вам, председателю Государственной думы, первому гражданину земли русской обращаются, прежде всего, наши взоры и вместе с вами к тем народным избранникам, чей голос как Маклакова и Родичева много лет подряд гремел грозным набатом по всей стране с высокой трибуны Государственной думы».

Вырубов¹. При этом к зданию театра, где проходил съезд, представители Думы добрались не ранее 9 часов вечера, когда началось уже вечернее заседание, тогда как сам съезд открылся, как писали газеты около 3 часов дня. Отмечалось что «ряд блестящих речей затянулся за полночь». Сначала с небольшим приветствием выступил М.В. Родзянко, затем длинную речь сказал Ф.И. Родичев, после него главнокомандующий В.И. Гурко, а завершилось заседание речью члена Государственной думы А.М. Масленникова и приветствиями представителей Англии и Франции².

Следует остановиться на анализе речей думских и советских депутатов. В частности, М.В. Родзянко в своем выступлении сделал акцент на приобретенную народом свободу, налагающую великие обязанности. Председателем Думы были использованы выражения «Отечество в опасности» и «Нам нужна победа», поддержанные овациями солдат и офицеров³. В свою очередь, выступление Ф.И. Родичева было в несколько раз больше речи М.В. Родзянко. Он также указал на приобретенные права и свободы народа и напоминал собравшимся как началась война. Родичев говорил о предательстве старой царской власти, в результате которого часть территории страны оказалась оккупированной. Вследствие этого, война теперь становилась войной «всех свободных народов против всех угнетателей»⁴. Большое внимание было уделено Ф.И. Родичевым необходимости финансового обеспечения Временного правительства и готовности народа пойти ради этого на жертвы⁵. Сам политик вспоминал свое выступление спустя много лет критически, якобы чувствуя тогда «какое-то сопротивление аудитории», на которое «как раньше Родзянко, кричат “ура” <...> больше по привычке и из вежливости»⁶.

Главнокомандующий В.И. Гурко в своем выступлении сделал акцент на единении офицеров и солдат и недопустимости в армии выборного начала⁷. По первому пункту также говорил Масленников, однако газеты не остановились подробно на его речи.

Пресса сообщала, что при открытии съезда (т.е. до приезда думской делегации – А.П.) было заявлено о «принятии им лозунгов Петроградского

¹ Газета отмечала, что ожидался также приезд Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского (Добро пожаловать // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 8 апреля). Отметим, что оба деятеля не были на съезде.

² Открытие Фронтového съезда // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 9 апреля.

³ Речь Родзянко / Фронтовой съезд // Там же. 8 апреля.

⁴ Речь Родичева / Фронтовой съезд // Там же.

⁵ Речь Родичева (окончание) / Фронтовой съезд // Там же. 9 апреля.

⁶ Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 118.

⁷ Фронтовой съезд // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 9 апреля

Совета рабочих и солдатских депутатов»¹. Съезд был открыт председателем Минского Совета рабочих и солдатских депутатов Позерном.

В воскресенье 8 апреля начался второй день съезда. Как сообщала газета, «восторженно встречены члены Государственной думы Скобелев, Чхеидзе и Церетели»². В прессе отмечалось, что «депутатов из вагона поезда вынесли на руках, на вокзале их приветствовали многочисленные делегации». «Депутатский автомобиль забрасывают цветами. Медленно следует через город среди бурных оваций вереница автомобилей. Впереди автомобиль энергичного и вездесущего и.о. начальника милиции А.С. Еремина. Со второго автомобиля платформы несется “Марсельеза”, исполняемая военным оркестром. На третьем автомобиле члены Государственной думы, далее делегация. В театре горячо и бурно приветствует прибывших на фронтовой съезд. Из театра Скобелева, Чхеидзе и Церетели выносят в креслах на улицу к толпе. Снова овации. Депутаты произносят речи»³.

Газеты отмечали, что советская делегация прибыла на съезд к концу дневного заседания, когда на последнем обсуждался порядок заседания. Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели и М.И. Скобелев были восторженно встречены участниками съезда. Последний единогласно избрал Н.С. Чхеидзе и И.Г. Церетели своими почетными председателями⁴.

Н.С. Чхеидзе приветствовал съезд от лица Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оратор остановился на прежнем дореволюционном периоде жизни в России указывая, что страна «была во власти тирана», а «все ее существование была сплошная трагедия». Лидер меньшевиков подчеркивал роль солдат в произошедшей революции и необходимости единения фронта с тылом для победы демократии над «своими врагами»⁵. После Н.С. Чхеидзе к собравшимся обратился И.Г. Церетели, а

¹ Фронтовой съезд // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 апреля.

² Фронтовой съезд. 8 апреля // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 9 апреля.

³ Там же.

⁴ Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта (второй день съезда) // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 13 апреля; Из Минска // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 апреля.

⁵ Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта (второй день съезда) // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 13 апреля.

затем М.И. Скобелев. После речи последнего дневное заседание съезда закончилось¹.

И.Г. Церетели в своих воспоминаниях указывал на посещение советской делегацией военного госпиталя. Скорее всего, это было ближе к началу вечера 8 апреля. Мемуарист писал, что «раненые, узнав о приезде делегации Петроградского Совета, просили дать им возможность повидать ее», а особый интерес вызывал председатель Петросовета Н.С. Чхеидзе. «Когда он наклонялся над койками, воспаленные глаза раненых с доверием и надеждой смотрели на него. Чхеидзе, глубоко тронутый, говорил с ними с волнением, обещая, что обновленная родина не забудет своего долга перед ними. Обычно несловоохотливый и сдержанный в выражении своих чувств, он весь преобразился и сумел найти слова ободрения, шедшие прямо к сердцу раненых, которые слушали его с просветленными лицами»².

8 апреля на вечернем заседании фронтового съезда, как указывали «Известия», выступали с речами К.А. Гвоздев, М.И. Скобелев и И.Г. Церетели, тогда как Н.С. Чхеидзе давал ответы на вопросы³. К.А. Гвоздев рассказал о событиях революции в Петрограде⁴; М.И. Скобелев – о выяснении вопроса о взаимоотношениях между солдатами и офицерами⁵; И.Г. Церетели дал ответы на вопросы об отношении русской демократии к войне и миру⁶; Н.С. Чхеидзе остановился на характеристике взаимоотношений между Временным правительством и Петроградским Советом⁷. Газеты сообщали, что после Н.С. Чхеидзе слово вновь взял М.И. Скобелев, подробно охарактеризовавший те условия, при которых возник Приказ № 1, и затронул еврейский вопрос. Далее Н.С. Чхеидзе призывал «к единению офицеров и солдат как граждан вооруженного народа, стоящего на страже интересов революции»⁸.

Именно речи, озвученные советскими депутатами вечером 8 апреля на Фронтовом съезде, были позднее напечатаны в соответствующей бро-

¹ Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта (второй день съезда) // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 13 апреля.

² Церетели И.Г. Кризис власти. С. 14.

³ Из Минска // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 апреля.

⁴ Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 14 апреля.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 14 и 15 апреля.

⁷ Там же. 15 апреля.

⁸ Там же.

шюре в июне 1917 года в Петрограде. В своей речи Н.С. Чхеидзе указывал что рабочие выполнили свой долг перед армией, несмотря на то что кровью трудящихся «торговали прислужники старого режима»¹. Лидер меньшевиков назвал демагогией слова о двоевластии², указав что Временное правительство получает всю необходимую поддержку со стороны Совета³. При этом председатель Петросовета указал что орган рабочих и солдат вмешается в дела правительства только если последний попытается вывести Петроградский гарнизон, посчитав, что тот сыграл свою роль⁴. При этом, говоря о Займе свободы, Н.С. Чхеидзе поддержал последний, но напомнил об усилении контроля над государственными средствами⁵.

Второй день съезда, как отмечал «Вестник комитета Западного фронта», завершился следующим: «Один полковник, участник съезда, взволнованный подошел к Чхеидзе и прерывающимся голосом заявил ему: «Вы, Николай Семенович, человек кристальной чистоты, я Вас глубоко уважаю». Голос полковника пресекся от волнения. Растроганный Чхеидзе обнял и поцеловал полковника. Собеседование представителей Петроградского Совета рабочих депутатов с участниками съезда затянулось далеко за полночь и носило чрезвычайно теплый и дружественный характер»⁶.

9 апреля начался третий день съезда, на котором выступали представители воинских частей. Обращает на себя внимание следующая заметка, опубликованная в «Вестник комитета Западного фронта». В ней сообщалось, что «в одном полку ротный командир настойчиво рекомендовал солдатам послать телеграмму Родичеву, а не Чхеидзе», и что высший командный состав распространял слухи о злоупотреблениях «народными деньгами» Петроградским советом⁷. В час дня дневное заседание завершилось.

¹ Речи. С. 27.

² Это заявление Н.С. Чхеидзе подтверждает вывод А.Б. Николаева, который пишет, что необходимо «отказаться от существующей концепции “двоевластия”, признав, что в результате Февральской революции сложилась единая власть, состоявшая из трех элементов – Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Николаев А.Б. Политическая система в России в марте – октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Leiden, Boston, 2019. Vol. 12. P. 145 – 146).

³ Речи. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта // *Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза*. 1917. 15 апреля.

⁷ Там же. 18 апреля.

Как отмечали газеты, после этого прошло чествование участников фронтового съезда и представителей Государственной думы¹. С речами выступили, в том числе представители Петроградского Совета. В другой заметке указывалось, что в час дня члены Государственной думы Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев и И.Г. Церетели выехали в Петроград, а вечером Минск покинули М.В. Родзянко, А.М. Масленников и Ф.И. Родичев². На вокзале их провожали представители военных и общественных организаций, а «в беседе с провожающими депутаты поделились бодрыми впечатлениями от фронтового съезда на результаты работы, которого депутаты возлагают большие надежды»³.

Чествование «петроградских гостей» было отражено в воспоминаниях В.И. Гурко который отмечал что возглавлял колонну вместе с М.В. Родзянко и председателем съезда⁴. Гурко заметил, что «вожди Петроградского Совета <...> приехали на митинг с достаточным опозданием», в результате чего «к моменту их появления настроение собрания очень сильно изменилось; патриотические чувства народа почти угасли, когда некоторые люди в толпе завели провокационные разговоры о необходимости борьбы различных классов»⁵. Вместе с тем командующий отмечал об умеренных взглядах, высказанных ему Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели и М.И. Скобелевым, которые навели его перед своим отъездом⁶.

Отметим сторонние мнения о заключительных днях пребывания в Минске депутатов. В частности, в «Вестнике комитета Западного фронта» опубликована заметка А. Хмарина, в которой указывалось о теплом приеме ораторов из Петрограда в особенности председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁷. Такое избирательное упоминание имен выступав-

¹ В Минске 9 апреля // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 11 апреля. «К часу дня на площади Свободы (б. Соборная площадь) прибыли <...> Главнокомандующий Гурко со штабом, председатель Государственной думы М.В. Родзянко, члены Государственной думы <...> Родичев, Бадаев, Масленников, Белановский, а затем участники съезда». В другой газете сообщалось, что «участие приняли председатель Государственной думы Родзянко, главнокомандующий Гурко и другие видные общественные деятели» (Съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 18 апреля).

² Отъезд представителей Государственной думы / Из Минской жизни // Вестник Минского губернского комиссара. 1917. 11 апреля.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 343 – 344.

⁵ Там же. С. 344.

⁶ Там же. С. 344.

⁷ Праздник Минска // Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. 13 апреля.

ших деятелей может свидетельствовать о воспринимавшемся для окружающих более высоком статусе председателя ВКГД.

10 апреля, как вспоминал И.Г. Церетели, советская делегация вернулась в Петроград¹, а Фронтовой съезд, как сообщали газеты, разбился на секции². «Вестник Временного правительства» писал, что М.В. Родзянко вернулся в столицу 11 апреля³.

Подводя итоги, следует остановиться на оценках съезда советскими деятелями. Н.Н. Суханов писал, что «съезд представлял собой наглядную картину перевода армии на “точку зрения” Совета» завершившейся полной победой и даже неожиданной для И.Г. Церетели, рассказавшего о поездке мемуаристу⁴. Отчасти такое поведение сам И.Г. Церетели объяснял в воспоминаниях⁵. Вместе с тем последний все же не высказывался так однозначно как Н.Н. Суханов о проявлении двоевластия между Советом и Временным правительством. В частности, на заседании Контактной комиссии 11 апреля, как вспоминал И.Г. Церетели, «[Н.В.] Некрасов и [М.И.] Терещенко расспрашивали нас о впечатлениях от минского съезда, и казалось, когда кн. [Г.Е.] Львов открыл заседание, что между нами и правительством царит полная гармония»⁶.

Таким образом, можно утверждать, что участие Петросовета и ВКГД в открытии съезда было как внешне, так и изнутри проявлением сотрудничества между двумя органами власти. Наиболее емко это проявилось в вопросе о необходимости продолжения войны до победного конца. Советские деятели не выступали за распространения выборного начала в дей-

¹ Церетели И.Г. Кризис власти. С. 14.

² Телеграммы // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 апреля.

³ Возвращение М.В. Родзянко / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. С. 33 – 34.

⁵ «Возвращаясь в Петроград, мы делились впечатлениями от этой поездки. Каждый из нас сознавал, что на съезде фронтовых делегатов мы видели преимущественно лицевую сторону солдатской психологии. Готовность следовать директивам органов революционной демократии должна была встретить огромные трудности при своем претворении в жизнь в среде утомленной долгой войной армии. Но тот факт, что при всех симптомах анархии и утомления солдатские массы в этот первый период революции обнаруживали явную тенденцию идти за теми, кто звал их к исполнению долга под руководством новых демократических организаций, тот факт, что пораженчество и максималистская демагогия встречали со стороны огромного большинства стихийный отпор, внушал нам надежду, что в созданных революцией организациях сформируются кадры, которые утвердят демократию, дав ей нужную устойчивость в предстоящих бурях» (Церетели И.Г. Кризис власти. С. 14).

⁶ Там же. С. 15.

ствующей армии, подчеркивая, что Приказ № 1 был предназначен только для Петроградского гарнизона. Вместе с тем важно заметить, что, с одной стороны, съезд упоминался только советскими деятелями. Что касается членов думской делегации, то за исключением Ф.И. Родичева, никто из них не оставил воспоминаний о съезде в Минске. С другой стороны, как показывает анализ прессы, освещавшей съезд, в ряде газет старались подчеркнуть думский статус Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели, М.И. Скобелева и других представителей Петросовета из числа депутатов Государственной думы. При этом мероприятия, связанные с прибытием лидера меньшевиков в Минск, посещение им госпиталя, выступления на съезде и восприятие его окружающими, говорят о популярности председателя Петросовета, которая может и уступала официальным лицам Временного правительства и ВКГД, но не была низкой. Об этом, в частности, свидетельствует избрание членов Петросовета почетными председателями съезда (чего не удостоился никто из делегатов думских и правительственных кругов), так и незначительное обсуждение на нем критических выпадов против столичных деятелей органа рабочих и солдат. Данные моменты ставят под сомнение господствующее в историографии суждение о «двоевластии» в постфевральской политической системе России.

Шведова В.В.

Милиционеры Василеостровского района против солдатских преступлений в сентябре – октябре 1917 года

Петроградская городская милиция была создана во время Февральской революции и заменила собой царскую полицию, разгромленную восставшим народом как стихийно, так и по приказу Военной комиссии Временного комитета Государственной думы¹. Основными задачами милиции являлись поддержание общественного порядка и борьба с преступностью. Заметим, в статье речь пойдет о действиях милиционеров, вопрос же о мерах наказания выходит за рамки данного исследования. Добавим, что милиция Василеостровского района была сформирована 1 марта 1917 года².

В отечественной историографии некоторое внимание уделяется солдатским преступлениям в Петрограде в 1917 году. Единственная специальная статья посвящена преследованию солдат в марте – июле 1917 год

¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2-х т. СПб., 2017. Т. 1. С. 174.

² Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 173.

временными судами Петрограда. Вместе с тем в ней присутствует и сведения о деятельности милиционеров, т.к. именно они и задерживали солдат за совершение тех или иных правонарушений и, составив протокол, направляли их во временные суды¹. Упоминания о солдатских преступлениях встречаются в обобщающих трудах, посвященных борьбе с преступностью в Петрограде. Вопрос о дезертирстве и солдатских грабежах в 1917 году затрагивает в своей монографии В.И. Мусаев. Однако криминальная ситуация в Василеостровском районе им не рассматривается². О солдатских правонарушениях пишет Д.Ю. Ерещенко³, но о Василеостровском районе встречается только три упоминания, одно из которых относится, в том числе и к периоду сентябрь – октябрь 1917 г. Ерещенко также обращает внимание на работу коменданта Васильевского острова по борьбе с преступностью, отмечая, что авторитет коменданта «для районных милиционеров был гораздо выше, чем их прямого начальства»⁴.

Для раскрытия темы исследования использовались суточные рапорты подрайонных комиссариатов Василеостровской милиции. Они дают представление о солдатских преступлениях, а именно – о характере правонарушений, по каким причинам милиционеры производили задержания, из какого полка были солдаты и привлекались ли они к ответственности.

Часто производились задержания солдат, если те оказывались без документов. Так, 1 сентября в 3 подрайоне милиционеры задержали с просроченными документами солдата 1 пехотного запасного полка И. Иванова⁵. В суточном рапорте 2 подрайона говорится о двух солдатах, задержанных без удостоверяющих документов – 171 пехотного запасного полка К.Я. Ефимов и 125 пехотного запасного полка А.Б. (фамилию разобрать не удалось)⁶. 2 сентября в том же подрайоне был задержан Василий Егоров, «не имеющий документов о воинской повинности»⁷. 5 октября в 3 подрайоне был задержан солдат 3 пехотного запасного полка Федоров, не имевший при себе документов⁸.

¹ Николаев А.Б. Солдаты перед временными судами (Петроград, 1917) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 11 марта 2009 г. Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 65 – 79.

² Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 27 – 29, 43.

³ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003. С. 114 – 115, 120, 128, 136 – 137.

⁴ Там же. С. 156 – 157.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 21. Л. 513.

⁸ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 76.

Известны случаи, когда солдаты присваивали себе чужую форму. 19 сентября, например, в суточном рапорте 2 комиссариата сообщалось о задержании неизвестного за ношение чужой солдатской формы¹. 27 сентября комиссариат милиции 3 Василеостровского подрайона составил протокол на солдата I артиллерийской бригады Н. (фамилия написана неразборчиво – В.Ш.) «за ношение не принадлежащей одежды»².

Естественно, встречались и солдаты-дезертиры. Д.Ю. Ерещенко указывает, что каждый день с марта по октябрь 1917 г. к коменданту Васильевского острова приводили как минимум трех дезертиров³. 15 сентября при обходе милиционеры задержали солдата-дезертира из 179 пехотного запасного полка А.Н. Токрина⁴, который оказался крестьянином Новгородской губернии, призванный на службу в мае 1915 г. и назначенный в 179 пехотный запасной полк в 3 роту. Выяснилось, что солдат вот уже как два месяца дезертировал из части⁵. 19 сентября в 4 комиссариате был составлен протокол на солдата-дезертира 179 пехотного запасного полка А. Мельникова за пьянство и буйство⁶. Милиционеры Голодаевского подрайона задержали по той же причине, что и Мельникова, солдата 293 Ижевского полка К.Н. Селезнева, который, как выяснилось, находился в Петрограде на лечении в 242 лазарете⁷. 27 сентября в Гаванском подрайоне во время обхода милиционерами были задержаны солдаты-дезертиры 279 пехотного полка А. Карманов и 70 пехотного полка П. Ярцев⁸.

12 сентября в 3 подрайоне был задержан солдат 3 роты 90 пешей Вологодской дружины Василий Лодкин⁹ (в отчете коменданта В.О. значится как Латкин¹⁰). В чем обвинялся солдат, установить не удалось. По неизвестной причине 13 сентября милиционерами 1 Василеостровского подрайона был задержан солдат Иван Пахомов и препровожден в комиссариат с документами и вещественными доказательствами¹¹.

В 4 Василеостровском подрайоне 14 сентября был составлен протокол об обнаружении трупа в солдатской форме. При нем нашли «72 облигации

¹ Там же. Л. 27 об.

² Там же. Л. 46.

³ Ерещенко Д.Ю. Указ. соч. С. 156.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

⁵ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 21. Л. 541.

⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 37 об.

⁹ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 21. Л. 525.

¹⁰ Там же. Л. 528.

¹¹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 12. Л. 86.

займа и увольнительную записку на имя младшего ун. оф. 9 роты»¹ Александра Кравченко. Труп был доставлен в покойницу больницы Марии Магдалины, который позднее опознала Е. Иванова и признала в умершем своего мужа А. Иванова. Как позже выяснилось, А. Иванов утонул две недели назад. Протокол был направлен судебному врачу.

Пьяные солдаты попадались милиционерам регулярно. В связи с этим укажем, что с 10 июля 1915 года воспрещалось на улице появляться в нетрезвом виде, наказанием был штраф от двадцати пяти до пятидесяти рублей или арест до двух недель. 13 мая 1917 года Временное правительство ужесточило наказание – штраф до 300 рублей или арест до трех месяцев, или же заключение в тюрьму от двух месяцев до полутора лет².

13 сентября в 3 Василеостровском подрайоне задержали за драку солдата 289 пехотного запасного полка А. Герасимова, а также за пьянство солдата 740 пехотного полка А. Сузанова и солдата 172 пехотного запасного полка П.Г. Половцева³. 10 сентября во 2 Василеостровском подрайоне задержали солдата М.Д. Киселева за нетрезвый вид и препроводили к коменданту Василеостровского района⁴. 14 сентября в суточном рапорте комиссара 3 подрайона было записано о задержании в нетрезвом виде солдата 3 кавалерийского запасного полка А. Дмитриева⁵. В этот же день в Голодаевском подрайоне задержали за пьянство и буйство солдат 5 запасной дивизии А.А. Павлова и Н. Антонова, а также солдата 9 запасного кавалерийского полка Ф. Мельникова с поддельными документами⁶.

15 сентября во 2 подрайоне задержали за нетрезвый вид солдата полевого госпиталя В. Гредюшко⁷. Позже Гредюшко был препровожден к коменданту Василеостровского района с войсковым билетом № 3736⁸, а уже 19 сентября был отправлен во 2-й подрайонный Административный судебный отдел⁹. Наказание неизвестно. В Гаванском подрайоне милиционеры задержали за пьянство и буйство матроса 2 Балтийского флотского экипажа А. Турбанова.

17 сентября милиция 3 Василеостровского подрайона задержала в нетрезвом виде и без документов солдата Гренадерского полка, который

¹ Там же. Д. 10. Л. 17.

² Николаев А.Б. Солдаты перед временными судами (Петроград, 1917). С. 69.

³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 21. Л. 523.

⁵ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 12. Л. 91.

⁹ Там же. Л. 96.

назвался рядовым Иваном Рязановым¹. 21 сентября в 3 подрайоне за пьянство и буйство задержали солдата Финляндского полка А.Н. Зимарина². 24 сентября милиционеры Гаванского подрайона задержали солдата 5 роты 3-го железнодорожного рабочего батальона Михаила Перепелова и солдата 481-го пехотного Мещовского полка Василия Мартемьянова за пьянство «на улице, непристойное поведение»³ и буйство.

25 сентября в суточном рапорте 2 комиссариата говорилось о задержании в нетрезвом виде солдата 180 пехотного запасного полка П.А. Чернышева⁴. 27 сентября во в том же подрайоне задержали пьяного солдата 171 пехотного запасного полка А. Зорина, не имевшего при себе документов⁵.

Пьяные солдаты могли вести себя буйно, иногда дело доходило до драк. Например, 2 октября делопроизводитель Голодаевского подрайона Г. Кунько во время обхода со старшим милиционером Н. Васильевым встретили толпу пьяных солдат, из которых большая часть являлась дезертирами. Делопроизводитель Кунько, подойдя, попросил солдат разойтись, но в ответ услышал «ругань и брань»⁶. Тогда Кунько дал свисток и когда раздались свистки других милиционеров, бежавших на помощь, пьяные солдаты «бросились бежать». Один из солдат ударил кинжалом в плечо делопроизводителя, тот в свою очередь вытащил револьвер и направил на нападающего. Толпа в тридцать человек набросилась на Кунько, начала его избивать, крича: «Бей буржуя!», «Убить его!», «Бей его, чтобы он больше нас не арестовывал!»⁷. Милиционеры бездействовали. Кунько пытался скрыться в комиссариате, по дороге получая новые ранения. Один из солдат схватил камень и «пробил голову» делопроизводителю. Не доходя до комиссариата, в одном из переулков толпа скрылась. Многие нападавшие милиционерам были известны. На месте удалось задержать только одного – солдата 88 Сибирского стрелкового полка 9 роты И.К. Кустарева. Кунько был доставлен извозчиком в больницу Св. Марии Магдалины, где ему оказали помощь. 3 октября в 10 часов утра были задержаны П. Чернышев (Железноводская ул. д. 22, кв. 12), А.И. Иванов (Железноводская ул. д. 20, кв. 11), П. Андреев, который нанес кинжалом удар в плечо. Все задержанные были отправлены во второй подрайон рабочей милиции в

¹ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 21. Л. 545.

² Там же. Л. 553.

³ Там же. Л. 576.

⁴ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 37 об.

⁵ Там же. Л. 50.

⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2 об.

юридический отдел¹. Добавим, Кунько выздоровел и уже к 14 октября приступил к своим должностным обязанностям².

6 октября милицией был задержан в пьяном виде солдат 171 пехотного запасного полка В. Рябухин, а также солдаты 72 пехотного полка Ф. Афанасьев, 315 Глуховского полка Н. Рутко и Преображенского полка М. Воронов за побои из-за отказа выдать им хлеб³. 9 октября в суточном рапорте 3 Василеостровского подрайона сообщалось о задержании в нетрезвом виде солдата партизанского отряда Петроградского военного округа М. Иванова⁴. В комиссариате милиции 5 подрайона был составлен протокол на солдата 88 полка Вологодской дружины А. Хомячкова⁵ за буйство и пьянство. 11 октября милиционеры 1 Василеостровского подрайона задержали за пьянство матроса 2 Балтийского флотского экипажа Ф.Л. Гусягина⁶.

12 октября во 2 подрайоне задержали в нетрезвом виде солдата разведывательной части 2-го Кронштадтского крепостного пехотного полка К. Киноворенко, электрика 1-й Радиотелеграфной роты Н. Демидова и фельдшера 10 Особого пехотного полка М.А. Баранова⁷. А в Гаванском и Голодаевском подрайонах за буйство и пьянство были задержаны солдаты 172 пехотного запасного полка П. Никитин и Петроградского резервного полка Е. Аввакумов⁸, и солдат 4 роты 85 Выборгского полка И.С. Шушин⁹.

17 октября в 3 Василеостровском подрайоне задержали в пьяном виде солдата 4 резервного стрелкового полка В. Смирнова¹⁰. 18 октября за буйство и пьянство солдат 88 полка Вологодской дружины М. (фамилия написана неразборчиво – В.Ш.) и В. Михайловского, а также солдата 90 пешего полка Вологодской дружины. 21 октября милиционеры 2 Василеостровского подрайона за пьянство задержали солдата 3 гвардейского Стрелкового полка И. Гусев¹¹.

25 октября в «6 вечера с угла 5 линии и Малого проспекта были доставлены» в состоянии алкогольного опьянения солдат 171 пехотного запасного полка В.П. Рябулин и солдат 539 Боровского пехотного полка

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 92.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 100.

⁷ Там же. Л. 104.

⁸ Там же. Л. 112.

⁹ Там же. Л. 120.

¹⁰ Там же. Л. 124.

¹¹ Там же. Л. 145.

П.П. Гусев¹. Солдаты были препровождены к военному коменданту Василеостровского района.

Необходимо отметить, что помимо массовых задержаний солдат «за пьянство и буйство», попадались необычные преступления, с которыми милиционерам приходилось сталкиваться. Например, 4 октября 1917 года из ресторана «Пятерка» (В.О., 5-я линия, д. № 44) во 2 Василеостровский комиссариат был доставлен Гришников, обвинявшийся в том, что стрелял в помещении и ранил неизвестного солдата. В отсутствие наряда милиции посетители заведения учинили над стрелявшим самосуд. Впоследствии Гришников был отправлен в больницу Марии Магдалины². Судьба раненого солдата осталась неизвестна, Гришников же должен был понести наказание.

Известен еще один случай стрельбы на улице. Так, 30 сентября в 3 Василеостровском подрайоне задержали минно-машинного старшину подводной лодки «Тур» В. Виноградова за то, что тот стрелял на улице, а также солдата А.И. Фимины за пьянство³.

Солдат ловили на кражах и спекуляциях продуктами. Так, 17 сентября в Гаванском подрайоне был задержан за кражу солдат полевой тяжелой артиллерийской батареи Алексей Грундеев. При себе он имел увольнительную записку⁴. Грундеев был отправлен к военному коменданту. 20 сентября в 3 подрайоне «по обвинению в спекуляции с сахаром в количестве около 3-х фунтов»⁵ был задержан и доставлен в комиссариат солдат 4-й роты Финляндского полка Семен Волков. 15 октября – солдата 171 пехотного запасного полка Н. Иванова⁶ за совершение кражи. В 1 подрайоне за то же самое преступление солдата 468 пехотного запасного полка П.М. Павлова⁷. 17 октября в 3 подрайоне солдат 541 пехотного полка Лаврентьев был задержан за кражу в Голодаевском подрайоне⁸. 22 октября в Гаванском подрайоне был задержан уличенный в краже солдат 180 пехотного запасного полка Т. Коханов.

Солдаты совершали также и квартирные кражи. 25 сентября в 3 подрайоне милиционерами был задержан по подозрению во взломе квартиры (15 линия В.О., д. № 46, кв. 20) солдат I батареи 118 Сибирского

¹ Там же. Д. 49. Л. 39 об.

² Там же. Д. 10. Л. 70 об.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Там же. Ф. 4537. Оп. 1. Д. 12. Л. 93.

⁵ Там же. Л. 97.

⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 10. Л. 116.

⁷ Там же. Л. 120

⁸ Там же. Л. 129.

стрелкового полка Е.А. Павлов¹. Какие были приняты меры в отношении Павлова – неизвестно. 10 октября в 3 подрайоне милиционеры задержали солдата 3 пехотного запасного полка Н. Корнилова за попытку квартирной кражи (15 линия В.О., д. № 47, кв. 27)². Дело было предано в Уголовную милицию. В комиссариате Голодаевского подрайона было составлено заявление П. Смирновой о краже в ее квартире солдатом 3 отделения бронированного автомобильного дивизиона Н. Степановым «разных вещей на сумму 1050 р.»³. Неизвестно, было ли дело отправлено в суд.

Подводя итог, следует сказать, что после Февральской революции дисциплина в армии упала. Это видно по суточным рапортам подрайонных комиссариатов и донесениям военного коменданта. Например, с сентября по октябрь в общей сложности было задержано 60 солдат. Из них в нетрезвом состоянии больше половины (35 случаев). Самыми «пьющими» полками оказались 171 пехотный запасной полк (7 случаев задержания), 179 и 180 пехотные запасные полки (по три случая задержания на каждый). Всего было выявлено пять дезертиров, которых после задержания препроводили к военному коменданту Василеостровского района. Дезертиры были из уже упомянутого 179 пехотного запасного полка, 70, 279 и 293 пехотных запасных полков. Нужно добавить, что карманные кражи или взломы квартир в суточных рапортах Василеостровской милиции встречаются не часто.

Таким образом, можно утверждать, что основной процент солдатских преступлений – это появление на публике в пьяном виде и нарушение тишины, а также дезертирство. Донесения, как коменданта, так и комиссаров за два месяца дают возможность оценить работу милиции Василеостровского района по борьбе с преступностью и выявить полки с низкой дисциплиной.

Бажанов Д.А.

Комитетское собрание (отделение) при штабе командующего флотом Балтийского моря и его роль в изменении управления флотом (март – апрель 1917 г.)

Вопрос о процессе создания органов революционного управления на Балтийском флоте в период революционных событий 1917 г. был затронут впервые в первой половине 1920-х гг. участниками событий, чьи работы,

¹ Там же. Л. 37 об.

² Там же. Л. 96.

³ Там же. Л. 102.

несмотря на их мемуарный характер, претендовали на выведение определенных тенденций и потому повлияли на исследования более поздних этапов. Были намечены два уровня революционной власти: судовые комитеты и Центральный комитет Балтийского флота. Представители командного состава оценивали комитеты как негативное явление. Обычно их критиковали с позиции подрыва принципа единоначалия и провоцирования недоверия к офицерскому составу, а в перспективе – разложения военного организма¹. По-иному оценивали комитеты представители нижних чинов: рядовых и унтер-офицеров. Для них в новых органах власти воплощался принцип нового управления, основанный на демократическом выборе. Тем самым, комитеты становились «школой новой жизни», воплощением справедливости революции². В то же время в этих работах был сформулирован основной подход к восприятию комитетов всех уровней: они революционны в силу выборности, а также в силу инициирования их появления «снизу». Подобная трактовка с 1930-х гг. касалась как деятельности комитетов³, так и деятельности центральных учреждений⁴, оставшись характерной до наших дней⁵.

Определенное новаторство принадлежит А.М. Блинову. Он впервые в своей статье, посвященной истории ЦКБФ, указал на попытку повлиять на этот процесс со стороны командования через «комитетское отделение»⁶. Эти выводы не мог полностью проигнорировать С.С. Хесин, который, однако, сосредоточился на традиционной версии, стараясь преуменьшить значение деятельности командования. В частности, он указывал на «за-

¹ Граф Г.К. На «Новике». (2-е изд.) СПб., 1996. С. 310 – 311; Петров М.[А.] Балтийский флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917 – 1922. Пг., 1922. С. 25 – 26.

² Штарев А.С. История революционного движения во флоте за 1917 г. // РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 154; Зингер М.Э. 1917 год в Балтийском флоте // Там же. Д. 153; Си-лин Г.И. Первый революционный штаб Балтфлота // Красный Балтийский флот. 1918 – 1923. Пг., 1923. С. 20.

³ Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

⁴ Дрезен А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. № 3. С. 43 – 104; его же. [Вступительная статья] // Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Л., 1932. С. III – XIII; Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. М., 1963; Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; Соколов В.А. Институт военных комиссаров Балтийского флота в 1917 – 1918 гг.: Дис. ... к. ист. н. М., 1983.

⁵ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917 – 1921. М., 2011; его же. Балтийский флот в революции. 1917 – 1918 гг. М., 2017.

⁶ Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28 – 42.

тею» создать на правах «морской секции» некий «комитет Балтийского флота», однако отмечал отсутствие «поддержки на флоте»¹.

Из новых работ обратим внимание на статью С.А. Королева, который рассматривал в своей статье аспекты создания ЦКБФ². При этом, идя вслед за А.М. Блиновым, он лишь упомянул о существовании специального отделения в штабе флота, имевшего отношение к вопросу о правах и полномочиях Центробалта. В то же время им не был реализован потенциал источников, что сохранило вопрос о планах и масштабах деятельности нового командования Балтийским флотом в этом направлении мало рассмотренным.

Другим направлением современных работ стали поиски связей военных и политических институтов³, попыток командования сочетать традиционные и революционные методы и институты управления армией⁴.

¹ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 97.

² Королев С.А. Создание Центробалта: перипетии и обстоятельства (апрель – май 1917 г.) // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории: Сб. научных и учебно-методических трудов / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. С. 153 – 159.

³ См., напр.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в войсках (февраль – март 1917 г.) // Проблемы войны и мира и современные гуманитарные науки: Сб. ст. участников заседания междисциплинарного семинара молодых ученых и преподавателей гуманитарных наук Санкт-Петербурга в 1995 году. СПб., 1995. С. 59 – 63; его же. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 г.) // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 72 – 83; его же. Отдел сношений с войсками и населением Временного комитета Государственной думы: создание, состав и основные направления деятельности (1917 г.) // Таврические чтения 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. СПб., 2009. С. 246 – 280; его же. Из истории Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Государство, общество, личность в истории России (XVIII – XX вв.). Сб. науч. тр. к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измолика / Под ред. С.Н. Полторака, И.А. Тропова. СПб., 2018. С. 99 – 106; Гавроева Е.С. М.В. Родзянко и Временное правительство: вопрос о комиссарах Временного комитета Государственной думы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 178. С. 29 – 34.

⁴ См., напр.: Солнцева С.А. Комиссары в армии революционной России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 83 – 99; Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012; Тарасов К.А. Роль общеполковых собраний и митингов в борьбе за власть в Петроградском гарнизоне в марте – июле 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. Вып. 4. С. 182 – 188; его же. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). СПб., 2017; его же. Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917 – 1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного коллоквиума. СПб. 2017. С. 207 – 221; Исламов Д.Р. Институт военных комиссаров Временного правительства // Архонт. 2018. № 4 (7). С. 70 – 77.

Предлагаемая статья ставит своей целью более глубокое раскрытие этого вопроса.

Начало революционных событий привело к значительным изменениям в управлении Балтийским флотом. Важнейшую роль сыграла гибель днем 4 марта командующего, вице-адмирала А.И. Непенина. Вечером того же дня приказом № 3 военного и морского министра Временного правительства А.И. Гучкова на должность был назначен начальник Минной обороны Балтийского моря вице-адмирал А.С. Максимов¹. Тем самым, было юридически закреплено положение, сложившееся днем в Гельсингфорсе, когда представители ряда команд выступали именно за такой вариант смены командования. Произошли перемены и в составе штаба флота. 10 марта свою должность покинул начальник штаба контр-адмирал Н.М. Григоров, его обязанности принял на себя капитан I ранга князь М.Б. Черкасский. Флаг-капитаном по оперативной части стал И.И. Ренгартен, а его помощником – капитан II ранга Л.В. Сахаров². В то же время сведений о структурных изменениях вплоть до 28 апреля, когда из его состава было выделено военно-сухопутное управление, до настоящего времени обнаружено не было. Однако историк А.М. Блинов в своей статье, посвященной Центральному комитету Балтийского флота, впервые отметил, что процесс его создания был связан с возникновением так называемого «комитетского отделения», возникшего «в первой половине марта»³. Полагаем, что это противоречие решается при учете двух обстоятельств. Во-первых, в первом своем упоминании на заседании Исполнительного комитета Гельсингфорского Совета 9 марта это учреждение было названо председателем Н. Хильяни (Хильяненем) в докладе «комиссией об организации судовых команд», что указывало на ее временный и внеструктурный в системе органов управления флотом характер. А во-вторых, он отметил, на что обратил внимание и А.М. Блинов, что комиссия образована при штабе, а не в составе самого штаба⁴. Благодаря этому мы можем уточнить, что комиссия появилась до 9 марта и не позиционировалась как организационная часть штаба командующего Балтийским флотом.

На заседании ИК Совета стоял вопрос об избрании туда своих представителей. Это позволяет также сделать вывод, что командование флотом предполагало опереться в регламентировании жизни личного состава на наиболее близкий и авторитетный орган революционной власти. В целом

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 135.

² Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105. Л. 14.

³ Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. №. 11. С. 30.

⁴ Протокол № 6 Исполнительного комитета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее – Известия). 1917. 16 марта; Блинов А.М. Указ. соч. С. 30.

можно отметить, что вписывались в складывавшуюся практику взаимодействия вице-адмирала А.С. Максимова с новой властью. Исполнительный комитет постановил избрать трех депутатов в комиссию. В ее состав вошли депутаты П.С. Сутырин, машинный унтер-офицер II статьи с линкора «Слава», П.И. Шишко, телеграфист с миноносца «Достойный» и Н. Тимофеев, машинный унтер-офицер I статьи с линкора «Гангут»¹.

Однако комиссия не сразу начала свою работу. Об этом свидетельствует тот факт, что только спустя три дня после первого упоминания о ней, т.е. 12 марта, на заседании Исполкома Гельсингфорсского Совета было рассмотрено ее отношение № 1. Содержание его остается невыясненным, т.к. члены Исполкома ограничились решением «принять к сведению и руководству и ходатайствовать перед командующим флотом – издать соответствующий приказ»². В то же время обращает на себя внимание изменение названия комиссии. В протоколе заседания Исполнительного комитета она впервые названа «комитетским отделением штаба». Вряд ли это было ошибкой или неточностью Совета, т.к., судя по его делопроизводству, там старались точно воспроизводить шапки поступавших документов. Скорее, это свидетельствует о произошедшем изменении статуса комиссии, включенной в структуру штаба. Инициировать такое решение, с нашей точки зрения, мог только А.С. Максимов. Когда это могло произойти, на каком основании, утверждать на сегодняшний день мы не можем, т.к. до сих пор не обнаружен соответствующий приказ или распоряжение. Возможно, что оно, как полагал А.М. Блинов, объяснялось желанием командующего усилить влияние на нее³. В то же время нельзя исключать и стремления повысить ее статус.

13 марта состав отделения был вторично изменен. Исполком рассмотрел вопрос о довыборах еще двух своих представителей. При этом отмечалось, что количественно представители штаба и Совета, тем самым, уравнивались. Это позволяет уточнить численность комитетского отделения и определить его в 10 чел. Вопрос обсуждался на вечернем заседании исполкома, длившемся с 23 ч. 10 мин. до 23 ч. 40 мин., и был рассмотрен весьма быстро. Было принято решение предоставить Н. Тимофееву право выбрать по своему усмотрению 2 депутатов с правом совещательного голоса⁴. Кем они были, установить однозначно не удалось.

¹ Там же.

² Протокол № 8 Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 21 марта.

³ Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. №. 11. С. 30.

⁴ Протокол № 10 Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 22 марта.

К 15 марта комитетское отделение смогло выполнить основную возложенную на него задачу – разработать проекты организации судовых комитетов и, что представляет особый интерес, центрального Флотского комитета при штабе командующего. Тем самым, отделение фактически выполняло на Балтике ту же роль, которую должна была сыграть на уровне министерства создававшаяся в этот период комиссия Н.В. Савича¹.

15 марта Исполком Гельсингфорского Совета приступил к рассмотрению проектов, разработанных комитетским отделением. Их представил член комитетского отделения капитан II ранга Л.П. Муравьев. Однако Исполком не взял на себя смелость принять какое-либо постановление. Решено было «передать его на рассмотрение в комиссию личного состава Исполкома, пригласить туда членов комитетского отделения, представителей Або, Ревеля, Кронштадта и Петрограда, параллельно с этим отпечатать проект устава в достаточном количестве экземпляров для пробного ознакомления членов Исполнительного комитета»².

Спустя еще три дня, вечером 18 марта, «Проект временного положения об организации выборных комитетов» повторно обсуждался на заседании исполкома. Докладчиком выступил председатель комиссии личного состава прапорщик А. Шамие. Нужно признать, что комиссия рассмотрела проект весьма оперативно, т.к. 16 марта члены Совета участвовали в мероприятиях, посвященных приезду в Гельсингфорс министра юстиции А.Ф. Керенского, а 17 марта – в церемонии похорон «жертв революции»³. Выступление А. Шамие сопровождалось и постатейным редактированием «Проекта», благодаря чему можно установить, что он состоял из 5 глав, насчитывавших не менее 96 параграфов. Несмотря на перерыв, связанный с прибытием на заседание британского военно-морского атташе Д. Гринфильда, ИК в тот же день завершил обсуждение, постановив передать одобренный вариант на общее собрание Гельсингфорского Совета⁴.

19 марта п. 1 повестки заседания был поставлен доклад представителя комитетского отделения «о правах, обязанностях и взаимоотношениях выборных комитетов и командующего состава (временное положение)». По итогам прений собрание постановило «проект временного положения

¹ См. о ее задачах, напр.: Черновик письма помощника морского министра [М.А. Кедрова] [Маньковскому Н.С., Канину В.А.] // РГАВМФ. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 37 – 38.

² Протокол № 11 Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 23 марта.

³ См. подробн.: Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 274 – 277.

⁴ Протокол № 12 Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 23 марта.

временно принять, отпечатать и распространить его между членами собрания. Если окажется нужным внести какие-либо изменения и поправки, то заслушать таковые в общем собрании»¹. Тем самым именно комитетское отделение штаба флота закладывало первоначальную правовую базу создававшихся на главной базе флота органов революционного самоуправления.

Однако ситуация представляется сложнее. Дело в том, что проект отделения не был единственным. Параллельно с ним разрабатывался, первоначально в масштабах наиболее активной и авторитетной в революционные дни 2-й бригады линейных кораблей, еще один вариант комитетского устава. Это произошло на втором заседании Соединенного комитета бригады, состоявшемся 14 марта. Можно предположить, что их деятельность имела некоторую перекличку. Это связано с тем обстоятельством, что в состав комитетского отделения штаба и Соединенного комитета входил П.С. Сутырин. Судя по протоколу заседания комитета от 11 марта, именно он был в составе комиссии, занимавшейся разработкой комитетского устава². Деятельность Соединенного комитета была известной и на других кораблях. Так, 16 марта на втором заседании делегатов штабного корабля «Кречет» было предложено «приветствовать Соединенный комитет 2 бригады линейных кораблей, выразить готовность идти навстречу их благим пожеланиям и полную солидарность по всем пунктам заседания 14 марта»³. 18 марта было принято приветствие от экипажей линкора бригады «Цесаревич» и крейсера «Адмирал Макаров», зимовавших на позициях у островов Моонзундского архипелага⁴.

Однако этим дело не ограничилось. Спустя несколько дней началась реорганизация комитетов. Так, 21 марта на общем собрании команд довыборы офицеров в комитет были произведены на линкоре «Гражданине» и крейсере «Адмирал Макаров», 25 марта – на крейсерах «Россия» и «Диана»⁵. В первой половине апреля соответствующие перевыборы производились на кораблях в Ревеле: 8 апреля – на минном заградителе «Волга», 15-го – на крейсере «Баян»⁶. Что стало образцом для досрочных перевыборов остается невыясненным, т.к. текст «Проекта» штаба флота не выявлен. Отметим, что в Ревеле созданный 5 марта координирующий морской орган власти – Местный флотский комитет (МФК) – приказом № 3 от 8 марта

¹ Протокол № 7 общего собрания депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Там же. 24 марта.

² РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

³ Там же. Д. 108. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 106. Л. 12.

⁵ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 149. Л. 2 об; Ф. 555. Оп. 1. Д. 273. Л. 39.

⁶ Там же. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 78. Л. 14; Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

определил свой порядок выборов в комитеты¹. При этом, судя по отметке в протоколе судового комитета «Волги», причиной для перевыборов стали коррективы в их принципе, внесенные МФК, но на основании чего – также неизвестно.

Еще меньше сведений, чем о проекте функционирования судовых комитетов, известно о том, что представляли из себя разработки по Флотскому комитету при штабе. Однако именно эта идея привела к закату деятельности всего комитетского отделения. 5 апреля вице-адмирал А.С. Максимов приказом № 88 распорядился создать комиссию под председательством начальника Минной обороны капитана I ранга А.П. Зеленого для «согласования временного положения и взаимоотношений выборных комитетов и командного состава». В нее должны были выбираться по 1 офицеру и 2 матроса от каждого соединения флота. Штаб должен был представлять помощник флаг-капитана по распорядительной части капитан II ранга Д.Р. Карпов. Начать работу комиссии предполагалось 10 апреля². По мнению А.М. Блинова, именно эта комиссия должна была «несколько подправить ранее составленный проект положения о выборных организациях и подготовить создание комитета Балтийского флота как совещательного органа при штабе»³. Однако на какие источники опирался исследователь, он не сообщил.

Несколько более понятны мотивы командующего флотом, по сути вернувшегося к решению Гельсингфорского Совета 19 марта, которое утверждало «Проект» комитетского отделения. С одной стороны, 30 марта приказом № 51 верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексева вводилось в действие «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота»⁴. Оно, в свою очередь, требовало изменений в уже принятый проект. С другой – А.С. Максимов полагая, что согласие местного Совета уже достигнуто, желал заручиться поддержкой других баз в этом вопросе. В то же время остается неясным, почему в этих условиях не было привлечено к работе комитетское отделение. Полагаем, что объяснить это можно только тем, что создаваемая «комиссия Зеленого» и должна была выполнить роль Флотского комитета при штабе. Одна-

¹ Там же. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 7. Л. 16; См. подробн.: Козлова Е.А. Местный флотский комитет Ревеля в системе революционной власти (март – июнь 1917 г.) // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории: Сб. научных и учебно-методических трудов / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. С. 174 – 175.

² РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

³ Блинов А.М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. №. С. 30.

⁴ См. подробн.: Смольянинов М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск, 2007. С. 30 – 36; Базанов С.Н. Великая война: Как погибала русская армия. М., 2014. С. 11.

ко использовался ли при этом «Проект» или «Временное положение» 30 марта утверждать однозначно нельзя. Более вероятным представляется первый вариант, т.к. количество офицеров и нижних чинов должно было соотноситься как 1:2, а во «Временном положении» устанавливалась квота 1:3 – 1:6, в зависимости от уровня комитета.

Однако революционные органы власти выступили против. Так, делегаты от Местного флотского комитета Ревеля, прибывшие к указанному сроку, выступили на заседании Исполкома Гельсингфорсского Совета, заявляя, что «ввиду того, что в Ревеле уже есть особые правила, выработанные комитетом, последний постановил: представителей в комиссию не посылать, а отправить делегатов для выяснения»¹. Были вызваны представители штаба и предполагаемой комиссии, однако они прибыть не смогли, и исполком заслушал «письменные объяснения» ее председателя капитана I ранга А.П. Зеленого.

Возможно, личное отсутствие представителей командования стало поворотным моментом, т.к. «по окончании прений» собрание вынесло резолюцию, признававшую «в принципе желательность и необходимость создания Комитета Балтийского флота», но указывавшую на недопустимость распоряжений командующего, т.к. это «посягает на дорогие нашему сердцу демократические принципы». Это является дополнительным аргументом в пользу версии, что «комиссия Зеленого» воспринималась как прообраз центрального флотского комитета. На том же заседании была избрана организационная комиссия под председательством унтер-офицера миноносца № 212 П.Д. Чудакова, приступившая к подготовительной работе по созыву Центрального комитета Балтийского флота. В нее вошел и член комитетского отделения Н. Тимофеев².

Таким образом, командование Балтийским флотом предприняло в марте – начале апреля 1917 г. попытку совместить традиционную систему управления кораблями и соединениями и возникающие революционные органы – комитеты.

Для решения этой задачи при штабе флота не позднее 9 марта была создана комиссия. Впоследствии ее включили в структуру штаба в качестве отделения. Для придания авторитета в ее состав кроме штабных офицеров вошло не менее пяти представителей нижних чинов, делегированных наиболее авторитетным органом революционной власти – Гельсингфорским Советом.

¹ Протокол № 23 Исполнительного комитета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 20 апреля; РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

² РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 16. Л. 21; Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 64. Л. 88.

В короткие сроки комитетское отделение подготовило и представило проект, регламентировавший выборы и полномочия флотских комитетов, а также общифлотской выборной структуры при командующем флотом. После обсуждений в Совете «Проект» был одобрен Исполнительным комитетом, а затем, 19 марта, и общим собранием. Параллельно был принят и еще один проект устава – Соединенным комитетом 2-й бригады линейных кораблей, претендовавшим на распространение своего влияния на всю базу. С конца марта на отдельных кораблях начались пере выборы комитетов. Однако на основании чего – установить пока не представляется возможным из-за отсутствия текста документа, подготовленного в штабе и одобренного Советом 19 марта. Тем не менее, полагаем, что деятельность комитетского отделения оказывала влияние и на решения Соединенного комитета, т.к. один из его членов, П.С. Сутырин, принимал участие в разработке комитетского устава в обеих структурах. Тем самым, роль решений отделения оказывается значительно шире, чем предполагали историки.

В начале апреля командованием была предпринята попытка реализовать вторую часть «Проекта» комитетского отделения, созвав «комиссию Зеленого». По нашему мнению, она должна была сыграть центрального выборного учреждения при штабе. Ее главной задачей должен был стать пересмотр положения о судовых комитетах для приведения его в соответствие с приказом М.В. Алексеева от 30 марта. Однако А.С. Максимов недооценил возросшую степень самостоятельности как депутатов Гельсингфорского Совета, так и представителей Местного флотского комитета Ревеля, решавших судьбу комитетов в своей базе. В результате приказ командующего оказался невыполненным, а решением ИК Гельсингфорского Совета при участии представителей Ревеля была создана организационная комиссия по разработке положения о центральном флотском органе власти, но уже независимом от командующего. Реализация планов, разрабатывавшихся комитетским отделением, оказалась отныне в других руках.

Козлова Е.А.

Роль Местного флотского комитета Ревеля в поддержании порядка на судах и в частях крепости Императора Петра Великого (март – октябрь 1917 г.)

Моряки Балтийского флота в 1917 году не обделены вниманием научным историческим сообществом. Первые работы начинают выходить

вслед за событиями 1917 года¹. При этом внимание исследователей было сосредоточено на Гельсингфорсе и Кронштадте. В данных работах ведущая роль в организации и поддержании порядка в военно-морских подразделениях Балтийского флота отводилась Советам, также особое внимание уделялось классовой борьбе². В современной историографии принципы организации быта военных моряков пересмотрены. Главным образом сюда можно отнести работы Д.А. Бажанова³. Пересмотрена и деятельность Советов в Гельсингфорсе⁴ и Кронштадте⁵. Однако Ревель остается вне поле зрения исследователей.

Местный флотский комитет г. Ревеля – выборный представительский орган от команд кораблей и частей флота, базировавшихся в столице Эстляндии. Основной функцией Местного флотского комитета должно было стать проведение организационных мероприятий по упорядочению службы на флоте. Он же пытался организовать бытовые, культурные стороны жизни.

Перед МФК стояли довольно традиционные вопросы. Первоочередной задачей первых мартовских дней стало восстановление порядка несения службы и организация судовых и ротных комитетов. Первые приказы, изданные МФК с 7 по 9 марта, регламентировали жизнь военных моряков Ревеля. Первый приказ от 7 марта непосредственно

¹ Петров М.А. Балтийский флот в октябре 1917 г. // Пять лет Красного флота. 1917 – 1922. Пг., 1922. Дрезен А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 г. // Красная летопись 1929. № 3. С. 43 – 104; его же. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Там же. № 5. С. 157 – 202.

² Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946; Богданов А.В. Моряки-балтийцы в 1917 г. М., 1955; Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966; Столяренко М.А. Сыны партии – балтийцы. М., 1969; Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. М., 1972; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971; его же. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977.

³ Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007; его же. Судовые комитеты как институт власти весной-осенью 1917 года (на материале 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота) // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 6-2. С. 300 – 308; его же. Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2017. С. 156 – 166.

⁴ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петрозаводск, 1992.

⁵ Гордеев П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007.

ознаменовал создание комитета. Приказ № 2 ввел форму удостоверения для всех флотских частей города Ревеля¹.

Третий приказ от 8 марта координировал последующее создание судовых и ротных комитетов. Согласно приказу, в ведение судовых и ротных комитетов входит обсуждение всех «недоразумений и недоумений» возникших в среде команд, наказание за проступки. Им вменялось выработать «распорядок жизни на кораблях и разных береговых частях применительно к местным частным условиям»². Детально описывалась процедура выборов в судовые и ротные комитеты. Подчеркивалось, что они должны были происходить «на основании всеобщего, прямого и тайного голосования»³. Однако отмечалось, что способ выборов может быть изменен по желанию производящих выборы. Минимальное количество выборных должно было составлять 4 от матросов и один депутат от офицеров, при этом для выборов офицеров устанавливался особый порядок. Команда сама выдвигала несколько кандидатов от офицеров, из числа которых офицеры выбирали своего представителя⁴.

Приказ № 4, опубликованный 9 марта, в большинстве своем повторял резолюцию от 3 марта, выработанную на Общем собрании делегатов флота, правда, несколько переработанную и дополненную примечаниями⁵. Особое внимание уделялось увольнению команд на берег, передаче организации кормления в руки экипажа⁶. Первые четыре приказа МФК были отпечатаны в типографии.

Следующим острым вопросом стало увольнение «нежелательных членов» команд. Для этого вслед за первыми приказами было выпущено воззвание, призывавшее не выносить решения об увольнении «нежелательных членов (как офицеров, так и матросов)» до той поры, пока не будут выработаны способы проведения подобных процедур. Личному составу также напоминали, что вопросы комплектации был решен на Общем собрании флотских депутатов под председательством члена Государственной думы И.Т. Евсеева (кадет⁷)⁸. Постановили оставить эту

¹ РГА ВМФ. Ф.Р-1716. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

² Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 21

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 25, 26.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Николаев А.Б. Евсеев Илья Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 182.

⁸ См. о деятельности И.Т. Евсеева в Ревеле: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): Персональный состав // Из

прерогативу исключительно за командующим флотом¹. До этого момента все дела по этому вопросу должны были направляться в МФК².

21 марта Общее собрание флотских депутатов постановило, что лица, отбывавшие наказания в тюрьмах при старом режиме или отправленные на фронт, принимались в свои части с возвращением званий, прав и преимуществ, с согласия судовых и ротных комитетов, остальные направлялись в «Петроградский резерв»³. Пытаясь решить проблему списанных воинских чинов и их скопление при Главном и Морском генеральном штабах, Собрание совместно с Местным флотским комитетом направило морскому министру А.И. Гучкову предложение, подписанное А.А. Коптеловым. Предполагалось действовать следующим образом: образовать резерв для списанных, установить причины списания, учредить комиссию для разбора степени виновности списанного. При этом при разборе дела должен был присутствовать делегат той части, которая приняла такое решение⁴. МФК объяснял заинтересованность этим вопросом тем, что «находит недопустимым скопление при учреждении, где разрабатывается новые нормы жизни флота, лиц списанных <...> их присутствие в Главном и Генеральном морском штабе подрывает в команде доверие к работе, которая должна положить начало и основу порядка в обновленном флоте»⁵. Данная телеграмма была напечатана в газете «Свободное слово солдата и матроса»⁶.

Конечно, распоряжения МФК о запрете самовольного списания с кораблей не всегда выполнялись. Например, 24 марта судовой комитет крейсера «Баян» отправил боцмана Ивана Андриевского в Ревельскую милицию, «как не заслуживающего доверия, как участника подавления восстания 1905 года»⁷. С крейсера «Богатырь» был списан унтер-офицер Сахарцев⁸. 7 апреля МФК отменил постановление судового комитета «Памяти Азова» о разжаловании унтер-офицера⁹. Однако, уже на заседании 12 апреля МФК вновь возвратился к вопросу о самовольном

глубины времен. Альманах. СПб., 1995. № 5. С. 59; его же. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 г.) // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 73.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

² Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 242.

³ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

⁴ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 237.

⁵ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

⁶ Телеграмма морскому министру // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 23 апреля.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 30.

разжаловании на том же корабле, на этот раз уже старшего боцмана Кононенко. МФК постановил «выразить команде “Память Азова” порицание и предvarить, что при повторении подобных случаев, Собрание делегатов должно будет выработать особые энергичные меры и послать на “Память Азова” 6 делегатов для освещения этого вопроса»¹.

Общее собрание флотских депутатов вместе с Местным флотским комитетом регулировали быт крепости. Они разрабатывали инструкции и положения, по которым жил личный состав крепости Императора Петра Великого. Именно МФК разрабатывал вопрос о летней организации².

30 марта Местным флотским комитетом было разработана инструкция для несения караульной службы. Согласно выработанной инструкции воинский чин, назначенный в караул, должен был помнить, что его «небрежность и невнимательность» может привести к убыткам, что он ответственен перед Родиной и народом³. Назначенные в караул не должны «бросать куда попало свое оружие». Караульным запрещалось спать, курить на посту, отлучаться за едой, они должны были беспрекословно исполнять приказы караульного начальника и разводящего, не выпускать оружие из рук. За несоблюдение инструкции и «небрежности исполняемых обязанностей» следовал дисциплинарный суд. До его образования все дела отправлялись в МФК, «который разберет это дело и осудит провинившегося, как человека игнорировавшего благо Родины и народа»⁴.

Однако данная инструкция выполнялась не в полной мере, о чем рабочие при складе мин Уайтхеда жаловались 21 апреля в Местный флотский комитет, указывая не «небрежность» несения караульной службы⁵. Судовым и ротным комитетам предписывалось строго следить за этим. Караульные, нарушившие инструкцию, по предписанию МФК должны были строго наказываться вплоть до придания суду⁶. На кораблях также случались случаи несоблюдения, как старого караульного устава, так и вновь выработанной инструкции. 31 марта на крейсере «Богатырь» разбирался случай нарушения караульного устава. Матрос Паль «будучи в карауле <...> сидел на своем посту», что после не отрицал, был лишен берега на неделю⁷.

Вопрос о непристойном поведении воинских чинов на улице поднимался уже 4 апреля на заседании МФК. Для урегулирования

¹ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 24 об.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

ситуации в городе милиции было разрешено задерживать всех воинских чинов «без боязни». В воззвании от 4 апреля «каждому гражданину матросу вменялось в обязанность следить за товарищами матросами, поведение которых недостойно матросской семьи, вид которых вызывает сомнение в принадлежности их к нашему составу»¹.

Беспорядки устраивались матросами не только на улицах города, а также на кораблях. В протоколах судового комитета крейсера «Богатырь» за 30 марта разбиралось дело о беспорядках 28 марта совершенных в нетрезвом виде унтер-офицером Тарабаниным и пятью кочегарами². Главным виновником был назван унтер-офицер, что выяснилось после дознания. Именно Тарабанин виновен «в нарушении порядка и тишины в пьяном виде, производил оскорбления нескольким лицам», «остальные же члены этой группы виновны только в том, что упились допьяна на корабле денатуратом»³. Кочегаров лишили берега на две недели и высказали порицание перед командой. Дело унтер-офицера передали в МФК, до вынесения постановления приставили дневального, оставив под арестом⁴. 6 апреля на крейсер «Богатырь» в пьяном виде вернулся матрос Бойцов. По решению комитета Бойцов был оставлен без берега на месяц с исполнением служебных обязанностей в боевом взводе и 8 нарядов вне очереди через день⁵.

Местный флотский комитет, обращаясь к комитету крейсера «Рюрик» 25 июля, сообщал, что в 9 час. вечера был приведен матрос с этого корабля Трофимов. Трофимов был «в пьяном виде, совершенно растрепанном костюме и позволял себе на улице и в Комитете при громадном стечении публики выпускать такие словечки, что приходилось краснеть даже товарищам по судну», которое и привели его в комитет⁶. МФК призывал судовой комитет крейсера «принять самые строгие меры к таким и подобным мерам отщепенцам рода человеческого, чтобы они не коптели неба» и не позволяли себе «позорить судно»⁷.

Однако случаи пьянства были зафиксированы и среди командного состава, при этом стоит заметить, что обнаружено только одно разбирательство по этому поводу. Оно относится к сентябрю, так в ночь с 29 на 30 сентября офицеры крейсера «Рюрик» были замечены в пьянстве, из-за чего было организовано разбирательство в следственной комиссии

¹ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

² Там же. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 2. Л. 174.

⁷ Там же. 174 об.

Комитета¹.

Местный флотский комитет 18 мая ввиду того, что участились случаи появления в городе пьяных воинских чинов, «против которых милиция бессильна»², просил принять начальника I-й бригады крейсеров принять меры к их задержанию, назначив для этого ежедневный обход. Уже с 20 мая вооруженные патрули в количестве 40 чел. с крейсера в сопровождении офицера стали поступать в распоряжение начальника ревельской городской милиции³. Первым стал экипаж «Рюрика», в комитет которого МФК подготовил соответствующее обращение⁴.

8 июня на Общее собрание делегатов флота подтвердило решение МФК. Было решено назначать патрули, состоящие из флотских команд. Однако их права были расширены. Общее собрание «поручило существующей уже комиссии [МФК – Е.К.] выработать условия существования патрулей, а также указать необходимость патрулей для проверки документов уезжающих и приезжающих на пароходах и ледоколах из Гельсингфорса и обратно»⁵.

Поддержание дисциплины контролировалось и высшим командным составом. 9 июля, после ликвидации беспорядков и создания нового правительства, в Ревель пришла копия телеграммы А.Ф. Керенского с приказом «при всяких попытках неисполнения приказов командующего состава, касающихся боевой подготовки войск и распоряжений, виновные как отдельные чины, так и войсковые части должны немедленно проводиться к повиновению, не стесняясь применения оружия»⁶. Настоящее распоряжение должно было быть объявлено по всем частям и приводиться в исполнение «без малейших колебаний, помня, что проявление слабости ведет в настоящий момент к гибели России и революции»⁷.

На поведение личного состава вновь обратили внимание 17 августа, когда МФК выпустил соответствующее постановление⁸. Для регулирования ситуации при МФК была создана специальная комиссия для переписки и решения дел, связанных с пьянством и дебоширством. Эти меры были направлены на пресечения беспорядков в городе, как среди

¹ Там же. Д. 3. Л. 39.

² Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1. Л. 172.

³ Там же. Л. 173.

⁴ Там же. Ф. Р-1481. Оп.1 Д. 7. Л. 31.

⁵ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

⁶ Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 136. Л. 34.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 130, 132.

военного, так и среди гражданского населения¹.

Для наблюдения за порядком в городе вводились обходы из 6 чел. Каждому члену обхода выделялся заряженный револьвер, значок и удостоверение от МФК. В выходные и праздничные дни дежурство проходило с 4 час. вечера до 4 час. утра в 3 смены по четыре часа. В будни с 7 час. вечера до часу ночи в 2 смены по 3 часа. Город был разделен на девять участков. Каждый участок закреплен за определенной командой. Две команды оставались в запасе, они должны были выйти в обход по первому требованию МФК².

Постановление регламентировало и наказание за пьянство среди личного состава. Так за первое появление в нетрезвом виде, виновный оказывался лишенным берега на неделю и назначался на три дня внеочередных работ по 4 часа, за второе – две недели без берега и неделя работ, за третье – три недели без берега и две недели работ. На четвертый раз сведенья препровождались в МФК.

Информацию об обходах судовые комитеты должны были передавать в МФК. Члены МФК оставила за собой контролирующую функцию. Задержанные лица должны были отправляться в ближайший участок милиции. Экипажи должны были следить за продажей спиртных напитков, контрабандой и продажей казенных вещей. Лиц замеченных за продажей спиртных напитков и контрабанды направляли в милицию для составления протокола. Кого находили торгующими казенными вещами, направляли в судовой комитет. Также все, кто знал о местах торговли спиртными напитками, должны были об этом сообщить в МФК³.

Однако говорить об эффективности данных мер в полной мере не представляется возможным, т.к. 20 сентября на общем собрании делегатов флота и судовых и ротных комитетов заслушан доклад МФК «об участившихся случаях упущений по службе, уличный безобразий, пьянства и торговли на рынках» было решено «употребить комитетам все средства наказания на обуздание таких бессознательных и вредных для революции элементов»⁴.

Местный флотский комитет также собирал списки сведения о лицах, не явившихся в свои части из отпусков. Эти сведения должны были направлять судовые и ротные комитеты. За март месяц списки опоздавших были собраны с крейсера «Баян» с опозданием вернулось трое,

¹ Там же. ЛЛ. 130 об., 132.

² Там же. Л. 130.

³ Там же. Л. 132.

⁴ Там же. ЛЛ. 171, 171 об.

возвращались в среднем на 10 дней позже положенного срока¹. В частности, такие сведения собирались в мае, при этом комитеты сразу же оповещались о распоряжении Центробалта о временной отмене отпусков².

1 августа вышел циркуляр МФК, фиксирующий меры наказания за опоздание из отпуска без уважительных причин. Данными правилами нужно было следовать до выработки общих положений по флоту³. Постановления выносили судовые и ротные комитеты. Наказание заключалось во внеочередных работах и лишении права попасть на берег, срок наказания зависел от количества суток, на которые задержался воинский чин⁴. Если опоздание превышало 15 суток, то дело решал суд⁵. Объявление об объеме наказания проводилось на специально созванном Общем собрании команды, а затем неоднократно повторялось при разводке на работы, судовых митингах и при каждом собрании команды⁶.

МФК пытался регламентировать и внешний вид личного состава. Общее собрание делегатов флота 19 апреля постановило, что «всякое изменение формы, приведенное в указ явочным порядком, недопустимо, так как оно бывает причиной массовых крайностей, оскорбление неприкосновенности лица и человеческого достоинства»⁷. При этом подтверждалось снятие погон и ношение кокарды, закрашенной в красный цвет, ей давалась такая характеристика: «достойна украшения фуражки свободного воина»⁸. Обращалось внимание личного состава на то, что вопрос изменения формы для всего флота был отдан особой комиссией, «важно не переодеваться и переводиться», а «решать насущие вопросы»⁹. Контролируя внешний вид МФК напоминал, что отмена ношения погон коснулась лишь флота¹⁰. По окончании заседания 21 апреля Местный флотский комитет разослал всем судовым и ротным комитетам заявление, что срывание погон с офицеров и солдат армии недопустимо, что «неприкосновенность личности есть основа всякой гражданственности, и срывание погон есть посягательство на основные принципы свободы»¹¹. В отношении лиц, про-

¹ Там же. Д. 4. Л. 14.

² Там же. Д. 2. Л. 302.

³ Там же. Л. 310; Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

⁴ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 310; Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

⁵ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 310 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

¹¹ Там же.

должающих подобные действия, «будут приняты самые решительные меры».

МФК 25 апреля опубликовал проект приказа по морскому ведомству об изменении формы воинских чинов морских команд¹. В конечном счете, к лету 1917 г. пострадали не только знаки отличия, но и весь облик военного моряка: «не поймешь форму одежды, в чем они одеты». Описания внешнего вида довольно красочны: «головной убор матроса, бушлат в накидку, при галстукке и держит себя чрезмерно возвышающе, или в сюртуке, красной вязанной рубашке и головной убор матросский и многие искажают форму». Однако больше всего автор статьи переживает о том, что в таком виде моряки становятся посмешищем прохожих «всюду и везде матросской формой восхищаются, а мы ею, по всему видно, не совсем пренебрегаем, а хотим изуродовать»².

Местный флотский комитет пытался снять напряжение между рядовым и командным составом. В начале марта в Ревеле революционная власть бодро сообщала, что установилось взаимопонимание «между всеми чинами флота от адмирала до матроса <...> самая тесная связь и взаимное доверие»³. Спустя месяц настроение команд оставалось прежним. Исполнительный Комитет союза морских офицеров и представители команд морских частей выяснили, что «между командами и офицерами установилось полное взаимопонимание; представитель команды заявил, что матросы понимают вред старого режима и верят офицерам, команды готовы вместе с офицерами идти в бой»⁴.

Однако уже после апрельского кризиса Временного правительства ситуация стала сложнее. Корабли Ревеля принимали и провокационные радиотелеграммы. Примером может служить: «Товарищи матросы соединяйтесь совместно для преодоления своих внутренних врагов как господ офицеров и гг. командиров»⁵. Предупреждения о провокациях публиковал МФК с подписью председателя А.А. Коптелова⁶. Именно в это время в периодике стали появляться сообщения о списании офицеров. Этому было посвящено, по меньшей три заседания Военного комитета Ревельского со-

¹ Форма матросов // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 25 апреля.

² Шведок А. К товарищам матросам // Там же. 26 мая.

³ Протокол второго собрания представителей рабочих, армии, лота и общественных организаций города Ревеля 4-го марта 1917 года в театре «Гранд-Марина» // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 10 марта.

⁴ [Б/а]. Единение матросов в Ревеле // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 20 апреля.

⁵ [Б/а]. Работа Провокации! // Там же. 2 мая.

⁶ Там же.

вета, отразившиеся в газетах¹. С.Н. Тимирев дополнил картину: «все были бы готовы сбежать, но удерживали от этого шага только два обстоятельства: лучших – сознание долга, что они должны оставаться на своем боевом посту пока не кончилась война с Германией, худших – возможность легкой карьеры при помощи демагогии и доносов»².

На это обращали внимание офицерские организации. В конце апреля СМОР обращался к Ревельскому совету и МФК с заявлением, в котором говорит, о том, что в Ревеле усиливалась деятельность, стремящаяся «нарушить установившиеся отношения между офицерами и матросами и уничтожить боевую мощь флота». Главным способом было обвинение офицера в различных преступлениях, «уже одна только мысль о причастности офицера являлась основанием для устранения офицера с занимаемой должности». «Полное отсутствие в Ревеле каких бы то ни было судебных гарантий чрезвычайно обостряет положение». СМОР признавал это явление чрезвычайно опасным для боевой мощи флота. Выделялись наиболее тяжелые обвинения, предъявляемые офицерскому составу: «измена, шпионство, злоупотребление при кормлении команды до революции и злоупотребление при ремонте судов» (т.е. присвоение денег)³.

Комитет крейсера «Рюрик» 20 апреля обратился в Местный флотский комитет с просьбой содержать лейтенанта Фомина, арестованного за растрату харчевых сумм, под строгим надзором⁴. МФК просил в свою очередь, пока нет специального помещения, держать его на корабле⁵. И лишь 2 мая МФК потребовал передать арестованного офицера прибывшему армейскому конвою, для препровождения его в арестное помещение⁶.

Однако встречались случаи и защиты матросами своих командиров. Так, например, матрос М.А. Кастин вспоминал, что в марте на капитана I ранга П.В. Гельмерсена набросился матрос с «Цесаревича». Данный инцидент произошел рядом со стоянкой эсминца «Охотник», на котором служил П.В. Гельмерсен, матросы выбежали на помощь своему командиру, вырвав его у толпы⁷.

Много шума наделал случай с начальником распорядительной части штаба крепости Императора Петра Великого капитаном II ранга

¹ Выдержки из протоколов Военного комитета Рев[ельского] Сов[ета] раб[очих] и воин[ских] д[епутато]в // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 7, 11, 17 мая.

² Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 78 – 79.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 335. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 23 об.

⁶ Там же. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 1492. ЛЛ. 2, 2 об.

Э.И. Вещицким, который вызвал в МФК резкое осуждение по поводу «не-нужного глумления» над офицером. При его переводе с корабля, где он ночь провел в карцере, в береговое арестное помещение, матросы и собравшаяся толпа издевались над арестованным. Э.И. Вещицкий был «переодет в лапти, на шею ему была привешена другая «запасная» пара лаптей и, под одобрительный шум окружающей большой толпы, арестованный по улице был переведен в гарнизонную гауптвахту. Во время шествия глумившиеся заставили арестованного взять в руки метлу и в таком виде принудили его следовать дальше»¹. Действия матросов получили осуждение и в прессе. Против подобного «глумления» выступил и морской министр А.Ф. Керенский, направив телеграмму в МФК, его телеграмма была опубликована: «Предлагаю принять все меры к недопущению впредь подобных безобразных поступков, унижающих достоинство и честь флота Свободной России и напоминаю, что ответственность за допущение подобных выступлений падает на Вас и на комитет, который в таком деле должен был прийти к Вам на помощь всей силой своего авторитета. Настаиваю также на полном прекращении самовольных арестов без участия и соглашения с военно-морским прокурорским надзором»². МФК указывал «на недопустимость такого для товарищей матросов свободной России». МФК считал себя ответственным, т.к. он санкционировал арест на заседании 14 апреля³ и теперь считал «долгом своим принять меры, чтобы ограждать арестованного от глумления». Призвал «с невозмутимым спокойствием относиться к нашим недругам»⁴.

Арест офицеров всегда вызывал волнения в личном составе. В августе был арестован генерал князь А.Н. Долгоруков командир 1-го Кавказского корпуса, обвиняемый в причастности к корниловскому мятежу⁵. Арестованного требовалось препроводить в Петроград для допроса, перед отправкой миноносца собралась огромная толпа матросов, требовавшая «расплаты» на месте. Митингующую толпу по инициативе МФК разгоняли два раза⁶. С большим усилием удалось предотвратить убийство арестованного.

Таким образом, можно сделать вывод, что МФК контролировал поведение личного состава, а также взаимодействие офицеров и матросов, что вылилось в издание многочисленных приказов и выработки

¹ Резолюция Совета Союза морских офицеров г. Ревеля 4-го мая 1917 года // Свободное слово солдата и матроса. 1917. 7 мая.

² Телеграмма морского министра // Там же. 1917. 9 мая.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.

⁴ Там же. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

⁵ Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 132. ЛЛ. 222, 223.

⁶ Там же. ЛЛ. 224, 225.

инструкций. В поле зрения МФК попал контроль порядка на улицах города, в связи с чем, комитет сотрудничал с местной городской милицией, также не осталась в стороне регламентация внешнего вида военных моряков. Революционные события подорвали авторитет существующих ранее уставов несения службы. Выработкой новых правил в Ревеле занимался МФК, так были разработаны: меры по списанию неудобных чинов флота, наказания за опоздание из отпуска, приняты положения о несении караульной службы. Стоит отметить, определенные приказы и положения могли не выполняться, что приводило к их дублированию, но благодаря активной деятельности МФК можно говорить о сохранении дисциплины и порядка на судах и в частях крепости Императора Петра Великого.

Бугаев Р.А.

*Комиссары Центробалта и формирование боевых подразделений
для участия в Октябрьском вооруженном восстании (на материалах
1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота)*

Влияние революционно-демократических организаций на вооруженные силы и попытка их контроля по сей день является одной из ключевых тем отечественной историографии революции 1917 г. Осенью существенно изменилась политическая составляющая этих органов, все больше склоняющихся к леворадикальным взглядам. В частности, это выразилось в создании и назначении институтов комиссаров в действующую армию и флоты. Возобновляя традицию, начатую еще при создании Временным комитетом Государственной думы института думских комиссаров¹, ЦКБФ удалось во время «корниловского мятежа» создать собственный институт комиссаров², предприняв попытку осуществить контроль над оперативной

¹ См. подробн.: Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 72 – 83; его же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 312 – 400; его же. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: Дис. ...д. ист. н. СПб., 2005. С. 457 – 583; его же. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2-х т. СПб., 2017. Т. 1. С. 450 – 569.

² См. подробн.: Бажанов Д.А. Судовые комитеты на I бригаде линейных кораблей Балтийского флота: структура и состав (лето – осень 1917 г.) // Герценовские чтения 2002. Актуальные проблемы социальных наук / Отв. ред. В.В. Барабанов. СПб., 2002. С. 93 – 95; его же. Гельсингфорс в дни корниловского мятежа: слом «революционной демократии» на Балтийском флоте? // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. СПб., 2016. С. 265 – 274; его же. Радикализация органов власти на кораблях Балтийского флота осенью 1917 года // Вестник Пермского университета. 2018. №4. С. 68 – 76; Бугаев Р.А. Участие ко-

деятельностью командования, и взял на себя полномочия по организации вооруженных отрядов. Подобная практика была использована комиссаром Центробалта, назначенными на корабли 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота при подготовке и организации боевых соединений для участия в Октябрьском вооруженном восстании. Именно поэтому целью данного исследования будет являться реконструкция деятельности комиссаров ЦКБФ в подготовке боевых подразделений для участия в Октябрьском вооруженном восстании.

В своих работах А.К. Дрезен¹ отмечал запоздалую реакцию со стороны общих собраний команд линейных кораблей 1-й бригады на Октябрьское вооруженное восстание и выдвигал на передний план значимость организационной роли представителей ЦКБФ в сфере создания и подготовки вооруженных формирований.

С начала октября 1917 г. Центробалт начал позиционировать себя как «чисто военная организация, которая должна вести исключительно обороной страны»². Это было связано не только с немецким вторжением на Моонзундские острова, но и с постепенной сменой политического курса организаций, входящих в «левый блок», основной целью которого был вооруженный захват власти в Петрограде.

Аналогично действовали и другие революционно-демократические флотские организации Финляндии. С.С. Хесин отмечал, что Гельсингфорский Совет и Областной комитет Финляндии также взяли на себя полномочия по подготовке Балтийского флота к участию в Октябрьском вооруженном восстании³. Хесин аргументировал это тем, что на совместном пленарном заседании этих организаций с Центробалтом, судовыми и ротными комитетами, которое состоялось 20 сентября 1917 г., было вынесено постановление «беспрекословно исполнять приказания, исходящие только от Областного комитета Финляндии»⁴. Данное постановление, по мнению историка, не только наделило Областной комитет чрезвычайными полномочиями в оперативной сфере, но и предоставило в его распоряже-

миссаров Центробалта в аресте генерала А.Н. Долгорукова (27 – 30 августа 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, Л.Г. Рогушина. СПб., 2019. С. 255 – 262.

¹ Дрезен А.К. Октябрь и флот // Красный флот. 1926. № 10 – 11. С. 21; его же. // Красный флот. 1927. № 20. С. 5.

² РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

³ Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 44.

⁴ Хесин С.С. Указ. соч. С. 53; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (далее – Гельсингфорский Совет). Петрозаводск, 1992. С. 156.

ние революционные органы, которые в будущем «становились боевыми штабами восстания»¹.

Тенденцию усиления авторитета Областного комитета Финляндии среди солдат и матросов вопреки Гельсингфорскому Совету отмечает и современный исследователь Е.Ю. Дубровская². Также Дубровская обнаружила распределение сфер деятельности между революционно-демократическими организациями: «В то время как Центробалт ведал делами флота, Областной комитет Финляндии возглавил все выборные органы войск, Советы и комитеты на местах, поддерживал связь с финляндскими социал-демократами»³.

Подготовка к восстанию с начала октября набирала обороты. Согласно отношению ЦКБФ от 3 октября 1917 г., посланному в Центрофлот, Центробалт запрашивал высылки в Гельсингфорс «15 тыс. винтовок и по 1000 патронов на винтовку, 500 пулеметов и по 50 лент на пулемет, 1000 револьверов и по 50 патронов на револьвер, соответствующее количество подсумок и вещевых сумок»⁴. Для получения этого оружия и доставки его на яхту «Полярная звезда», где в то время заседал ЦКБФ, был командирован матрос-водолаз учебного судна «Африка» и член Центробалта Н.Ф. Измайлов⁵. Позднее он в совместном с А.С. Пуховым очерке утверждал, что оружие было взято «под видом вооружения формируемых морских десантных батальонов» и должно было использоваться Центробалтом для Октябрьского вооруженного восстания⁶.

Заметим, что попытки вооружения членов Центробалта начали осуществляться после заседания ЦКБФ от 23 сентября 1917 г. Согласно протоколу заседания, был рассмотрен вопрос о задержании Свеаборгским полужкипажем револьверов, высланных главным артиллеристом для мичманов последнего выпуска в дни Корниловского мятежа. Собрание пришло к общему решению: «предложить Областному комитету задержанные револьверы в количестве 66 штук передать в распоряжение ЦКБФ, как вещи, принадлежащие к морскому ведомству»⁷.

¹ Хесин С.С. Указ. соч. С. 53 – 54.

² Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет. С. 149 – 150.

³ Там же. С. 150.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп.1. Д. 24. Л. 38.; Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М, 1966. С. 149.

⁵ Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт: [Докум. ист. очерк]. М., 1963. С. 176.

⁶ Там же.

⁷ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917 – 1918 / Под ред. Д.А. Чугаева. (далее – Протоколы и постановления ЦКБФ). М.; Л., 1963. С. 231.

7 октября на заседании Центробалта согласно воспоминаниям матроса 1-й статьи члена ЦКБФ Н.А. Ховрина: «Появилась потребность в специальной военной комиссии ЦКБФ и ее сделали»¹. Создание военной комиссии при Центробалте, а также вооружение всех его членов указывает на сходство с Военной организацией партии большевиков. Было принято и его предложение о вооружении всех членов Центробалта и реквизиции всех военно-морских автомобилей.

С 15 октября напряжение команд боевых кораблей также начало нарастать. Это явление отразилось в мемуарах председателя Центробалта и матроса-баталера П.Е. Дыбенко, где он указывал на то, что «команды линейных кораблей нервничали и требовали конкретного ответа от Центробалта – когда же двинемся в Петроград?»² 16 октября вышло постановление судового комитета линейного корабля «Андрей Первозванный» о формировании боевого взвода и о вооружении команды корабля. Согласно этому постановлению, комитет корабля должен был выделить из своего состава двух членов для связи с Центробалтом, чтобы сообщать ему о формировании и подготовке боевых отрядов.

А.С. Пухов и Н.Ф. Измайлов отмечали это явление как «важный почин», т.к. в дальнейшем это распространилось на судовые комитеты других линейных кораблей, в том числе и на корабли 1-й линейной бригады в связи с вышедшем 17 октября постановлением ЦКБФ о формировании боевых взводов на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы³. Согласно этому постановлению, судовым комитетам линкоров необходимо было срочно установить постоянные боевые взводы, «которые по первому требованию поступают в распоряжение Центробалта»⁴. «Техническая сторона» (т.е. вооружение), размещение и формирование взводов поручалось военной комиссии Центробалта.

Несмотря на то, что постановление о создании вооруженных формирований было делегировано судовым комитетам линейных кораблей, инициативу на линкорах 1-й бригады в этом вопросе взяли на себя комиссары Центробалта. На линейный корабль «Петропавловск» еще в конце августа был назначен Е.С. Блохин (затем его сменил В.Н. Кисляков). На «Севасто-

¹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С. 149; Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. С. 176.

² Дыбенко П.Е. Октябрь на Балтике. Ташкент, 1934. С. 64.

³ Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. С. 176.

⁴ Золин И.И., Лившиц И.А., Муравьев А.А. Протоколы Центрального комитета Балтийского флота (август – октябрь 1917 г.) // Исторический архив. 1957. № 5. С. 46 – 94.

поле» комиссаром был назначен Я.А. Мохов, на «Полтаву» – С. Данченков, на «Гангут» – А.Г. Санников¹.

Можно согласиться с С.С. Хесина, В.В. Петраша Д.А. Бажанова, констатировавших, что назначенные Центробалтом комиссары взяли под свой контроль практически все стороны деятельности командования и судовых комитетов линкоров бригады. Так, комиссар «Гангута» А.Г. Санников помимо проверки и визирования своей подписью всех постановлений и резолюций судовых комитетов и политической деятельности, занимался также подготовкой боевых отрядов. Фактически, Санников «руководил их комплектацией и управлением»². За отбором людей в отряд перед комиссаром Центробалта А.Г. Санниковым отвечал секретарь С. Плеханов. В своих мемуарах матрос линкора «Гангут» Д.И. Иванов пишет следующее: «Подготовка к восстанию набирала темп. Центробалт принимает решение – на каждом корабле создать боевые отряды. Взались подбирать людей. Сперва думали сформировать отряд на добровольных началах. Но в первый же день убедились, что в отряд готов записаться весь экипаж. Подбором занялся судовой комитет, его секретарь Плеханов. Усиленно шло довооружение корабля»³. О схожей ситуации отмечал в своих воспоминаниях комиссар Центробалта с линейного корабля «Севастополь» Я.А. Мохов⁴. Фактически, комиссары Центробалта были и своего рода командирами, они проводили своеобразные «смотри» боевых взводов и отсылали их на миноносцы, шедшие на Петроград накануне восстания.

Е.С. Блохин, комиссар ЦКБФ с «Петропавловска», был избран 16 октября на заседании ЦКБФ членом военной комиссии Центробалта⁵. С этого момента в его обязанности как комиссара, помимо руководства секциями судового комитета и оперативного контроля входил контроль «снабжения» боевых взводов оружием, за подбор наиболее «надежных и дисциплинированных» людей перед ним отчитывался председатель судового комитета И. Дючков. Нахождение Блохина в рядах военной комиссии указывает на существенное расширение полномочий комиссаров Центробалта и перехват инициативы формирования боевых отрядов у судовых комитетов.

¹ Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 г. (далее – Щит Петрограда). СПб., 2007. С. 158.

² Бажанов Д.А. Судовые комитеты как институт власти весной – осенью 1917 года (на материале 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 – 2. С. 307.

³ Иванов Д.А. Я – матрос «Гангута»! М., 1987. С. 118.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 99. ЛЛ. 34 – 56.

⁵ Там же. Ф. Р-95. Оп.1. Д. 5. Л. 102.

23 октября Центробалт разослал своих комиссаров по всем важным базам флота для руководства подготовкой и проведением вооруженного восстания. По мнению А.С. Пухова, комиссар ЦКБФ Свиридов был направлен в военно-техническую комиссию Кронштадтского Совета и в штаб сводного Кронштадтского отряда моряков, солдат и красногвардейцев для координации действий вооруженных сил флота в Петрограде. Для дополнительного контроля в оперативной сфере на «крупные корабли» в Гельсингфорсе были назначены комиссары Центробалта Г.С. Борисов и П.А. Красноперов¹. По данным И.И. Сюкияйнена, в частности, благодаря помощи комиссаров Центробалта «только за одну ночь с 24 на 25 октября было отправлено в Петроград 3 эшелона балтийских моряков общей численностью около 4,5 тыс.»²

Подводя итоги, следует отметить, что Центробалт с самого начала октября 1917 г. и на всем его протяжении окончательно трансформировался в военно-революционный орган. Это можно обосновать значительным «полевением» состава ЦКБФ и его уклоном в сторону курса партии большевиков, а также с некоторой схожестью функций с Петроградским ВРК (и создание военной комиссии при Центробалте в том числе). Данная обстановка позволила институту комиссаров Центробалта существенно усилиться, взяв на себя полномочия не только в сфере оперативного контроля, но и в сфере организации и подготовки Октябрьского вооруженного восстания со стороны Балтийского флота. Также комиссары ЦКБФ значительно ослабили влияние судовых комитетов, взяв на себя их основные полномочия.

Захаров А.М.

«Мы все глядим в Наполеоны...»: генерал Р. Гайда и проблема установления военной диктатуры в Сибири осенью 1918 г.

Программа военной диктатуры стала характерной чертой политического пейзажа России уже весной 1917 г. Кандидаты в диктаторы всероссийского, регионального и даже локального масштаба множились без числа по мере эскалации революционного процесса. Но среди этих «карманных Наполеонов» разного возраста и социального статуса, как казалось, не было инородцев – иностранный диктатор мыслился невероятным в усло-

¹ Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. С. 177.

² Сюкияйнен И.И. Революционные события (1917 – 1918 гг.) в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 103.

виях российской действительности. Автор попытается здесь продемонстрировать и объяснить единственное исключение из правил.

Имя Радолы Гайды, лихо скакнувшего из капитанов сразу в генерал-майоры, стало известно широкой российской публике летом 1918 г. – сразу после начала восстания Чехословацкого корпуса. Будучи единственной серьезной военной силой на огромной территории от Пензы до Владивостока, корпус, отчасти даже не по своей воле, обратился в политическую силу если не всероссийского, то, как минимум, сибирского масштаба, а генералы корпуса – в политических лидеров в местах дислокации подчиненных им частей. Не все они желали или даже готовы были играть эту роль. За одним исключением – Р. Гайда охотно стал полновластным хозяином Забайкалья. Это было странно, неестественно, вызывало понятные настороженность и даже раздражение. «18 сентября 1918. Пока сидим под палкой главнокомандующего генерала Гайды, блеснувшего в беседе с представителями владивостокской прессы редкой развязностью и лейтенантской смелостью в разрубании самых сложных политических и военных узлов», – ехидно писал в своем дневнике генерал барон А.П. Будберг. – «Этот австрийско-чешский пузырь должен скоро лопнуть, но пока он воняет и осложняет наше и без того косматое положение.

19 сентября 1918. Гайда во Владивостоке заявил, что никакого хорватовского правительства не существует и что Хорват должен вернуться на пост директора-распорядителя китайской дороги. Быстро оперились братья чехи по части вмешательства в наши дела.

20 сентября 1918. Пестрота владивостокского положения украсилась появлением там чешского кандидата в сибирские Бонапарты в лице все того же Гайды. Выходит, что кто бы палку ни взял, тому и быть над нами капралом. Кандидат, судя по его речам, достаточно безграмотный...

27 сентября 1918. Гайда умчался на запад, назначив полковника Кадлеца главнокомандующим в полосе отчуждения, то есть смешав этим и без того сумбурное здесь положение до последних пределов... Гайда неистовствует, очевидно, понимая, что чехи нужны дозарезу Омскому правительству и последнее готово все претерпеть, чтобы с ними не ссориться. Плохо было без приятелей, а с ними, кажется, еще хуже...

28 сентября 1918. Гайда не унимается и издал приказ о назначении Кадлеца главноначальствующим над всем русским Дальним Востоком, надвигается какое-то чешское пленение...»¹.

Проницательный барон оказался прав, во всяком случае, в отношении Гайды. Амбициозному генералу быстро стало тесно в определенных

¹ Будберг А.П. Дневник. Ч. 1 // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. М., 2003. Кн. 14: Белый Восток. С. 314, 319.

ему графиком движения эшелонов корпуса географических рамках. Политическое лицо корпуса – непоследовательное, не до конца осознаваемое, порой хаотичное, но, безусловно, демократическое – быстро оказалось инородным в пространстве Сибири. Гайда, обладавший отменным политическим чутьем, понял это очень быстро. С начала осени 1918 г. он стал налаживать связи уже не с белым военным подпольем, как за три-четыре месяца до того – эти люди были ему малоинтересны с самого начала, ибо без его помощи никогда не пришли бы к власти в Сибири, – а с влиятельными региональными политиками. Наиболее показательными в этом смысле стали его контакты с лидером сибирских кадетов В.Н. Пепеляевым.

Последний в своем дневнике зафиксировал 28 сентября 1918 г. в высшей степени важный разговор, состоявшийся между ним и Гайдой. «28 сентября 1918. Маньчжурия. Виделся с генералом Гайдой в его поезде», – записывал он. – «Едет на запад. Очень обрадовался моему визиту. Начали с положения здесь. Интриги и больше ничего. Во Владивостоке совещания и встречи и прочее продолжают».

По мнению Гайды, сам Хорват и его деловой кабинет – почтенные люди, но вокруг них выются мелкие честолюбцы и интриганы из военных кругов. Кроме того, все они в руках японцев, как и Семенов...

Перешли к вопросу о власти. Я сказал, что не поехал на Уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти и что спасение в единоличной диктатуре, которую должна создать армия.

– Но выдвигайте же лицо.

– В Москве мы намечали генерала Алексеева, но его нет.

– Алексеев очень ценен, как специалист, но он стар для диктатора.

– Деникин.

– О да, но, ведь его также нет.

Затем Гайда заявил, что он тоже не верит в Уфимское совещание и в твердость Директории («Они будут оставлять жить тех, кому жить не следует»).

– Какой же по-вашему выход? Военная диктатура?

– Именно!

– Я очень рад, что узнал лично Ваш взгляд. В своих интересах Вы его не высказывали.

– Да, пока не все готово. Пока не организованы военные силы. Вот идет Колчак. Но это я сказал, что в Москве наметили генерала Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем, время идет. Колчак имелся в виду, но как второй кандидат. Его возможно поддержать. Но когда это может быть?

– Дней через двадцать. Чехов мне удастся убедить.

– А. также думает?

– Мы одинаково думаем. Он меня поддержит»¹.

Короткое замечание к данному диалогу: в высшем руководстве Чехословацкого корпуса (редкое удачное стечение обстоятельств) не было ни одного человека, не только фамилия которого, но даже имя начиналось бы с буквы «А». Зато высокопоставленный русский военный с такими инициалами в Сибири имелся. Речь идет о генерале А.И. Андогском – начальнике Академии Генерального штаба. Многие авторы отмечают, что этот человек дальше станет одной из ключевых фигур Омского переворота и «серым кардиналом» установления в Сибири военной диктатуры.

Замечание номер два: красноречивое и, видимо, сознательное игнорирование конкретных фамилий в диалоге. Как представляется, собеседник делали это по разным причинам: Пепеляеву было интересно мнение сильнейшей на тот момент фигуры военной среды Сибири; а вот Гайда, с точки зрения автора, недвусмысленно намекал, ждал, когда же наконец собеседник произнесет его собственную фамилию (подобную гипотезу впервые высказал С.П. Мельгунов, не знакомый с текстом дневника Пепеляева²).

Гайда в своих воспоминаниях пишет о своей оценке ситуации достаточно ясно: «Вскоре... полковник Лебедев приехал в Екатеринбург и откровенно поговорил со мной о неудовлетворенности вооруженных сил возникшей политической ситуацией. Он говорил о необходимости создания сильного правительства и отметил, что дальше так продолжаться не может. «Недопустимо, чтобы погибло дело спасения страны», – сказал он. Полковник показал мне привезенный им из Омска список кандидатов, которых предлагали военные круги. Среди них были генералы: Иванов-Ринов, Дутов, Болдырев, Хорват, Дитерихс, атаман Семенов и адмирал Колчак. Я не помню точно, в каком порядке были названы имена, но уверен, что имя адмирала было упомянуто последним. Пересмотрев список, я сказал полковнику Лебедеву, что если диктатура неизбежна, я полагаю, что Колчак – самый подходящий из всех перечисленных кандидатов. Генерал Болдырев был на мой взгляд слишком слабовольным, а все остальные были известны как люди ярко выраженного анархического склада. Мне не совсем было ясно политическое кредо Колчака, но я вспомнил его слова о том, что правительство должно быть твердым, но в целом центристским и демократическим. Я верил в честность замыслов Колчака, в его либерализм. Полковник Лебедев уезжал с легким сердцем, поскольку не нашел во

¹ Пепеляев В.Н. Дневник // Окрест Колчака: документы и материалы. / Сост. А.В. Квакин. М., 2007. С. 47 – 48.

² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 1. С. 442.

мне противника, так как в Омске все хорошо понимали, что им будет трудно идти против сибирской армии»¹.

Как видим, Гайду не устроил ни один из названных ему представителей военного истеблишмента, хотя аргументация его носила формальный, или даже откровенно нелепый характер. Методом исключения в приведенном выше тексте лучшим кандидатом в военные диктаторы Сибири становится только один человек – сам Гайда.

Не менее показательным было общение Гайды с еще одной знаковой фигурой Сибири осени 1918 г. – адмиралом А.В. Колчаком. Разговор этот состоялся еще летом, но обратим внимание, как по-разному интерпретируют его участники. Вот он в версии Гайды, приведенной им в воспоминаниях: «Он говорил об отсутствии единства в стране, о мелких политических распрях, обвиняя правых и левых радикалов в неспособности договориться. В то же время он говорил о необходимости твердого правительства, которое было бы при этом достаточно демократичным. По многим пунктам я был с ним согласен. Свою идею о твердой власти он развил далее в мысль о личной диктатуре, и прямо сказал, что считает неизбежным переход власти в мои руки. «Вы единственный человек, имеющий на своей стороне армию. Только ваши приказы могут быть исполнены. За вами – сила».

Где-то через три дня мы снова встретились с адмиралом Колчаком, и на этот раз он указал, что хотел бы занять в моем правительстве какой-нибудь пост, скорее всего, административный. Я обещал ему выполнить его просьбу. На другой день я уехал с моим штабом на запад. Адмирал Колчак, который хотел поехать со мной, не успел собраться и пообещал приехать, как только закончит свои дела. Однако прошло довольно много времени, а у меня не было никаких вестей об адмирале Колчаке. Когда я уже был в Екатеринбурге и под Кунгуром, я получил от него телеграмму о том, что он находится в Омске, где ему предлагают место морского министра. Он спрашивал моего совета, как ему поступить. Я ответил, что ему лучше будет принять решение самостоятельно, так как я слабо знаком с особенностями предлагаемого ему поста. Я был очень удивлен, когда вскоре получил официальное сообщение о том, что адмирал Колчак был назначен Временным правительством Сибири военным министром»².

А вот Колчак на допросе его Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске изложил несколько иную интерпретацию разговора, причем смысла исказить реальность у него здесь не было. «По отъезде миссии Вологодского, я виделся в чешском штабе с Гайдой, который посвятил меня в

¹ Gajda R. *Moje pameti*. Brno, 1996. S. 157.

² *Ibid.* S. 155 – 156.

общее положение дел на Западе в военном отношении», – заявил он. – «Говорилось им о возможности передачи командования всеми русскими и чешскими военными силами в его руки; на его вопрос о моем отношении к этому я сказал, что если большая часть сил принадлежит чешскому командованию, то возможна передача ему и командования всеми силами. О власти Директории Гайда отзывался как о власти нежизненной, говорил, что, насколько ему известно – Омское правительство не сочувствует созданию этой власти. Гайда высказал и мысль о необходимости создания военной диктатуры, о которой я в свою очередь, говорил ему, что диктатура эта мыслима лишь при наличности большой и объединенной военной силы»¹.

Речь об объединении военного командования в руках Гайды действительно шла, но желающих потакать его амбициям не нашлось, в первую очередь, в среде отлично его знавших самих чехов. 6 сентября 1918 г. председатель Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский сообщил на его заседании, что вел переговоры по прямому проводу с Гайдой о его назначении «командующим соединенными силами чехосибирских войск», но с этим решительно не согласился командующий Чехословацким корпусом генерал Я. Сыровы². Об этом же писал в воспоминаниях и Г.К. Гинс: «Речь шла о предоставлении генералу Гайде командования сибирской армией. Предложение это было выдвинуто нами из Владивостока. Мы мотивировали его тем, что Гайда являлся все время энергичным и активным сторонником омского правительства, помогая распространению его власти по всей территории Сибири. Мы надеялись, что он останется и впредь лояльным по отношению к правительству и поведет за собой чехов, которых некоторые их политические лидеры склоняли влево. Кроме того, мы рассчитывали, что назначение Гайды ускорит получение помощи от союзников, остановившихся в недоумении перед картиной бесчисленного множества областных правительств и постоянных их междоусобий... Наконец, среди русских генералов не было никого, кто пользовался бы общим признанием у офицерства. Последнее разбилось на группы, и каждая боялась преобладания другой»³. Он же дал и абсолютно недвусмысленное объяснение негативной реакции чехословацкого командования: «Назначение Гайды, однако, не состоялось, вследствие энергичного

¹ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака / Ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2003. С. 71.

² Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918). Сборник документов и материалов / Ред. и сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 325.

³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 185.

сопротивления Омска: «Назначение Гайды делает его несменяемым», – телеграфировали оттуда»¹.

Итак, Гайда выяснял, как отнесется Колчак к появлению в Сибири чехословацкого генерала, так сказать, «на белом коне в наполеоновской треуголке». Колчак же, как быстро обнаружилось, не имел ничего против коня и треуголки, но только применительно к собственной персоне.

Амбиции Гайды и его известная политическая неразборчивость ни для кого не были секретом. П.В. Вологодский еще 26 июля 1918 г. записал в дневнике: «...у чехословаков отмечается слабость сибирской власти по отношению к большевикам и снисходительность к реакционным элементам... Обращает на себя внимание независимость вообще, с которой проявляет себя всюду генерал Гайда, не сторонник Сибирского правительства, которое недоверчиво относится к чехословакам, в том числе и к Гайде»².

«Главным же лицом был, конечно, чешский генерал Гайда, который приобрел громкую популярность и сделался любимцем всей Сибири. В момент, когда я приехал в Сибирь, Гайда был уже народным героем. Его фотографии продавались на станциях, его имя гремело по всей стране. Он, не скрываясь, заявил себя солидарным с русским национальным движением и в силу этого отмежевался от чешской армии, имевшей свои собственные настроения и интересы; Гайда же искал славы именно в России, на богатом поле приключений, оставленном русской революцией.

... К этим настроениям, разделяемым всеми русскими офицерами на фронте, примкнул также один из чешских генералов – именно Гайда. Авантюристический склад ума, легкий успех и популярность в Сибири толкали Гайду на решительные выступления. Он чувствовал, что дела на фронте идут скверно; темперамент и стремление к славе заставили его искать сотрудничества с теми русскими военными элементами, которые были готовы форсировать события и решились на переворот»³, – вторил своему премьер-министру в своих записках исполняющий обязанности министра иностранных дел И.И. Сукин.

Наконец, согласен был с ними и В.М. Чернов. «Северным участком фронта в это время командовал чешский генерал Гайда, довольно способный и энергичный честолюбец... Тогда его авантюризм не выступал наружу, и он охотно общался с эсерами, возглавлявшими в Сибири антибольшевистские перевороты»⁴, – отмечал он в мемуарах.

¹ Там же. С. 290.

² За спиной Колчака: Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Квакин. М., 2005. С. 64.

³ Там же. С. 330, 342.

⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 391.

Остается последний вопрос: как отреагировал несостоявшийся военный диктатор Сибири на Омский переворот 17 ноября 1918 г.?

Этой реакцией интересовались и боялись ее сами участники переворота. Тот же Сукин верно отмечал: «Позиция, занятая Гайдой, имела громадное практическое значение, ибо нельзя забывать, что фронт держался в то время главным образом чешскими войсками, которые по природе своих симпатий и демократических настроений сочувствовали Директории и эсерам. В зависимости от позиции чехов всякие попытки переворота могли быть обречены на неудачу. Гайда же, с его популярностью и довольно многочисленными отрядами чехов под его командой, являлся крупным, почти что решающим фактором»¹.

Сам Гайда свою позицию зафиксировал четко: «Я полагал и был полностью убежден, что только диктатура может спасти страну, но диктатура временная, которая продлится до тех пор, пока враг не потерпит поражение. Первым и неизбежным условием этой диктатуры было то, что временный правитель был популярным человеком, стоящим за рамками всех партий и над ними. Его независимость должна быть очевидной для того, чтобы демократические круги, которые были особенно жестко настроены против идеи диктатуры, не могли иметь ничего против его личности.

Адмирал Колчак спросил меня, окажу ли я ему помощь в качестве командующего Сибирской армией, или, по крайней мере, не стану ли ему мешать, если его объявят верховным правителем. Выслушав все доводы адмирала, я возразил ему по нескольким пунктам. Прежде всего, я был против того, чтобы будущий диктатор носил титул Верховного правителя. Мне казалось самым подходящим названием «Верховный главнокомандующий» с правами диктатора, что должно было указывать на временный характер переворота. Далее я вернулся к своей возможной роли в перевороте. «Я генерал Чехословацкой армии, – сказал я, – и поэтому я не имею права вмешиваться во внутренние дела вашей страны, но что касается подчиненных мне русских войск, то я обещаю вам, что армия останется нейтральной. Армия находится на фронте и в тяжелейших условиях борется с большевиками, поэтому было бы преступлением втягивать ее в политическую игру. Я не допущу в ее рядах никакой агитации ни за диктатуру, ни против нее. Моя поддержка будет заключаться в том, что я не буду приказывать офицерам и солдатам своих частей признать вас диктатором... Но если такое признание произойдет фактически, мы останемся нейтральными»².

¹ За спиной Колчака: Документы и материалы. С. 344.

² Gajda R. Op. cit. S. 158 – 159.

Вероятнее всего, Гайда осознал двусмысленность положения, в котором оказался. Но еще лучше он видел двусмысленность положения Колчака. Неплохо разбиравшийся в людях чешский авантюрист во многом разделял мнение о Колчаке атамана Г.М. Семенова. Тот писал: «Считая его весьма способным администратором... я тем не менее не был уверен, что адмиралу удастся справиться с ролью Всероссийского диктатора в той сложной обстановке столкновения самых противоположных интересов и стремлений, которая создалась в Омске. Вопреки ходячему мнению о несокрушимой воле адмирала и его железном характере, я считал его человеком весьма мягким, податливым влиянию окружающей обстановки и лиц»¹. Вопрос о диктаторе тем самым вполне мог восприниматься Гайдой как решенный не в окончательно форме.

С другой стороны, невозможно было оспорить и мнение самого Колчака, высказанное в одной из бесед генералу М. Жанену. «Он стал у власти при помощи военного переворота и, поэтому, главное командование не может быть отделено от диктаторской власти без того, чтобы она не потеряла под собой почву.

“Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено. Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них... Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ей. Для того, чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы”².

Потому Гайда и решил «сохранять нейтралитет», а, говоря более внятно, взять паузу и посмотреть за развитием политической ситуации в Сибири. Повороты его дальнейшей карьеры в России показали, что амбиции его не угасли, но это – сюжет для другого исследования...

Кузнецов К.Ю.

Зарубежный опыт в советском танкостроении на рубеже 1920 – 1930-х гг. (деятельность Э. Громе в СССР)

В силу сложившихся исторических обстоятельств молодое Советское государство в деле постройки бронированных боевых машин отставало от первопроходцев – Англии и Франции. В начале 20-х годов XX в. большую часть танкового парка Красной армии (РККА) составляли ино-

¹ Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 213.

² Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. // Сибирские огни. Новосибирск. 1927. № 4. С. 107 – 108.

странные машины, которых, к тому же, было немного. Необходимо было наверстать упущенное. На основе изучения опыта применения танков в Первой мировой и Гражданской войнах были разработаны собственные концепции применения танков. Примерами здесь могут служить «Полевой устав РККА» 1929 г., рассматривающий бой в качестве общевойскового, а также «Боевой устав броневых сил РККА», затрагивавший непосредственно действия бронетанковых войск. В них прослеживалась тенденция к выделению танков в самостоятельный род войск, в зависимости от боевой обстановки. Проверка теоретических изысканий всегда требует наличия подходящей для этого материальной части. К концу 1920-х гг. следствием высоких темпов роста тяжелой промышленности стала возможность серийного производства собственных образцов танков. Однако небольшая номенклатура и маленькие объемы производства боевых машин не позволяли оснастить войска необходимым количеством техники. По протоколу № 29 заседания Реввоенсовета СССР 17 – 18 июля 1929 г. будущая система автобронетанкового вооружения РККА должна была иметь 14 типов машин¹, в том числе легких, средних и тяжелых – все под разные задачи. Наладить выпуск такой широкой номенклатуры с нуля было бы очень сложно. Здесь пришлось прибегнуть к иностранному опыту.

Еще в 1928 г. в Казани была создана танковая школа рейхсвера – Кама (или ТЕКО), где происходил активный обмен опытом между немецкими и советскими курсантами. Обе стороны позаимствовали друг у друга некоторые технические решения. В фондах Ленинградского государственного завода № 174 им. К.Е. Ворошилова отложилось целое дело, содержащее в себе множество документов об испытаниях немецких машин на ТЕКО². В 1931 г. в командировке от его предшественника, завода «Большевик», там побывал С.А. Гинзбург – участник и руководитель некоторых работ по танкам Т-26, Т-28, Т-35³. Некоторые исследователи небезосновательно приводят сравнение ходовых частей танков Т-28, над которым работал Гинзбург, и танка Großtraktor фирмы Krupp, проходившего испытания на ТЕКО. Ходовая часть танка Т-28, спроектированного на год позже, являет собой буквально то же самое, что немцы испытывали на «Большом тракторе».

В 1930 г. в Англию отправилась закупочная комиссия во главе с И.А. Халепским, в состав которой вошел и С.А. Гинзбург. Ею было приобретено 15 танков Vickers Mk. E type A (их позднее запустят в серийное

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 15. ЛЛ. 190 – 203.

² ЦГА СПб. Ф. 5350. Оп. 1. Д. 8.

³ Там же. Ф. 1275. Оп. 9. Д. 370. Л. 140.

производство на заводе «Большевик» под индексом Т-26)¹. Также предпринимались попытки купить средний танк Vickers Medium Mk. 3². Был запущен в производство колесно-гусеничный танк БТ-2, спроектированный по образцу американского танка М.1931 разработки У. Кристи.

Так происходило активное заимствование иностранного опыта. Однако самой трудоемкой и грандиозной задачей была постройка «мощного танка особого назначения» для прорыва в сильно и заблаговременно укрепленных районах. С этой целью на волне освоения зарубежного опыта для проектирования бронетанковой техники был приглашен инженер Э. Гроте (Гротте) с группой своих помощников. Информации о его личности очень мало. Удалось установить лишь некоторые детали его биографии. Эдвард Ф. Гроте – немецкий дипломированный инженер. Имел несколько патентов в области силовых агрегатов и креплений. До своего приезда в Советский Союз занимал должность технического руководителя на германской автомобильной фабрике³. Будучи приглашенным в СССР и работая на «Большевике», в специально созданном КБ АВО-5 спроектировал и изготовил один экземпляр танка ТГ, предложил также проекты танков ТГ-3, Т-42, работал над созданием моторов повышенной мощности для Т-18⁴ и Т-20⁵, а также над созданием 3,5-тонного трактора⁶. По аннулированию договора или немного позже вернулся обратно в Германию, где устроился в «Krupp AG», где вместе с Э. Мюллером отвечал за разработку 1000-тонного танка Р.1000.

Прибытие Э. Гроте в Ленинград не было гладким и сопровождалось множеством разнообразных заминок и даже небольшим разбирательством на уровне Полномочного представительства ОГПУ. Первым делом Гроте занялся проработкой проекта мотора увеличенной мощности для танка Т-18⁷. Из ежемесячных отчетов по опытным работам танко-тракторной группы известно, что проектов двигателя увеличенной мощности было два. В июле-августе 1930 г. от первого проекта инженер отказался⁸. Был ли доделан второй проект – неизвестно, т.к. в отчетах срок сдачи был назначен на

¹ Пашолок Ю. Экспортный бестселлер // Warspot.ru [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://warspot.ru/7252-eksportnyy-bestseller>

² Пашолок Ю. Английский Змей Горыныч // Warspot.ru [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://warspot.ru/7081-angliyskiy-zmey-gorynych>

³ ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 9. Д. 370. Л. 123.

⁴ Там же. Д. 397. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 370. Л. 114

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 397. Л. 164.

1 октября 1930 г., однако затем никаких упоминаний о выполнении нет. Вместе с этим инженер вел разработку упоминавшегося трактора для нужд Управления по механизации и моторизации РККА.

Главная работа началась еще весной. В апреле 1930 г. группе Гроте было выдано задание на проектирование танка. Изготовление прототипа сопровождалось некоторыми проблемами, в том числе и с мотором оригинальной конструкции. Испытания законченного образца начались 27 июня 1931 г. и с перерывами длились до 1 октября. Собранная для оценки испытаний комиссия заключила, что танк в серию не пойдет¹. Примененные в нем технические решения оказались достаточно прогрессивными, но сложными в производстве. Изготовление танка обошлось довольно дорого. Некоторые исследователи указывают, что на оплату расходов при постройке было выделено от 1,5 до 2 млн. рублей². Сложностью и дороговизной обычно и объясняется отказ от дальнейшей работы над танком Гроте. Однако исследователи не раскрывают деталей.

На балансе завода «Большевик» на 1 января 1932 г. в смете по остатку готовых изделий на испытании, в графе «Опыт за счет заказчика», значится запись со ссылкой на наряд № 17543. В нем себестоимость «опытной машины Т-Г» оценивается в 665717 руб., а «хозяйственный расчет» – в 706932 руб. 39 коп.³ В ведомости по отчету «кредиторы по расчетам по степени готовности» на указанный наряд приходится еще 638497 руб. в качестве сальдо⁴.

Автор затрудняется точно определить назначение всех этих сумм, а потому сравнивает себестоимость. Как видно, в случае с танком Гроте она составляла 665717 руб. Некоторые исследователи сравнивают ее со стоимостью танка БТ-2, приводя цифру в 60 тыс. руб.⁵ Вряд ли это можно считать корректным сравнением. Логично предположить, что легкий танк надо сравнивать с легким, а тяжелый – с тяжелым. Из разнообразных открытых источников известно, что себестоимость Т-35 по состоянию на 1939 г. – последний год серийного производства – составляла примерно 603 тыс. руб. А себестоимость Т-26 в 1931 г. – 68233 руб.⁶ В этом она вполне сопоставима со стоимостью танка БТ-2, приводимой другими исследователями. Тем самым, появляются основания, чтобы подвергнуть сомнению мнение о чрезмерной дороговизне танка Гроте, как одной из причин отказа от дальнейших работ. Если учесть вышеуказанную себестои-

¹ Коломиец М.В. Маневренные танки СССР Т-12, Т-24, ТГ, Д-4 и др. М., 2014. С. 66.

² Там же. С. 69.

³ ЦГА СПб. Ф. 5350. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

⁴ Там же. Л. 49.

⁵ Коломиец М.В. Указ. соч. С. 69.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 5350. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.

мость Т-35, а также то, что перед серийным производством было построено 4 опытных образца, то можно предположить, что его постройка и запуск в серию вышли никак не дешевле танка Гроте. Однако до отыскания необходимых документов это следует считать лишь предположением.

Работа над танком Гроте не утихла. В записке на имя начальника Орудийно-артиллерийского треста (Орударттреста) от 19 ноября 1931 г. ставился вопрос о порядке «постройки нового образца танка типа Гроте»¹. Однако в дальнейшем формулировка изменилась. Уже переработку танка поручают Опытно-конструкторскому машиностроительному отделу (ОКМО) завода «Большевик». 20 февраля 1932 г. на основе ОКМО из состава завода «Большевик» окончательно выделяется Ленинградский государственный завод № 174 им. К.Е. Ворошилова². Все разработки опытного отдела переходят на его баланс. Однако в «Плане по опытным работам» завода «Большевик» в отчете за март 1932 года значится проект установки 76- и 37-мм орудий в ТГ. По вопросам поковок «Большевик» обращался на завод им. Ворошилова. Т.е. в начале весны 1932 г. работы над проектом Э. Гроте шли, причем совместными усилиями двух заводов.

Где в это время находился сам инженер, остается неизвестным. По мнению М.В. Коломийца, от услуг немецких специалистов отказались еще в августе 1931 г., после чего они вернулись в Германию³. Однако инженер-монтажник из группы Э. Гроте К. Оттерсбах, оставался в СССР до конца декабря 1931 г. Есть сведения, что в 1933 г. Э. Гроте предложил тогдашнему начальнику вооружений РККА М.Н. Тухачевскому 1000-тонный проект танка морской обороны⁴.

Несмотря на то, что первый танк инженера Э. Гроте, а также переделки на его базе, не были приняты на вооружение, они внесли большую лепту в дальнейшее развитие советского танкостроения. Сам танк имел множество прогрессивных на тот момент технических решений, а опыт, полученный советскими инженерами в ходе совместных работ с немецкими, был усвоен и многократно использован. В конце концов, советские инженеры на практике столкнулись с концепцией многобашенного танка прорыва и имели возможность с ней поэкспериментировать. Так, при проектировании машины Т-39 в 1933 г. широко использовались наработки Э. Гроте. Широко они использовались и при разработке Т-35, особенно учитывая, что Н.В. Барыков – главный конструктор Т-35 – некоторое время находился в непосредственном подчинении Гроте. Т-35 в настоящее время

¹ Там же. Ф. 1275. Оп. 9. Д. 456. Л. 20.

² Там же. Ф. 5350. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

³ Коломиец М. В. Указ. соч. С. 69.

⁴ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 212. Л. 88.

имеет противоречивую репутацию, обусловленную неудачным применением уже во время Великой Отечественной войны. Но стоит принять во внимание, что время, затраченное на его разработку, не прошло даром. Инженеры многократно повысили свои навыки, что доказали позднее при разработке более прогрессивных машин.

Завод «Большевик» освоил множество технологий, необходимых для изготовления самых разнообразных боевых машин и, что самое важное, выполнил поставленную задачу, выпустив тяжелый танк прорыва, который органично вписался в новообразованную автобронетанковую систему РККА. К маю 1933 г. было выпущено две машины, одна из которых – Т-35-2, приняла участие в параде в честь Дня солидарности трудящихся в Ленинграде. Не обошлось и без других новинок. По площади Урицкого прошли также два Т-28. Уже к августу были готовы 4 танка. 29 сентября 1933 г. пришло распоряжение все имевшиеся на заводе им. К.Е. Ворошилова Т-35 восстановить после испытаний и отправить в Москву для участия в параде 7 ноября¹. Машины прошли на параде без эксцессов, продемонстрировав мощь и прогресс Советского государства.

Таков небольшой эпизод бурного развития советского танкостроения. К середине 30-х годов сформировалась четкая система бронетанкового вооружения РККА, отвечавшая современным на тот момент оперативно-тактическим взглядам на применение танков в различных видах боевых действий. Т-26, Т-28, Т-35, созданные на заводе «Большевик» при привлечении иностранного опыта и инженеров, заняли в ней свою нишу.

Дубровская Е.Ю.

Из истории Онежской озерно-речной флотилии (к 100-летию кампаний 1919 года)²

В годы Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию акватория Онежского озера с прилегающими к нему районами, занятыми объединенными войсками созданного в Архангельске Временного правительства Северной области (ВПСО) и его союзников по Антанте, превратилась, по образному выражению писателя К. Паустовского, в настоящий «озерный фронт». В 1919 – 1920 гг. боевые действия между

¹ ЦГА СПб. Ф. 3209. Оп. 2. Д. 5. Л. 50.

² Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

«красными» и «белыми» велись как на Ладожском, так и на Онежском озерах, где обе стороны располагали озерными флотилиями¹.

В переломные для истории Российского государства годы Гражданской войны населенная карелами территория уездов Олонецкой губ. и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии и Франции – недавних союзников по антигерманской коалиции². С июля 1918 г. территория Российской Карелии стала театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и ее союзника Финляндии, получившей независимость. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидной их главная цель – укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования ВПСО остановились на границе Кемского уезда Архангельской губ. и Повенецкого уезда Олонецкой губ.³ В то же время в Ухтинской волости оставались так называемые «белые финны», которые готовили новое вторжение в Российскую Карелию. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, все более накаляла обстановку в северно-карельских волостях⁴.

¹ Г.С. [Степанов Г.А.] Четыре года назад в Онежском озере (Воспоминания участника) // Морской сборник. 1924. № 6. С. 3 – 13.

² Гришанин П.И. Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 – начала 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2009. № 4. С. 48 – 62; Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; Розенберг У. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918 – 1920 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923. М., 2014. С. 35 – 62.

³ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920. М., 1993; Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на Русском Севере. 1917 – 1920. М., 2011; Шумилов М.И. Революция и гражданская война в Карелии: 1917 – 1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 342 – 426.

⁴ Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018.

1919 год стал особенно напряженным в военном отношении. В это время почти вся территория, населенная карелами, находилась под властью интервентов и антибольшевистских сил¹. В январе 1919 г. велись военные действия Красной армии как против войск ВПСО, так и против союзных ему военных формирований интервентов, прежде всего англичан, высадившихся в Мурманске, Архангельске и Онеге и продвинувшихся вдоль линии Мурманской железной дороги вплоть до акватории Онежского озера².

Внимание к сбору воспоминаний об отдельных событиях периода Гражданской войны в Карелии традиционно сохранялось в исследовательской деятельности сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН³. В 1949 г. сотрудники Института, входившего тогда в Карело-Финский Филиал АН СССР, готовили материалы для сборника воспоминаний к 30-летию Видлицкой операции. Во время этой операции на восточном берегу Ладожского озера в районе с. Видлица 27 июня 1919 г. был высажен тактический десант. Проведенная силами красноармейских частей и кораблей Онежской озерно-речной флотилии (ООРФ) под командованием Э.С. Панцержанского, она была нацелена на ликвидацию в Видлице штаба и базы снабжения финской Олонецкой добровольческой армии, вторгшейся на территорию Российской Карелии в апреле 1919 г., и стала одним из звеньев наступления советских войск на Петроградском фронте, которое было предпринято во второй половине июня⁴.

К сожалению, сборник воспоминаний, готовившийся к 30-летию Видлицкой операции, так и не увидел свет, сохранились лишь подготовительные материалы к этому сборнику в первичной редакторской обработке с аннотациями аспиранток сектора Г.Н. Богдановой и И.П. Борисовой к каждому из текстов⁵. В него предполагалось включить мемуары наиболее заметных участников Гражданской войны в Олонецкой Карелии. Среди

¹ Мусаев В.И. Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Интервенция на Северо-западе России 1917 – 1920 гг. СПб., 1995. С. 230 – 236.

² Барон Н. Столкновение империй: Российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. 2011, № 6. С. 90 – 96.

³ Панцержанский Э.С. Одна из красных страниц. Дело у Видлицы // В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932. С. 84 – 88; Машаров Ф.Ф. Победа под Видлицей // За Советскую Карелию. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 255 – 259.

⁴ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1988. С. 61 – 62.

⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 144.

них председатель Тулмозерского волостного исполкома Н.И. Власов, помощник комиссара Олонецкого губвоенкомата И.В. Матвеев, уроженец Финляндии Б.С. Лахти – командир роты 1-го стрелкового полка, с конца апреля по июнь 1919 г. сражавшегося на олонецком участке фронта, эстонец Э.А. Лаук, матрос Балтийского флота, ставший военным моряком красной Онежской флотилии.

Впоследствии их воспоминания вместе с мемуарами командира эскадренного миноносца «Амурец» А.П. Белоброва, командира сторожевого судна № 15 Е.В. Дыммана, воевавшего на Ладожском озере, участника боев против финских отрядов уроженца Коткозерской вол. П.И. Журавлева и многих других участников и очевидцев событий Гражданской войны в Олонцком крае вошли в сборники, опубликованные в Петрозаводске в 1957 и 1963 гг.¹ Среди «эго-документов» участников Гражданской войны в южной Карелии обращают на себя внимание мемуары В.Н. Федотова, который во время Видлицкой операции командовал минным заградителем «Яуза». Они были написаны в 1956 г. и хранятся в научном архиве КарНЦ РАН в деле, озаглавленном «Формирование дивизиона минных заградителей в 1918 г. Видлицкая операция, наступление в тылу противника», частично были опубликованы в сборнике 1963 г.² Воспоминания автора о Видлицкой операции дополнены его свидетельствами о боевых действиях военных моряков в Онежском озере осенью 1919 г.: «Операция у острова Сосновец», «Лижемская операция» и «Высадка десанта в Большой губе», которые в сборник не вошли.

Владимир Николаевич Федотов (1892 – 1957) окончил Морской корпус в 1912 г. Во время Первой мировой войны после завершения обучения в минных классах (1916 г.) служил на Балтийском флоте в качестве старшего минера на крейсере «Богатырь». С 1918 по 1920 гг. командовал минным заградителем «Яуза» Онежской озерно-речной флотилии и принимал участие почти во всех ее операциях. До выхода в отставку в звании капитана 1-го ранга занимал командные должности в Военно-морском флоте³. Его семью не миновал трагический раскол, прошедший в 1917 г. по судьбам офицеров российского флота: родители остались в советской России, а родной брат, тоже морской офицер, Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт

¹ В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918 – 1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

² НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 20. Д.190; Федотов В.Н. На боевом корабле // За Советскую Карелию. 1918 – 1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 273 – 279.

³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1 Оп. 20. Д. 190. ЛЛ. 1, 26.

(1889 – 1950) после Гражданской войны эмигрировал в США, где стал известным историком и публицистом Русского зарубежья.

При подготовке сборника «За Советскую Карелию» дала себя знать идущая из издательского опыта 1930-х – первой половины 1950-х гг. распространенная практика редакционных правок и не оговариваемых в примечаниях купюр в текстах, что неизбежно вело к искажению источника¹. Опубликованные воспоминания Федотова также носят следы такой правки. Его неотредактированные мемуары частично введены в научный оборот петрозаводским исследователем военной истории Русского Севера С.М. Титовым, безвременно ушедшим из жизни в 2015 г.²

Монографическое исследование истории советской Онежской озерно-речной флотилии впервые было проведено старшим научным сотрудником сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР К.А. Морозовым³. Полвека спустя необычайную остроту политической и экономической обстановки в регионе удалось показать С.М. Титову, занимавшемуся историей Красной, Белой и союзнической военных флотилий Онежского озера. Богатый документальный материал, введенный им в научное обращение, а также широкое привлечение мемуарной и исследовательской литературы позволили ученому показать яркую картину боевых действий и прояснить запутанные обстоятельства столкновений сторон в 1919 г., проследить судьбы кораблей и военных моряков, прежде всего, их командиров, в недавнем прошлом – кадровых офицеров императорского Балтийского флота⁴.

¹ Polyakova T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2016. Вып. 1 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=482>

² Дубровская Е.Ю. Сергей Михайлович Титов (1958 – 2015) – исследователь военной истории Русского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 11/2018 (9). Вып. 15. С. 138 – 144.

³ Морозов К.А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918 – 1920). Петрозаводск, 1961.

⁴ Титов С.М. Бои на Онежском озере в 1919 г. (по материалам фондов НМРК) // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 80 – 84; его же. Бой 3 августа 1919 г. на Онежском озере // Корттик: Флот. История. Люди. 2011. № 12-13; его же. Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918 – 1920) // Корттик: Флот. История. Люди. 2013. № 14. С. 97 – 105; 2015. № 15; его же. К истории взаимоотношений командования морских и сухопутных сил Красной Армии в боях на Онежском озере в 1919 г. // Человек в истории: героическое и обыденное: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году российской истории (Петрозаводск, 18 – 20 сентября 2012 г.). Петрозаводск, 2012. С. 147 – 153.

Для осуществления Видлицкой операции в помощь ООРФ с Балтики были направлены эсминцы «Амурец» и «Уссуриец», в ней участвовали пять сторожевых кораблей флотилии, минный заградитель «Яуза», посыльное судно «Петрозаводск» и четыре транспорта с десантом в 650 чел.¹ С.М. Титов отметил, что в ходе Видлицкой операции действия заградителя «Яуза», своим огнем подавившего финские батареи в Видлице, оказались особенно удачными. В отдельные моменты стрельба велась с дистанции от 10 до 5 кабельтовых (1800 – 900 м). Все участники десанта – и моряки, и пехотинцы – заслужили благодарность со стороны высшего военного и политического руководства советской России, однако самая первая награда поступила на борт заградителя «Яуза» от начальника 1-й стрелковой дивизии М.П. Гусарова, которому понравились боевые действия «Яузы». Историк приводит рассказ командира корабля о том, что сразу же после боя Гусаров как начальник Междозерного участка прислал ему «в награду четвертную спирта»². Однако этот фрагмент воспоминаний, повествующий о том, как В.Н. Федотов, собрав команду, «произнес свою первую в жизни речь, поздравил с победой и поднял чарку за товарищество и за будущие победы над белыми», показался редакторам несовместимым с образом доблестных военных моряков РККФ и в одной из копий мемуаров был не только вычеркнут, но и вырезан³.

Онежская военная озерно-речная флотилия базировалась в Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края, с осени 1918 г. Район ее действия охватывал не только Онежское и Ладожское озера, но и р. Свирь. Балтийский флот, выполнявший свои собственные боевые задачи, смог передать флотилии только два минных заградителя: «Яузу» и «Березину». Поэтому командование флотилии решило включить в ее состав суда местного озерного и речного транспорта, переоборудовав их, главным образом, большие озерные пароходы, в военные корабли.

Первоначально на Онежском озере действовал только дивизион канонерских лодок из 8 единиц. Остальные боевые суда флотилии находились на Ладожском озере. Петрозаводск стал главной базой флотилии, а для размещения ее штаба и судовых команд Олонецкий губернский исполком по инициативе его председателя П.Ф. Анохина предоставил одно из лучших зданий города – дом бывшего епархиального училища. Одной из главных проблем в формировании флотилии было отсутствие вооружения

¹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 62.

² Титов С.М. Флотилия и дивизия. О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г. // Север. 2013. № 9 – 10. С. 166 – 176.

³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 190. ЛЛ. 13, 38.

на бывших пароходах, ее начали решать с помощью находившегося в Петрозаводске Александровского снарядоделательного завода. Большинство команд комплектовалось в основном матросами Балтийского флота, которые все три года боевых действий флотилии формировали ядро ее личного состава¹. Кроме того, во флотилию привлекали на добровольных началах матросов пассажирских и грузовых пароходов, курсировавших по Онежскому озеру. Моряки, изъявившие желание служить в ней, подписывали контракт и становились военными моряками. Большая часть их была уроженцами Карелии.

Командующим флотилией был назначен опытный военный специалист из офицеров Балтийского флота Э.С. Панцержанский (1887 – 1937). Он состоял на военной службе с 1908 г., в 1910 окончил морской корпус, в годы Первой мировой войны принимал участие в боевых операциях флота и был контужен в одном из морских сражений. Осенью 1917 г. Панцержанский занимал должность флагманского минера шхерного отряда судов Балтийского моря и Або-Оландской укрепленной позиции. В Онежской флотилии он находился с первых дней ее организации, первоначально являясь помощником начальника флотилии и начальником базы, а с ноября 1918 г. – командующим флотилией².

Бывшие офицеры Балтийского флота, имевшие за плечами опыт Первой мировой войны, составляли значительную часть командного состава ООРФ. Некоторые из них были участниками легендарного Ледового похода двухсот кораблей из осажденного немцами Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт в апреле 1918 г., спасшего флот от гибели и осуществленного под руководством командующего флотом капитана I ранга А.М. Щастного³. К числу морских офицеров, совершивших этот беспри-

¹ Морозов К.А. Указ.соч. С. 7 – 22, 60.

² Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии). Фонд «Русские военные бумаги»; Макарова Ф. Вступительная статья к воспоминаниям: Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С. 73 – 74. После окончания гражданской войны Э.С. Панцержанский занимал ряд высоких командных должностей в советском Военно-Морском флоте – начальника морских сил Каспийского моря, начальника морских сил Черного и Азовского морей, помощника командующими войсками Украины и Крыма по морской части и помощника главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. В 1921 – 1924 гг. он командовал морскими силами республики, в 1924 г. по рекомендации М.В. Фрунзе был назначен командующим Морскими силами СССР, а в 1925 – 1926 – Морскими силами Черного моря. В 1937 г. жизнь флагмана I ранга трагически оборвалась, как и сотен советских военачальников, оговоренных и уничтоженных по нелепым обвинениям в эпоху сталинских репрессий.

³ Арест А.М. Щастного по обвинению в подготовке антибольшевистского переворота, бывший, по сути, сведением личных счетов со стороны наркома по военным делам

мерный подвиг, принадлежал Г.А. Степанов, который первоначально командовал заградителем «Шексна», а с марта 1919 г. стал начальником штаба ООРФ.

Однако командный состав не был знаком с особенностями плавания и боевых действий на озерах и реках, давала себя знать и ощутимая нехватка кадров военных специалистов. Весной 1919 г. Панцержанский обращался в Генеральный морской штаб с настоятельной просьбой срочно прислать на флотилию еще восемь кадровых опытных офицеров, сославшись на то, что «присланные никуда не годятся, в большинстве случаев совершенно не плававшие на боевых кораблях, один из них – сельский учитель, ни разу не ступавший на палубу»¹. Э.С. Панцержанскому принадлежит особая роль в деле организации флотилии и подготовки боевых судов и личного состава к предстоящим боевым операциям.

С мая 1919 г. вся территория Онежско-Ладожского перешейка стала театром боевых действий. Кроме финских отрядов, наступавших с запада, с севера сюда двигались английские и белогвардейские части. С советской стороны против них сражались части 19-й стрелковой дивизии, а с середины мая – 1-й стрелковой дивизии под командованием М.П. Гусарова. Ему были подчинены все действовавшие на перешейке войска, включая пограничные и железнодорожные, после чего группировка стала называться Междоузерным районом. В соответствии с приказом командующего 7-й армией от 15 мая 1919 г. штабу этих войск была подчинена в оперативном отношении и Онежская озерно-речная флотилия².

Летом 1919 г. Ф.Ф. Машаров был начальником штаба Междоузерного района и участвовал в разработке и осуществлении Видлицкой десантной операции, приведшей к разгрому финских интервентов под Видлицей и Тулоксой и получившей высокую оценку специалистов³. Фрагмент его воспоминаний, не попавший на страницы сборника 1963 г., содержит весьма любопытный рассказ, озаглавленный «Зарождение идеи и подготовка десантной операции».

По словам мемуариста, когда во время японской войны 1904 – 1905 гг. ему было лет 14 – 15, он вместе со сверстниками-гимназистами остро переживал военные неудачи российской армии и флота. Ученики пермской гимназии вместе с преподавателем истории «иногда целые часы занятий

Л.Д. Троцкого, и расстрел летом 1918 г. вызвали возмущение среди военных и волну протестов, прокатившуюся по стране.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 329.

² Титов С.М. Флотилия и дивизия. О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г. // Север. 2013. № 9 – 10. С. 168.

³ Мусаев В.И. Олонецкая экспедиция и позиция западных держав. С. 235 – 236; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 62.

обсуждали последние события на фронтах, рассматривали открытки, снимки в журналах и т.п.». И если для некоторых это была лишь попытка отвлечь преподавателя от проведения опроса, то «нескольким из нас, – вспоминает Машаров, – это привило любовь на всю жизнь и определило выбор профессии. Особенное влечение было к военно-морскому флоту (катанье на лодках по р. Каме было нашим любимым занятием). Мы перечитывали все, что попадало о флоте, изобрели свою военно-морскую игру, в которой сначала воевали на картах, а затем столкновения разыгрывались на полу с небольшими моделями, сделанными по чертежам военно-морских сборников. Моим страстным желанием было сделаться морским офицером». Однако «как сын мещанина» (из семьи железнодорожного служащего) поступить в морской корпус он не мог, поэтому был избран «обходной путь»: «поступаю в артиллерийское училище с расчетом впоследствии перейти во флот. Не будь этой любви с детства к флоту, может быть, мне и не пришла бы мысль о десанте в Видлицах, зародилась же эта мысль сразу же после неудачи наступления на суше»¹.

Захватив в мае 1919 г. станцию Медвежья гора на Мурманской магистрали и выйдя с севера на побережье Онежского озера, интервенты и части белых получили время для создания здесь своей флотилии и баз для кораблей и авиации, а также для установки береговых батарей. Первоначально белая флотилия насчитывала 10 – 12 катеров-истребителей и несколько вооруженных судов. По железной дороге интервенты спешно подвезли из Мурманска несколько судов и спустили их в озеро, доставили в Медвежью Гору несколько гидропланов. Их гидроавиация, насчитывавшая около 20 гидросамолетов, подчинялась Штабу командующего Мурманским фронтом. В конце июля – начале августа 1919 г. сюда прибыли катера-истребители, 6 английских катеров, моторные катера «Таможенный», «Кемь», «Сорока», «Ирма» и другие суда, вошедшие в состав белой Онежской флотилии.

Начальником флотилии белых был назначен капитан 2 ранга А.Д. Кира-Динжан. Команды судов состояли, главным образом, из англичан и в незначительной степени из русских. На английских катерах служили исключительно английские команды, летчиками являлись англичане и французы. Их авиация имела безусловное преимущество в воздухе и систематически производила глубокую разведку. Самолеты с английскими и французскими опознавательными знаками совершали налеты на дозорные корабли советской Онежской флотилии и на Петрозаводск – ее главную военную базу.

¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 144. Л. 187.

Кораблями Онежской флотилии союзников командовали как английские морские офицеры, так и российские флотские офицеры, служившие у белых. В их числе был лейтенант Г.Н. Лисаневич, начавший свой боевой путь на Балтике, а затем командовавший в Петрограде эсминцем «Капитан Изыльметьев». Уволенный по требованию из Москвы от службы в Красном флоте в мае 1918 г. и объявленный «врагом народа», он продолжал оставаться на миноносце. Современники характеризуют его как человека отчаянной храбрости и находчивости, который не останавливался ни перед чем, хотя «не раз находился на волоске от смерти». Лисаневич стал одним из инициаторов возмущений против расстрела А.М. Щастного. Сослуживец по флотилии называл Лисаневича «народником», а эмигрант-монархист Г.К. Граф отмечал его нетерпимость к «завоеваниям революции». Благодаря команде эсминца, которая не выдала своего командира, Лисаневич избежал ареста в Петрограде и пробрался на архангельский фронт. Став и здесь любимцем солдат и матросов, он воевал в составе белой Онежской флотилии и командовал сторожевым судном «Боевой». После разгрома флотилии был арестован и содержался в заключении в исправительном доме Петрозаводска¹.

По боевым качествам корабли советской Онежской флотилии значительно уступали противнику. Это были обыкновенные буксирные пароходы, с трудом приспособленные для ведения военных действий. Превосходство сил интервентов и белогвардейцев в воздухе и на воде стало серьезной причиной неудач ООРФ во время первого периода боев летней кампании 1919 г. на Онежском озере.

В августе в Повенецком заливе советская Онежская флотилия понесла крупные потери в судовом составе в результате совместного нападения авиации и быстроходных катеров противника. 2 августа начальник союзнической флотилии Кира-Динжан объявил боевой поход, взяв на себя командование операцией. Целью похода был захват дозорных судов советской флотилии. Бой в районе о-ва Речного начался утром следующего дня. В тот же день части интервентов и белогвардейцев атаковали с суши и с озера подразделения Красной армии в Заонежье, в районе д. Падмозеро. В с. Толвуя высадились подразделения белых. После ожесточенных боев, пользуясь численным превосходством своих войск, они вынудили находившиеся в Заонежье два батальона Красной армии оставить Заонежский полуостров. В Великой Губе и Сенной Губе были созданы промежуточные базы белых для катеров и гидропланов. Установленные на о-ве Мег батареи закрывали вход в Повенецкий залив.

¹ РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 194. ЛЛ. 2, 3 об., 9 – 10; Граф Г.К. На «Новике». Мюнхен, 1922. С. 354, 358 – 359, 376 – 377.

Несмотря на стойкое сопротивление моряков советской Онежской флотилии, в числе которых отличилась команда, вахтенный начальник П. Толбузин и командир канонерки № 6 Н.Н. Варзугин, 3 августа флотилия потерпела в бою поражение. Противнику удалось вывести из строя и захватить канонерскую лодку № 2, сторожевое судно и сторожевой катер¹. Приказом по русским войскам Мурманского района лоцман Ф. Филин, уроженец заонежской деревни Шуньгский бор, служивший у белых, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Находясь в бою 3 августа на головном истребителе, он «под огнем противника в атаке на суда повел отряд по загражденному узкому фарватеру через риф» и содействовал успеху операции². Так земляки, уроженцы одних мест, оказывались разведенными по разные стороны линии фронта братоубийственной Гражданской войны.

В огромной степени ответственность за это лежит на организаторах союзнической интервенции, которая ничем не может быть оправдана. По справедливому наблюдению В.И. Голдина, на русском Севере отсутствовали большие противостоявшие друг другу группы населения, готовые отстаивать свою правду и интересы с оружием в руках. Политическая борьба протекала здесь в 1917 г. – первой половине 1918 гг. мирно и вряд ли вылилась бы в жестокую Гражданскую войну без иностранного вооруженного вмешательства³.

Наступление интервентов на Севере летом 1919 г. натолкнулось на упорное сопротивление красноармейских частей 6-й армии. Уже в июне противник вынужден был отказаться от запланированных крупных операций на вологодском, северодвинском и петрозаводском направлениях. Переход в наступление войск интервентов и белогвардейцев был сорван серией восстаний в белых частях в июле 1919 г. Первые признаки разложения иностранных войск на Севере появились летом 1919 г., когда французские и итальянские солдаты начали группами уходить с фронта. В июне командование интервентов было вынуждено вывести из региона американские, французские и итальянские части⁴. Остались только английские вой-

¹ РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 362. ЛЛ. 9 – 10; Д. 179. ЛЛ. 156 – 157; Морозов К.А. Указ. соч. С. 67 – 71; Очерки истории Карелии. С. 109.

² РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 194. Л. 19, 35.

³ Голдин В.И. Вступительная статья // Белый Север. 1918 – 1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 8.

⁴ Барон Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг. История и мемуары. СПб., 2013. С. 231; Николаев О.Р. Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 6 – 37.

ска, но и среди английских солдат все больше росло недовольство¹. Союзное командование было вынуждено еще летом 1919 г. эвакуировать в Англию некоторые свои части как небоеспособные.

Новое наступление на Севере в поддержку русских белых армий А.И. Деникина и Н.Н. Юденича должно было прикрыть готовившуюся эвакуацию иностранных войск и поднять пошатнувшееся моральное состояние рядовых. По замыслу организаторов, наступление в Карелии предполагалось провести на всех участках фронта – Пудожском, Заонежском и железнодорожном. В августе 1919 г. наступление началось на Заонежском полуострове и на Пудожском направлении. В течение июля – августа командование красноармейских частей в Карелии приняло меры, значительно увеличившие силы Онежской военной озерно-речной флотилии. После боя 3 августа 1919 г. командование сухопутных войск поддержало предложение об усилении ее боевой мощи.

Над Петрозаводском вновь нависла опасность. В разведывательной сводке 7-й армии сообщалось о том, что интервенты поставили русскому командованию Мурманского фронта задачу занять Петрозаводск до 15 августа. Во время налета на Петрозаводск трех неприятельских гидроаэропланов 5 августа на город было сброшено около 10 бомб. Три из них упали в городском Летнем саду, четыре – между Онежским (бывшим Александровским) заводом и Советским мостом, была убита девочка 12 лет, полоскавшая белье. Бомбы сбрасывались на суда ООРФ, один матрос был ранен осколком. 7 августа в 9 часов утра противник сбросил на город с гидросамолетов четыре бомбы, в числе пострадавших оказались два тяжелораненых матроса и один раненый легко. Через час еще один гидроаэроплан сбросил бомбы и прокламации. При налетах гидроаэропланы обстреливались артиллерией с судов флотилии, а также из пулеметов. В середине августа в Петрозаводск прибыли советские гидроаэропланы, предназначенные для борьбы с противником в воздухе².

7 августа в Петрозаводск был направлен эскадренный миноносец Балтийского флота «Сторожевой». И хотя этот корабль находился во флотилии немногим больше месяца, он оказал существенную помощь судам при проведении боевых операций. Во флотилию поступили две плавучие батареи, их вооружение было произведено на Обуховском заводе в Петрограде, а также гидроотряд, состоявший из четырех самолетов. С середины

¹ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 107 – 108; Баркина В.С. Кемь: города и районы Карелии. Петрозаводск, 1982. С. 63.

² Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918 – 1920. Сб. документов. Петрозаводск, 1963. С. 110, 116; Морозов К.А. Указ. соч. С. 74 – 75; Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703 – 2003. Петрозаводск, 2002. С. 242 – 243.

августа ООРФ в административном, техническом и хозяйственном отношении стала подчиняться непосредственно Реввоенсовету Балтийского флота, сюда были направлены флотские специалисты с Балтики. В результате принятых мер боевая мощь флотилии стала превосходить силы противника. Теперь, не ограничиваясь несением дозорной службы и выполнением задач по поддержке сухопутных частей, флотилия вступила в новый период своей истории – время борьбы за господство на Онежском озере и проведения наступательных операций¹.

В первой половине сентября войска белых на Мурманском участке фронта, имея численное превосходство в людях и вооружении, стремились продвинуться на юг по линии железной дороги и захватить Петрозаводск. Советские части вынуждены были отступить, и неприятель занял ст. Кивач, расположенную в 50 км от города. В результате боев теперь враг приблизился к Петрозаводску и с севера². Осенью 1919 г. белым войскам удалось захватить территории на железнодорожном и петрозаводском направлениях. Главные силы интервентов и белогвардейцев по-прежнему действовали в зоне Мурманской магистрали. После неудач летнего наступления в Карелии и на Северной Двине союзники решили эвакуировать свои войска, оставив оборону Севера на командующего белыми армиями Временного правительства Северной области генерала Е.К. Миллера. Русской Северной армии предстояло остаться один на один с грозным противником. Уход иностранных войск с Севера означал прекращение военной интервенции, но не интервенции в широком смысле слова, т.к. бывшие союзники продолжали поддерживать армию генерала Миллера оружием, деньгами, продовольствием.

14 сентября 1919 г. началось последнее наступление с участием интервентов в Карелии. Они овладели ст. Лижма, но не сумели полностью обескровить красноармейские части. Нарастало недовольство режимом правления интервентов и Временного правительства Северной области. Главнокомандующий войсками союзной экспедиции генерал Ф. Пуль писал об обстановке, сложившейся на Севере в связи с попытками союзников путем мобилизаций пополнить ряды своей армии: «Массы оказались настолько заражены большевизмом, что объявление мобилизации означало по существу набор кадров для Красной армии»³.

Их методы проведения мобилизации красноречиво описаны очевидцем событий в Медвежьей Горе С.И. Нестеровым: «На Медвежке был генерал английский Юбка. Его так звали потому, что ходил так, точно в юб-

¹ РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп.1. Д. 192, 215, 216; Морозов К.А. Указ. соч. С. 73 – 74.

² История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 161 – 164.

³ Цит. по: Баркина В.С. Указ. Соч. С. 63 – 65.

ке. [вероятно, шотландец. – Е.Д.] Какую деревню ни займет, старых и малых выгоняют на фронт, а потом пишут в газете (“Северная Россия” у них была), что, ишь, у нас наплыв добровольцев в народническую армию. А мужики деревенские говорят: “Раз розгами бьете, так поневоле пойдешь”. В Покровском били розгами двоих, можно персонально назвать... и еще двенадцатилетнего мальчишечку»¹.

В результате мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 50 лет численность белой Северной армии к началу 1920 г. достигла 55 тыс. чел., но насильно вовлеченные в ее ряды военнослужащие несли ей не силу, а разложение. «Армия потеряла понимание целей, потеряла идеологию войны, с которой первые лучшие бойцы шли против большевиков», – признавал впоследствии бывший член ВПСО правый эсер Е.В. Вдовин². В середине сентября, остановив наступление вражеских войск на всех участках фронта, части РККА перешли в контрнаступление. Успешному развитию наступления особенно способствовало осуществление десантной операции в тылу противника по овладению ст. Лижма на берегу Лижемской губы, севернее ст. Кивач, при помощи и поддержке судов ООРФ. В проведении лижемской операции участвовали батальон 3-го стрелкового полка под командованием Е.Н. Линовского, отряд петрозаводских коммунистов под командованием Г.В. Зуева, а также батальон 6-го финского полка РККА, который возглавил Э.Г. Матсон. Полк был сформирован в начале 1919 г. из отряда «красных финнов» – эмигрантов в советскую Россию, потерпевших поражение в гражданской войне в Финляндии зимой – весной 1918 г.

25 сентября при поддержке кораблей советской Онежской флотилии в северной части Лижемской губы высадился десант, который сумел взорвать железнодорожный мост и разобрать железнодорожное полотно в районе ст. Лижма. В результате операции были разгромлены два батальона частей белых и прочно занята железнодорожная станция в тылу противника. Своевременная высадка десанта сорвала планы белогвардейских войск на Мурманском участке фронта. Имея численное превосходство в людях и вооружении, их командование рассчитывало продвинуться на юг по железной дороге и захватить Петрозаводск. 25 сентября 1919 г., нанеся удар по Лижме, красноармейские части перерезали коммуникации неприятеля, действовавшего под Петрозаводском³.

После успешной высадки десанта под Лижмой в октябре и в начале ноября 1919 г. ООРФ провела ряд операций совместно с частями Красной

¹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 105. Л. 275.

² Белый Север. Т. 2. С. 5.

³ История Карелии. Советский период. Сб. документов. Петрозаводск, 1993. С. 46 – 47; Морозов К.А. Указ. соч. С.78 – 83; Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 110 – 111.

армии в Заонежском и Повенецком заливах Онежского озера¹. Основная цель этих операций состояла в том, чтобы уничтожить флотилию и береговые батареи противника и освободить от белых Медвежьё гору и Повенец. Линия фронта в этот период проходила по восточному берегу Онежского озера в 20 км севернее г. Пудожя. На этом участке фронта противник был остановлен в конце августа 9-м стрелковым полком под командованием И.Д. Спиридонова.

Весь Заонежский полуостров, за исключением острова Климецкого, оставался в руках белых войск. В районе Мурманской железной дороги они находились южнее ст. Кяппесельга². 9 октября на Заонежском полуострове в районе д. Кузаранда с кораблей советской Онежской флотилии высадился десант в составе двух батальонов 6-го финского полка. Во взаимодействии с флотилией десант развернул операции по изгнанию противника с полуострова. В результате этих действий в течение пяти дней была освобождена большая часть полуострова, включая д. Шуньгу, и ликвидирована артиллерийская неприятельская батарея на острове Мег.

Согласно оперативным сводкам, буксиры «Химера» и «Кибальчич», входившие в состав ООРФ, после продолжительного сопротивления неприятеля высадили отряд моряков на острове, где «заставили противника обратиться в панику». 11 октября в 5 час. был взят остров Мег, на котором «захвачено 7 орудий морских, из них 2 тяжелых, радиостанция, огнеприпасы и пр.»³. Потерпев серьезное поражение, противник уже не делал попыток к новому наступлению. На этом участке фронт стабилизировался и оставался в таком положении до изгнания белых войск из Российской Карелии в конце зимы 1920 г.

В начале ноября 1919 г. во время операций в Повенецком заливе, целью которых командование ставило освобождение Медвежьей горы и Повенца, отличились моряки канонерской лодки № 7. На ее борту находились командующий флотилией, начальник штаба Г.А. Степанов и флагманский штурман К.А. Мигаловский. Смело действовали в бою матросы канонерки Г. Паюман, М. Блинов, Д. Дроздов, А. Андерсон, машинист А.А. Лебедев, командир буксирного судна «Желябов» А.А. Мишев, и помощник машиниста того же буксира Л.Н. Ганжинов, личный состав канонерки № 3 Ф.П. Кузин, Р.Г. Зембах, М.И. Бараев, Н.Д. Тарасов и др.⁴.

¹ Карелия в период гражданской войны. С.120 – 123; Очерки истории Карелии. С. 110 – 111.

² Морозов К.А. Указ. соч. С. 75 – 84.

³ РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 180. Л. 69; Очерки истории Карелии. С. 112.

⁴ Г.С. Четыре года тому назад в Онежском озере // Морской сборник. 1923. № 11. С. 9 – 10; Морозов К.А. Указ. соч. С. 93 – 94.

События этих дней снискали славу среди своих соратников и участникам боев, сражавшихся по другую сторону «озерного фронта». 20 ноября в соответствии с приказом по русским войскам Мурманского района Северной армии гардемарин Онежской флотилии белых В. Майвладов получил Георгиевский крест 4-й степени за постановку минных заграждений «у входа в Повенец под сильным огнем противника в ста шагах от берега, занятого неприятелем». Ранее, в начале ноября, за проявленное мужество при удерживании острова Сосновец этой наградой были отмечены комендоры А. Мецайко (посмертно) и И. Кожин, а также гардемарин Морского училища Ю. Хлебников. Последний был награжден и Георгиевской медалью 4-й степени вместе с матросами Г. Лаптевым, А. Кириловым, Г. Семеновым, К. Казистовым, минером А. Кузнецовым и комендором В. Миселевым¹.

Высокие боевые качества моряков, имевших за плечами опыт Первой мировой войны и сражавшихся в стане белых, явились одной из причин, которые не позволили советской Онежской флотилии в октябре – ноябре 1919 занять Медвежью гору и Повенец и выполнить конечную цель операции в Повенецком заливе. Операция, проходившая в необычайно трудных условиях поздней осени, наступившего похолодания, штормов и пурги, не увенчалась успехом. Опасаясь трудностей в снабжении красноармейских частей в Заонежье, командование решило эвакуировать их с полуострова. 14 ноября 6-й финский полк РККА прибыл из Заонежья в Петрозаводск, а 9-й стрелковый полк под натиском противника отошел к с. Челмужи и укрепился здесь².

Армия, сражавшаяся под антисоветскими знаменами, первоначально была более многочисленной и лучше организованной, т.к. опиралась на имевшие опыт мировой войны кадровые интервенционистские соединения. Вместе с тем у этой армии имелись и огромные внутренние трудности³. У ее руководства стояли люди, представлявшие разные партии, программы, течения – от социалистов до монархистов. Непреодолимая стена возникла между рядовыми солдатами и командным составом – выходцами из дворян и зажиточных слоев общества. Рядом сражались части, преследовавшие разные, подчас противоположные цели.

В заключение следует отметить, что Видлицкая и Лижемская операции ООРФ, проведенные под руководством Э.С. Панцержанского, вошли во многие учебники и исследования по истории Гражданской войны и во-

¹ РГАВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 194. Л. 36.

² Очерки истории Карелии. С. 112 – 113; Морозов К.А. Указ. соч. С. 96 – 97.

³ См., напр.: Трагедия маленького Шенкурска // Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск. 1919. 1 марта; Мракобесие // Там же. 5 марта.

енного искусства. Успех Видлицкого десанта в июне 1919 г. привел к фактическому прекращению активных боевых действий на берегах Ладоги, однако в это же время обострилась обстановка в Онежском озере. Осенью 1919 г., отметив героические действия ООРФ под Лижмой, политотдел Балтийского флота обратился к морякам с приветствием, а командующий флотилией Э.С. Панцержанский был награжден Орденом боевого Красного Знамени.

Воспоминания моряков Онежской озерно-речной флотилии и очевидцев событий 1919 – 1920 гг. в Карелии¹ позволяют увидеть происшедшее здесь как сложное переплетение различных внутренних вооруженных конфликтов и противодействия внешнему противнику, проливают свет на причины резкого расширения масштабов, ожесточенности и продолжительности Гражданской войны на Северо-западе России.

Терентьев В.О.

***Бои на Копорском направлении. 806-й стрелковый полк
2-й Ленинградской дивизии народного ополчения (Московского
района).***

В ходе Битвы за Ленинград период прорыва немецкой танковой группой Лужского рубежа в августе 1941 г. и выход ее к Красногвардейскому укрепрайону представляется особенно сложным, тяжелым и непростым для командования Красной армии и партийного руководства. Большинство резервов были давно введены в сражение. Добровольческие полки и батальоны в отличие от крепких соединений июля представляли собой слабо вооруженное и уже менее мотивированное ополчение. Разбитые в боях и окружениях стрелковые дивизии РККА срочно пополнялись маршевыми батальонами. Прямо с заводов на передовую шли танки и артиллерийские орудия. Новое мобилизационное пополнение третьей волны призывалось в условиях военных поражений и психологической депрессии. Для увеличения численности призывного контингента Президиумом Верховного Совета СССР были приняты указы «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» (12 июля) и «Об освобождении военнослужащих из дисциплинарных батальонов» (12 августа). Под эти указы попадали заключенные, осужденные за самовольный уход с работы, из училищ и школ, за мелкие кражи, за хулиган-

¹ См. подробн.: Власова М.Н., Морозов К.А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918 – 1920). Петрозаводск, 1960. С. 29 – 38.

ство, за маловажные бытовые преступления¹. Заключенные и подследственные направлялись в военкоматы, на укомплектование маршевых батальонов. Нередко это были немотивированные, эгоистичные, морально слабые, с исковерканной психикой люди, скептически относящиеся к советской власти, общественным интересам и государственной политике. Боевой потенциал подобного пополнения, а тем более, необученного военному делу, был крайне низок. Из-за отсутствия другого контингента советское командование пыталось с помощью сырых новообразованных частей и соединений предотвратить катастрофу под Ленинградом. Уголовный элемент разбавляли ополченцами, милиционерами, политсоставом. Несмотря на то, что после первого же боя подобные части рассеивались по окрестным лесам, они задерживали продвижение моторизованных войск противника, позволяли советскому командованию организовать новые рубежи обороны. Малочисленные остатки новообразованных формирований, сохранившие организацию и вооружение, были значительно устойчивее в обороне и напористее в наступлении, чем весь полк или батальон. Этот аспект Битвы за Ленинград достаточно слабо исследован в историографии Великой Отечественной войны.

В первой половине августа в Ленинграде из освобожденного контингента, беженцев призывного возраста, задержанных пораженцев и излечившихся раненых был сформирован 806-й стрелковый полк РККА. Его история восходит еще к довоенному полку 235-й стрелковой дивизии, сражавшейся в июле 1941 г. на Псковщине². Он воевал на Пушкиногорском направлении, в отрыве от главных сил и попал в окружение в составе 24-го стрелкового корпуса³. К августу полк перестал существовать как боевая единица. Вновь формируемый в Ленинграде 806-й полк предназначался для восстановления 235-й дивизии, ведущей боевые действия на Лужском рубеже. Однако вскрытие немецких плацдармов на реке Луге заставили командование Северным фронтом направить полк на пополнение разбитой 2-й Ленинградской дивизии народного ополчения (ЛДНО). Необходимо отметить, что через несколько дней для 235-й дивизии было начато формирование еще одного такого полка уже из призывников Алтая. Но, как и предыдущий, он не попал в ее состав, а сражался на Тосненском и Ижорском направлениях. Наличие в августе сразу трех полков с одним номером

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 126.

² Терентьев В.О. Боевые действия 806-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии на Островском направлении в июле 1941 года. // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2016 г.): в 2-х т. Чебоксары, 2016. Т. 1. С. 48 – 50.

³ Терентьев В.О. История 181-й стрелковой дивизии РККА (первого формирования, 1940 года). СПб., 2006.

в некоторой степени затрудняет процесс идентификации объекта в боевых и кадровых документах фронтового уровня и выше. Однако в системе документов и мемуаров дивизии народного ополчения боевая деятельность 806-го полка прослеживается довольно ярко.

806-й стрелковый полк был сформирован 12 – 14 августа 1941 г. в Ленинграде, в казармах 70-й стрелковой дивизии («Красные казармы» лейб-гвардии Московского полка), на улице Карла Маркса, 65. Формирование происходило из мобилизованных, частично – освобожденных из мест заключения. Численность полка составила 1600 человек. По донесению политотдела дивизии – полк, поступивший 18 августа на пополнение ополченцев, представлял собой плохо организованную боевую единицу. Солдаты и командиры слабо подготовлены, плохо знали строевую службу, большинство бойцов из осужденных. 80 % личного состава были представителями неславянских национальностей, не знающих русского языка¹. Комсостав полка был призван из резерва фронта. Командиром полка был назначен участник советско-финляндской войны 1939 – 1940 г. на Мурманском направлении, награжден орденом Красного знамени полковник К.П.Колесников². К началу августа 1941 г. он находился под следствием, был исключен из партии. Комиссаром уже на фронте был назначен И.П. Левашин³.

В первой половине августа на фронте сложилась крайне опасная для Ленинграда ситуация. 8 августа немецкая танковая группа перешла в наступление с плацдармов у сел Ивановское и Бол. Сабск. Войска Кингисеппского участка обороны (КУО) начали отходить в восточном и северо-восточном направлениях. 12 августа немцы вышли на линию железной дороги Ленинград – Нарва. 16 августа пали Нарва и Кингисепп. 8-я армия РККА, сражавшаяся в северо-восточной Эстонии, во избежание окружения отошла на Копорское плато. Красногвардейский укрепрайон был приведен в полную боевую готовность.

Для усиления КУО 14 августа 806-й стрелковый полк был направлен на станцию Котлы, куда он прибыл 17 августа. На следующий день полк поступил в распоряжение 2-й ЛДНО. К этому времени немцы прорвали оборону КУО. Две танковые дивизии врага наступали на Красногвардейск, вдоль железной дороги. 19 августа передовые отряды противника завязали бой с охранением Красногвардейского укрепленного района. 6-я танковая дивизия двинулась по шоссе Кингисепп – Красное Село. Ей вослед, обеспечивая левый фланг, продвигалась 36-я моторизованная дивизия. На Ко-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 195.

² ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 30. Л. 20.

³ Кубышкин А.А. В одном боевом строю. СПб., 2015. С. 71.

порском направлении с немецкой стороны действовал 38-й армейский корпус в составе 1-й и 58-й пехотных дивизий. Основной задачей корпуса было обеспечение левого фланга 4-й танковой группы и окружение 8-й армии РККА в районе Бабино – Котлы. В его состав входила мощная артиллерийская группировка, состоящая из 12 артиллерийских дивизионов (более 240 тяжелых орудий). Инженерная поддержка корпуса обеспечивалась саперным, а также несколькими дорожными, строительными, мостостроительными батальонами и десятком мостовых команд¹. В интересах разведки и поддержки с воздуха корпусу была придана 2.(Н)/21 эскадрилья бипланов Нs.126.

Основным противником 2-й ЛДНО выступила старейшая опытная 1-я пехотная дивизия вермахта. Накануне наступления, 20 августа, она получила пополнение более 1 тысячи человек². Все ее полки были доукомплектованы до полного штата по 3,5 тыс. чел. Дивизия действовала тактическими боевыми группами, объединяющими, обычно, в своем составе пехотный полк, 1 – 2 артдивизиона, противотанковые, саперные и зенитные средства (батареи и дивизионы).

2-я ЛДНО входила в состав КУО. После вскрытия немцами Ивановского плацдарма отступала на север. В ходе боев попали в окружение и были практически уничтожены 3-й полк ополченцев и два дивизиона 519-го артполка РКК. После прошедших боев численность дивизии была менее 3 тыс. человек, 18 пушек, 2 гаубицы, 2 зенитных орудия³. В составе 2-й ЛДНО с 4 августа действовал 272-й (13-й) отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ) Володарского района⁴. Он прибыл вместе с 275-м для обороны укрепрайона по реке Луге накануне немецкого прорыва, понес большие потери и представлял собой стрелковую роту⁵. Пополнение, прибывшее 16 и 17 августа в количестве 2250 человек, скомплектованное из личного состава Красногвардейской дивизии Ленинграда, пошло на доукомплектование 1-го и 2-го стрелковых полков. С 3-м стрелковым полком, оставшемся в тылу у неприятеля, связи не было, но отдельные группы бойцов выходили из окружения. Для восстановления боеспособности 2-й ЛДНО из резерва КУО в нее были включены 552-й стрелковый полк 191-й дивизии, действовавший в отрыве от главных сил, остатки

¹ NARA. T-312. R. 799. f. 411-420.

² NARA. T-315. R. 002. f. 610.

³ ЦАМО РФ. Ф.249. Оп. 1544. Д. 23. ЛЛ. 105 – 107.

⁴ Там же. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

⁵ Терентьев В.О. Из истории 275-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (1941) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. материалов XII межд. научно-практич. конф., посвященной 90-летию Вольского военного ин-та материального обеспечения. М., 2018. Ч. 2. С. 87 – 93.

отдельного батальона Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования комсостава (ЛБТКУКС)¹. В танковом батальоне на 20 августа оставалось всего 3 легких танка и 2 бронеавтомобиля. Дополнительно в дивизию передали 34-й инженерный батальон 10-го механизированного корпуса, который участвовал в боях с июля 1941 г., потерял большую часть спецмушкетера, и представлял собой саперную роту. 18 августа в дивизию в полном составе поступил 806-й стрелковый полк. В новом пополнении 2-й ЛДНО (3850 чел.) насчитывалось всего 129 коммунистов и 166 комсомольцев. На 20 августа 2-я ЛДНО имела в своем составе следующие части и подразделения: ополченческие 1-й, 2-й стрелковые полки, 2-й артиллерийский полк, разведывательный батальон, автобатальон, медсанбат, роту связи, саперную роту, химическую роту, комендантский взвод, а также переданные в состав дивизии 552-й стрелковый полк, 806-й стрелковый полк, 519-й артполк РКК, отдельный бронетанковый батальон, 272-й ОПАБ, 34-й отдельный инженерный батальон. На 22 августа 1941 года численность дивизии составляла 6797 человек. 806-й стрелковый полк был наиболее крупной стрелковой единицей в дивизии. Кроме стрелково-пулеметного вооружения он был укомплектован 4 полковыми и 2 противотанковыми пушками. Автомашин и радиостанций в полку не было². Примерно тоже представлял собой 552-й стрелковый полк³. В период с 14 по 20 августа перед дивизией была поставлена задача: крепить активную оборону на новых рубежах, занятых дивизией 14 августа к северу от шоссе Кингисепп – Красное Село. Основной противник ополченцев – 1-я пехотная дивизия вермахта насчитывала 9 тыс. человек только в боевых частях, не учитывая тылы и обеспечение⁴. Поэтому, при соотношении сил необходимо учитывать, что немецкие боевые группы были в 3 – 4 раза сильнее советских полков по численности и в 4 – 5 раз мощнее по вооружению.

По прибытии в дивизию 18 августа 806-й полк расположился в д. Утешение⁵. В этот день 36-я моторизованная дивизия противника из района Озертицы продвинулась на Пружицы, Ильеши и Буяницы⁶. Однако командование участка не знало о глубоком прорыве противника. Считалось, что вечером 18 августа два батальона немцев достигли Куты и пытались продвигаться на Озертицы⁷. На основании боевого приказа № 15 шта-

¹ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 72.

² ЦАМО РФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 220. Л. 46.

³ Там же. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 23. ЛЛ. 105 – 107.

⁴ NARA. T-315. R. 004. f. 839.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 161.

⁶ NARA. T-311. R. 52. f. 4984; T-313. R. 333. f. 14806.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 350.

ба 2-й ЛДНО 806-й полк сразу же, с колес, должен был атаковать противника. Он назначался основной ударной группой дивизии. В 18.00 ему следовало сосредоточиться на исходном рубеже Куты – Новокудрино, позади 552-го полка, а в 5.00 19 августа при поддержке артиллерии наступать на Бол. Хотыницы и Смердовицы. Вместе с ним Загорицы и Коложицы должен был атаковать батальон 552-го стрелкового полка и Ильеши – батальон 2-го стрелкового полка¹. Однако подразделения противника захватили Куты и Новокудрино еще накануне, поэтому 806-му полку пришлось развертываться для атаки в лесу севернее этих деревень. Для усиления фланговой обороны 41-го моторизованного корпуса на смену 36-й моторизованной дивизии выдвинулись части 1-й пехотной². Вдоль шоссе в Куты и Новокудрино занял оборону батальон 22-го пехотного полка³. На участке Озертицы – Чирковицы 18 августа были сконцентрированы две боевые группы 36-й моторизованной дивизии врага. В качестве мобильного резерва у противника был 36-й разведывательный моторизованный батальон, сосредоточенный в Голятицах⁴. Силы 2-й ЛДНО, сосредоточенные для перехвата линии снабжения 6-й танковой и 36-й моторизованной дивизий, значительно уступали противнику и по живой силе и по технике.

В 6.00 19 августа 2-я ЛДНО перешла в наступление. Батальон 806-го стрелкового полка через час овладел северной окраиной д. Куты. Атака второго батальона на Новокудрино не удалась – огонь противника не позволил красноармейцам даже выдвинуться с исходного рубежа⁵. Введенный в бой 3-й батальон также не оказал решающего влияния на исход боя. Под артиллерийско-минометным огнем многие бойцы 806-го полка просто бежали с передовых позиций. 1-й батальон покинули 90 человек, 2-й – 63 человека⁶. В связи с этим для наведения в 806-м полку боевого порядка 19-го августа туда выехали представители Политотдела, Особого Отдела, Ревтрибунала, Прокуратуры и Штаба дивизии⁷. К уголовной ответственности за преступления (в основном – бегство с поля боя) 18 – 20 августа были привлечены начальник штаба полка старший лейтенант Пушкарев Л.И., командир саперного взвода младший лейтенант Корние-

¹ Там же. Ф. 6408. Оп. 8136. Д. 1. Л. 16.

² NARA. T-311. R. 52. f. 4984; T-313. R. 333. f. 14806.

³ Ibid. T-315. R. 008. f. 280.

⁴ Ibid. R. 898. f. 256 – 269.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 415. Оп. 2. Д. 459.

⁷ Там же. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 195. ЛЛ. 60 – 62.

вич Н.Н., 2 красноармейца¹. Потери только 3-го батальона при наступлении составили 12 убитых и 50 раненых².

Наступление 2-й ЛДНО 19 августа сорвалось. Основными причинами стали отсутствие разведки, слабая артподготовка, отсутствие поддержки с воздуха, необстрелянность бойцов, их низкая мотивированность. К исходу дня части дивизии были отведены на исходные рубежи. Батальон 806-го полка был выведен в резерв дивизии, в район леса восточнее Лидино³. 20 августа полк приводился в порядок. За 19 – 20 августа 36-я германская дивизия захватила Гомонтово и вела наступление на Бегуницы. В район Куты – Озертицы – Пружицы для прикрытия Красносельского шоссе немцы направили боевую группу оберста Ф.Шейдеса на основе усиленного 22-го пехотного полка 1-й дивизии⁴. Для прикрытия стыка 36-й и 1-й германских дивизий в район Пружицы – Ильеши – Бол. Карчаны был сосредоточен передовой отряд оберст-лейтенанта Кнобельшписа (пехотный батальон 22-го полка усиленный зенитной, противотанковой артиллерией, саперами и несколькими штурмовыми орудиями Sturmgeschütz III (Stug.III) из 185-го дивизиона) и 36-й усиленный мотоциклетный батальон⁵. В свою очередь для обеспечения стыка 2-й ЛДНО с 281-й стрелковой дивизией, ведущей бои под Гомонтово и Бегуницами, 20 августа в район Радицы – Местаново были выдвинуты разведывательный батальон 2-й ЛДНО и 5-я рота 806-го полка с приданной полковой артиллерией⁶.

21 августа 36-я моторизованная дивизия была отброшена контрударом 281-й стрелковой дивизии при поддержке танков 1-й танковой под Бегуницами к Артюшино⁷. Немецкая группа Шейдеса на участке 806-го полка попыталась оттеснить советские войска вглубь леса, но была отбита ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем⁸. Бойцы 806-го полка силами 1-го батальона удержали оборону севернее Куты – Новокудрино⁹. 2-й батальон, поддерживая наступление советских войск на Бегуницы, вел бой за совхоз Озертицы¹⁰. К вечеру попытки овладеть совхозом были оставлены, а батальон отошел севернее в лес¹¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 135. Л. 128.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 415. Оп. 2. Д. 459.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 8 об.

⁴ NARA. T-311. R. 52. f. 5018; T-313. R. 333. f. 14808.

⁵ Ibid. T-311. R. 52. f. 5123; T-313. R. 333. f. 14814; T-315. R. 898. f. 279

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

⁷ NARA. T-311. R. 52. f. 5036; T-313. R. 333. f. 14810.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 220. Л. 49.

⁹ Там же. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

¹⁰ Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 163.

¹¹ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 81.

22 августа группа Шейдеса заняла деревни на Красносельском шоссе от Гурлево до Чирковиц, превратив их в опорные пункты. Это позволило немцам снять часть сил 36-й дивизии и перебросить их к Бегуницам, оставив советский контрудар. 806-й стрелковый полк готовился к очередному штурму Красносельского шоссе.

23 августа полк перешел в наступление. В течение дня и ночи на 24 августа 1-й батальон атаковал Куты, но был остановлен сильным огнем противника. 3-й батальон ворвался в Новокудрино, овладел шоссе и несколько часов удерживал занятые позиции. 2-й батальон, пытаясь вернуть захваченный немцами совхоз Озертицы, перерезал шоссе и вел бой на западной окраине совхоза. 2-й стрелковый полк атаковал и занял Бол. Карчаны и Пружицы¹. Пытаясь удержать Красносельское шоссе, немцы дополнительно усилили 38-й армейский корпус 402-м самокатным батальоном, 185-м дивизионом Stug.III, подразделениями ПТО и ПВО².

24 августа 1-й батальон 806-го полка овладел д. Куты, оседлав шоссе Кингисепп – Бегуницы. Разведбат 2-й ЛДНО с 5-й ротой 806-го полка заняли оборону в район Коростовицы – Ламмия на стыке 1-й и 36-й дивизий врага. По левому флангу 36-й моторизованной дивизии вермахта нанесла удар 281-я стрелковая дивизия³. Над коммуникациями левого фланга германской 4-й танковой группы нависла опасность перехвата. Для оказания помощи группе Шейдеса командованием корпуса были срочно перебросены три артдивизиона. Был введен в бой отряд Кнобельшписа⁴.

С 25 августа Кингисеппский участок обороны был переформирован в Копорскую опергруппу, в подчинении которой оказалась и 2-я ЛДНО. 58-я пехотная дивизия противника развернула наступление на Котлы. 1-я пехотная должна была освободить от советских войск Красносельское шоссе. К утру немцы для усиления 1-й дивизии подтянули три дивизиона тяжелых орудий (в т.ч. 210-мм). Каждая боевая группа получила по два дивизиона поддержки⁵. Мортиры и дальнобойные пушки составили контрбатареиную группу, которая не позволяла вести огонь советской артиллерии. На участке 806-го стрелкового полка до батальона пехоты из группы Шейдеса, используя огнеметы, пытались вернуть Куты, но были отбиты 1-м батальоном. В Озертицах 2-й батальон вел бой с батальоном противника, который поддерживали до 20 танкеток⁶. К исходу дня под массированным артогнем противника подразделения полка отошли на позиции севернее шоссе. От-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 9; Ф. 344. Оп. 5554. Д. 164.

² NARA. T-312. R. 799. f. 411 – 420; T-315. R. 002. f. 1015.

³ Ibid. T-311. R. 52. f. 5104; T-313. R. 333. f. 14814.

⁴ Ibid. T-315. R. 002. f. 1028.

⁵ Ibid. T-315. R. 002. f. 1033 – 1034, 1042.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 9 об.

ряд Кнобельшписа занял Пружицы. 1-я пехотная дивизия полностью очистила свой участок шоссе от войск Красной армии.

Утром 26 августа 806-й стрелковый полк перехватил участок Красносельского шоссе между Куты и Новокудрино¹. Один батальон был выведен в резерв дивизии в д. Унатицы. Сюда же подошел приданный дивизии танковый батальон из 3 легких танков и 2 броневых автомобилей. В состав 806-го полка был передан 272-й ОПАБ, занявший оборону по шоссе Бол. Карчаны – Чирковицы на стыке 1-й и 36-й дивизий врага. В 17.00 1-я пехотная дивизия вермахта перешла в наступление на участке Пружицы – Кайболово. Боевые группы 58-й пехотной дивизии перешли в наступление Пиллово – Велькота, Кайболово. Ударная группа оберста О. Лаша (усиленный 43-й пехотный полк) из Ополя через Валью атаковала на Фалилеево и Домашево. Боевая группа оберста Грасе (усиленный 1-й пехотный полк) – из Гурлево на Лидино и Домашево. Группа Шейдеса при поддержке отряда Кнобельшписа атаковала советские войска из Куты, Озертиц и Пружиц на Домашево и Мал. Карчаны². Под ударами врага, поддержанными мощными авиационными и артиллерийскими ударами, 1-й стрелковый полк 2-й ЛДНО отошел на Велькоту и Кайболово. 552-й стрелковый полк, на участке которого пришелся главный удар 1-й пехотной дивизии вермахта, был разбит, а его остатки отошли на Фалилеево и Домашево. 806-й стрелковый полк основными силами сначала удерживал прежние позиции. Из-за наступления 58-й пехотной дивизии на Велькоту отряд резервного батальона 806-го полка был переброшен в район Кайболово, где вступил в бой с врагом³. После прорыва ударной группы немцев на Домашево, 806-й стрелковый полк под натиском группы Шейдеса стал отходить на Мал. Карчаны и Утешенье⁴. Сводный отряд вел бой за Бол. Карчаны и шоссе севернее Зимитиц. 272-й ОПАБ удерживал Чирковицы, но был атакован подразделениями 36-й моторизованной дивизии противника и отошел в лес⁵. Вечером 806-й полк был атакован во фланг отрядом Кнобельшписа, разбит, рассеян и отошел за Ратчинское болото. Мобильные подразделения группы Грасе прорвались через позиции 552-го полка в Утешенье к Ратчино, где вступили в бой с последней резервной ротой 2-й ЛДНО из состава 806-го полка. Остатки 552-го полка отошли в Марфицы. К концу дня немцы при поддержке дивизиона Stug.III захватили Кайболово⁶. Группа 2-й ЛДНО в Горке оказалась в полуокружении. 1-й пехотной дивизией в

¹ Там же. Ф. 2769. Оп. 5554. Д. 167.

² NARA. T-315. R. 008. f. 285.

³ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 82.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 30. Л. 113.

⁵ Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 367.

⁶ NARA. T-311. R. 52. f. 5158; T-313. R. 333. f. 14814.

лесу Куты – Домашева – Пружицы было пленено 386 красноармейцев 2-й ЛДНО. Из них 310 бойцов 806-го полка¹. В основном это были те, кто не смог переправиться через болото, а также большинство бывших уголовников. Таким образом, к концу 26 августа 806-й полк как цельная единица практически перестал существовать. Его подразделения сражались под Кайболово и Ратчино, отходили за Ратчинское болото, удерживали позиции в Чирковицах и Коростовицах.

Рано утром 27 августа 1-я пехотная дивизия противника продолжила наступление на позиции 2-й ЛДНО. Однако отошедшие советские подразделения оказывали упорное сопротивление, нанося контрудары. 58-я пехотная дивизия вермахта натолкнулась на крепкую оборону ополченцев под Велькотой и Кайболово. За последнее разгорелось ожесточенное сражение. Село переходило из рук в руки, несмотря на применение немцами штурмовых орудий. В составе сборного отряда 1-го полка сражалась и рота 806-го полка. К концу дня противник совместными усилиями 58-й пехотной дивизии, групп Лаша и Шейдеса окружил советский отряд в районе Городище – Кайболово – Горка². 2-й стрелковый полк ополченцев контратаковал и вернул Ратчино. Германская группа Грасе неоднократно пыталась овладеть селом, но безуспешно. В 11.30 группа автоматчиков противника с 8 штурмовыми орудиями прорвалась к д. Лоузна. Для их ликвидации был направлен 1-й батальон 552-го полка с 8 танками из 2-го танкового полка³. Красноармейцы при поддержке танков выбили противника из деревни и отбросили за Ратчино. 806-й к этому времени отходил после разгрома севернее Ратчинского болота⁴. Отряд Кнобельшписа при поддержке артиллерии и авиации отбросил подразделения 806-го стрелкового полка с позиций Бол. Карчаны на север, освобождая шоссе⁵. Здесь и у Мал. Карчан бои шли до темноты. 5-я рота с разведбатом дивизии и подразделением 272-го ОПАБ нанесла удар по войскам 36-й дивизии в Чирковицах, а 281-я дивизия – по Гомонтову⁶. Это заставило немцев отойти в Негодицы и Бол. Карчаны⁷.

К исходу 27 августа части 2-й ЛДНО вели бои с частями 58-й пехотной дивизии на рубеже Велькота – Кайболово и частями 1-й пехотной дивизии – Лоузна – Ратчино – Чирковицы. 3-й полк ополченцев держал оборону в Велькота. 1-й полк вел бой в окружении на участке Городище –

¹ Ibid. Т-314. R. 901. f. 812; R. 902. f. 87

² Ibid. Т-315. R. 008. f. 285.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

⁴ Там же. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 30. Л. 113.

⁵ NARA. Т-315. R. 008. f. 285.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

⁷ NARA. Т-311. R. 52. f. 5140; Т-313. R. 333. f. 14818.

Кайболово – Горка. Остатки 552-го полка отошли в Липковицы и Марфицы. 2-й полк упорной обороной сдерживал превосходящие силы врага на южной окраине Ратчино. К середине дня 2-й батальон 806-го полка был выведен из боя в Ратчино и Кайболово, и занял оборону в д. Унатицы. Остатки остальных подразделений полка остановились за Ратчинским болотом не удалось и командование полка и дивизии собирало их в Перелесье и Воронино. Полку была поставлена задача перекрыть шоссе Котлы – Ленинград на стыке дорог в д. Перелесье. К концу дня 1-й батальон был собран в Перелесье и занял оборону. 3-й батальон, который сражался под Кутами, почти полностью погиб¹. Большая его часть, как было показано выше, попала в плен². 272-й ОПАБ отошел из района Бол. Карчаны на Бол. Систу, где занял оборону. Разведбат дивизии с 5-й ротой 806-го полка провел разведку у Чирковиц, занимая главными силами оборону Коростовицы – Ламмия³.

Рано утром 28 августа боевая группа Грасе при поддержке артиллерии и авиации атаковала позиции 2-го стрелкового полка 2-й ЛДНО на участке Лоузна – Ратчино. После ожесточенного боя, к 15.00 немцы прорвали оборону ополченцев и овладели обеими деревнями. 2-й (резервный) батальон

806-го полка из Унатицы контратаковал противника. До ночи за Лоузну шел бой. Подразделениям 806-го полка освободить деревню не удалось.

Атака

3-го батальона 2-го полка, поддержанная танками отдельного батальона, завершилась взятием Лоузны⁴. 1-й стрелковый полк под натиском 58-й дивизии, групп Лаша и Шейдеса к 16.00 оставив Городище и Горку, продолжал вести в окружении бой за Кайболово. К 19.40 немцы полностью овладели селом⁵. Остатки 1-го полка по лесу вышли к Ратчино. 3-й полк сражался с частями 58-й дивизии за Велькоту⁶. Сводный отряд из солдат 272-го ОПАБ, 806-го полка и разведбата вел бой за Зимитицы и Чирковицы с отрядом Кнобельшписа. В этот день группа 806-го полка неудачно попыталась прорваться из окружения в лесу у Фалилеево. В плен к немцам попало 39 бойцов полка у Фалилеево и 5 севернее Домашева⁷.

В 7.00 29 августа боевые группы Лаша и Шейдеса 1-й пехотной дивизии окончательно заняли Кайболово. Село было передано частям 58-й

¹ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 30. Л. 20.

² NARA. T-314. R. 902. f. 87.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 4. Л. 57.

⁴ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 86.

⁵ NARA. T-315. R. 008. f. 286.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 62. Л. 4.

⁷ NARA. T-314. R. 902. f. 84 – 85.

дивизии. Группа Шейдеса развернулась на помощь отряду Кнобельшписа, и к концу дня сосредоточилась в Бол. Карчанах и Чирковицах¹. Группа Лаша присоединилась к ведущей наступление на Унатицы группе Грасе². Здесь шел ожесточенный бой. 2-й и 806-й стрелковые полки упорно сдерживали наседающие превосходящие силы противника. К 13.00 806-й полк удерживал Унатицы, а 2-й полк – дорогу между Лоузна и болотом. 272-й ОПАБ занял оборону в Бол. Систе³. Боевая группа оберста К. фон Девица (усиленный

220-й пехотный полк с штурмовыми орудиями Stug.III) из состава 58-й пехотной дивизии при поддержке артиллерии и авиации атаковала Велькоту, прорвала оборону 3-го полка и к 15.00 завязала бой за Удосолово⁴. Здесь ополченцы неоднократно контратаковали врага. В это время другая боевая группа 58-й дивизии – оберст-лейтенанта Х.Крейпе (усиленный 209-й пехотный полк с штурмовыми орудиями Stug.III), преследуя отходящие остатки

1-го стрелкового полка из Кайболово, вышла к Липковицы, где держал оборону 552-й полк⁵. Оба полка вновь оказались под угрозой окружения. В сложившейся обстановке комдив приказал отводить части ополченцев на рубеж Арболово – Перелесье – Бол. Систа⁶. На помощь дивизии командующий КОГ генерал-майор Семашко выделил зенитно-артиллерийский дивизион, который прикрыл боевые порядки артиллерии дивизии от ударов авиации, 1-й батальон Военно-Политического Училища (ВПУ) НКВД майора Н.А.Шорина (4 роты курсантов), 2-й танковый батальон 2-го танкового полка (25 легких танков БТ), кавалерийский взвод⁷. К исходу следующего дня они прибыли в состав дивизии. Батальон ВПУ был переброшен сюда с Красносельского направления, где несколько дней вел бой с танковой дивизией врага. На 17 августа он насчитывал 620 человек⁸.

В 20:00 58-я пехотная дивизия противника ворвалась в Удосолово и Липковицы. 552-й и остатки 1-го полков удерживая заслоном Марфицы, отходили к Унатицам и поселку Сашино⁹. К концу дня 2-й батальон 806-го полка сдерживал натиск немецких групп Лаша и Грасе в д.Унатицы, а

¹ Ibid. Т-315. R. 008. f. 286.

² Ibid. Т-311. R. 52. f. 5198; Т-313. R. 333. f. 14818.

³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 373.

⁴ Там же. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 30. Л. 121.

⁵ NARA. Т-315. R. 993. f. 631.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 28 – 30.

⁸ Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 192. Л. 397.

⁹ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 82.

остатки полка все еще собирались в Перелесье и Воронино¹. В 19:00 группа Лаша овладела д. Лоузна². В ночь на 30 августа 2-й батальон и 2-й полк стали отходить к Бол. Систе³. Однако германская мотопехота опередила отходящих красноармейцев и захватила группой Лаша поселок Сашино, а группой Гресе Бол. Систу. В итоге, под ударами двух пехотных дивизий врага, поддержанных корпусной и дивизионной артиллерией, обескровленная 2-я ЛДНО в беспорядке отошла с Систовского рубежа к реке Ламошке. В течение дня в плен к немцам попало 39 бойцов 806-го полка⁴. А в самом полку были обнаружены случаи самострелов⁵.

Начиная с 30 августа, немцы меняют цели для своих дивизий. 1-я пехотная переключается на прорыв советской обороны в Бегуницах. На ее место выдвигается в полном составе 58-я пехотная дивизия, имеющая задачей овладение Копорьем. Ей на помощь со стороны Котлов по железной дороге наступает 291-я пехотная дивизия. Рано утром 1-я и 58-я пехотные дивизии 38-го армейского германского корпуса сбили оборону советских войск на участке Велькота – Пружицы и стали их теснить на Копорье и Бегуницы. Группа Крейпе была переброшена на участок Погожки – Сашино, а на участке Перелесье – Воронина ее сменила боевая группа оберста Э. фон Богена (усиленный 154-й пехотный с штурмовыми орудиями Stug.III). Группа Девица была направлена в Бол. Систу, на смену частей 1-й пехотной дивизии⁶.

1-й батальон 806-го полка в течение дня вел бой с боевой группой Богена под Воронкиной, позволив 3-му стрелковому полку оторваться от врага и перегруппироваться в Ирогоще⁷. 1-й и 2-й стрелковые полки утром вели бой с группой Лаша у поселка Сашино. Группа Лаша прорвалась из Сашино к высоте 158,3 севернее Труново, где заняла оборону для обеспечения левого фланга дивизии. Здесь к концу дня еще действовали остатки 552-го стрелкового полка и 272-го ОПАБ. Они даже попытались вернуть господствующую над местностью высоту. Боевая группа Крейпе, преследуя отходящие от Сашино 1-й и 2-й полки ополченцев, вышла к Маклаково. 2-й батальон 806-го полка отошел на Ирогощу, во второй эшелон, где занял рубеж обороны Ломаха – Ирогоща. Группа Девица пройдя через Систу и Сашино после Гресе и Крейпе к вечеру вышла к Ломахе. Ее передо-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3444. Оп. 1. Д. 30. Л. 121.

² NARA. T-315. R. 993. f. 667.

³ Ibid. T-315. R. 008. f. 286; Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 82.

⁴ NARA. T-314. R. 902. f. 80 – 82.

⁵ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 87.

⁶ NARA. T-315. R. 993. f. 681.

⁷ Ibid. T-311. R. 52. f. 5219; T-313. R. 333. f. 14823.

вой отряд прорвался к Заринской¹. Утром 552-й полк и 272-й ОПАБ вели бои с наседающими подразделениями группы Гресе у Бол. Систы. Немцы прорвали слабый заслон советских войск и в 14.45 передовым отрядом заняли Труново, отрезав разведбат от главных сил 2-й ЛДНО. Остатки 552-го полка заняли оборону восточнее Маклаково, а ОПАБ в лесу севернее высоты 158,3. Группа Шейдеса в течение дня вела бой с частями 281-й стрелковой дивизии у Гомонтово. Отряд Кнобельшписа, поддержанный штурмовыми орудиями Stug.III вел бой с разведбатом ополченцев за Коростовицы². К концу дня ополченцы отошли к Ламии. 30 августа в плен к немцам попало 4 бойца 806-го полка³.

31 августа боевая группа Шейдеса 1-й германской пехотной дивизии в боях с 281-й стрелковой дивизией медленно продвигалась из Гомонтово на Бегуницы. Группа Гресе из Труново, отсекая разведбат 2-й ЛДНО от основных сил, через Голубовицы вышла к Бегуницам. Группа Лаша перехватила дорогу Бегуницы – Копорье в Лошковицах. К исходу дня основные силы 1-й пехотной дивизии захватили Бегуницы⁴. Разведывательный батальон 2-й ЛДНО вместе с 5-й ротой 806-го полка с боями прорвался из окружения в районе Коростовицы – Ламия на Лошковицы.

Утром группы Крейпе и Девица при поддержке артиллерии и авиации атаковала позиции 2-й ЛДНО (Ломаха – Ананьино – Маклаково). В ходе ожесточенного боя немцы прорвали оборону 1-го и 2-го полков, а затем и 806-го стрелкового полка по р.Ломашка. Группа Крейпе оттеснила 2-й батальон 806-го полка к Новоселкам, заняла Ирогощу и продолжила наступление на Копорье. Передовой отряд Крейпе достиг Кербуково и перехватил дорогу Копорье – Бегуницы в Новоселках. Группа Девица заняла Заринскую и атаковала позиции 1-го и 2-го полков в Кербуково и Новоселках⁵. На участке, обороняемом 1-м батальоном 806-го полка в Воронкино, 3-й полк ополченцев отошел к Копорью. Боевая группа Богена, безуспешно пытавшаяся прорваться через Воронкино, была направлена командованием 58-й пехотной дивизии через Сашино и Шейкино на Ломаху. На основании приказа штаба дивизии и во избежание окружения батальон 806-го полка отошел к Климотино, а затем с боем к Подмошью⁶. 31 августа в плен к немцам попало 19 красноармейцев 2-й ЛДНО. В том числе 4 бойца 806-го полка из Воронино и 1 – из Ратчино⁷.

¹ Ibid. Т-315. R. 993. f. 678.

² Ibid. Т-311. R. 52. f. 5219; Т-313. R. 333. f. 14823.

³ Ibid. Т-314. R. 902. f. 78.

⁴ Ibid. Т-315. R. 008. f. 288.

⁵ Ibid. R. 993. f. 711.

⁶ Ibid. Т-311. R. 52. f. 5074; Т-313. R. 333. f. 14830.

⁷ Ibid. Т-314. R. 901. f. 804; R. 902. f. 75 – 76.

С наступлением темноты 2-я ЛДНО силами 2-го и 806-го полков, батальона ВПУ и 2-го танкового батальона 2-го танкового полка контратаковала противника. 1-й батальон 806-го полка был собран в полном составе у д. Ивановское для атаки на Воронково. 1-й и 2-й полки держали оборону под Заринской, Ирогощей и Новоселками и имели задачу фронтального наступления на врага. 3-й полк и 2-й батальон 806-го полка были выведены в резерв. Батальон ВПУ при поддержке танковой роты (10 танков БТ) атаковал правый фланг 58-й пехотной дивизии (германская группа Крейпе) через лес и болото восточнее Ирогощи¹. 1-й батальон 806-го полка атаковал Подмошье и Климотино, занятые группой Богена. К исходу дня 58-я пехотная дивизия врага попала в полуокружение, понесла потери и вынуждена была отходить. 2-я ЛДНО вышла на рубеж р. Ломашки. Группа Крейпе пострадала больше всего. Ее подразделения были окружены и позже выбиты из Кербуково и Ирогощи. Группа Девица была отброшена из Заринской и Ломахи. Передовой отряд группы Богена под натиском 806-го полка оставил Подмошье и отошел в Климотино, которое взять красноармейцам, несмотря на несколько атак, не удалось. В ходе контрудара ополченцы захватили минометы, пулеметы, документы противника, а также 2 пленных². В ходе боя командир полка полковник Колесников был ранен. Командование перешло начальнику штаба ст. лейтенанту Пушкареву. Он неоднократно водил полк в атаку на врага и также был тяжело ранен³.

1 сентября отряд Кнобельшписа из 1-й пехотной дивизии вермахта после выхода группы Лаша в Лошковицы, был направлен вместе с штурмовыми орудиями на Новоселки для обеспечения стыка 1-й и 58-й дивизий. Так получалось, что уже немцы наносили удар во фланг атакующей группировке ополченцев. Поэтому утром 2-я ЛДНО получила приказ командующего КОГ об отводе частей на рубеж Ивановское – Новоселки – Теглицы⁴. 806-й полк должен был отходить на Ивановское⁵.

Рано утром 58-я дивизия противника при мощной поддержке артиллерии и авиации превосходящими силами атаковала позиции 2-й ЛДНО в Подмошье, Ломахе и Ирогоще. Группа Богена, используя штурмовые орудия 185-го дивизиона, атаковала 1-й батальон 806-го полка в Подмошье и Ивановской. Уже к 10.00 батальон был разбит и отброшен в лес, к железной дороге. Основная его часть отошла к станции Копорье и д. Лучки. В Копорье заняли оборону остатки переброшенного сюда 552-го полка и ба-

¹ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 90.

² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 62. Л. 18.

³ Там же. Ф. 33. Оп. 744809. Д. 274. Л. 140.

⁴ Там же. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.

⁵ Там же. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 220. Л. 58.

тальон 3-го полка. При этом батальон 552-го полка перекрыл дорогу в Широково. С этого времени ополченцы ведут тяжелый бой за Копорье с боевой группой Богена. В это время 1-й стрелковый полк, выполняя приказ командования, отошел из Ломахи в Подозванье, а 2-й стрелковый полк, будучи в боевом охранении, держал оборону Заринской. Около 13.30, после пятичасового боя за Ломаху и Заринскую, боевая группа Девица оттеснила 2-й стрелковый полк к Копорью. Танковый батальон и батальон ВПУ в это время, оставив прикрытие на Ламошке в виде 3-го стрелкового полка и 2-го батальона 806-го полка, отошли в Новоселки для восстановления. На этом участке понесшая большие потери группа Крейпе, кроме артиллерийского огня, активности не проявляла. От Новоселок до высоты 154,5 занял позиции разведбат 2-й ЛДНО, в составе которого была 5-я рота 806-го полка¹. Таким образом, в результате ожесточенных боев к 15.00 главные силы ополченцев отошли к Копорью и Новоселкам. В ходе боев у Подмошья и Ивановского в плен к немцам попало 44 бойца 806-го полка. Еще 34 – из состава окруженного под Систой 272-го ОПАБ².

В это время отряд Кнобельшписа из состава 1-й пехотной дивизии продвигался по дороге Бегуницы – Копорье и в 19.00 вступил в бой с разведчиками 2-й ЛДНО. Уже через полчаса немцы были в Новоселках. Однако здесь они были контратакованы и окружены 1-м, 2-м и 3-м стрелковыми полками ополчения. В этот момент 806-й и 552-й полки остались один на один со всей 58-й пехотной дивизией врага. Этим воспользовалась группа Девица и ворвалась в Копорье, отбросив 552-й полк к Широково и Подозванье³. Командованием 2-й ЛДНО батальоны танковый и ВПУ были сосредоточены в резерве в Ласунах. Группа Крейпе, усиленная батальоном из состава 154-го пехотного полка группы Богена, атаковала 2-й батальон 806-го полка на Ирогощу, Кербуково и Новоселки для вызволения отряда Кнобельшписа⁴. Против группы Крейпе был развернут 3-й стрелковый полк, подчинивший себе 2-й батальон 806-го полка и вступивший в бой за Кербуково и Новоселки. К концу дня изрядно побитый отряд Кнобельшписа был выведен в лес к Ирогоще. 3-й полк удержал Новоселки. 2-й полк занял хутора Заозерские на Бегуницкой дороге, а 1-й выведен в Заозерье. Разведбат 3-й ЛДНО был выдвинут на Теглицы и Лошковицы, где 1-я пехотная дивизия вела бой с частями 281-й стрелковой дивизии. 1-й батальон 806-го полка вел бой в окрестностях Копорья, сдерживая группу Богена у д. Лучки и западнее Ивановского.

¹ Там же. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 62. Л. 19.

² NARA. T-314. R. 902. f. 70, 73.

³ Ibid. T-313. R. 333. f. 14830.

⁴ Ibid. T-315. R. 993. f. 794 – 795.

С раннего утра 2 сентября германский отряд Кнобельшписа и группа Крейпе совместными усилиями при поддержке штурмовых орудий отбросили 3-й стрелковый полк к Заболотью. Здесь остался отряд Кнобельшписа, а группа Крейпе и присоединившаяся к ней группа Богена выдвинулись маршем на Бегуницы. Немецкая боевая группа Девица при массированной поддержке штурмовых орудий, авиации и артиллерии перешла в наступление из Копорья на Подозванье. 3-й полк, удерживающий Заболотье и Подозванье, был рассеян превосходящими силами врага. В Ласунах заняли оборону танковый батальон и батальон ВПУ. Сюда были переброшены 1-й и 2-й полки 2-й ЛДНО, которые до конца дня вместе с курсантами и танкистами сдерживали атаки группы Девица и отряда Кнобельшписа. Последний во второй половине дня был возвращен в 1-ю пехотную дивизию. 552-й стрелковый полк в течение дня на рубеже у Широково успешно сдерживал противника, нанося контрудары¹. 1-й батальон 806-го стрелкового полка атаковал группу Девица во фланг, от Лучков на Ивановскую. Хотя контрудар и не достиг цели – бойцы полка были остановлены огнем противника на подступах к Ивановской, – немцы вынуждены были остановить переброску частей 58-й дивизии к Бегуницам. Они посчитали это мощным ударом 191-й стрелковой дивизии². В это время на Копорье отходили от Котлов 268-я стрелковая дивизия РККА с запада и 125-я стрелковая дивизия с севера. Контрудар подразделений 806-го полка и подход новых сил Красной Армии к Копорью заставил командование 58-й дивизии противника вернуть группу Богена в Ивановскую. Группа Девица заняла круговую оборону в Копорье. Группа Крейпе вернулась в Кербуково и Ирогощу, заняв частью сил Заозерские хутора и Заозерье³. Разведбат 2-й ЛДНО в это время вел бои за совхоз Кирова, Тegliцы и Зябицы с подразделениями 1-й пехотной дивизии. Вечером 2 сентября большую помощь 58-й пехотной дивизии оказала соседняя 291-я. Боевая группа оберста П. Гуррана (усиленный 506-й пехотный полк) из ее состава к 20.00 пробилась через боевые порядки отходящих частей 8-й армии РККА, отбросила подразделения 806-го полка от д. Лучки к станции Копорье и вошла в поселок Копорье для смены группы Девица⁴.

Утром 3 сентября 1-й батальон 806-го полка держал оборону на станции Копорье. Рядом, в Широково сражался 552-й полк. Против них в Копорье развернулась боевая группа Гуррана 291-й пехотной дивизии вермахта. 58-я пехотная дивизия сменялась 291-й и выдвинулась от Копо-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 62. Л. 23.

² NARA. RG. 242. Stack. 331. Row. 77. Compt. 15 – 17.

³ Ibid. T-315. R. 993. f. 859 – 862.

⁴ Ibid. T-313. R. 333. f. 14828.

рья на Бегуницы на помощь 1-й. Группа Крейпе в 10:00 выдвинулась из Заозерья и Кербуково маршем на Зябицы и Теглицы, где вступила в бой с разведбатом

2-й ЛДНО. Следом за ней из Новоселок и Кербуково выступила группа Девица, прибывшая в Теглицы и развернувшая наступление на Савольщину. Группа Богена из Ивановского и Заболотья убыла последней на Заозерье и совхоз Кирова. На участок Копорье – Ласуны прибыла вся 291-я пехотная дивизия вермахта.

Вечером 806-й полк получил приказ № 20 штаба 2-й ЛДНО на отход по маршруту станция Копорье – Кастивское – Глобицы – Радышево¹. Этот приказ попал в руки противника². При отходе станция Копорье подверглась нападению германского передового отряда 291-й пехотной дивизии. В плен к немцам попало 3 бойца 806-го полка³. На рубеж обороны 2-й ЛДНО должны были выйти 125-я и 268-я стрелковые дивизии. 48-я, 11-я, 118-я дивизии 8-й армии и бригада моряков в этот день отводились из боя на рубеж реки Воронка. 191-я стрелковая дивизия вела бой в полуокружении, прикрывая отход основных сил 8-й армии. В это время из 2-й ЛДНО в состав своей родной 191-й дивизии вернулся 552-й стрелковый полк. К ночи началась смена 2-я ЛДНО частями 125-й стрелковой дивизии, и ополченцы выдвинулись к Теглицам. Разведбат должен был занять оборону у Заозерья, 806-й полк в Радышево, 2-й полк – восточнее Теглицы, 1-й полк – севернее Теглицы⁴. Но, к этому времени вся 2-я ЛДНО ввязалась в бой с главными силами 58-й пехотной дивизии противника в Тяглицах⁵.

Во второй половине дня после мощной артподготовки 291-я дивизия перешла в наступление на участке Гостилово – Ласуны. В этот момент части 2-й ЛДНО уже покинули свои позиции, а 125-я стрелковая дивизия заняла оборону лишь передовыми подразделениями. Основной удар приняли на себя курсанты ВПУ и танкисты. Сдержат натиск всей 291-й дивизии врага они не смогли и с боями отошли на Глобицы. Подразделения 1-го батальона 806-го полка, обходя дорогу Копорье – Воронино, успели выйти к Глоблицам и ночью развернуться в Радышево.

Рано утром 4 сентября в ожесточенных боях 58-я пехотная дивизия прорвала оборону советских войск под Теглицами и Зябицами и вскоре овладела Слепино. Сюда была форсированным маршем направлена 118-я стрелковая дивизия РККА. К 15:00 291-я пехотная дивизия вермахта про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 20. Л. 11 об.

² NARA. T-315. R. 1907. f. 258 – 259.

³ Ibid. T-314. R. 902. f. 64.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 34. Л. 230.

⁵ NARA. T-315. R. 993. f. 913 – 917.

рвала оборону 125-й стрелковой дивизии у Глобиц и овладела Воронино. 125-я дивизия отошла к Закорково. Это поставило под угрозу окружения 2-ю ЛДНО. В 12:00 основные силы 2-й ЛДНО стали отходить оз.Теглицкое – Савольщина – Поповка. К концу дня части 2-й ЛДНО выводились из возможного котла. К ночи 1-й и 2-й стрелковые полки достигли Беляево – Мартыново. Идущий в арьергарде разведбат прикрывал отход дивизии в Радышево. Остатки 3-го и 806-го полков были слиты в один, 3-й стрелковый полк 2-й ЛДНО¹. Он выдвигался от Радышево к Савольщине². С этого момента самостоятельная история 806-го полка заканчивается. Прибыв на фронт 18 августа в количестве 1600 человек, полк к 5 сентября насчитывал всего 127³. 3-й полк возглавил подполковник С.В.Васильев. Сил в этом сборном полку было крайне мало – на 8 сентября в нем числится всего 189 человек⁴. А на 21 сентября – 18⁵. По донесениям он проходит как 3-й, но в самой дивизии, по воспоминаниям ветеранов, его продолжали именовать 806-м. И здесь тождественность 806-го и 3-го полков хорошо прослеживается до конца сентября.

23 сентября 1941 г. приказом по Ленинградскому фронту ополченские дивизии были переименованы в кадровые. 2-я ЛДНО стала именоваться 85-й стрелковой, а объединенный 3-й и 806-й полк получил № 141⁶. На его пополнение прибыли еще 800 человек амнистированных уголовников. 21 октября полковник Колесников вышел из госпиталя и был откомандирован из части в резерв отдела кадров Ленинградского военного округа. Он числился командиром 141-го стрелкового полка до 6 декабря 1941 г. Перед прорывом блокады служил комендантом 13-го укрепрайона 67-й армии, а затем был заместителем командира 125-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 21 сентября 1944 г. Ст. лейтенант Пушкарев после длительного лечения командовал 15-м штрафным батальоном 2-го Украинского фронта и войну закончил майором. Левашин после ранения служил замполитом батальона 221-го армейского запасного стрелкового полка и закончил войну капитаном. После войны работал в Сосновском РК КПСС Ленобласти.

Короткая история 806-го стрелкового полка представляет собой еще один пример слабости частей третьей волны призыва в ходе Великой Отечественной войны. Она же заставляет говорить о подлинном, зачастую недокументированном, героизме совершенно небольших групп солдат и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 6497. Оп. 234511. Д. 1. Л. 40.

² Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 87. Л. 112 об.

³ NARA. T-315. R. 1907. f. 255.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

⁵ Кубышкин А.А. Указ. соч. С. 118.

⁶ Там же. С. 98, 118.

командиров, которые в отчетах и донесениях именовались полками и дивизиями. Своим упорством и стойкостью они сдержали наступление превосходящих сил врага, защитив Ленинград от уничтожения.

Носов В.А.

Участие СССР в Корейской войне и его результаты

Как известно, Вторая мировая война закончилась для Кореи, де-факто, разделом по инициативе США. Советские и американские войска заняли полуостров, каждая в своей заранее условленной зоне, и это разделение затем вылилось в создание двух отдельных государств, каждое из которых претендовало управлять всем полуостровом, а потом и в разрушительную между ними войну.

Советская армия покинула территорию Кореи в декабре 1948 года и призывала США поступить так же. Примечательно, что американцы формально заявили о выполнении своих обязательств по выводу сил, но в реальности оставили на юге полуострова миссию советников и крупные запасы военного снаряжения¹, действия советской стороны в дальнейшем просто повторяли американские. Советская сторона активно наращивала военную помощь КНДР после ее политического оформления² придала новосоздаваемой Народной армии Кореи миссию советников, числом около 1 тыс. чел., но, правда, в инструкциях руководство Советского Союза жестко требовало не допускать их участия в каких-либо военных акциях. Охотно СССР принимал на обучение выходцев из Северной Кореи, так что ко времени старта Корейской войны около 10 тыс. кадров³, или каждый, получается, двадцатый северокорейский военный, получил образование в СССР.

Само присутствие военной миссии, уже располагавшей опытом ведения боевых действий в ходе Великой Отечественной войны в самых разных условиях и при исключительном разнообразии обстоятельств, могло бы иметь в ряде случаев серьезное, а может быть, и решающее значение. В частности, еще в период благополучно развивавшегося наступления северокорейской армии летом и осенью 1950 года советские специалисты правильно посчитали, что в условиях, когда море полностью контролируется противником, велика вероятность попытки высадить

¹ Jinwung Kim. A history of Korea: from «Land of the Morning Calm» to states in conflict. Bloomington, 2012. P. 400 – 401.

² Корея в огне войны. М., 2005. С. 35.

³ South Korea. A Country Study (4th ed.). N. Y., 1990. P. 31.

десант в тылу и попытаться перерезать полуостров, полностью предвосхитив планы американского командования. Впервые эта тема была поднята еще в начале августа¹. Представители миссии даже успели доставить в гавань Инчхона мины, но к моменту начала десантной операции из-за неразберихи их так и не поставили, а наскоро выставленные заграждения американский флот ликвидировал без труда². Из этого были сделаны выводы, и гавань Вонсана, главного порта восточного побережья, была затем заминирована под непосредственным руководством советских специалистов так качественно, что при попытке совершить десант подорвались четыре судна «контингента ООН», потеряв не менее 13 человек убитыми³, и саму высадку пришлось отложить, что, хотя и не изменило существовавшего на тот момент соотношения сил на северо-востоке театра военных действий, но существенно повлияло на темпы и успех американского наступления. Вряд ли можно всерьез обвинить военную миссию советских специалистов в неудачах, которые потерпела Корейская народная армия в своем наступлении на юг, поскольку правила работы строго запрещали пересекать 38-ю параллель, и, следовательно, значительно ограничивали возможности влиять на происходящее на фронте. Примечательно, в связи с этим, что хотя миссию в СССР подвергли жестокой критике за недооценку противника и в общем неудачный ход войны, никто из ее членов не был репрессирован⁴.

С самого начала американские силы в Корее весьма опасались и прямой интервенции СССР, особенно после инчхонской операции⁵. Основу собственно военной активности СССР в Корее, развернутой с середины осени, составил осуществлявший воздушную поддержку 64-й авиакорпус.

Всего вовлечено в Корейскую войну было примерно 26 тыс. советских военных, причем собственно летный состав составлял всего 441 человек. Корпус располагал 321 самолетом, из которых 303 МиГ-15 и 18 Ла-11⁶. Отмечают и бытовые условия – хотя на питание жалоб не поступало, и в него входили свежие фрукты, овощи, 100 грамм спиртного, жилищные условия оставляли желать лучшего, и велики были проблемы со здоровьем. Медики, занятые поддержанием здоровья пилотов, конста-

¹ Hannings B. The Korean War. Washington, 2007. P. 151.

² Sandler S. The Korean War. N. Y., 1995. P. 90; Blair C. The Forgotten War. N. Y., 1987. P. 269.

³ Clodfelter M. Warfare and armed conflict. N. Y., 1992. Vol. 2. P. 120; Blair C. Op. cit. P. 343.

⁴ Sandler S. Op. cit. P. 101.

⁵ Hannings B. Op. cit. P. 316.

⁶ Корея в огне войны. С. 268 – 269.

тировали, что “фактор утомления является основной причиной в изменении состояния здоровья”¹. Серьезные трудности пришлось встретить в деле адаптации к новым условиям работы, участник кампании вспоминал, что пришлось вносить на ходу коррективы в конструкцию МиГ-15, добавляя бронированные спинки и налокотники, а потом закрасивать советские опознавательные знаки и наносить корейские², а в некоторых случаях и китайские, и носить униформу китайской и корейской армий³. Предполагалось силами корпуса защищать стратегические объекты в радиусе 75 км от границы, а потом стали осуществлять прикрытие тыловых коммуникаций. Летали на операции только с китайской территории⁴, и в ходе войны всем советским гражданам было строго воспрещено пересекать 38-ю параллель⁵. Наличие 75-километрового лимита и запрет на пересечение 38-й параллели автоматически исключали участие советских летчиков в боях на линии фронта, но и при таких ограничениях корпус оказал заметное влияние на ход боевых действий. Очень опасались атак на конвои снабжения южнокорейской и американской армии, основной порт всего контингента Пусан и транспортные суда по пути в него⁶. Однако даже при таком ограниченном мандате, если в начале войны американская авиация безраздельно господствовала в воздухе, то начиная с поздней осени 1950 года советские летчики составили ей более чем достойную конкуренцию. Причем организован был процесс функционирования советского корпуса так качественно, что сами американцы смогли сделать определенное заключение, с кем они воюют, только в апреле⁷, и даже потом по тактическим соображениям предпочли не обнародовать эту информацию – как полагают, опасаясь что ее публикация повлечет в силу особенностей внутренней политики США тех лет давление на администрацию «ответить адекватно» и тем самым, в перспективе, втянуться в прямую войну между супердержавами⁸. Сами представители «войск ООН» отмечали значительно возросшую концентрацию самолетов и рост профессионального мастерства своих противников, довольно быстро после появления советской авиации пришлось идти на изменения в

¹ Там же. С. 272.

² Хрестоматия по отечественной истории (1946 – 1995 гг.). М., 1996. С. 157 – 158.

³ Sandler S. Op. cit. P. 185; Xiaobing Li. A History of Modern Chinese Army. Lexington, 2007. P. 109.

⁴ Xiaobing Li. Op. cit. P. 109.

⁵ Корея в огне войны. С. 223 – 225.

⁶ Sandler S. Op. cit. P. 183.

⁷ Hannings B. Op. cit. P. 681.

⁸ Sandler S. Op. cit. P. 186.

подборе целей, модусе деятельности и организации боевой активности. Один из участков воздушного пространства был прозван «аллея МиГ», поскольку именно там собирались силы для борьбы с американскими налетами против мостов на Ялу¹, стратегически важных для снабжения китайских и корейских сил на театре военных действий. За все время до конца войны лишь американцам лишь один раз удалось нанести мостам и переправам мало-мальски ощутимый ущерб. Постоянный рост потерь заставлял авиацию США корректировать свою активность. Более того, с осени 1951 года, после тяжелых потерь в воздушной битве над строящимся аэродромом в Намси именно на этой самой «аллее», пришлось сперва отказаться от полетов в дневное время, и почти сразу же вследствие очередного столкновения, по результатам которого счет сбитых Б-29 дорос до девяти за неделю, и окончательно свернуть их регулярную активность на северо-западе Кореи². Будучи вынуждены со временем отказаться от авианалетов за линию фронта днем, чего даже Люфтваффе в свое время не смогло добиться³, американцы продолжали уповать на авиацию, правда, в основном для акций явно карательного характера. Так, состоялось несколько массовых налетов на Пхеньян, 11 июля разом сбросили 1400 тонн фосфорных бомб и 23 тыс. галлонов напалма⁴. Авиаторы из австралийского и британского контингента в рейдах даже не участвовали, поскольку традиционно войска союзников США не привлекались к решению серьезных боевых задач, в море, на суше или в воздухе.

Хотя первый воздушный бой с американской авиацией 17 декабря 1950 г. закончился не в пользу советского аса⁵, но через три дня его коллега одержал первую советскую победу⁶. По западным данным, у советских авиаторов рекордсменом был Евгений Пепеляев (32), следом Николай Сутягин (21), еще трое по 15 сбитых самолетов⁷, причем, что интересно, в советской и российской литературе эти цифры значительно ниже. Для сравнения, лучший ас американского контингента, по отчетам самих американцев, сбил 16 самолетов⁸, а рекордсменами среди китайцев зачис-

¹ Historical Dictionary of the Korean War (2nd ed.). Lanham; Toronto; Plymouth, 2010. P. 181.

² Historical Dictionary of the Korean War (2nd ed.). P. 189; Rees D. Korea: the Limited War. Washington, 1970. P. 373; Dictionary of Battles and Sieges. N. Y., 2007. P. 708.

³ Rees D. Op. cit. P. 374.

⁴ Coleman K. A History of Chemical Warfare. N. Y., 2005. P. 89.

⁵ Edwards P. Korean War Almanac. N. Y., 2006. P. 152.

⁶ Ibid. P. 153.

⁷ Ibid. P. 546 – 547.

⁸ Clodfelter M. Op. cit. Vol. 2. P. 1211.

лены два пилота, одержавших по 9 побед¹. Официально советский контингент потерял 335 самолетов, 120 летчиков², всего же погибло 299 человек из его состава, в т.ч. 138 офицеров³, и 315 человек за весь конфликт, в т.ч. 12 от ран и 21 от болезней⁴.

Интересным аспектом кампании являются усилия обеих сторон получить новейшую технику противника, по возможности в рабочем состоянии. Советская миссия особенно интенсивно старалась добыть «Сэйбр», и в итоге преуспела добыть два таковых, один из них при помощи китайского командования, выделившего 500 солдат, разобравших самолет и погрузивших его на транспорт⁵, а новейший вертолет заполучили, заманив его команду в хорошо продуманную ловушку⁶. Американцы, со своей стороны, очень хотели получить МиГ-15, и предлагали большую награду деньгами и политическое убежище⁷, в 1951 году им удалось завладеть подбитым МиГ, оказавшимся после катапультирования китайского пилота на песчаной отмели в море⁸, а целый самолет удалось получить лишь в сентябре 1953, уже после завершения войны, благодаря перебежчику из КНДР⁹. Таким образом, и в этом аспекте СССР оказался впереди.

В общей сложности летчики корпуса провели 64300 самолетовылетов, 1872 воздушных боя, в процессе пилоты сбили 1106 самолетов «ООН», больше всего F-86 (650), а из бомбардировочной авиации самой частой жертвой был B-29 (69), обе цифры вкуче красноречиво свидетельствуют о характере кампании. Зенитный компонент отчитался в 153 сбитых самолетов (F-86 и в этой категории в большинстве, 35 единиц)¹⁰. Противник был чрезвычайно сильный, давно привыкший к воздушным боям и массовым действиям крупными силами самолетов, и победа над ним вдвойне ценна. Вместе с тем невозможно подсчитать, в цифрах и с графиками, какой дополнительный позитивный эффект имели «обкатка» пилотов в боевых условиях, тщательный анализ происходившего в воздухе и на земле, наблюдение за действиями вероятных оппонентов на поле боя, но во всяком случае следует признать,

¹ Edwards P. Op. cit. P. 546 – 547.

² Корея в огне войны. С. 273.

³ Томас Н., Эббот П. Война в Корее, 1950 – 1953. М., 2011. С. 46.

⁴ Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 525.

⁵ Корея в огне войны. С. 327.

⁶ Sandler S. Op. cit. P. 188.

⁷ Cold War. N. Y., 2007. P. 83.

⁸ Historical Dictionary of the Korean War (2nd ed.). P. 211.

⁹ Cold War. P. 83.

¹⁰ Корея в огне войны. С. 273.

что действия СССР в поддержку своих союзников в Корее были, несмотря на их ограниченный характер, чрезвычайно результативными.

Историография

Козлов Д.Ю.

Современная отечественная историография Российского флота периода Первой мировой войны: проблемы и перспективы

Во всемирной военной истории Первая мировая война, в том числе военные действия на ее океанских и морских театрах, остается явлением абсолютно уникальным по целому ряду оснований. Во-первых, именно в 1914 – 1918 гг. новые рода сил флота – морская авиация и подводные лодки – стали полноправными участниками вооруженного противоборства, которое превратилось в «объемный», трехмерный процесс. Вооруженное противоборство на море превратилось из дискретной последовательности одноактных столкновений группировок надводных кораблей в непрерывную борьбу во всех природных средах, результаты которой зачастую можно выявить лишь с помощью статистических данных. Во-вторых, условия борьбы на море усложнились настолько, что в ряде случаев для достижения поставленных целей требовалось организовывать ряд объединенных единым замыслом, планом и руководством последовательных и одновременных сражений, боев, ударов и атак с привлечением разнородных сил и организацией всего комплекса обеспечивающих действий и мероприятий (разведка, оперативная маскировка и др.). Это привело к возникновению новой формы применения сил флота – морской операции, и именно опыт Первой мировой войны стал эмпирической базой, на которой впоследствии сформировалось оперативное искусство ВМФ как самостоятельная отрасль теории и практики вождения флота. И, наконец, Великая война стала важнейшим элементом исторического контекста и одновременно мощным катализатором революционных событий 1917 г., в которых, как известно, военные моряки сыграли важную и яркую роль, вследствие чего военные и социально-политические проблемы этой темы не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Поэтому вполне естественно, что изучение военных действий на российских морских театрах Первой мировой войны имеет прочную историографическую традицию и проблемы истории отечественного флота этого периода по сей день привлекают к себе внимание специалистов.

Современный этап развития отечественной военно-морской историографии начался в 90-х гг. прошлого столетия, что было обусловлено, во-первых, внутривластными изменениями в стране, сопровождавшимися устранением идеологических клише и повышением общественного интереса к истории дореволюционной России, и, во-вторых, празднованием в 1996 г. 300-летия Российского флота, подготовка к которому, в том числе по линии книгоиздания, организовывалась и финансировалась на государственном уровне. Правда, среди значительного массива «юбилейной» литературы специальных исследований истории отечественного флота периода Первой мировой войны не отмечено. Впрочем, разделы, посвященные событиям 1914 – 1917 гг., включены в «сквозные» исследования трехвековой истории Российского флота¹. Эти труды отражали современное состояние военно-исторической науки, однако в отношении проблем применения сил отечественного флота в Первой мировой войне оставались в русле историографической традиции, заложенной в предшествовавшие десятилетия.

В течение последней четверти века военно-морские сюжеты находили отражение в исследованиях общих вопросов участия вооруженных сил России в Первой мировой войне – трудах В.К. Шацилло², О.Р. Айрапетова³ и др. К 100-летию начала войны вышло в свет первое фундаментальное обобщающее исследование проблем строительства и применения вооруженных сил России накануне и в годы войны 1914 – 1918 гг., где события на морских театрах реконструированы и проанализированы в равной мере с «сухопутными» сюжетами и предпринята попытка выявить роль и место флота в достижении Россией своих стратегических и политических целей⁴.

Выходят в свет новые работы, посвященный отдельным театрам, кампаниям и операциям (исследования В.Ю. Грибовского⁵, Д.Е. Жалнина¹,

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. М., 1996. Т. 1; Родионов Б.И., Березовский Н.Ю., Грибовский В.Ю. и др. Три века Российского флота. СПб., 1996. Т. 2; Капитанец И. Итоги и уроки трехсотлетней истории российского флота. М., 1996.

² Шацилло В.К. Последняя война царской России. М., 2010.

³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): в 4-х т. М., 2015.

⁴ Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914 – 1917): в 2-х т. / Под общ. ред. В.В. Герасимова. М., 2014.

⁵ Грибовский В.Ю. Балтийский флот в первой мировой войне 1914 – 1917 гг. СПб., 2000; его же. Бой у Готланда 19 июня 1915 года // Гангут. Вып. 11 (1996). С. 34 – 55; его же. Черноморский флот в боях с «Гебенем» (1914 – 1915 годы) // Гангут. Вып. 10 (1996). С. 21 – 34; Грибовский В.Ю., Савинов А.Ю. Моонзундское сражение 1917 года. СПб., 2013.

В.Я. Крестьянинова², А.О. Александрова³ и др.), предвоенному стратегическому планированию в морском ведомстве России, включая военно-морское сотрудничество с Францией и Великобританией (работы Е.Ф. Подсобляева⁴, А.Ю. Емелина⁵ Н.В. Федорова⁶ и др.), исследования организационного строительства и функционирования системы управления силами Российского флота (публикации В.Г. Симоненко⁷, Р.В. Кондратенко⁸, И.Ф. Цветкова⁹, К.Б. Назаренко¹⁰, М.А. Парталы¹¹, Д.А. Седых¹²), исследования развития российской национальной школы военно-морского искусства (труды В.Д. Доценко¹³, В.Л. Герасимова¹⁴,

¹ Жалнин Д.Е. История строительства и боевой деятельности флотилии Северного Ледовитого океана (1914 – 1920 гг.): Дис. ... к. ист. н. Мурманск, 2005.

² Крестьянинов В.Я. Черноморский флот. 1856 – 1920 годы: в 2-х т. СПб., 2013 – 2014.

³ Александров А.О. Операция «Альбион»: вид сверху. СПб., 2016.

⁴ Подсобляев Е.Ф. Развитие теории войны на море и ее влияние на развитие флота и военно-морского искусства (1890 – 1914). СПб., 1998; его же. Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы седьмой ежегодной научной конференции (13 – 14 апреля 2004 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2006. С. 166 – 176; Podsoblyayev E.F. The Russian Naval General Staff and the Evolution of Naval Policy, 1905 – 1914 / translated from the Russian by F. King and J. Biggart // The Journal of Military History. LXVI, № 1 (January 2002). P. 37 – 69; и др.

⁵ Емелин А.Ю. Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов. 1856 – 1918: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007; его же. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 64 – 70; его же. Научно-технические аспекты взаимодействия русского и британского флотов. 1914 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 44 – 46.

⁶ Федоров Н.В. Идеи адмирала А.Т. Мэхена и военно-морская политика великих держав в конце XIX – начале XX века. СПб., 2010.

⁷ Симоненко В.Г. Морской Генеральный штаб России. Из истории создания и деятельности в 1906 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 24 – 29.

⁸ Кондратенко Р.В. Заметки о предыстории Морского Генерального штаба // Гангут. Вып. 44 (2007). С. 133 – 148.

⁹ Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695 – 1945). СПб., 2000.

¹⁰ Назаренко К.Б. «Мозг» флота России. От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006.

¹¹ Партала М.А. Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну. Вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13 – 14 апреля 2006 г.). СПб., 2007. С. 325 – 337.

¹² Седых Д.А. Создание морского генерального штаба в контексте реформирования флота в России в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... к. ист. н. Челябинск, 2003.

¹³ Доценко В.Д. История военно-морского искусства: в 4-х т. СПб., 1999 – 2003.

¹⁴ Герасимов В.Л. Отечественная морская авиация в Первую мировую войну: Дис. ... к. ист. н. М., 2004.

Э.А. Ковалева¹ и др.), осваивается направление военно-морской биографии Первой мировой войны (публикации И.В. Козыря², А.В. Смолина³, А.Ю. Савинова⁴ и др.).

Подводя некоторые итоги столетнего изучения событий Первой мировой войны на российских морских театрах, отметим, что достижения отечественных историков в изучении опыта военных действий на морских театрах Первой мировой войны бесспорны. Однако до настоящего времени вопросы оперативно-стратегического применения отечественного флота в 1914 – 1917 гг.⁵ не являлись предметом самостоятельного комплексного исследования, подобного, например, докторской диссертации, а затем и монографии А.В. Басова, посвященной аналогичной проблеме периода Великой Отечественной войны⁶.

Целый ряд весьма существенных вопросов нашел в историографии лишь частичное или поверхностное освещение и требует всестороннего исследования. Прежде всего, общая оценка результатов деятельности Российского флота в 1914 – 1917 гг. страдает незавершенностью и, вследствие отсутствия в отечественной историографии попыток дать такую оценку на основе апробированного формализованного критериального аппарата, имеет неконкретный и, в ряде случаев, субъективный характер.

На периферии исторических исследований остается организационное строительство и функционирование органов стратегического руководства и оперативно-стратегического управления силами флота в 1914 – 1917 гг.

¹ Ковалев Э.А. Рыцари глубин. Хроника зари российского подплава. М., 2005; его же. Разработка и освоение российскими подводниками залповой торпедной стрельбы веером // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 24 – 28; его же. К истории способов залповой стрельбы торпедами // Гангут. Вып. 46 (2008). С. 28 – 55.

² Козырь И.В. От Цусимы до Рагузы [об А.Д. Бубнове]. СПб., 2011.

³ Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012; его же. Взлет и падение адмирала Колчака. СПб., 2018.

⁴ Савинов А.Ю. Адмирал А.А. Эбергард. Эпизоды биографии: участие в восстановлении флота после Русско-японской войны и в подготовке к новой войне // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы. Доклады и выступления участников III Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 413 – 421.

⁵ Под оперативно-стратегическим применением Российского флота в период Первой мировой войны понимаются подготовка и ведение объединениями и группировками военно-морского флота самостоятельно и во взаимодействии с войсками приморских фронтов (армий) военных действий для достижения оперативных целей, некоторые из которых в своей совокупности или по мере накопления результатов приводили к достижению частных стратегических результатов.

⁶ Басов А.В. Оперативно-стратегическое применение Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: Дис. ... д. ист. н. М., 1976; его же. Флот в Великой Отечественной войне 1941 – 1945. Опыт оперативно-стратегического применения. М., 1980.

(за исключением Морского Генерального штаба). Практически не освещены сложный и не всегда эффективный механизм координации работы военно-морских руководящих инстанций (морские органы Ставки верховного главнокомандующего – морской министр с подчиненным ему генмором – командование флотов), разграничение функций и организация взаимодействия Ставки, Военного и Морского министерств, а также армейских и флотских начальников на местах в ходе совместных операций и боевых действий на приморских направлениях.

За скобками исторических разработок остались некоторые аспекты военно-морского сотрудничества с союзными державами, в частности, участие корабельных сил английского флота в боевых действиях на Балтийском и Северном морских театрах, попытки организации стратегического взаимодействия с флотами стран Антанты.

Наконец, оценки личного вклада конкретных должностных лиц в развитие теории и практики применения сил флота в 1914 – 1917 гг. во многих случаях страдают субъективностью и политической ангажированностью.

Перечисленные проблемы, помимо прочего, определяют перспективные направления дальнейших научных изысканий в рамках нашей темы.

Это, во-первых, расширение источниковой базы исследований. Речь идет, прежде всего, о более широком привлечении документов отечественных архивов. Как правило, корпус привлекаемых исследователями делопроизводственных документов ограничивается бумагами из собрания Российского государственного архива военно-морского флота, хотя многочисленные документы на «флотскую» тему можно обнаружить и в других архивохранилищах – Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военно-историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи и др. Российскими военно-морскими историками упорно игнорируются весьма репрезентативные германские трофейные документы из Центрального архива Министерства обороны, оцифрованные и доступные для дистанционного использования с 2014 г. Остаются единичными случаи использования оригинальных документов из зарубежных архивов, хотя такое привлечение дает существенный эффект. Так, в докторской диссертации С.П. Шилова «российский» вектор военно-морской политики Германии в преддверии Первой мировой войны впервые в отечественной историографии исследован на основе немецких архивных материалов (Bundesarchiv-Militärarchiv – ВА-МА). Особый интерес представляет освещение автором эволюции планов применения германских морских сил в Балтийском море. Констатируя усиление внимания военно-морского командования Второго рейха к этому театру военных дей-

ствий, С.П. Шилов, в частности, отмечает: «Приблизительно с 1912 года русские эскадры на Балтике становятся силой, которую немецкие адмиралы не могли игнорировать <...> Планы Адмиралтейства становятся все более многовариантными»¹. Выводы С.П. Шилова позволяют в значительной мере актуализировать традиционную для советской историографии точку зрения, согласно которой «флот (германский. – Д. К.) предполагал воевать с англичанами <...> пренебрегая всеми другими противниками»².

Во-вторых, необходим более полный учет новейших достижений зарубежной историографии и археографии. Положительный пример такого рода – монография В.Ю. Грибовского и А.Ю. Савинова «Моонзундское сражение 1917 года»³, основанная не только на современной российской и зарубежной научной литературе, но и на обширном корпусе отечественных и немецких источников, среди которых – четырехтомный сборник документов «Германское военно-морское командование в Первой мировой войне», выпущенный Бундесархивом в 1999 – 2004 гг.⁴, а также дневники и письма вице-адмирала Альберта Хопмана⁵, командовавшего в операции «Альбион» соединением крейсеров.

Сохраняет актуальность и проблема научной критики и введения в оборот обширного военно-исторического наследия русской военно-морской эмиграции – работ Н.А. Монастырева⁶, М.И. Смирнова⁷, А.Д. Бубнова⁸, Н.Р. Гутана, Н.С. Чирикова⁹, В.К. Пилкина¹, П.А. Варнека²,

¹ Шилов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897 – 1914 гг.): Дис. ... д. ист. н. Тюмень, 2004. С. 308, 309.

² Козлов С. Военная наука и военные доктрины в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 36.

³ Грибовский В. Ю., Савинов А. Ю. Моонзундское сражение 1917 года. СПб., 2013.

⁴ Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation / bearbeitet von G. Grainer. 4 Bde. Koblenz, 1999 – 2004.

⁵ Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 / herausgegeben von M. Erpenhans. München, 2004.

⁶ Монастырев [Н.А.], к. 2 р. Краткий обзор военных действий на Черном море в начале войны // Морской сборник. Вып. XII, XVIII (1922); его же. Краткий очерк военных действий на Балтийском море с 14 июля 1914 г. по январь 1915 г. // Морской сборник (Бизерта). Вып. XXI (1923) и др.

⁷ Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. (Краткий биографический очерк). [Париж, 1930]; его же. Минные заграждения у Босфора // Часовой. 1929. № 17 – 18. С. 18 – 20; и др.

⁸ Бубнов А.Д. Военно-морское искусство в русском флоте // Морские записки. 1962. V. 20. № 3/4. С. 18 – 27; его же. Почему Россия не завладела Босфором во время миновавшей войны // Зарубежный морской сборник. 1931. № 13. С. 4 – 24; и др.

⁹ Чириков Н.С. Адмирал А.А. Эбергард // Морские записки. 1961. V. 19. № 3/4. С. 3 – 35; 1963. V. 21. С. 5 – 31; его же. Минная война в Черном море. Постановки мин за-

Г.М. Некрасова³ и др. Это позволит уйти от замешанного на идеологическом антагонизме противостояния советской и эмигрантской ветвей русской военно-морской историографии. Синтез подтвердивших свою научную состоятельность положений критического направления, характерного для советской военно-исторической традиции, и апологетического направления, исповедуемого эмигрантским военно-морским сообществом, очевидно, может и должен привести к формированию единой базисной концепции, интерпретирующей военно-морскую деятельность России в годы Великой войны.

Представляется крайне важным дальнейшее использование междисциплинарных подходов, применение которых имеет некоторую традицию, но традицию достаточно своеобразную. Долгое время эта практика ограничивалась исследованиями взаимного влияния военно-морских и внутриполитических проблем через призму революционного движения в недрах царского флота и участия моряков в Великой русской революции 1917 г. Свидетельство расширения использования междисциплинарных подходов к исследованию военно-морских проблем – работа А.П. Корелина и Д.Б. Павлова, которые вписали строительство флота и разработку планов его применения в преддверии мировой войны в сложный ландшафт политической и социально-экономической жизни империи⁴.

В последние десятилетия полидисциплинарные исследования затрагивают и более узкие проблемы применения военно-морских сил. Так, в работах Д.С. Брыкова⁵, А.С. Кана⁶, Е.В. Коруновой⁷, И.Н. Новиковой⁸,

граждения обоими противниками за время войны 1914 – 1917 гг. Париж, 1938; Чириков Н.С., Гутан Н.Р. Материалы по истории войны на Черном море в 1914 – 1917 годах. Париж, б/г.

¹ Пилкин В.К. Два адмирала // Морские записки. 1951. V. 9. С. 53 – 68.

² Варнек П.А. Балтийские проливы в первую мировую войну // Морские записки. 1962. V. 10. № 3. С. 5 – 21.

³ Некрасов Г.[М.] У врат Царьграда. Боевые действия Черноморского Флота в войне 1914 – 1917 гг. СПб., 2002.

⁴ Корелин А.П., Павлов Д.Б. Российские вооруженные силы в межвоенный период. Проблемы военно-стратегического планирования // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 61 – 84.

⁵ Брыков Д.С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 – февраль 1917) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. V (2008). С. 125 – 151.

⁶ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999; и др.

⁷ Корунова Е.В. Шведский нейтралитет в Первой мировой войне: случайность или закономерность // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 3 – 18.

⁸ Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / Под ред. Ю.Г. Акимова. СПб.,

А.И. Рупасова¹, К.А. Табаровской² освещена роль нейтральной Швеции в российско-германском противоборстве, очерчен внешнеполитический и дипломатический контекст борьбы на морских коммуникациях, оказывавший серьезное влияние на формы, способы и результативность деятельности Балтфлота. Безусловно, вектор к междисциплинарному характеру подобных исследований будет развиваться и далее, что придаст изысканиям в области военно-морской истории новые измерения и новое качество.

Явно недостаточное применение пока находят компаративные методы, позволяющие вскрывать сущность процессов строительства ВМФ и его боевой деятельности в сопоставлении с опытом противников и союзников, а также, в силу значительной обособленности Балтийского, Черноморского флотов и флотилии Северного Ледовитого океана – в их сопоставлении с друг с другом. Это, в частности, позволит аргументированно судить об уровне отечественного флота и военно-морского искусства в сравнении с лучшими мировыми достижениями того времени, причем делать это не в духе «борьбы за отечественные приоритеты», как это было в начале 50-х годов прошлого века, а на основе серьезного историко-сравнительного анализа.

Еще одно перспективное направление исследований – «локальная история», в рамках которой представляется целесообразным выделить два аспекта. Первый – это региональные исследования, некоторые из которых содержат чрезвычайно ценные сведения сугубо военного характера. Так, в монографии Т.И. Трошиной³ проанализирована деятельность военной администрации Архангельска по обеспечению межсоюзнических перевозок и формированию системы базирования сосредоточенной на Северном мор-

2006; ее же. Германия стремилась к сепаратному миру с Россией. 1914 – 1916 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 16 – 20; ее же. Швеция в планах военно-политической элиты Германии (1914 – 1915) // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб., 2012. С. 204 – 221; ее же. Швеция во внешней политике Германии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 102 – 116; и др.

¹ Рупасов А.И. Германно-шведские контакты о заключении военного союза (1910 – 1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб., 1995. С. 30 – 40.

² Табаровская К.А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905 – 1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: Дис. ... к. ист. н. М., 2009; ее же. Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 183 – 194; и др.

³ Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Архангельск, 2008.

ском театре оперативной группировки военно-морских сил – флотилии Северного Ледовитого океана.

Второй аспект – довольно специфический жанр исторических штудий, именуемый «историческим портретом корабля» и являющийся флотским аналогом «полковых историй», широко распространенных в «сухопутной» историографической традиции¹ (библиография историй полков и отдельных батальонов только германской и австро-венгерской армий насчитывает до полутора тысяч томов²). В последние годы «морские» публикации такого рода исчисляются сотнями, и некоторые из них вполне выдерживают критику в научном плане. Одна из наиболее ярких работ последних лет, отличающаяся исчерпывающей источниковой базой и научной новизной – монография С.Е. Виноградова о строительстве и боевом пути линейного корабля «Императрица Мария»³.

Чрезвычайно перспективным историографическим направлением является история военной повседневности, военная антропология. Современная российская литература на эту тему многочисленна и многообразна, однако военно-морской сегмент этой проблематики только зарождается. Работы такого рода на уровне диссертационных проектов и монографий ограничиваются трудами Д.А. Бажанова⁴ и имеют буквально безграничный фронт исследований.

Столь же широкие перспективы имеет и военно-морская биографика Первой мировой войны. До сих пор в нашей стране не опубликовано ни одной полноценной научной биографии высших руководителей морского ведомства периода Великой войны – морского министра адмирала генерал-адъютанта И.К. Григоровича⁵ и начальника Морского Генерального штаба и Морского штаба верховного главнокомандующего адмирала

¹ Ланник Л.В. Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Первой мировой войны в 1920 – 1930-х годах // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 137.

² Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М., 2017. С. 7.

³ Виноградов С.Е. Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. М., 2017.

⁴ Бажанов Д.А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в 1914 – 1917 гг.: История и повседневность: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2004; его же. Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007 и др.

⁵ Единственная самостоятельная работа о последнем морском министре Российской империи – книга адмирала И.В. Касатонова «Адмирал И.К. Григорович – выдающийся организатор строительства флота России начала XX века. Том I» (М., 2010), жанр которой определен как «литературно-художественное издание», представляет собой публицистический очерк деятельности адмирала накануне и в годы Первой мировой войны в контексте развития морской политики государства.

А.И. Русина. Единственным представителем морских органов Ставки, ставшим персонажем сравнительно крупной биографической работы, стал контр-адмирал А.Д. Бубнов, возглавлявший Военно-морское управление ставки осенью 1917 г.¹

Среди командующих флотами героями самостоятельных биографических работ стали адмиралы Н.О. фон Эссен, А.А. Эбергард и А.В. Колчак. Книга Б.А. Шалагина о командующем Балтийским флотом², хотя и базируется на достаточно широкой документальной базе, относится к жанру исторического романа и не может быть отнесена к научным исследованиям в строгом смысле слова. Необычный, но, как представляется, весьма перспективный формат «книги-архива» избрал для своего произведения об адмирале А.А. Эбергарде А.С. Гутан. В этом издании найдено удачное сочетание авторских размышлений, основанных в значительной мере на малоизвестных архивных материалах, с результатами изысканий историков, свидетельствами современников и документами из семейного архива (автор-составитель – внучатый племянник А.А. Эбергарда)³.

Что же касается А.В. Колчака, то перипетиям его жизни и деятельности посвящен целый комплекс капитальных монографических работ⁴. Эти сочинения, регулярно выходящие в свет с начала 1990-х гг. и носящие откровенно апологетический характер, с достаточной полнотой раскрывают политические, научные, личные аспекты биографии адмирала. Деятельность же А.В. Колчака как военно-морского руководителя, к сожалению, по сию пору не становилась предметом самостоятельного комплексного исследования. Редкие попытки оперативно-тактического анализа отдельных периодов или эпизодов боевой биографии адмирала также пока не достигают поставленных целей⁵.

¹ Козырь И.В. Указ. соч.

² Шалагин Б.А. Взять море в свои руки. Нижний Новгород, 1996.

³ Адмирал Эбергард. Время и судьба. Книга-архив / автор-составитель А.С. Гутан. М., 2016.

⁴ Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб., 1993; Грейг О. Подлинная судьба адмирала Колчака. М., 2008; Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: в 2-х кн. М., 2000; Кручинин А. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010; Майорова Г.В. Александр Васильевич Колчак: «Нет ничего выше Родины и службы Ей». М., 2016; Максимов В. Звезда адмирала Колчака. М., 2008; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2003; Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя. М., 2004; его же. Александр Васильевич Колчак: ученый и патриот. В 2 ч. М., 2015; и др.

⁵ Новиков П.А. Контр-адмирал А.В. Колчак в планировании и осуществлении боевых операций Балтийского флота в апреле – июле 1916 г. // Известия Лаборатории древних

При всем этом нельзя, разумеется, утверждать, что личности российских адмиралов и морских офицеров периода Первой мировой войны остаются вне поля зрения отечественных исследователей, о чем свидетельствуют публикации в сборниках биографических очерков¹, материалах научных конференций, «круглых столов» и чтений², сборниках статей³ и периодической печати⁴. Вместе с тем, несмотря на очевидное повышение

технологий. 2016. № 2 (19). С. 75 – 81; Рыжонков Г. «Блестящее дело» Колчака // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 3. С. 18 – 20.

¹ Грибовский В.Ю. Римские-Корсаковы. Морская династия на службе Отечеству. СПб., 2013; Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников / под ред. В.П. Маяцкого. М., 1994; Белли В.А. «Быть полезным России» [о В.М. Альтфатере] // Флагманы. М., 1991. С. 7 – 21; и др.

² Брызгалов В.В. Судьба адмирала Карцова // Защитники Отечества: материалы IX областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2001. С. 85 – 91; Фотуньянц В.Н. Морская крепость императора Петра Великого в биографии А.И. Непенина // Елагинские чтения. СПб., 2016. Вып. VIII. С. 99 – 111; Цветков И.Ф. Последний морской министр Российского флота. Выступление на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения последнего морского министра Императорского Российского флота адмирала Ивана Константиновича Григоровича (СПб., 14 февраля 2003 г.) // Труды военно-морских исторических конференций. СПб., 2006. С. 141 – 153; и др.

³ Гаврилов Б.И. И.К. Григорович и большая морская программа // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. М., 2003. С. 191 – 244; Ивицкая О.Е. Один год из жизни адмирала (малоизвестные факты биографии адмирала А.В. Колчака) // Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007. С. 241 – 248; Цветков И.Ф. Адмирал Н.О. фон Эссен – командующий Балтийским флотом накануне и в период первой мировой войны // Немцы в России: люди и судьбы. СПб., 1996. С. 183 – 188; и др.

⁴ Аристов А. Ратник чести [об А.В. Немитце] // Морской сборник. 1988. № 10. С. 80 – 84; Близниченко С.С. Служба для него была смыслом жизни. Судьба адмирала Л.М. Галлера // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 64 – 68; Герасимов В.Л. «Почти два года командуя силами флота, пребывали вы в неустанных трудах и опасностях»: О роли адмирала А.А. Эбергарда в становлении черноморской авиации // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 50 – 55; Губер К.П. Последний морской министр Российской империи // Гангут. Вып. 35 (2003). С. 98 – 100; Емелин А.Ю., Козюренко К.Л. Н.О. Эссен, А.В. Колчак и разработка программы усиленного судостроения Балтийского флота // Гангут. Вып. 24 (2000). С. 28 – 46; Кузнецов Н. Подводник № 1 [об М.А. Китицыне] // Родина. 2011. № 3. С. 124 – 127; Лебедев В.Д. Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие военно-морского флота и авиации России // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 226 – 247; Фотуньянц В.Н. Четвертый командующий. Страницы жизни А.В. Развозова // Морской исторический сборник. 1991. Вып. 3. С. 50 – 57; Шереметьев Б. «Надо помнить о России...» [об Е.А. Беренсе] // Морской сборник. 1988. № 9. С. 79 – 83; и др.

интереса к биографике в последние годы и устранение довлеющих идеологических догм, российская военно-историческая наука далека от исчерпывающего решения задачи выявления вклада должностных лиц в решение проблем строительства и применения военно-морского флота накануне и в годы Великой войны. В сравнении с обширной и многогранной литературой об отечественных флотских деятелях других войн первой половины XX в., биографический сегмент «морской» историографии Первой мировой войны по сей день выглядит малоубедительным.

В последнее десятилетие появляются специальные исследования социальной истории Российского флота периода Великой войны. В фокусе внимания А.В. Напалкова¹, А.П. Павленко², К.Б. Назаренко³ и др. – офицерский корпус флота как социальная группа и профессиональное сообщество, функционирующее в условиях социально-политического кризиса, вызванного мировой войной и революциями 1917 г.

Не лишенным определенных перспектив представляется и применение методов исторической элитологии. В России первопроходцем этого направления в отношении периода Великой войны стал Л.В. Ланник, предпринявший первое комплексное элитологическое исследование военного истеблишмента Второго рейха⁴. Разумеется, можно было бы только приветствовать появления подобных исследований и российской военной элиты.

Представляется очевидным, что дальнейшее развитие российской историографии войны 1914 – 1918 гг. невозможно без взаимодействия с зарубежными коллегами. Примером эффективной международной кооперации и в определенной степени маркером современного состояния военно-морской историографии Великой войны стал сборник «Der Erste Weltkrieg zur See» («Первая мировая война на море»), изданный по итогам представительной научной конференции, которая состоялась в октябре 2014 г. в Вильгельмс-хафене с участием ученых из Австралии, Австрии, Великобритании, Германии, Канады, России, США, Франции и Южно-

¹ Напалков А.В. Офицерский корпус императорского флота Балтийского моря в годы I мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007.

² Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в Революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.): Дис. ... к. ист. н. Екатеринбург, 2015; его же. Представления черноморских офицеров о проблеме взаимоотношений с подчиненными (март 1917 г.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 46–49.

³ Назаренко К.Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018; и др.

⁴ Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012; его же. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914 – 1921 гг. СПб., 2015.

Африканской Республики. На этом форуме, подведем если угодно некоторые итоги столетнего изучения военно-морских аспектов истории войны 1914 – 1918 гг., был поднят широкий спектр вопросов – от проблем стратегического применения военно-морских сил¹ до репрезентаций сюжетов морской войны в художественном кинематографе².

В заключение отметим, что в ходе своей вековой эволюции военно-морской сегмент историографии Первой мировой войны избежал ярких парадигмальных коллизий, сопоставимых по остроте, масштабам и резонансу с многолетними дискуссиями вокруг концепции германского историка Ф. Фишера о роли Второго рейха в развязывании глобального военного конфликта 1914 – 1918 гг.³ или полемикой между адептами и оппонентами тезисов американского ученого Т. Зубера о «Плане Шлиффена» и сущности стратегического планирования Германской империи в преддверии войны⁴. Военно-морская историография Великой войны в ходе своего поступательного развития в целом оставалась в рамках позитивистского научно-исторического мейнстрима, развивая и углубляя концепты, заложенные в ее «золотой век» – 20 – 30-е гг. прошлого столетия. Это, впрочем, вовсе не исключало появления и апробации в последующие десятилетия методологических и концептуальных новаций, способствующих расширению и актуализации научных знаний о Первой мировой войне – событии, привнесшем в теорию и практику военно-морского дела без преувеличения революционные изменения.

¹ Goldrick J. Learning to Fight On, Above and Below the Water: Operational Challenges of the Royal Navy, 1914 – 1916 // *Der Erste Weltkrieg zur See* / hrsg. von M. Epkenhans und S. Huck. Berlin; Boston, 2017. S. 41 – 48; Ferris J.R. To the Hunger Blockade: The Evolution of British Economic Warfare, 1914 – 1915 // *Der Erste Weltkrieg zur See*. S. 83 – 97; etc.

² Kindler J. Der Seekrieg 14/18 im Film. Mediale Internationalisierungen kriegerischer Erinnerung // *Der Erste Weltkrieg zur See*. S. 193 – 201.

³ Виноградов К.Б., Евдокимова П.Н. Фриц Фишер и его школа (О работах западногерманского историка) // *Новая и новейшая история*. 1979. № 5. С. 39 – 53; Виноградов К.Б. Фриц Фишер и его труды // *Новая и новейшая история*. 1988. № 4. С. 175 – 179; Ланник Л.В. Предисловие переводчика // Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914 – 1918 гг. / пер. с нем. М., 2017. С. 5 – 18.

⁴ См. подробн.: Алпеев О.Е., Козлов Д.Ю. «Неизвестная война»: англо-американская историография Восточного (русского) фронта Первой мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2014. № 4. С. 66 – 71.

Источниковедческие исследования

Эйльбарт Н.В.

Герои Смутного времени в картинах русских художников XIX века

На протяжении всего XIX века русская историческая живопись произвела на свет сотни талантливых художественных полотен, иллюстрировавших то или иное событие для учащихся или же широкой публики. Значительное их количество было посвящено Смутному времени и отражало не только мнения историков, публиковавших свои работы на этот счет, но и в целом общественно-политическую мысль той эпохи. Особое место среди картин о русской Смуте занимают сюжетные полотна, где главными героями выступают самозванец Лжедмитрий Первый и его жена Марина Мнишек. В этой связи необходимо назвать, например, работы таких художников, как Н.В. Неврев, К.В. Лебедев, К.П. Степанов, М.П. Клодт, К.Б. Вениг, С.Ф. Галактионов, А.П. Рябушкин. При детальном изучении этих картин становится очевидным, что художники руководствовались при создании своих творений немногочисленными профессиональными историческими работами, чрезвычайно идеологизированными, а также, по видимому, испытали на себе влияние полонофобии, к сожалению, распространившейся в значительной части русского общества после череды польских восстаний.

Научная историческая литература того времени (труды Н.М. Карамзина, Д.П. Бутурлина, Д.И. Иловайского¹), почти игнорировавшая свидетельства польских источников и использовавшая лишь отечественные², однозначно приписывает полякам роковую роль в событиях Смуты, Лжедмитрия I рисуют польским ставленником («польским свистуном»), а Марину Мнишек злосчастной любовью самозванца, вдохновлявшей его на искоренение православия и полонизацию России. С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров видели в самозванце некоторые положительные задатки реформатора, однако и они, несмотря на более умеренную позицию по

¹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов на Дону, 1997. Кн. 4.; Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1841. Ч. 2.; Иловайский Д.И. Смутное время Московского государства. Окончание истории России при первой династии. М., 2011.

² См., напр.: Эйльбарт Н.В. Рукопись «дневника Мартина Стадницкого» как источник по истории Смутного времени // Клио. 2016. № 11 (119). С. 59 – 66; Эйльбарт Н.В. Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 3 – 12.

сравнению с коллегами-предшественниками, не давали его польскому окружению, в том числе и Марине, ни малейшего шанса на сколько-нибудь благоприятное влияние на ход русской истории¹. Разумеется, вышеупомянутые художники изучали соответствующие вопросы по историческим работам, прежде, чем отразить их в живописи. Но и общие антипольские умонастроения, широко представленные в русской художественной литературе, несомненно, благоприятствовали их появлению и в русской исторической живописи. Приходится констатировать, что способствовавшие формированию общественно-политических и вообще мировоззренческих взглядов русского (и не только) читателя романы Ф.М. Достоевского носили черты воинственной полонофобии. В трудах писателя часто встречаются определения «жалкий полячок», «полячишка», и он выводит польского персонажа на сцену тогда, когда необходимо показать читателю ряд низменных человеческих пороков. Поляк в представлении Достоевского тщеславный, настырный и наглый вор, прикрывающийся высокопарными фразами, ненавидящий Россию предатель². В романе «Игрок» «полячишки» продолжают воровать даже тогда, когда, казалось, уже уличены в этом всеми окружающими. Широкую известность в России получил тогда и сатирический стих Г. Гейне «Два рыцаря» (о чем свидетельствует одноименное «подражание» ему, вышедшее в 1853 году из-под пера литератора М.Н. Логина). В нем польское «рыцарство» названо собирательными и нарицательными фамилиями: Сволочинский, Помойский, Попрошайский, Шельмовский, Шантажевич, «преславный пан» Ослинский, высмеивающими поведение шляхты и ее фальшивый гонор. Таким образом неудивительно, что изобразительное искусство в раскрытии событий Смутного времени можно сказать «шло на поводу» не только у государственной идеологии (отразившейся в научных исторических трудах), но и также вобрало в себя послы, даваемые русскому обществу художественной литературой.

Исторические картины большинства вышеупомянутых художников не оставляют зрителю ни единого шанса на оправдание Дмитрия Самозванца и его «польских друзей». В особенности неприязнен к нему Николай Васильевич Неврев. Картина «Дмитрий Самозванец у Вишневецкого» (1881 г.) представляет сцену, где Лжедмитрий, будучи в услужении у князя Адама Вишневецкого, притворившись смертельно больным, на исповеди признается в присутствии хозяина в своем «царственном» происхождении.

¹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994.

² Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. P. 136 – 149.

Притворное смирение на лице самозванца, лукавая ухмылка Вишневецкого, холодная задумчивость стоящего за его спиной католического ксендза – все создает у зрителя чувство зарождения некоей интриги, где все лгут друг другу и преследуют собственную цель. Другая картина этого же автора – «Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма» (1874 г.) будто переносит нас на театральные подмостки. Подчеркнуто пышный готический интерьер, польский король в испанском костюме, склонившийся перед ним посланник папы римского кардинал Рангони визуально служат противопоставлением всему русскому. Тщательно выписанные отталкивающие черты лица самозванца и его тяжелый и вместе с тем дерзкий взгляд должны вызвать у зрителя неприязнь. Красной нитью в обеих картинах прослеживается ведущая роль католической церкви в интриге с «русским вором», подчеркиваемая в исторической литературе того времени. Однако оба данных сюжета не точны: в имени князя Вишневецкого самозванец исповедовался православному священнику, а также «Дмитрий» никогда не приносил никакой официальной присяги о введении католицизма в России польскому королю.

Не менее неприязнен к Лжедмитрию и Карл Богданович Вениг, представляя его и Марину Мнишек в картине «Последние минуты Дмитрия Самозванца» (1879 г.). Подчеркнуто-гротескны и отталкивающие искажившиеся в ярости грубые простонародные черты лица самозванца; печать тревоги лежит на холодном и злом лице Марины, которая будто ведьма с распущенными черными волосами, околдовавшая Лжедмитрия, появляется из тени отодвинутой занавеси. Ждущие нападения заговорщиков, оба они не вызывают сочувствия у зрителя.

Академик живописи Клавдий Васильевич Лебедев обращался к теме Смуты в нескольких своих произведениях. В том числе на двух его картинах «Лжедмитрий I и царица Ксения Годунова» и «Лжедмитрий I и Марина Мнишек» (1912 г.) для отрицательной характеристики самозванца он использовал употребляемому его коллегами средству: художник рисует его внешность отталкивающе некрасивой. В сцене с Ксенией Годуновой самозванный царь похотливо-вожделенно гладит ее руку, добиваясь интимной близости, получая в ответ гневный и возмущенный взгляд презирающей его царицы. Вторая картина выводит на первый план Марину и ее свиту из польских фрейлин, с восхищением рассматривающих и примеряющих драгоценности русских цариц, так неожиданно оказавшихся в их руках.

Вообще образ Марины Мнишек на картинах русских художников большей частью претенциозен и ограничен рамками таких определений, как «ведьма Маринка», «гордая полячка», «фанатичная католичка». На картине Михаила Петровича Клодта «Марина Мнишек с отцом под стра-

жей» изображена ярославская ссылка семьи Мнишек. Гордая осанка бывшей царицы, принимающей благословение сидящего напротив католического священника, несколько диссонирует со скорбным выражением ее лица. Представление о фанатизме Марины усиливает силуэт ее молящейся фрейлины и убитого горем отца, воеводы Юрия Мнишека, чье отчаяние противопоставлено твердой вере свергнутой царицы в утешающие слова священника.

Картина художника Андрея Петровича Рябушкина «Марина Мнишек в утро московского возмущения 17 мая 1606 года» (1885 г.), где жена Лжедмитрия показана в момент крайнего испуга и опасения за свою жизнь и, презревшей величие, спрятавшейся за подол платья собственной фрейлины, заслужила внимание прославленного историка Смуты Н.И. Костомарова. Костомарову казалось правильным развенчать образ «героической воительницы», созданный польскими историками, и картина Рябушкина пришлась тут весьма кстати. «Вот эта-то мизерная бабенка и есть Марина», – пишет Костомаров в критической статье, посвященной данному художественному полотну. – «Ведь в хронике Буссова и у Петрея рассказывается, что в эти страшные минуты Марина запряталась под широкою юбкою своей полнотелой гофмейстерины. Этим-то известием и воспользовался художник. Достоверно ли это известие? Пишущий настоящие строки, составляя монографию о Смутном времени, не признал его несомненно верным, хотя и не отрицал совершенно. И теперь он остается с тем же взглядом. Автор хроники Буссова не был свидетелем этого события, Петрей еще менее. Слух о нем дошел до хроникера от русских, может быть, тех, что были тогда во дворце. Уже по своему характеру оно внушает подозрение, что оно, ради смеха над побежденными и струсившими, измышлено; о нем нигде нет намека в других источниках, но, так как эти источники большею частью польские, то тут возникает другое подозрение, что поляки не занесли в свои описания происходивших в Москве событий этой черты, именно потому, что она набрасывает тень презрительной насмешки не только на Марину, но и вообще на польскую женщину. Вообще, надобно сказать, что это событие могло быть, но могло и не быть. Во всяком случае, художник изобразил Марину не такую героинею, какою мы привыкли себе ее воображать, следуя польским историкам. Эти историки не отваживаются оправдывать той трагикомедии, в которой Марина Мнишек играла такую первостепенную и первопозорную роль, но, все-таки, изображают ее личностью крепкою духом, с непоколебимою волей, с терпением, с высокомерием и упорством. И мы за ними все видим в ней такие качества. Она в глазах наших, если не героиня добродетели и правды, то ге-

роиня порока и обмана»¹. Таким образом, известный историк, рисующий отрицательный и порочный образ «Маринки-безбожницы», вполне удовлетворен, что именно его версия нашла отражение в картине А.П. Рябушкина.

В противоположность вышеперечисленным художникам, некоторые положительные элементы трактовки образов Марины и Лжедмитрия мы имеем в картинах Степана Филипповича Галактионова и Клавдия Петровича Степанова. С.Ф. Галактионов, например, иллюстрировал произведение А.С. Пушкина «Борис Годунов» еще при жизни поэта и создал гравюру с рыцарским образом Лжедмитрия I, преклоняющего колени в саду самборского замка перед своей возлюбленной. Картина К.П. Степанова «Марина Мнишек перед постригом в монахини» (1889 г.) создает для зрителя образ умиротворенной раскаявшейся грешницы. Художник, безусловно симпатизирующий своей героине, предпочитает отвести версии ужасной насильственной гибели московской царицы, приводя свою альтернативную и согласную с его чувствами историю ее финала.

В целом, подводя итог, следует заключить, что мы упомянули здесь лишь небольшую часть картин русских художников, посвященных героям Смутного времени. Однако представленная выборка является на наш взгляд отражением тенденции, имевшей место в XIX веке: Лжедмитрий I и его польское окружение подвергались осуждению, и художественные полотна призваны были вызывать к ним у зрителя негативные чувства.

Музееведение

Веселов Ф.Н., Якупов И.А.

Формирование коллекций музейного значения, посвященных Отечественной войне 1812 г. в первой половине XIX в.

Отечественная война 1812 г. и изгнание войск Наполеона Бонапарта из России оставили особый след в культуре и самосознании русского народа. Надвигавшаяся беда побудила российских подданных сплотиться вокруг царствующей династии в борьбе против неприятеля. События и итоги военных действий 1812 г. имели колоссальное национальное значе-

¹ Костомаров Н.И. Марина Мнишек. (По поводу картины художника Рябушкина) // Исторический вестник. 1885. Т. XIX. Кн. 1. С. 5 – 11.

ние для жителей Российской империи. Современные историки приводят разные цифры, оценивая потери русских от 111 до 200 тыс., а «Великой Армии» – в 350 – 580 тыс. чел.¹ Славными страницами в истории русского оружия стали изгнание наполеоновской армии за Неман и победоносное шествие по Европе во время Заграничных походов 1813 – 1814 гг.

Вместе с тем, война обошлась стране весьма дорого. Огромные территории Европейской части страны были практически полностью разорены вражескими войсками. Многие города, культурные и духовные центры были подвержены разрушению и осквернению, но самые страшные потери – конечно человеческие. Борьба с врагом унесла жизни многих талантливых полководцев и прославленных военачальников. Сотни тысяч солдат, ополченцев, партизан и мирных жителей осталось лежать на обочинах дорог, в лесах и на полях сражений. Каждый из них погибал во имя славы русского оружия и России. Именно поэтому, сразу же после окончания войны в обществе всерьез возник вопрос о создании специальных музеев для сохранения памяти о войне и ее участниках, «За Веру, Царя и Отечество живот свой положивших».

Данная эпоха начинается с окончания войны и Заграничных походов Александра I до смерти императора Николая I. В первой половине XIX в. на территории России появляются первые предпосылки для создания будущих музеев, посвященных военным событиям 1812 г. Первые коллекции музейного значения создаются напрямую по инициативе видных деятелей дворянского сословия. Стремление дворянских фамилий увековечить память о своих родственниках, павших на полях сражений, позволило сделать первые шаги в музеефикации памятных мест, связанных с событиями Отечественной войны. Благотворительные организации помощи ветеранам также внесли свой весомый вклад в это дело.

Однако, чаще всего, все расходы по данному вопросу брало на себя государство в лице царствующей династии. Русский монарх был напрямую заинтересован в прославлении военных побед прошлого, которые укрепляли его авторитет среди подданных и на международной арене.

Бородино и другие памятные места боевых действий

Безусловно, места важнейших сражений с французами заслуживали первоочередного внимания со стороны общества и государственных властей. Еще в 1812 г., до окончания войны, фельдмаршал М.И. Кутузов в своих письмах императору указывал на особое значение сохранения для

¹ См. подробн.: Подмазо А.А. Большая европейская война 1812 – 1815: хроника событий. М., 2003; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...»: Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии. М., 2005.

будущих поколений памяти о событиях войны. Основным свидетельством этих событий, по словам полководца, являлись места главных сражений, которые современники обязаны сохранить не столько для себя, сколько для собственных потомков. В частности, в своем письме к владелице села Тарутина обер-гофмейстерине А.Н. Нарышкиной, генерал-фельдмаршал призвал хозяйку имения сохранить русские укрепления в районе бывшего Тарутинского лагеря: «Село Тарутино, Вам принадлежащее, ознаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамайя. Покорнейше прошу Вас, милостивая государыня, чтоб укрепления, сделанные близ села Тарутина, укрепления, которые устрешили полки неприятельские и были твердою преградою, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию, чтобы сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное своё поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнём соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов Отечества!»¹. Таким образом, вопрос о музеефикации мест боевой славы Отечественной войны 1812 г. возник еще до ее окончания. Вопрос состоял лишь в том, кто первым возьмет на себя инициативу и положит первый камень в основании будущих памятников.

Начало этому процессу положила генеральская вдова, происходившая из знаменитого дворянского рода Нарышкиных – Маргарита Михайловна Тучкова (1781 – 1852). В 1806 г. она вышла замуж за Александра Алексеевича Тучкова (1778 – 1812) – российского генерал-майора и шефа Ревельского мушкетерского полка, став его верной спутницей во всех военных кампаниях. Лишь в августе 1812 г., М. Тучкова не смогла последовать за мужем (на руках у неё был грудной сын-младенец), и супруги вынуждены были расстаться – как оказалось, навсегда. В конце августа А.А. Тучков погиб в Бородинской битве. Уже после отступления французов из Москвы, вдова приехала на Бородинское поле, в надежде отыскать тело погибшего мужа, но так его и не нашла².

¹ Цит. по: Синельников Ф.М. Михаил Кутузов: стратегия победы. М., 2017. С. 133 – 134.

² Толычева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1874. С. 8, 10 – 12.

Зимой 1813 г. тела погибших при Бородине воинов были захоронены в общих братских могилах вокруг места сражения. Семеново-Утицкий квадрант стал самой крупной братской могилой участников сражения¹. 26 августа 1813 г., спустя год после окончания сражения в селе Бородино была совершена первая панихида по погибшим здесь воинам.

В 1815 г. М.М. Тучкова вновь приехала в эти места. Стараниями вдовы, в подклете Бородинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы конца XVII в. – той самой, с колокольни которой русское командование накануне сражения наблюдало за маневрами неприятеля, – был освящен нижний предел во имя преподобного Сергия Радонежского. В то же время Тучкова всерьез задумалась о постройке нового храма. Александр I пожаловал вдове на строительство 10 тыс. р. и вместе с епископом Августином (Виноградским) выступил посредником в деле по продаже земли для храма, принадлежавшей сразу трем местным помещикам. В 1818 г. владыка Августин издал храмовую грамоту, и на предполагаемом месте гибели генерала А.А. Тучкова была заложена Церковь во имя Всемиловейшего Спаса, освещение которой состоялось в 8-ю годовщину Бородинской битвы. Туда же была перенесена первая храмовая святыня – образ Спаса Нерукотворного, полковая икона Ревельского полка, отданная Тучковой покойным мужем в день их расставания. Во время строительства, рядом, специально для Тучковой был возведен домик-сторожка, в котором та жила вместе с малолетним сыном.

В 1826 г. умер 15-летний сын М.М. Тучковой Николай. Смерть обоих родителей и ссылка на каторгу родного брата, декабриста М.М. Нарышкина, стали еще одним тяжелым потрясением для нее. В 1827 г. Тучкова, по благословию Московского митрополита Филарета, окончательно переселяется вместе с немногочисленной прислугой в сторожку у Спасского храма.

Параллельно Тучкова начала заниматься благотворительностью и намеревалась устроить в храме богадельню для инвалидов и убогих. Благотворительная деятельность вдовы сильно привлекала молодых крестьянских девушек из числа вдов и сирот, которые оставались при храме, чтобы помогать «доброй барыне» ухаживать за инвалидами и больными². К 1833 г. при церкви образовалась община из 40 вдов и сирот³. В результате было учреждено женское богоугодное общежитие, известная также как Семеновская Спасская пустынь. В 1837 – 1838 гг. при содействии Филарета пу-

¹ Бородино – поле русской славы // Подмосковье: Туристские маршруты / Сост. Е.В. Годлевская. М., 1953. С. 44 – 54.

² Толычева Т. Указ. соч. С. 23 – 24.

³ Там же. С. 25.

стынь была преобразована в Спасо-Бородинский женский монастырь, включенный в «Штатное положение» Святейшего Синода качестве монастыря 2 класса¹. Основательница монастыря, М.М. Тучкова, в 1836 г. приняла монашеский постриг, а в 1840 г. стала первой монастырской игуменьей.

Тем временем, в Петербурге тоже вынашивались планы по поводу самой деревни Бородино и ее окрестностей. Еще в 1817 г. император Александр I пытался выкупить Бородинское имение с прилегающими к нему деревнями Горки и Семеновское у А.В. Бегичевой, сестры героя войны 1812 г. Д.В. Давыдова². Однако долгие переговоры по условиям сделки так ни к чему и не привели.

Новая попытка установить государственную опеку над этими землями была предпринята Николаем I. В 1837 г. царь выкупил Бородино с его окрестностями у его новой хозяйки – «жены чиновника 9-го класса Елизаветы Федоровны Воейковой»³. Купчая числилась на имя великого князя и наследника Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Летом того же года цесаревич прибыл на Бородинское поле, посетил купленное село, Семеновскую Спасскую пустынь и заложил камень в основание будущего памятника на месте батареи Раевского. На пожертвования цесаревича, был восстановлен верхний придел Бородинской церкви, относящейся к XVII в., заново освященной в честь Смоленской иконы Божьей Матери. Туда же был перенесен список иконы, принадлежавший когда-то П.И. Багратиону. Все это было связано с готовившимися юбилейными торжествами, в честь 25-летия взятия Парижа, которые Николай I планировал провести именно на Бородинском поле.

В 1839 г. на Бородинском поле в присутствии императора состоялись военные маневры. На Семеновских редутах, Багратионовых флешах и на батарее Раевского был устроен временный лагерь для 150-тысячного войска. На территории монастыря и вокруг него были восстановлены укрепления Семеновского редута, а в центре поля были расчищены флешы и оборонительные рвы.

26 августа 1839 г. крестный ход двинулся от Бородинской церкви в сторону батареи Раевского, где были построены для парада войска во главе

¹ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. I. С. 290 – 292; Зверинский В.В. Статистический временник Российской империи. Монастыри в Российской империи. СПб., 1887. Сер. 3. Вып. 18. С. 45.

² Прохоров М.Ф. У истоков формирования Бородинского музея в 30 – 60-е годы XIX в. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. Бородино, 2002. С. 171 – 181.

³ Там же. С. 172.

с Николаем I. В присутствии более чем 200 ветеранов войны, под гром пушек, на батареейной возвышенности был открыт главный монумент памяти героев Бородин¹. Отлитый по проекту архитектора А. Адамини, памятник представлял собой восьмигранную часовню, отделанную чугуном и позолотой. По всем сторонам памятника на металлических барельефах располагалась краткая летопись сражения и всей войны. К новому монументу в специально построенный курганный склеп были перенесены останки генерала П.И. Багратиона. На территории села бывший помещный дом Воейковых был перестроен в путевой императорский дворец, где Николай I дал торжественный обед по случаю юбилея.

Планируя организовать при Бородине постоянный военный лагерь, император предпринял попытку выкупить у местных помещиков земли в районе Семеновского ручья, реки Колочь и Москвы-реки. Не добившись соглашения, государь ограничился выплатой урожайной компенсации за время маневров².

Для надзора за главным памятником благотворительное учреждение «Комитет о раненых», основанное Александром I в 1814 г., выделило двух ветеранов, для которых был построен специальный домик рядом с батареей³. Жившие в нем ветераны должны были ухаживать за памятником, вести учетную книгу посетителей и показывать им окрестности, предметы оружия и военной формы, найденные на Бородинском поле. Таким образом, именно на месте Бородинского сражения были собраны коллекции первого музея, посвященного событиям войны 1812 г. 1839 г. считается официальной датой основания Бородинского военно-исторического музея-заповедника, который считается первым в мире музеем на месте сражения.

Николай I посетил и Спасо-Бородинский монастырь. В это время обитель была обнесена кирпичной стеной. В 1838 г. была возведена небольшая двухъярусная колокольня. В монастырской ризнице, расположенной на первом ярусе колокольни, находились многочисленные подарки и пожертвования особ царской фамилии: евангелия в дорогих переплетах, наперсные кресты, четки, бархатные пелены⁴. В библиотеке ризницы име-

¹ Болдина Е.Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1997. С. 190 – 197.

² Болдина Е.Г. Последствия маневров на Бородинском поле 1839 г. (К истории взаимоотношений властей и землевладельцев Можайского уезда) // Можайские краеведческие чтения. Сборник. М., 2006. Вып. 1. С. 203.

³ Прохоров М.Ф. Указ. соч. С. 172 – 173.

⁴ Брайковский А.А. Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница. М., 1912. С. 59 – 61.

лись драгоценные издания Четких Миней, Октоиха и требников, которые были пожалованы в разное время также представителями царской семьи¹.

Послушницы взяли на себя обязанность молиться за упокой воинов, павших на Бородинском поле. Каждый год, в годовщину битвы, в Спасском храме обители проводился торжественный молебен, а в прихожей кейлейного корпуса висели портреты российских генералов войны 1812 г., большой картографический план сражения, хранились ядра и осколки картечи, найденные монахинями на монастырских угодьях². В 1852 г. скончалась М.М. Тучкова. После смерти игуменьи в старой сторожке вдовы был сохранен весь интерьер ее домика. В дальнейшем в нем был организован мемориальный музей³.

Кроме Бородинского поля, предпринимались попытки сохранить память и о других сражениях войны. В 1835 г. Высочайшем указом был утвержден проект А. Адамини по установке памятников на местах важнейших сражений Отечественной войны. Предполагалось установить 16 памятников трех основных классов⁴. В результате было установлено всего 7 из них, а установка растянулось до самой смерти Николая I. Единственный памятник I класса был установлен на Бородинском поле в 1839 г. Оставшиеся, II класса, были возведены в Смоленске, Малоярославце, селе Красном, Ковно (Каунас), Полоцке и деревне Клястицы. Ни одного памятника III класса так и не было установлено. Кроме того, 16-й памятник проекта в документах того времени нигде не упоминается. Самый последний памятник II класса был поставлен в 1857 г. в деревне Клястицы уже после смерти Николая I. Согласно указу 1848 г. «О прекращении строительных работ», создание памятника чуть было не остановилось. Но особое значение деревни, в районе которой русские войска остановили наступление неприятеля на Петербург, сыграло очень важную роль⁵. Было решено довершить постройку двух монументов в Полоцке и Клястицах.

По проекту, все монументы сооружались по единому образцу. За основу брался главный Бородинский памятник. Рядом с каждым обелиском выстраивались сторожки для инвалидов, которые следили за ним. В городских условиях, инвалиды-смотрители пользовались поддержкой местных властей и могли ходатайствовать о выделении средств на реставрацию.

¹ Там же.

² Там же. С. 61 – 62.

³ Там же. С. 47 – 51.

⁴ Буховецкий А.Г. «Отступили с честью, чтобы вернее победить» // Русская народная линия. 2017 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2017/09/08/otstupili_s_chestiyu_ chtoby_vernee_pobedit/.

⁵ Там же.

Впоследствии, памятники приписывались к местным военным училищам и кадетским корпусам.

Вокруг этих памятников сложились коллекции, связанные с войной 1812 г., которые стали основой будущих военных коллекций в специальных музеях Отечественной войны уже в XX в. в Малоярославце, Смоленске, Тарутино¹.

В этот же период формировались частные коллекции военных находок и обмундирования в дворянских имениях вдоль Старой Смоленской дороги. Появлялись и первые мемориальные коллекции участников войны. В качестве примера можно привести усадьбу дворян Грибоедовых в селе Хмелита Смоленской губернии, в мемориальное пространство которой органично были вписаны экспонаты, связанные с событиями войны 1812 г.² Ныне здесь располагается единственный в России музей А.С. Грибоедова.

Санкт-Петербург и Москва

Гром побед русского оружия в Отечественной войне 1812 г. и европейских походах не мог быть забыт не только на местах героических битв, но и в обеих столицах государства-победителя. Патриотические настроения затронули столичные круги в не меньшей степени, чем прочее население России. В 1813 г. в Петербург был привезен гроб М.И. Кутузова. По указу императора, прах генерал-фельдмаршала захоронили в недавно достроенном Казанском соборе. На протяжении всей войны туда привозились трофейные образцы французских, польских, итальянских и немецких знамен, штандартов и древковых орлов. К началу XX в. их насчитывалось 113. Сюда же переносились металлические ключи от европейских городов и крепостей, сдавшихся русским войскам (к началу XX в. 28 шт.). Самым известным экспонатом «первого в России музея боевых реликвий 1812 года» в Казанском соборе стал золотой жезл маршала Л. Даву, захваченный в битве под Вязьмой³. Еще в 1810 г. художником Ф.Я. Алексеевым была написана картина «Крестный ход на Красной площади после освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году», которая весьма органично вписалась в интерьер Кутузовского некрополя. В 1837 г., на площа-

¹ Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 345 – 346; Т. 2. С. 194 – 196; Все музеи России. М., 2005. Т. 1. С. 184 – 185, 188.

² Филиппова А.А. Тема Отечественной войны 1812 года в экспозиционном пространстве Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. Бородино, 2002. С. 202 – 210.

³ [Геккель О.И.] От издательницы // Трофеи войн 1812 – 1813 – 1814 г., хранящиеся в Казанском соборе / Сост. А.И. Геккель. СПб., 1909. С. 5.

ди перед собором по проекту архитектора В.П. Стасова были установлены памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли, выполненные скульптором Б.С. Орловским. Символическое расположение скульптур вдоль Невского проспекта подтверждали известные слова А.С. Пушкина о Барклае-де-Толли как о «зачинателе» и Кутузове как «совершителе» войны¹. Через год, в церкви Святой Екатерины, недалеко от собора был погребен прах французского генерала Ж.-В. Моро. Однако именно монументальный Казанский собор вошел в историю как первый реликварий и культовый памятник русской воинской славы 1812 г.

Несмотря на значимый вклад столичных властей, время для создания специального музея войны 1812 г. в тот период еще не пришло. Но в частных царских собраниях дворцового ансамбля Эрмитажа начинали формироваться первые коллекции, посвященные наполеоновским войнам. Несмотря на весьма противоречивую деятельность Николая I в сфере собирательства и пополнения эрмитажных коллекций, в это время дворцовые фонды последовательно пополнялись произведениями искусства и предметами, связанными с событиями 1812 – 1815 гг.² Таким образом Николай I подчеркивал свою преемственность с Александром I³. В 1826 г., на втором этаже Зимнего дворца открылась Военная галерея 1812 г. Сегодня она насчитывает 332 портрета русских генералов, участников войны с Наполеоном. В 1830-е гг. сюда же были перенесены конные портреты Александра I кисти Ф. Крюгера и его союзников – Франца I работы И. Крафта и Фридриха-Вильгельма III, также работы Ф. Крюгера. И хотя многие генеральские портреты не были написаны к самому открытию, Военная галерея стала первым музейным собранием, посвященным Отечественной войне в Эрмитаже⁴.

Вместе с тем в личных покоях Николая и его супруги формируется «Собственная Е.И.В. коллекция». Она числилась в отдельных описях и не входила в эрмитажные собрания. Больше всего она выделялась строгой военной тематикой и включала в себя разнообразные военные экспонаты, начиная с фигурок солдат российских и иностранных войск работы скульп-

¹ Пушкин А.С. Художнику // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 462.

² Врангель Н.Н. Искусство и государь Николай Павлович // Старые годы. СПб., 1913. С. 68 –70; Белавская К.П. Дворцовые музеи и хранилища XVIII – первой половины XIX века // Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. М., 1961. С. 336 – 341.

³ Wortman R. Myth and Memory – Imperial Evocations of 1812.: Alexander I and the Russian People // Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston, 2013. P. 162.

⁴ Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца: к юбилею Отечественной войны 1812 года. Л., 1963. С. 184.

птора В. Газенбергера¹ и заканчивая многочисленными картинами на военную тему. Картины из коллекции писались известными иностранными художниками-баталистами, такими как А.П. Зауервейд («Сражение при Лейпциге с 2 по 7 октября 1813 года»), А.Д. Ладюрнер («Виды залов Зимнего дворца и солдат дворцового караула») и Ф. Крюгер (Портрет П.Х. Витгенштейна). В 1839 – 1851 гг., по заказу Николая I, немецким художником П. фон Гессеном был выполнен знаменитый цикл из 12 больших полотен, изображающих главные битвы 1812 года (сражения под Малоярославцем, Полоцком, Красном, при Вязьме, Смоленске, Бородино, Лосьмине, Клястицах и Березине)². Впоследствии, этот цикл также вошел в личное собрание императора.

Пожар 1837 г. в Зимнем дворце уничтожил интерьер большинства залов второго и третьего этажей³. Многие произведения искусства были утрачены навсегда, но экспонаты, связанные с наполеоновскими войнами, не пострадали. Архитекторами В.П. Стасовым и О. Монферраном были значительно перестроены Георгиевский и Гербовый залы и находящаяся между ними Военная галерея. На месте Кавалергардского зала и Ковровой комнаты был выстроен новый Александровский (Траурный) зал. В нем воплотилась идея увековечивания памяти о войне с Наполеоном в образно-аллегорическом плане. Вдоль стен были помещены увеличенные копии гипсовых медальонов Ф.П. Толстого, один из которых, с профилем Александра I, был установлен в люнете над самим портретом императора. На нем самодержец изображался в виде славянского бога войны Родомысла в древнерусском шлеме, с мечом и щитом⁴. Строительство зала стало положительным шагом в характере комплектования коллекций 1812 г., и память об Отечественной войне воплотилась еще в одном зале Эрмитажа.

Основная часть военных трофеев и образцов оружия поступала в помещения специальных петербургских арсеналов, формировавшихся еще с начала XVIII в. Арсенальные оружейные собрания достигли своего расцвета именно в период правления Николая I: оружейное коллекционирование было одной из главных страстей императора. К 1827 г. в оружейных запас-

¹ Рогатнев А.С. Коллекция фигур Газенбергера в Царском Селе // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 50 – 54.

² См. подробн.: Белавская К.П. Указ. соч. С. 300 – 364.

³ См. подробн.: Зимин И.В. Трагедия 1837 года и возрождение Зимнего дворца // Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762 – 1917. М., 2012.

⁴ Холодковский И.М., Годлевский Н.Н. Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812 – 1912 гг. СПб., 1912. С. 128.

никах были собраны два «богатых хранилища» на основе собраний членов царской семьи: Аничков и Царскосельский арсеналы¹.

В помещениях Царскосельского арсенала были собраны лучшие образцы древнерусского, восточного и западноевропейского оружия. В собрании арсенала в Аничковом дворце Петербурга находились образцы русского оружия со времен Петра Великого. На втором этаже в Арсенальной комнате находились трофейные сабли и огнестрельное оружие, подаренные цесаревичу Николаю во время его нахождения в войсках в период Заграничных походов².

Из-за недостатка места, некоторые французские знамена и трофейные пушки были отправлены в Москву – в Оружейную палату и Московский арсенал. Уже в 1830-е гг. в Кремле значилось «876 калибров французского, прусского, австрийского, баварского, итальянского, неаполитанского, вюртембергского, вестфальского, саксонского, ганноверского, испанского, голландского и польского происхождения»³. Параллельно с этим, начали пополняться оружейные фонды Достопамятного зала Старого Арсенала на Литейном проспекте, основанного в середине XVIII в. Помимо образцов артиллерийских орудий (например, ополченская пушка, изготовленная на пожертвования в 1812 г., находившаяся на вооружении 5-й дружины Санкт-Петербургского ополчения), в 1810 – 1840-х гг. в Достопамятный зал регулярно поступали знамена и штандарты русских полков, сражавшихся под Бородино, Смоленском, Тарутино, Малоярославцем, на р. Березина⁴. В 1817 г. П.П. Свинын издал первое описание Достопамятного зала, а в 1832 г. было написан первый каталог военно-исторических коллекций Старого Арсенала⁵.

Таким образом, в период правления Александра I и Николая I в императорских дворцах и арсеналах Санкт-Петербурга и Москвы начинают формироваться фонды будущих военно-исторических музеев и собраний Отечественной войны 1812 г. Период первой половины XIX в. в истории

¹ Белавская К.П. Указ. соч. С. 346 – 349.

² Зайченко М.Г. История Арсенала Аничкова дворца // Аничков Арсенал – памятник российской истории: Сб. ст. по материалам конференции. СПб., 1997. С. 39 – 42.

³ Белавская К.П. Указ. соч. С. 357 – 359.

⁴ Крылов В.М. Достопамятный зал – предшественник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вехи истории // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Сб. ст. по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. СПб., 2006. С. 5.

⁵ Веселов Ф.Н., Карлина Т.И. Экспозиция открытого хранения вооружения и военной техники военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: история и предшественники // Вопросы музеологии. 2017. Вып. 2 (16). С. 100.

музейных коллекций 1812 г. связан с активной деятельностью государственных структур и частных лиц по сохранению памяти о событиях Отечественной войны. Это позволило заложить основу для формирования специальных музеев и собраний в будущем.

Археологические исследования

Бурменский А.И.

Гарнизон Новодвинской крепости по данным исторических источников и археологических исследований 2008 – 2018 гг.

Объект культурного наследия федерального значения «Новодвинская крепость» находится в 19 км севернее центральной части Архангельска. Он расположен на берегу Корабельного рукава Северной Двины на о. Линский Прилук на территории поселка Конвейер, административно относящегося к Маймаксанскому району города. Уникальность этого сооружения состоит в том, что в это первая каменная бастионная крепость России. До начала ее возведения весной 1701 г. в России возводились только деревоземляные укрепления или их элементы нового образца. Второй подобной крепостью через несколько лет станет Петропавловская. Название («новая крепость на Двинке») крепость в дельте Двины получила из-за того, что являлось новым фортификационным объектом, по сравнению с построенными во второй половине XVII в. Архангельскими Гостиными дворами с укреплением в центре, которые собственно и назывались «Архангельской крепостью».

Идея строительства укреплений, перекрывающих основное судоходное русло реки и максимально отдаленных от порта выдвигалась еще в XVII в., однако до реализации дело не доходило. После разгрома русских войск под Нарвой в Швеции было принято решение об окончательном выведении России из войны путем уничтожения единственного порта, через который проходила поставка материалов, оружия и специалистов из Западной Европы. Узнав о готовящемся нападении, в декабре 1700 г. Петр I послал архангельскому воеводе указ о строительстве крепости. Строительство царь поручил немецкому инженеру «Егору Резену» (Георгу Эрнесту Резе). Работы по постройке крепости начались в мае 1701 г., а уже в ночь с 25 на 26 июня под стенами строящейся крепости произошло отражение нападения шведской эскадры, ставший первой крупной победой России в Северной войне. После Новодвинского сражения строительство продол-

жило. С перерывами оно шло до начала 20-х гг. XVIII в. В дальнейшем крепость, ставшая центральным узлом («ситаделью» по замыслу Петра), многократно перестраивалась, ремонтировалась и улучшалась. В качестве действующего оборонительного сооружения Новодвинская крепость просуществовала до 1863 – 1864 гг., когда по указу Александра II вместе со многими другими укреплениями она была закрыта, а остатки гарнизона выведены в город.

К моменту закладки крепости в Архангельске и Холмогорах для защиты северных рубежей страны располагались Городовой стрелецкий полк (собственно, гарнизон города-порта, по численности близкий к батальону), Русский и Гайдудский стрелецкие полки (находящиеся в стадии переформирования в солдатские). Вместе с крестьянами семи земель Русского Севера они стали первыми строителями и защитниками крепости во время Новодвинского сражения. Полки даже перевели из Холмогор в Архангельск и на соседние с о. Прилук острова Бревенник и Никольский для защиты крепости и удобства строительства, а после его окончания – в город на территорию стрелецкой слободы.

С 1727 г. из личного состава оставшихся в Архангельске частей начали формировать два гарнизонных полка: Архангелогородский и Устюжский. Указа с точной датой их учреждения не известно. Известно лишь, что с 1728 – 1729 гг. военнослужащие стали именовать себя, например, «бывшаго Монастырева полка салдат». Гарнизонные полки были двухбатальонного состава (по 4 роты в батальоне, итого 16 рот). В 1764 г. гарнизонные полки во всех городах были переформированы в гарнизонные батальоны шестиротного состава. Эти два полка являлись, по сути, единственной силовой опорой власти во всей Архангелогородской губернии (позже наместничестве), в которую входили территории современных Архангельской, Мурманской, Вологодской, Кировской, Костромской областей, Северной Карелии, Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа. Один батальон был расквартирован в Кольском и Пустозерском острогах, силы одного полка (не организационно, а суммарно эквивалентные) несли службу в Архангельске и на территории губернии. В Новодвинскую крепость направлялся «с переменою», т.е. на ротационной основе оставшийся батальон, иногда всего несколько рот. Таким образом, общая численность пехотных частей в гарнизоне крепости не превышала 500 солдат и офицеров. После замерзания реки батальон отводился на зиму в город, т.к. казармы не были предназначены для проживания большого количества людей в зимний период: в них было по одной печи-голландке.

В качестве постоянного гарнизона в крепости базировалась Архангелогородская артиллерийская команда (образована в 1721 г.), подчинявшаяся общему командованию гарнизона (Гарнизонной канцелярии, созданной

в 1729 г.) и артиллерийскому ведомству, находившемуся в Санкт-Петербурге. Ее численность в разные годы колебалась от 120 до 170 (порой до 200¹) чел.² Команда состояла из артиллеристов (канониров, бомбардиров), мастеровых людей и полуроты пехотинцев, которые могли исполнять обязанности артиллерийской obsługi. В связи с тем, что часть артиллерийских складов располагалась в самом городе, а артиллеристы несли службу также в острогах, в самой Новодвинской крепости из их числа одновременно находилось не более сотни человек.

При гарнизонных полках и при артиллерийской команде с 1732 – 1733 гг. были организованы школы для обучения детей военных. Школа для детей артиллерийских служителей иногда называлась «инженерной». В течение долгого времени артиллерийская школа была основным источником пополнения гарнизона крепости личным составом. Это стало возможным благодаря тому, что южнее крепости выше по течению располагался форштадт – поселок для постоянно живущих в крепости солдат и их семей. В 30-е гг. XVIII в. при артиллерийской школе состояло от 60 до 93 детей. Здание школы было расположено на форштадте вместе с другими производственными помещениями. Однако, т.к. гарнизон формировался из местных уроженцев, у многих из которых в Архангельске были свои дома, где жили семьи и родственники, у которых можно было остановиться, то и дети частично учились в здании гарнизонной школы вместе с солдатскими детьми. Всего по нашим подсчетам на форштадте могло проживать около 300 человек. В советское время форштадт стал поселком Конвейер при одноименном заводе исправительной колонии.

Другим средством пополнения гарнизонных частей был рекрутский набор. До середины XVIII в. в Архангелогородской губернии в гарнизонные части отправляли только местных рекрутов. Так, в 1734 г. 96% личного состава артиллерийской команды происходили из различных провинций Архангелогородской губернии³. После Семилетней войны в состав гарнизона влилось значительное количество ветеранов многочисленных войн 1730 – 1760-х гг. на рубежах империи. Частично это были тоже северяне, рекрутированные в действующую армию (например, из Хлынова, совр. г. Киров), частично – уроженцы более южных регионов. Позже к ним присоединились ветераны суворовских кампаний. Их записывали в две «инвалидные роты» (по одной на гарнизонный батальон). Таким образом, вете-

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Крепостная. Д. 537. Л. 11.

² Бурменский А.И. Вооружение и гарнизон Новодвинской крепости в 30 – 40-х гг. XVIII в. // Новые материалы по истории фортификации. Архангельск, 2016. Вып. 2. С. 104 – 105.

³ См. подр.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Крепостная. Д. 150.

раны составляли 15 – 20 % от личного состава гарнизона. Приоритетным местом для направления на службу для них была именно Новодвинская крепость, т.к., несмотря на пограничный статус, служба здесь была менее тяжелой и более размеренной, чем в городе или в поездках по губернии.

Еще по петровскому указу крепость проектировали как «ситадель на 1000 человек». Сменный пехотный батальон гарнизона квартировал в обеих деревянных батальонных казармах, построенных в западной части крепостного двора, поэтому сильной скученности не было. Правда, к концу века в крепости осталась всего одна батальонная казарма с 12 покоем (помещениями многоэтажными нарами)¹. Офицеры проживали в двухэтажном доме, построенном в 1704 г. над Летними (южными) воротами крепости, выходящими на форштадт. Комендант крепости вместе с канцелярией занимал помещения над идентичном в плане сооружении над Двинскими (западными) воротами, выходящими на реку, в связи с чем оба сооружения и получили свои исторические названия – Офицерский и Комендантский корпуса соответственно. Оба здания были отапливаемыми. Постоянный гарнизон из артиллеристов проживал частично в тех же казармах, частично в поселке. Несмотря на то, что на планах крепости в качестве жилых на форштадте изображались 3 – 5 домов с приусадебными участками, скорее всего, их количество было большим. Жилая застройка шла вдоль единственной улицы, в которую упиралась дорога, соединявшая крепость с южной оконечностью соседнего острова Бревенник, где располагалась переправа в город. Сейчас эта улица носит имя Л. Толстого, первые пять участков с домами по ней соответствуют старым планам.

Снабжение гарнизона крепости шло из архангелогородского продовольственного магазина (склада) по реке во время периода навигации и по проложенной дороге в зимнее время. У гарнизона крепости был свой небольшой флот из нескольких грузовых судов – будар для перевозки людей и малогабаритных грузов. В крепости были свои продовольственные магазины для хранения привезенных припасов. Особых помещений под кухню и столовые на планах XVIII в. не обозначено. Хлеб для гарнизона готовился в пекарне, располагавшейся на форштадте. В 1730-х гг. у гарнизонного руководства даже возникла идея о строительстве при крепости ветряной мельницы, но, судя по сохранившимся планам, он так и не был реализован. Во время возможной осады питьевую воду можно было брать из колодца, расположенного внутри крепостного двора, воду для бытовых нужд – из внутривальных накопительных бассейнов – сутеренгов, куда поступала

¹ Гостев И.М. Командировка инженер-генерала Петра Корниловича фан Сухтелена в Архангельск 1800 – 1801 гг. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. С. 111.

вода из реки или рва. Условия жизни и питания, по всей видимости, соответствовали жестким климатическим условиям проживания, так как смертность в артиллерийском подразделении не превышала 1 – 3 чел. в год (не более 1 %). Главным фактором сокращения личного состава были отправки партий подготовленных артиллеристов и солдат в действующую армию.

Бытовые условия жизни солдат гарнизона сильно улучшились в начале XIX в., когда в Архангельск прибыл инженер-генерал П.К. Сухтелен, готовивший северные рубежи к обороне на фоне обострения отношений с Великобританией. Он не только спроектировал и приступил к строительству многочисленных укреплений в дельте Двины, отремонтировал крепостные сооружения, но по его проекту было возведены дополнительная более просторная казарма, гауптвахта, лазарет и даже отхожие места¹.

Повседневная гарнизонная служба в Новодвинской крепости в мирное время зависела от специальности и звания военнослужащего. Мастера, подмастерья и их ученики из числа школьников обычно «обретались» при починке оружия, артиллерийских принадлежностей (слесарных, столярных, токарных, кузнечных работах, при очистке и сушке пороха). На форштадте располагался артиллерийский двор и некоторые мастерские. Однако большую часть работы мастерам приходилось все-таки делать в Архангельске, где была складирована большая часть вооружения, но, как правило, старого и негодного². Солдаты и сержанты использовались для караулов (но только своих объектов, то есть, артиллерийского ведомства) и к «артиллерийским работам»³. В военное время, при ожидании нападения противника с моря, они отправлялись на боевое дежурство к батареям, расположенным на островах дельты Северной Двины для прикрытия подступов к городу-порту и для прочих работ, вплоть до заготовки дров на зиму. Совместно они могли трудиться только на экстренных работах по возведению и ремонту укреплений, для чего, впрочем, в Архангельске была создана особая инженерная команда. Совместными были еженедельные «экзерциции» (упражнения приемам владения оружием) и ежегодные учения с его боевым применением: артиллерийские стрельбы и стрельба по взводам («плутонгами»). На стрельбу из ружей выделялось по пять выстрелов на человека и по три на орудийный расчет⁴. Стоявшие на валах крепости орудия пристреливались в сторону вероятного появления противника. Перед Новодвинской крепостью такой площадкой стала совре-

¹ Там же. С. 106 – 116.

² См. подр.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Крепостная. Д. 104.

³ Там же. Д. 150. ЛЛ. 1 – 2.

⁴ Там же. Д. 949 а. ЛЛ. 149 – 159.

менная отмель, ранее являвшаяся о. Быковым, на котором был расположен маяк. Любители древности до сих пор находят там во время отлива большое количество разнокалиберных ядер.

В 1797 г. оба батальона были слиты в один гарнизонный полк, после чего началась череда переформирований армейских подразделений внутренних регионов. В итоге в 1862 г. на всю Архангелогородскую губернию остался только один гарнизонный батальон. В следующем году его частям, дислоцированным в Новодвиснкой крепости, предстояло выполнить нелегкую работу. Как было указано выше, крепость как боевая единица была ликвидирована. Гарнизон сосредоточился на вывозе и ликвидации военного имущества. После ликвидации крепости ее объекты начали разрушаться. Сначала получившая над ней контроль Архангельская епархия начала разбор зданий на строительный материал, а в советское время на ее территории была образована промышленная зона исправительной колонии.

После передачи объекта культурного наследия Архангельскому областному краеведческому музею с 2008 г. на территории крепости начали проводиться археологические работы. На данный момент их приоритетной целью является выявление степени сохранности сооружений XVIII – XIX вв. Однако некоторые археологические артефакты, свидетельствующие о быте гарнизона крепости тех лет, также были найдены. Наиболее представительную группу составляют фрагменты керамических изделий. В 95 % случаев (по итогам взвешиваний) это ничем не примечательные горшки из серой или красной глины, иногда имеющей черное лощение (для XVIII в.) или поливное покрытие (для XIX в.). Эти типы сосудов интерпретируются как «кухонные», то есть, использовавшиеся для приготовления пищи. Однако встречается и более изысканная «столовая посуда», ее фрагменты находили, в основном, рядом с Комендантским и Офицерским корпусами. Это мелкие фрагменты бело глиняной фаянсовой и фарфоровой (для XIX в.) посуды, некоторые расписаны узорами из голубой и коричневой краски. Представительное количество одинаково раскрашенных фрагментов от посуды разного типа и размера свидетельствует о том, что в домах у офицеров стояли целые сервизы из расписной посуды. Характерным свидетелем петровских преобразований являются находки большого числа обломков голландских и английских курительных трубок. В широкие слои населения курение табака проникло именно благодаря его широкому распространению в солдатской и матросской среде. По сохранившимся на них клеймам и надписям производителей они датируются первой половиной XVIII в.

Другие категории находок встречаются гораздо реже. Это пуговицы и ременная фурнитура (причем гражданских образцов, так как военная после окончания срока службы сдавалась на склад и потом продавалась насе-

лению), предметы личной гигиены (костяные и деревянные гребни, копоушка), монеты XVIII – первой половины XIX вв. Интересны несколько найденных в последние годы медных монет мелкого номинала 1718 – 1720 гг. По размеру и весу они сильно уступают монетам стандартной чеканки того периода; при этом монеты не обрубались, а уже штамповались на 40 – 60 % легче оригинала. Представляется, что такие монеты чеканились специально для выдачи жалования солдатам на фоне сильного экономического кризиса, охватившего страну за долгие годы продолжающейся Северной войны. Характерной особенностью гарнизонной жизни в Новодвинской крепости являлся рацион ее защитников. В губернии основным видом мяса, потребляемого населением, была говядина коров мясомолочной Холмогорской породы. Она же и продавалась на рынках. На топком острове в дельте Северной Двины, по большей части состоявшем из лесов и болот, коров в массовом количестве стали разводить только в советское время. В слоях строительства и функционирования крепости встречаются только кости свиней, мясом которых питались ее защитники. Свинья осталась основным мясным животным в этих местах и после ликвидации крепости: на фотографиях начала XX в. видно, как потомки гарнизонных солдат превратили проемы ворот в загоны для их содержания. Больше, чем свиных костей, при раскопках памятника попадает только рыбных позвонков, что неудивительно: неглубокие заводы, речные протоки, а в последнее время и ров самой крепости является местом прохода и нереста многих видов речной рыбы.

Таким образом, можно констатировать, что гарнизон Новодвинской крепости с начала XVIII по середину XIX столетия являлся неотъемлемой частью гарнизонных частей разных ведомств, дислоцированных на территории Архангельской губернии. Из-за близости города и специфики местности только меньшая часть из находившихся в крепости военнослужащих составляла постоянный гарнизон; большая его часть постоянно тасовалась. Это не являлось серьезной проблемой, так как ротация была плановой и происходила внутри местных частей. В отличие от других крепостей Архангельского Севера, служба в Новодвинской крепости была менее тяжелой и более размеренной, о чем свидетельствует большой процент солдат с семьями и детьми. Так как по большей части гарнизон формировался из местного населения, в близкорасположенном Архангельске и окрестных территориях проживали как семьи военнослужащих, так и их родственники. Меньшая часть солдат с семьями жила рядом с самой крепостью – на ее форштадте. Так как за полтора столетия местность стала обжитой, то некоторые из них остались жить на острове и после закрытия крепости.

Критика

Николаев А.Б.

**Отзыв ведущей организации на диссертацию А.В. Арановича
«Интендантское снабжение русской армии во второй
половине XIX – начале XX века», представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история¹**

Диссертационное исследование Алексея Владимировича Арановича посвящено практически неизученной теме. Именно поэтому оно является актуальным, носит новационный характер и открывает новое направление научных исследований в области Отечественной истории. Актуальность исследования поддерживается также дальнейшим реформированием Вооруженных сил Российской Федерации и системы их снабжения. Опыт функционирования Интендантства в 1864 – 1918 гг. может послужить сегодняшним реформаторам своеобразным руководством для более успешного преобразования всей службы снабжения ВС РФ.

Диссертация основана на широком круге источников. Автор привлек документы и материалы четырех архивов – РГА ВМФ, РГВИА, РГИА, а также Исторического архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Многие из этих документов ранее исследователями не привлекались. Подчеркнем здесь же, что, как правило, исследователи не часто используют материалы, хранящиеся в Историческом архиве Музея артиллерии. Отметим, что Алексей Владимирович использовал также опубликованные ранее документы делопроизводственного характера. Всего им было привлечено 88 таких публикаций. Диссертант не обошел своим вниманием и мемуары участников военных событий изучаемого им периода. Впечатляет круг справочных изданий, сведения которых широко представлены на страницах диссертации А.В. Арановича (31 наименование). Автор хорошо знаком с научной литературой, имеющей отношение к теме исследования. Он использовал при написании диссертации более 100 монографий и статей.

В историографической части исследования достаточно полно представлена научная литература, авторы которой в большей или меньшей степени касались вопросов, затрагиваемых в диссертации. Можно согласиться

¹ Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... д. ист. н.: 07.00.02. СПб., 2006. 482 с.

с А.В. Арановичем, что специальных работ по теме его докторской диссертации в отечественной историографии нет.

В работе дан обстоятельный обзор источников. Отметим, что А.В. Аранович достаточно широко использует для раскрытия темы своей диссертации приказы по Военному ведомству. Он совершенно справедливо указывает, что «строгой методики» работы с приказами не существует и, в свою очередь, предлагает собственную методику работы с ними. Здесь же Аранович обращает внимание на особенности приказов, которые в ряде случаев могут являться целым комплексом источников (с. 39 – 41). Весьма ценные источниковедческие наблюдения диссертанта касаются многотомного «Сборника материалов» (97 выпусков, 112 книг), посвященного истории русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Аранович, проанализировав это издание, пишет, что «сборник выходил в свет по мере готовности документов к публикации», но «достаточно четкого плана, предшествующего этой работе не было». Это и привело к тому, что «содержательный критерий построения всего издания выдержан слабо, в нем нет отчетливых тематических группировок». В результате, «выпуски, содержащие документы боевых действий, перемежаются томами, касающимися инженерного дела либо интендантского обеспечения», нарушен хронологический принцип подбора и публикации документов». Аранович предлагает свой метод работы с этим изданием, опираясь на тематический принцип. Нельзя не отметить и наблюдение соискателя относительно «боевого документа». Речь идет о том, что «значительная часть такого рода документов, особенно журналы боевых действий, фактически были восполнены уже после войны», т.к. непосредственно во время боев «велись неполно и нерегулярно» (с. 45 – 46). Соискатель также отмечает трудность выявления печатных материалов по истории 1-й мировой войны, т.к. многие из них не имеют выходных данных. Обзор научной литературы и источников помещен автором в 1-ю главу диссертации.

Структура основного содержания исследования базируется на выделении трех важных для показа деятельности Интендантства периодов – русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.; русско-японской войны 1904 – 1905 гг.; 1-й мировой войны. Каждому из этих периодов в основном посвящена отдельная глава диссертационного исследования.

Глава 2 докторской диссертации (с. 63 – 188) посвящена интендантскому снабжению русской армии во второй половине XIX века. Соискатель не ограничился показом непосредственной деятельности Интендантства в данный период. Совершенно справедливо он начал с реформы интендантского снабжения в 1860 – 1870-е годы. Этому важному для раскрытия темы сюжету Аранович посвятил отдельный параграф (§ 1, с. 63 – 96). Соискатель дает достаточно полную характеристику предметам ведения и

состава Главного интендантского управления, созданного в результате реформы под руководством военного министра Милютин (с. 65 – 72). Здесь же Аранович делает важное замечание о влиянии реформы снабжения, в частности, на обеспечение солдат продовольствием. Он пишет, что «была пересмотрена норма солдатского пайка в сторону его улучшения» (с. 72). Интерес представляет также изложение и анализ содержания «Положения об управлении войсками в военное время» 1876 г., созданного на основе аналогичного «Положения» 1868 г. Соискатель совершенно справедливо подчеркивает, что в «Положении» 1876 г. были даны «основы по организации материального обеспечения действующей армии» (с. 73). В связи с этим, Алексей Владимирович Аранович приводит, ссылаясь на архивные материалы, «четыре главных и два второстепенных способа заготовления» (с. 74 – 77). В этом же параграфе присутствует и другой ценный материал по реформированию Интендантства, на основании которого соискатель делает справедливый вывод о том, что реформы Милютина в области интендантского снабжения положительно сказались во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. (с. 95).

§2 и §3 второй главы посвящены деятельности Интендантства во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. (с. 97 – 146; с. 147 – 188). Аранович пишет, что интендантская подготовка к войне предшествовала мобилизации (с. 103). Это весьма важное замечание, но и некоторый запас во времени не снял всех проблем с интендантским снабжением русской армии на Балканском театре военных действий. Второй параграф содержит массу ценных сведений относительно реального положения дел с организацией снабжения русской армии разными видами довольствия. Здесь же соискатель подчеркивает недостаток организационно-правового обеспечения интендантского снабжения: некоторые штаты «Положения о полевом управлении войск» 1876 г. были обнародованы уже после мобилизации (с. 97); «Положение» 1876 г. не предусматривало вопроса о продовольствии в военное время, и, поэтому, как пишет Аранович, «приходилось руководствоваться нормами мирного времени» (с. 115). Во втором параграфе приведены сведения о недостатках в продовольственном, вещевом и др. видах довольствия. Но, как указывает соискатель эти недостатки отчасти были покрыты турецкими запасами, которые оказались в руках русских, а также местными ресурсами территории, на которых проходили военные действия (с. 146). Пожалуй, наибольший интерес представляет содержание третьего параграфа второй главы, где, в частности, содержатся оценочные суждения по вопросу о деятельности Интендантства в годы русско-турецкой войны. А.В. Аранович приходит к выводу о том, что «в войну 1877–1878 гг. главная задача интендантства – продовольствие – фактически не была им решена, а вторая по важности забота, т.е. снабжение армии предметами ве-

щего довольствия, была выполнена интендантством без системы» (с. 154). Алексей Владимирович посвятил часть этого параграфа диссертации показу обсуждения итогов военной кампании 1877–1878 гг. и мерам по исправлению недостатков интендантского снабжения, чему и должно было служить «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1890 г. В работе содержится анализ этого «Положения». Соискатель впервые в отечественной историографии выделяет черты этого документа, которые должны были создать организационно-правовую основу нормально (и успешного!) функционирования Интендантства в вопросах снабжения армии разными видами довольствия (с. 187). Среди них, он указывает, в частности, следующие: а) возможность заблаговременной подготовки планов довольствия и введение деятелей пограничного округа мирного времени в состав распорядительных органов полевого управления; б) значительное расширение прав начальников хозяйственных отделов полевого управления при производстве различных операций для довольствия и снабжения войск всем необходимым» и т.д.

Третья глава диссертационного исследования посвящена деятельности Интендантства в период русско-японской войны. В параграфах этой главы приведен уникальный архивный материал, посвященный интендантскому снабжению русской армии. А.В. Аранович обращает особое внимание на выявлении недостатков в устройстве интендантской части и мерах по их устранению (с. 229 – 276). Укажем, что десятки страниц исследования посвящены изложению недостатков в снабжении русской армии. Русско-японская война, как пишет соискатель, поставила вопрос о необходимости реформы в устройстве интендантства. В организационном отношении требовалось осуществление следующего: «1) специализация интендантского ведомства, 2) распределение его личного состава по специальностям службы, 3) увеличение численности личного состава в мирное время» (с. 230). Конечно, ни одна война не обходится без злоупотреблений интендантов. Аранович уделяет этому вопросу некоторое внимание. Он пишет, что «работа по заготовлению предметов довольствия вызывала соблазн у недобросовестных чиновников». В диссертации приведены примеры этой недобросовестности (с. 236 – 244). В отдельный параграф выделена история интендантского снабжения Порт-Артура. Подводя итоги деятельности Интендантства в период русско-японской войны, автор приходит к неутешительному выводу о том, что «интендантская подготовка была неудовлетворительной». В частности, она выразилась в отсутствии не только предварительных расчетов, но даже и «руководящей идеи» (с. 302 – 303).

В четвертой главе диссертации речь идет об интендантском снабжении русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. Первый па-

параграф соискатель посвятил показу структуры Интендантства, которая существовала накануне Первой мировой войны. Здесь же соискатель отмечает в качестве недостатка – отсутствие высококвалифицированных специалистов-интендантов (с. 309). Аранович совершенно справедливо указывает, что система интендантского довольствия тогда представляла собой структуру, в которой «каждым видом довольствия занималось конкретное управление Главного интендантского управления». Именно поэтому дальнейшее изложение деятельности Интендантства дается соискателем по видам довольствия. В этих параграфах содержатся ценные сведения по вещевому, продовольственному и др. видам довольствия. Аранович приводит сведения относительно поставок в армию конкретных видов вещевого довольствия в годы Первой мировой войны и делает ряд важных выводов и наблюдений. В частности, он доказывает, что «лишь незначительное (по сравнению с размерами общих заготовок) количество предметов было заказано за границей». Речь здесь идет о сапогах, седлах, подошвенной коже, сукне (с. 332), 100 тыс. фуфаяк и кальсон, заказанных в 1916 г. в Японии, тогда, как в России, по справедливому замечанию соискателя, в это же время было размещено заказов на 10 млн. фуфаяк и 10 млн кальсон (с. 334). Точно также главным образом в России заготавливалось и снаряжение. Лишь «небольшое количество поясов и патронных сумок было получено из Японии». Аранович приходит к выводу, что потребность армии в теплых вещах была покрыта на 80 – 100% (с. 335), а в обмундировании и снаряжении (с. 336) полностью. В диссертации приведены интересные сведения об интендантском довольствии военно-врачебных заведений, точнее санитарному и медицинскому имуществу, продовольственному и вещевому довольствию больных и раненных. Соискатель приводит данные, говорящие о том, что к началу Первой Мировой войны лазаретного и госпитального довольствия имелось в полном объеме только на четыре месяца (с. 345). Иначе говоря, масштабы военных действий при подготовке к войне учтены не были, что не замедлило сказаться на состоянии военно-медицинской службы уже в первую неделю войны, которое Аранович характеризует как близкое к катастрофическому. Соискатель реконструировал мероприятия власти, направленные на изменения положения в лучшую сторону. Среди них, привлечение к делу организации медицинской помощи в тылу и на театре военных действий земской и муниципальной общест-венности (с. 355). Весьма обстоятельно характеризуется в работе продовольственное довольствие. Приводятся интересные сведения об изготовлении, хранении, снабжении и употреблении мясных консервов (с. 372 – 374), сушеных овощей и др. Аранович подчеркивает, что «система продовольственных поставок в русской армии была строго регламентирована». Соискатель выяснил, что Интендантство, проводя мероприятия по надле-

жащему обеспечению войск, применяло следующий принцип: «войска должны стремиться заготовить все на месте, в предположении, что им ничего не будет подвезено с тыла, Интендантство же, в свою очередь, должно было озаботиться своевременным заготовлением запасов продовольствия для войск, в предположении, что последним не удастся ничего приобрести на месте» (с. 375). Опираясь на данные архивных материалов, Аранович приходит к важному выводу: интендантство в годы Первой мировой войны «в целом справлялось с решением задачи продовольственного обеспечения русской армии с использованием в основном внутреннего потенциала и лишь частично обращаясь к западным экспортерам» (с. 389 – 390). Весьма подробно рассмотрено в диссертации денежное и квартирное довольствие.

В «Заключении» (с. 418 – 427) подводятся основные итоги исследования, сформулированы выводы к работе. В целом, автор успешно решил поставленные перед собой задачи.

Любое исследование не свободно от недостатков, в том числе, и диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Досадным пробелом мы считаем отсутствие в историографической части диссертации анализа работ зарубежных исследователей. Необходимо было на наш взгляд при анализе работ отечественных исследователей разъяснить, какие источники были привлечены ими.

В § 1 второй главы соискатель касается вопроса о реформе полкового хозяйства (с. 64 – 65), проведенной во время министерства Д.А. Милютина. Реформы, кстати, весьма интересной и, на наш взгляд, недостаточно изученной. Говоря о ней, Аранович говорит лишь о проекте нового положения управления полковым хозяйством, кратко характеризует его. Но о том, когда этот проект превратился в закон, какие изменения при этом были внесены в проект, не сообщает. Кстати, в перечне реформ по интендантскому снабжению (с. 64), который соискатель дает в тексте своей диссертации, реформа полкового хозяйства отсутствует. Остается непонятным, какие коррективы были внесены в «Положение об управлении войсками в военное время» 1868 г. при издании нового «Положения» 1876 г., а точнее, непонятно, чем «Положение» 1868 г. отличалось от аналогичного «Положения» 1876 г. (с. 72).

Спорной кажется структура 3-й главы. На наш взгляд, 3-й параграф, где речь идет об интендантском довольствии чинов военного ведомства при обороне Порт-Артура, находится не на своем месте. Он помещен в конец главы, тогда как параграф, содержащий материалы и рассуждения автора о недостатках и мерах, принятых к их устранению, ему предшествует. Эти параграфы необходимо было поменять местами.

На наш взгляд, спорным является включение вопроса о квартирном довольствии в главу, посвященной Первой мировой войне. Дело в том, что

еще в 1912 г. вопрос о квартирном довольствии был изъят из ведения VI квартирного отделения Главного интендантского управления и передан в созданное Главное управление по квартирному довольствию войск. Уместнее было бы об этом изменении сообщить в первом параграфе четвертой главы и больше к квартирному довольствию не возвращаться.

В некоторых случаях автор не указывает инициалов персонажей своего исследования (фон-дер-Лауниц – с. 64; генерал Косоговский, полковник Мадритов, генерал Волков, генерал Надаров – с. 190). Встречается излишнее (по объему) цитирование (с. 111 – 113). Иногда «хромает» стиль и присутствуют недоговоренности. Так, на странице 187 Аранович пишет о «деятелях пограничного округа мирного времени». Не совсем понятно, о ком здесь идет речь (общественные деятели?).

У ведущей организации нет принципиальных возражений по основным положениям диссертационного исследования. Представляемая к защите работа является, на наш взгляд, крупным и самостоятельным трудом, дающим основание оценить его как новаторский, позволяющий приблизиться к объективному пониманию деятельности Интендантства по снабжению Русской армии во второй половине XIX – начале XX века.

Отмеченные недостатки не влияют на высокую оценку проделанной соискателем работы.

Диссертационное исследование А.В. Арановича полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям, а сам соискатель достоин присвоения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Сведения об авторах

(на март 2019 г.)

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Бондарева Вера Викторовна – аспирант кафедры русской истории РГПУ, директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея (Тихвин, Ленинградская обл., Россия);

Бугаев Роман Алексеевич – студент 4 курса ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Бурменский Артем Игоревич – научный сотрудник отдела военной истории Архангельского краеведческого музея, начальник археологической экспедиции отдела (Архангельск, Россия);

Васильев Иван Николаевич – студент 1 курса магистратуры кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Веселов Федор Никитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);

Виноградов Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил МО РФ (Москва, Россия);

Головин Руслан Витальевич – студент 1 курса магистратуры кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского Научного Центра РАН, доцент Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия);

Едовин Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения культуры Архангельской области «Архангельский краеведческий музей» (Архангельск, Россия);

Евдокимов Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород, Россия);

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Кандаурова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и истории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия);

Козлов Денис Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра военной истории России (Москва, Россия);

Козлова Екатерина Александровна – учитель истории и обществознания ГБОУ гимназии № 190 Центрального района г. Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия);

Кондратьев Михаил Александрович – студент 1 курса магистратуры кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Крушевский Виктор Валерьевич – студент 4 курса ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Кузнецов Кирилл Юрьевич – студент 3 курса ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Носов Владимир Александрович – независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);

Омельянчук Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории археологии и краеведения Владимирского университета им. А.Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир, Россия);

Петров Александр Иннокентьевич – аспирант кафедры русской истории ФИСН РГПУ, учитель истории ГБОУ гимназии № 73 «Ломоносовская гимназия» Выборгского района г. Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия);

Розушина Людмила Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб (Санкт-Петербург, Россия);

Смирнова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Смирнова Екатерина Александровна – аспирантка кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Смотрина Маргарита Владимировна, студентка 4 курса ФИСН РГПУ, историческое образование, (Санкт-Петербург, Россия);

Смылова Елена Александровна – студентка 1 курса магистратуры кафедры русской истории ФИСН РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия);

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник СПбИИ РАН, доцент СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (Санкт-Петербург, Россия);

Терентьев Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия);

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Шведова Валерия Владимировна – студентка 1 курса магистратуры кафедры русской истории ФИСН РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Эйльбарт Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ (Санкт-Петербург, Россия);

Якунов Игнат Александрович – студент I курса кафедры музеологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Список основных аббревиатур и сокращений

ВДСРН – Всероссийский Дубровинский Союз русского народа;
В.О. – Васильевский остров;
ВП – военные поселения;
ВПСО – Временное правительство Северной области;
ВПУ – военно-политическое училище;
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет;
ГАВО – Государственный архив Владимирской области;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГБОУ – государственное бюджетное образовательное учреждение;
губ. – губерния;
д. – дом;
ЕКОПО – Еврейский комитет помощи жертвам войны;
ИВСМП – Иваново-Вознесенская Самодержавно-монархическая партия;
КОГ – Копорская оперативная группа;
КРАУНЦ – Камчатская региональная ассоциация Учебно-научный центр;
КУО – Кингисеппский участок обороны;
ЛБТКУКС – Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования комсостава;
ЛДНО – Ленинградская дивизия народного ополчения;
МВД – Министерство внутренних дел;
МФК – Местный флотский комитет;
НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук;
НМРК – Национальный музей Республики Карелия;
НПЛ – Новгородская первая летопись;
НЧЛ – Новгородская четвертая летопись;
ООРФ – Онежская озерно-речная флотилия;
ОПАБ – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон;
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПВЛ – Повесть временных лет;
ПВО – Петроградский военный округ;
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи;
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
ПСС – Полное собрание сочинений;
РАН – Российская академия наук;

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории;
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
РГК – резерв Главного командования;
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
РУДН – Российский университет дружбы народов;
СЕИВК – Собственная его императорского величества канцелярия;
СЗ – Свод законов Российской империи;
СРН – Союз русского народа;
СЮК – Следственно-юридическая комиссия Военного отдела ВЦИК Советов;
ул. – улица;
УЛС – Устюжский летописный свод;
ФИСН – факультет истории и социальных наук;
ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;
ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга;
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЦИК – Центральный исполнительный комитет;
ЦКБФ, Центробалт – Центральный комитет Балтийского флота;
ЦОК – Центральный обывательский комитет;
ШСРПЛ – Шуйский Союз русских православных людей;
NARA – National Archives and Records Administration (Национальное управление архивов и документации США).

Содержание

Предисловие	3
Военная история России	4
Едовин А.Г. Двинские войны 1323 – 1417 гг.	4
Кандаурова Т.Н. Российская военно-поселенная организация как фактор развития социокультурного пространства.....	19
Фруменкова Т.Г. Благотворительные больницы императрицы Марии Федоровны и Отечественная война 1812 г.	31
Рогушина Л.Г. Государственная и общественная помощь нижним чинам и их семьям в первой половине XIX в.	42
Головин Р.В. Санкт-Петербургская палата государственных имуществ и военные ведомства: из опыта взаимодействия в 1830 – 1840-х гг.	46
Смыслова Е.А. Организация помощи гражданскому населению, пострадавшему в ходе Крымской войны, на юге России	50
Смотрина М.В. Второе реальное училище во время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.	55
Сорокин А.А. Вопрос о реформе деревни в 1904 – 1905 гг. (По материалам Нижегородской губернии)	58
Виноградов С.Е. Инновационные приоритеты первой в мире дизельной подводной лодки «Минога»	62
Евдокимов А.В. Конфликты генерала В.А. Сухомлинова с представителями военной элиты по вопросам военного реформирования накануне и в годы Первой мировой войны	70
Смирнова Е.А. Профессорская корпорация Императорского Петроградского университета в Первой мировой войне по протоколам Совета.....	77
Омельянчук И.В. Деятельность монархических организаций Владимирской губернии по оказанию помощи фронту в годы Первой мировой войны	82
Смирнова А.М. Патриотические и пацифистские взгляды петербургской интеллигенции в начале Первой мировой войны	90
Васильев И.Н. Польские беженцы и «квартирный вопрос» в переписке А.Б. Нейдгардта с Центральным обывательским комитетом и органами	

местного самоуправления Царства Польского (октябрь 1914 – январь 1915 гг.)	100
Бондарева В.В. Боевой путь 431-го пехотного Тихвинского полка в Брусиловском прорыве	106
Златина М.А. Обсуждение «Наказа Главноуполномоченным тыла» на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (сентябрь – октябрь 1915 г.)	112
Крушевский В.В. Резерв Петроградской столичной полиции в 1915 году: состав и деятельность.	119
Румянцев А.Г. Преступность в Петрограде в 1915: предварительные итоги изучения по отчетам полиции	125
Кондратьев М.А. К вопросу о составе Ревизионной комиссии общественного управления города Петрограда в годы Первой мировой войны (февраль – октябрь 1917 г.)	142
Николаев А.Б. Прапорщик Г.Е. Наджаров – комендант-растратчик (1917)	150
Тарасов К.А. Совещание при главнокомандующем Петроградского военного округа в 1917 г.: из истории борьбы за власть над армией.	159
Петров А.И. Думские и советские представители на I съезде военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта (7 – 17 апреля 1917 г., Минск).....	174
Шведова В.В. Милиционеры Василеостровского района против солдатских преступлений в сентябре – октябре 1917 года	184
Бажанов Д.А. Комитетское собрание (отделение) при штабе командующего флотом Балтийского моря и его роль в изменении управления флотом (март – апрель 1917 г.).....	191
Козлова Е.А. Роль Местного флотского комитета Ревеля в поддержании порядка на судах и в частях крепости Императора Петра Великого (март – октябрь 1917 г.)	200
Бугаев Р.А. Комиссары Центробалта и формирование боевых подразделений для участия в Октябрьском вооруженном восстании (на материалах 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота)	212
Захаров А.М. «Мы все глядим в Наполеоны...»: генерал Р. Гайда и проблема установления военной диктатуры в Сибири осенью 1918 г.	217
Кузнецов К.Ю. Зарубежный опыт в советском танкостроении на рубеже 1920 – 1930-х гг. (деятельность Э. Гроте в СССР).....	225

Дубровская Е.Ю. Из истории Онежской озерно-речной флотилии (к 100-летию кампаний 1919 года).....	230
Терентьев В.О. Бои на Копорском направлении. 806-й стрелковый полк 2-й Ленинградской дивизии народного ополчения (Московского района).....	246
Носов В.А. Участие СССР в Корейской войне и его результаты	265
Историография	270
Козлов Д.Ю. Современная отечественная историография Российского флота периода Первой мировой войны: проблемы и перспективы	270
Источники.....	283
Эйльбарт Н.В. Герои Смутного времени в картинах русских художников XIX века	283
Музееведение	287
Веселов Ф.Н., Якупов И.А. Формирование коллекций музейного значения, посвященных Отечественной войне 1812 г. в первой половине XIX в.....	287
Археологические исследования	298
Бурменский А.И. Гарнизон Новодвинской крепости по данным исторических источников и археологических исследований 2008 – 2018 гг.	298
Критика.....	305
Николаев А.Б. Отзыв ведущей организации на диссертацию А.В. Арановича «Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.....	305
Сведения об авторах	311
Список основных аббревиатур и сокращений.....	314
Содержание	316

**Петербургские
военно-исторические чтения**

Сборник научных статей

Напечатано с оригинал макета, предоставленного авторами.
Компьютерная верстка К.К. Билеуш

Подписано в печать 20.07.2020. Формат 60x84 1/16. 20 усл. п.л.
Тираж 100 экз. Печать офсетная. Заказ №169 к

Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.
Типография РГПУ им. А.И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.